

Вестник Российского университета дружбы народов.

Серия: ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

2025 Том 29 № 1

DOI: 10.22363/2313-2337-2025-29-1

<http://journals.rudn.ru/law>

Научный журнал

Издается с 1997 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ No ФС 77-61218 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Главный редактор

Ястребов Олег Александрович,

доктор юридических наук, профессор,

РУДН, г. Москва,

Российская Федерация.

Руководство производством журнала, техническое и организационное

обеспечение, формирование редакционной политики, взаимодействие и контакты

с партнерами и официальными структурами.

E-mail: yastrebov-oa@rudn.ru

Заместитель главного редактора

Власенко Николай Александрович,

доктор юридических наук,

профессор, РУДН, г. Москва,

Российская Федерация.

Научная политика, организация

отбора статей, качество

публикуемых материалов,

формирование выпусков.

E-mail: vlasenko-na@rudn.ru

Ответственный секретарь

Андреева Полина Николаевна,

кандидат юридических наук,

РУДН, г. Москва,

Российская Федерация.

Переписка с авторами,

документооборот журнала,

информационная инфраструктура

журнала, организация

рецензирования материалов.

E-mail: andreeva-pn@rudn.ru

Члены редакционной коллегии

Абашидзе Аслан Хусейнович, доктор юридических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация

Байдельдинов Даулет Лаикович, доктор юридических наук, профессор, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан

Бекбаев Ерзат Зейнуллаевич, доктор юридических наук, профессор, Евразийская юридическая академия им. Д.А. Кунаева Республики Казахстан, г. Алматы, Республика Казахстан

Варламова Наталия Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация

Васильева Татьяна Андреевна, доктор юридических наук, доцент, Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация

Габов Андрей Владимирович, доктор юридических наук, член-корреспондент РАН, Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация

Гамбарян Артур Сиреканович, доктор юридических наук, профессор, Российско-Армянский университет, г. Ереван, Армения

Джасансарова Рима Еренатовна, доктор юридических наук, профессор, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан

Еремян Виталий Владимирович, доктор юридических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация

Клишас Андрей Александрович, доктор юридических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация

Либенберг Сандра, доктор права, профессор, Стелленбосский университет, г. Стелленбос, Южно-Африканская Республика

Нематов Акмал Рауфджонович, доктор юридических наук, доцент, Национальная академия наук Таджикистана, г. Душанбе, Республика Таджикистан

Немытина Марина Викторовна, доктор юридических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация

Панагиотопулос Димитриос, доктор права, профессор, Афинский университет, г. Афины, Греция

Почекаев Роман Юлианович, кандидат юридических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Пьетробон Алессандра, доктор юридических наук, профессор, Падуанский университет, г. Падуя, Италия

Робинсон Николас, доктор юридических наук, профессор, Университет Пейс, Нью-Йорк, Соединенные Штаты Америки

Тимошина Елена Владимировна, доктор юридических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Периодичность: ежеквартально

Языки публикаций: русский, английский.

Журнал индексируется в *Russian Science Citation Index (RSCI), ПИИЦ, перечень ВАК, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, Cyberleninka, DOAJ, East View, Dimensions, ResearchBib, Lens, Research4Life, JournalTOCs*

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки» – периодическое научное издание, посвященное фундаментальным и отраслевым исследованиям в области права.

В журнале публикуются материалы, отвечающие требованиям научной новизны и актуальности – научные статьи, рецензии на монографии и учебные издания, обзоры научных мероприятий и законодательства, анонсы новой научной литературы и другое.

Цели и задачи журнала:

- публиковать результаты оригинальных научных исследований по проблемам развития государства и права в современном мире;
- способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными учеными-правоведами, специалистами, включая представителей смежных областей;
- знакомить читателей с новейшими направлениями исследований в области правовой науки как в России, так и за рубежом, их практической реализацией;
- публиковать результаты научных исследований по проблемам междисциплинарного характера, раскрывающих взаимодействие права, экономики, политики, культуры, коммуникаций и др.;
- содействовать изучению особенностей правовых систем различными социокультурными общностями, включая студенческую молодежь.

В журнале публикуются результаты научных исследований по широкому спектру правовых проблем, в том числе по тематикам, соответствующим специальностям ВАК РФ: 5.1.1. теоретико-исторические правовые науки; 5.1.2. публично-правовые (государственно-правовые) науки; 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки; 5.1.4. Уголовно-правовые науки; 5.1.5. Международно-правовые науки (юридические науки).

Материалы основаны на современной методологии юридической науки, содержат доктринальные подходы, отражают новейшие тенденции в законодательстве и правоприменительной практике России и зарубежных стран, международном правовом регулировании. Политика журнала базируется на соблюдении норм научной этики.

Материалы для опубликования принимаются через онлайн-систему: <http://journals.rudn.ru/law/about/submissions#onlineSubmissions>

Требования к публикуемым материалам, правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/law>

Редакторы И.А. Гроник, К.В. Зенкин
Редактор-переводчик В.В. Степанова
Компьютерная верстка Н.А. Ясько

Адрес редакции:

115419, Российская Федерация, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:

117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
Тел.: +7 (495) 434-22-12; e-mail: lawj@rudn.ru

Подписано в печать 20.02.2025. Выход в свет 15.03.2025. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 25,20. Тираж 500 экз. Заказ 75. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН)

117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Российская Федерация, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

RUDN JOURNAL OF LAW

2025 VOLUME 29 No. 1

DOI: 10.22363/2313-2337-2025-29-1

<http://journals.rudn.ru/law>

Founded in 1997

**Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA
NAMED AFTER PATRICE LUMUMBA**

Editor-in-Chief

Oleg A. Yastrebov,

Doctor of Legal Sciences, Professor;
RUDN University, Moscow,
Russian Federation.

Journal production management,
technical and organisational support,
formation of editorial policy,
engagement and communication with
partners and official structures.

E-mail: yastrebov-oa@rudn.ru

Deputy Editor-in-Chief

Nikolay A. Vlasenko,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
RUDN University, Moscow,
Russian Federation.

Scientific policy, organisation
of articles selection,
quality of published materials,
formation of issues.

E-mail: vlasenko-na@rudn.ru

Executive Secretary

Polina N. Andreeva,

Candidate of Legal Sciences,
RUDN University, Moscow,
Russian Federation.

Journal records management,
document circulation, information
infrastructure of the journal,
organization of reviewing materials.

E-mail: andreeva-pn@rudn.ru

Editorial Board

Aslan Kh. Abashidze, Doctor of Legal Sciences, Full Professor, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Daulet L. Baideldinov, Doctor of Legal Sciences, Full Professor, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan

Erzat Z. Bekbaev, Doctor of Legal Sciences, Full Professor, Eurasian Law Academy named after D.A. Kunayev, Almaty, Republic of Kazakhstan

Natalia V. Varlamova, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Tatiana A. Vasilyeva, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Andrey V. Gabov, Doctor of Legal Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Artur S. Gambaryan, Doctor of Legal Sciences, Full Professor, Russian-Armenian University, Yerevan, Republic of Armenia

Rima Y. Dzhanarayeva, Doctor of Legal Sciences, Full Professor, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan

Vitaly V. Yeremyan, Doctor of Legal Sciences, Full Professor, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Andrey A. Kliskas, Doctor of Legal Sciences, Full Professor, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Sandra Liebenberg, LL.D. (Witwatersrand), Professor, Stellenbosch University, Stellenbosch, South Africa

Akmal R. Nematov, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, National Academy of Sciences of Tajikistan, Dushanbe, Tajikistan

Marina V. Nemytina, Doctor of Legal Sciences, Full Professor, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Dimitrios Panagiotopoulos, Doctor of Law, Professor, University of Athens, Athens, Greece

Roman Yu. Pochekaev, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, National Research University Higher School of Economics in Saint Petersburg, Saint Petersburg, Russian Federation

Alessandra Pietrobbon, PhD in Law, Full Professor, University of Padova, Padova, Italy

Nicholas A. Robinson, S.J.D., Professor, Pace University, New York, USA

Elena V. Timoshina, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

RUDN JOURNAL OF LAW
Published by the RUDN University, Moscow, Russia

ISSN 2313-2337 (Print), ISSN 2408-9001 (Online)

Frequency: Quarterly

Publication languages: Russian, English

The Journal is indexed: *Russian Index of Science Citation, RSCI, DOAJ, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, Dimensions, ResearchBib, Lens, Research4Life, JournalTOCs*

Aims and Scope

RUDN Journal of Law is a scientific periodical devoted to fundamental and sectoral studies in the field of law.

RUDN Journal of Law publishes materials that meet the requirements of scientific novelty and relevance – scientific articles, reviews on monographs and educational publications, reviews on scientific events and legislation, announcements of new scientific literature, and others.

The goals and objectives of the journal are as follows:

- to publish the results of original scientific research on the development of state and law in the modern world,
- to promote scientific exchange and cooperation between Russian and foreign legal scholars and specialists, including representatives of related fields,
- to acquaint readers with the latest areas of research in the field of legal science, including their practical implementation, both in Russia and abroad,
- to publish the results of scientific research on interdisciplinary issues that reveal the interaction of law, economics, politics, culture, communications, etc.,
- to promote the study of legal systems peculiarities by various socio-cultural communities, including student youth.

The materials shall be based on modern methodology of legal science, contain doctrinal approaches, reflect the latest trends in legislation and law enforcement practice in Russia and foreign countries, as well as international legal regulation. The policy of the journal is built upon compliance with the norms of scientific ethics.

The submission of the manuscripts is operated through an online system: <http://journals.rudn.ru/law/about/submissions#onlineSubmissions>.

The submission requirements, instructions regarding manuscripts, archive and additional information are available on the website of the journal: <http://journals.rudn.ru/law>.

Editors *I.A. Gronik, K.V. Zenkin*

Editor-translator *V.V. Stepanova*

Computer design *N.A. Yasko*

Address of the Editorial Board:

3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russian Federation

Ph.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board:

6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation

Ph.: +7 (495) 434-22-12; e-mail: lawj@pfur.ru

Printing run 500 copies. Non-fixed price.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russian Federation

Ph.: +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Елифанов А.Е., Мун В.А. Установление отцовства в истории советского права	7
Горбунов М.Д. Англо-американский правовой позитивизм: этапы становления и развития	21
Пестов М.М. Формирование арендного обязательства в доклассическом римском праве.....	38
Корсаков К.В. Особенности развития института уголовного наказания в древней и средневековой Руси X–XVII вв.: социально-правовой разрез	54
Батиев Л.В. Введение Городового положения 11 июня 1892 г.: по материалам заштатного южнороссийского города Нахичевани-на-Дону	68
Скобников П.А. Новация Уголовного уложения 1903 г.: посягательство на предмет несуществующий или очевидно негодный в качестве обстоятельства непреступности деяния	85
Почекаев Р.Ю. Традиционный казахский суд на страницах русской прессы конца XIX – начала XX в.	103
Краевский А.А. Между холизмом и реализмом: две теории юридических коллизий Г. Кельзена	117

К 80-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ НАД ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИЕЙ. УЧЕНЫЕ-ПРАВОВЕДЫ – ФРОНТОВИКИ

Марочкин С.Ю., Лазутин Л.А. Становление и развитие доктринальных основ послевоенного международного права: личность и разработки Д.Д. Остапенко.	135
Васильев А.А., Боловнев М.А. Роль правосудия в формировании исторической памяти	153
Ли Яо. Развитие китайского законодательства в 1920–1940-е годы под влиянием советской политико-правовой теории	171

ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО И ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

Колобов Р.Ю. Совершенствование природоохранного законодательства в связи с выполнением международных обязательств Российской Федерации	186
--	-----

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО. ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР

Ястребов О.А., Смирнова С.А., Мозгов М.В. Оплата судебной экспертизы в гражданском и арбитражном процессе: от позиции Конституционного Суда РФ к изменениям в процессуальное законодательство	205
---	-----

ПРАВО И ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Иванский В.П. Правовая сущность информации в условиях использования цифровых технологий	221
Лебедева Д.А. Компаративный анализ: надлежащие практики защиты данных в здравоохранении России и за рубежом	235
Боков Ю.А., Миронова С.М., Ситников М.С. Финансовая грамотность цифровых граждан в метавселенных: фантастика или недалекое будущее?	255

РЕЦЕНЗИИ. НАУЧНЫЕ ФОРУМЫ

Русакова Е.П., Фролова Е.Е. Сравнительно-правовые аспекты правоотношений гражданского оборота в современном мире: обзор Международного научного юридического форума памяти В.К. Пучинского, 18 октября 2024 г.	280
---	-----

CONTENTS

HISTORICAL AND LEGAL RESEARCH

Alexander Y. Epifanov, Victoria A. Mun. Establishing paternity in the history of Soviet law	7
Maxim D. Gorbunov. Anglo-American legal positivism: Stages of formation and development ...	21
Mikhail M. Pestov. Formation of lease agreement in pre-classical Roman law.....	38
Konstantin V. Korsakov. Features of the development of the institution of criminal punishment in ancient and medieval Russia from 10 th to 17 th centuries: A socio-legal perspective	54
Levon V. Batiev. Implementation of the City Statute on June 11, 1892: based on the materials of the ordinary South Russian city of Nakhchivan-na-Donu.	68
Petr A. Skoblikov. Amendment of the Criminal Code of the Russian Empire of 1903: Encroachment on a non-existent or clearly unsuitable object as a circumstance excluding criminal liability	85
Roman Yu. Pochekaev. Traditional Kazakh court in the pages of the Russian press of the late 19 th to early 20 th century	103
Arseny A. Kraevsky. Between holism and realism: H. Kelsen’s two theories of legal conflicts	117

TO THE 80TH ANNIVERSARY OF THE VICTORY OVER FASCIST GERMANY. CONTRIBUTIONS FROM FRONT-WIDE LEGAL SCIENTISTS

Sergey Yu. Marochkin, Lev A. Development of the doctrinal foundations of post-war international law: The contributions of D.D. Ostapenko.	135
Anton A. Vasiliev, Mikhail A. Bolovnev. The role of justice in shaping historical memory	153
Li Yao. Development of Chinese legislation in the 1920s–1940s influenced by Soviet political and legal theory	171

LAND LAW AND ENVIRONMENTAL LAW

Roman Y. Kolobov. Strengthening environmental legislation in accordance with Russia’s international obligations	186
--	-----

PROCEDURAL LAW. PROSECUTOR SUPERVISION

Oleg A. Yastrebov, Svetlana A. Smirnova, Maxim V. Mozgov. Forensic Expertise Payment in Civil and Commercial Courts: Constitutional Court Perspectives and Legislative Updates	205
---	-----

LAW AND DIGITAL TECHNOLOGY

Valeriy P. Ivanskiy. The legal nature of information in the context of digital technologies	221
Diana A. Lebedeva. Comparative analysis of effective data protection practices in healthcare: Russia and international standards.	235
Yuri A. Bokov, Svetlana M. Mironova, Maxim S. Sitnikov. Financial literacy of digital citizens in the metaverse: Reality or fiction?	255

REVIEWS. SCIENTIFIC FORUMS

Ekaterina P. Rusakova, Evgenia E. Frolova. Comparative legal aspects of civil legal relations in the modern world: Review of the International Scientific Legal Forum in memory of V.K. Puchinsky, 18th October 2024	280
---	-----

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

HISTORICAL AND LEGAL RESEARCH

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-1-7-20>
EDN: PNABNW

Научная статья / Research Article

Установление отцовства в истории советского права

А.Е. Епифанов^{1,2} , В.А. Мун³

¹Государственный университет управления, г. Москва, Российская Федерация

²Московский финансово-промышленный университет «Синергия», г. Москва,
Российская Федерация

³Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина
(МГЮА), г. Москва, Российская Федерация
 mvd_djaty@mail.ru

Аннотация. Цель работы – исследование эволюции советского законодательства об установлении отцовства, охватывающее ключевые этапы его формирования и изменения на протяжении XX в., а также особенности правоприменительной деятельности судов. Особое внимание уделяется влиянию социальных и идеологических факторов на правовые нормы, регулирующие этот важный аспект семейных отношений. Анализируется, как законодательные инициативы отражали потребности общества и изменяющиеся представления о семье и родительстве. В заключении подчеркивается значение исторического опыта советского права для современного семейного законодательства, а также необходимость дальнейшего анализа правовых норм в контексте современных вызовов и изменений в обществе. Сформулирован вывод о том, что первые законодательные инициативы Советского государства, касающиеся регулирования института отцовства, подчеркивали принцип равенства между детьми, рожденными в браке, и теми, кто появился на свет вне брака, при этом основным критерием для установления отцовства было кровное родство. В середине 1920-х гг. акцент сместился на фактические отношения с женщиной и совместное ведение хозяйства, что стало основанием для признания отцовства в отношении ребенка. Ужесточение контроля государства над репродуктивной функцией женщин в 1930–1940-е гг. было вызвано стремлением восполнить демографические потери и выражалось в запрете аборт, усилении ответственности за злостный неплатеж алиментов, усложнении процедуры развода, запрете судебного установления отцовства. Начиная со второй половины 1950-х гг. советские законы о браке и семье в вопросах установления отцовства воплощали идею волевого фактора взамен биологического или нормативного.

© Епифанов А.Е., Мун В.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: отцовство, детство, семья, брак, «сезонные браки», фактическое сожительство, семейное право, алименты, экспертиза

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: Епифанов А.Е. – общая концепция статьи, введение, выводы, общая редакция; Мун В.А. – основная часть, список литературы.

Поступила в редакцию: 9 ноября 2024 г.

Принята к печати: 15 января 2025 г.

Для цитирования:

Епифанов А.Е., Мун В.А. Установление отцовства в истории советского права // RUDN Journal of Law. 2025. Т. 29. № 1. С. 7–20. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-1-7-20>

Establishing paternity in the history of Soviet law

Alexander Y. Epifanov^{1,2}, Victoria A. Mun³

¹State University of Management, Moscow, Russian Federation

²Moscow Financial and Industrial University “Synergy”, Moscow, Russian Federation

³O.E. Kutafin Moscow State Law University (MGUA), Moscow, Russian Federation

mvd_djaty@mail.ru

Abstract. The purpose of the work is to study the evolution of Soviet legislation regarding the establishment of paternity, covering the key stages of its formation and changes throughout the twentieth century, as well as the specifics of the law enforcement activities by the courts. Special attention is given to the influence of social and ideological factors on the legal norms governing this important aspect of family relations. The article analyzes how legislative initiatives reflected societal needs and changing ideas about family and parenthood. In conclusion, it emphasizes the significance of historical experience of Soviet law for modern family law and highlights the necessity for further analysis of legal norms in light of contemporary challenges and societal changes. It is concluded that the initial legislative initiatives of the Soviet state concerning the regulation of paternity emphasized the principle of equality between children born in marriage and those born out of wedlock, with consanguinity as the main criterion for establishing paternity. In the mid-1920s, the focus shifted to actual relationships with women and joint household management, which became the basis for recognizing paternity concerning a child. The tightening of state control over women’s reproductive function in the 1930s and 1940s was driven by a desire to compensate for demographic losses. This manifested in prohibitions of abortions, increased penalties for malicious non-payment of alimony, complications in divorce procedures, and restrictions on judicial establishment of paternity. From the second half of the 1950s onward, Soviet laws on marriage and family concerning paternity embodied a volitional factor rather than a biological or normative one.

Key words: fatherhood, childhood, family, marriage, “seasonal marriages”, de facto cohabitation, family law, alimony, expertise

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

The authors’ contribution: Epifanov A.E. – general concept of the article, introduction, conclusions and overall editing; Mun V.A. – main body of the article and references.

Received: 09th November 2024

Accepted: 15th January 2025

For citation:

Epifanov, A.E., Mun, V.A. (2025) Establishing paternity in the history of Soviet law. *RUDN Journal of Law*. 29 (1), 7–20. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-1-7-20>

Введение

История развития советского права об установлении отцовства представляет собой многогранный и динамичный процесс, который отражает не только юридические, но и социальные изменения, происходившие в Советском Союзе на протяжении XX в. В условиях быстро меняющегося общества, где идеология и социальные нормы претерпевали значительные трансформации, вопросы, связанные с правами и обязанностями родителей, становились все более актуальными. Установление отцовства как правового института не только определяет юридический статус ребенка, но и формирует основы семейных отношений, влияя на социальные практики и правосознание граждан.

В советской историографии тема отцовства была предметом рассмотрения как один из аспектов оснований возникновения правоотношений между родителями и детьми, однако затруднительно выделить работу, раскрывающую комплексно эволюцию нормативного содержания института отцовства в Советском государстве. Так, можно отметить статьи А.С. Муравьевой «Из истории развития законодательства о судебном установлении отцовства» (Murav'eva, 1973), И.П. Гришина «История развития советского законодательства об установлении отцовства» (Grishin, 1976), В.М. Кошкина «Основания удовлетворения иска об установлении отцовства» (Koshkin, 1976). Юристы в большей степени исследовали актуальные вопросы, проистекавшие из судебной практики.

В зарубежной историографии интерес относительно института отцовства в Советском государстве обуславливался стремлением проанализировать особенности демографической политики СССР в годы Великой Отечественной войны и в послевоенное время (Nakachi, 2006), попыткой осмыслить степень вовлеченности государства в частную жизнь и граждан в общественную сферу (Kawamoto, 2015). Интересным представляется исследование, посвященное изучению правового регулирования презумпции отцовства в советском праве в контексте сравнительно-правового анализа советского и современного российского законодательства (Lekanova, 2022).

В современный период проблемы, связанные с изучением института отцовства, во-первых, в большей степени рассматриваются историками, социологами, психологами, а во-вторых, изучаются с точки зрения различных сторон семейных отношений, в контексте анализа семьи, материнства и детства. Так, различные стороны семьи, включая особенности формирования института отцовства, затрагиваются в работах историков Н.Л. Пушкаревой, Н. Б. Лебиной, Е.А. Вороновой. Большую лепту в изучении темы отцовства внесли социологи (И.С. Кон, Е.А. Здравомыслова, А.А. Темкина и др.). Тема отцовства является предметом изучения и психологов (К.Н. Белогай, Ю.В. Борисенко, И.С. Петронюк и др.).

Между тем анализ исторического пути развития советского права об установлении отцовства посредством историко-правового метода позволит выявить ключевые

тенденции и закономерности, которые не только отражают изменения в правовой системе, но и служат индикаторами социальных изменений. Важным аспектом данного исследования является понимание того, как законодательные инициативы реагировали на вызовы времени и как они формировали правосознание граждан. Указанное обуславливает актуальность исследования.

С самого начала своего существования советское законодательство стремилось учесть интересы всех сторон, вовлеченных в процесс установления отцовства. Нормативные акты, принятые в первые годы Советской власти, отражали революционные изменения в обществе, когда традиционные представления о семье и родительстве подвергались критике и пересмотру. В этот период акцент делался на равенстве прав мужчин и женщин, что отразилось в новых подходах к установлению отцовства и материнства.

С течением времени, в зависимости от политической ситуации и социальных потребностей, законодательство претерпело изменения. В период Великой Отечественной войны отменялось право установления отцовства в отношении детей, родившихся вне зарегистрированного брака. В послевоенные годы, когда акцент сместился на восстановление и укрепление семейных ценностей, нормы, регулирующие установление отцовства, стали более строгими и детализированными. Это было обусловлено необходимостью адаптации правовой системы к новым реалиям, связанным с изменением структуры семьи и увеличением числа неполных семей.

Таким образом, статья направлена на глубокое исследование эволюции советского законодательства об установлении отцовства, его влияния на современное семейное право и выявление уроков, которые могут быть полезны для дальнейшего развития правовых норм в условиях современных социальных изменений.

Установление отцовства в первые годы Советской власти

Правовое регулирование института отцовства сводится к вопросу о том, на каком основании следует устанавливать юридическую связь между ребенком и предполагаемым отцом. Декрет от 18 декабря 1917 г. установил заявительный порядок определения отцовства и материнства: отцом и матерью ребенка считались лица, которые подавали соответствующее заявление. В случае отказа отца признать внебрачного ребенка матери или опекуну предоставлялось право обратиться в суд и доказать отцовство (статья 10)¹. Тем самым впервые было провозглашено право устанавливать отцовство в судебном порядке в случае отказа отца от соответствующего заявления в добровольном порядке.

В основе норм Кодекса законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве, принятый 16 сентября 1918 г. (далее – Кодекс 1918 г.), посвященных вопросам установления отцовства, зияла идея действительного (биологического) происхождения. Нивелировалось различие между родством внебрачным и брачным. В случае если графы о родителях (или об одном из них) были пустыми, то заинтересованные лица могли обратиться в суд для установления отцовства (статья 135). Беременная и не замужняя женщина была вправе обратиться с заявлением в регистрирующий орган с указанием данных об отце еще не родивше-

¹ Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 18.12.1917 г. «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» // СУ РСФСР. 1917. № 11, ст. 160.

гося ребенка. Данное право могло быть реализовано в срок от трех месяцев до родо-разрешения (статьи 49, 140). Если указанный в заявлении отец в течение двух недель не подавал свои возражения, то презюмировалось, что он признавал себя отцом ребенка (статья 141). В противном случае дело рассматривалось в суде в общем порядке, при этом судье надлежало выяснить «естественный ход вещей». Вместе с постановлением о признании лица отцом суды разрешали вопрос не только об алиментах на ребенка, но и об участии его в расходах, вызванных беременностью и предстоящими родами (статья 143)². Таким образом, Кодекс 1918 г. предусматривал *заявительный и судебный порядок* установления отцовства, причем в последнем случае суд стремился установить *биологическое родство*, а при невозможности ответственность возлагалась на всех предполагаемых кровных отцов.

В период перехода к новой экономической политике были заложены основы законодательства о семье в ряде союзных республик, в основном созданного по образцу законодательства РСФСР. Однако не все советские социалистические республики в этот период разработали отдельные семейные кодексы. Например, в Азербайджанской ССР брачно-семейные отношения регулировались через нормы семейного права, которые были интегрированы в Гражданский кодекс 1923 г. в виде специального раздела. В то же время в РСФСР наблюдалось постепенное складывание судебной практики, касающейся применения новых законодательных актов, касающихся брачно-семейных отношений, и стремительное внедрение социалистических норм семейного права и морали в повседневную жизнь. В этот период в действовавшее законодательство были внесены отдельные поправки, основанные на опыте применения Кодекса 1918 г. Примечательно, что судебная практика уже тогда защищала права женщин, находившихся в незарегистрированных браках, тем самым признавая фактические отношения и приравнивая их к зарегистрированным бракам в определенной степени (Boshko, 1952). Во многом такое положение дел обуславливалось распространением так называемых «сезонных браков», когда женщины принимались в хозяйство с условием выполнения обязанностей «временной фактической жены предпринимателя или его сына» на определенный период (сезон) (Murav'eva, 1973).

Как следствие, Кодекс законов о браке, семье и опеке, принятый 19 ноября 1926 г. (далее – Кодекс 1926 г.) в попытке решить данную проблему, предусматривал механизм правовой защиты фактических брачных отношений³. Примечательно, что наряду с поддержкой правовой охраны фактических брачных отношений раздавались голоса, требовавшие не обеспечивать правовой защитой незарегистрированные браки, высказывались предложения ограничить право на алиментирование, утверждалось, что «только дети, рожденные от родителей, состоящих в зарегистрированном браке, могут пользоваться защитой со стороны государства» (Grishin I.P., 1976). Таким образом, новый семейный кодекс еще раз подчеркнул ту важную мысль, что семья основана на действительном *кровном происхождении*, без власти отца и без супружеской власти, на началах полного равноправия обоих родителей и супругов» (Brandenburgskii, 1928).

Кодекс 1926 г. сохранил за матерью право обратиться в соответствующий регистрирующий орган, указав данные об отце ребенка, только теперь без ограничения

² Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве (принят ВЦИК 16.09.1918) // СУ РСФСР. 1918. № 76–77, ст. 818.

³ Постановление ВЦИК от 19.11.1926 г. «О введении в действие Кодекса законов о браке, семье и опеке» (вместе с Кодексом) // СУ РСФСР. 1926. № 82, ст. 612.

срока (статья 28). Указанный в таком заявлении отец мог оспорить отцовство в течение одного года (статья 29). При наличии нескольких ответчиков по делам об установлении отцовства суду надлежало признать одного из них отцом ребенка (статьи 30, 32).

При этом в инструктивном письме Верховного суда РСФСР обращалось внимание судов на то, что, разрешая дела, связанные с установлением отцовства, ошибкой является принятие судом заявления об отказе от иска по тем основаниям, что «истца иск не доказала». Суды должны были принимать во внимание, что зачастую обращающиеся за судебной защитой женщины были «малограмотные или не грамотные». С другой стороны, наряду с неосновательными отказами в установлении отцовства некоторые суды, напротив удовлетворяли иски при полном отсутствии доказательств, ссылаясь при этом на необходимость содержать ребенка. Учитывая неоднозначную судебную практику и сложности, возникавшие на практике, Верховный суд РСФСР акцентировал внимание на том, что суды обязаны проявлять активность и оказывать помощь сторонам в поиске необходимых доказательств. При анализе доказательств по искам о признании отцовства было необходимо детально исследовать ряд факторов, таких как совместное проживание, демонстрация брачных отношений в присутствии посторонних и предоставление финансовой помощи. Судебная практика показывала, что некоторые суды, устанавливая отцовство, особенно в случае его оспаривания, прибегали к анализу интимных аспектов семейной жизни. Верховный суд РСФСР отметил, что такие действия напоминают унижительные обычаи дореволюционного времени, сопровождающиеся ложными свидетельствами и скандальными бракоразводными процессами. Наконец, судебным инстанциям было разъяснено, что при рассмотрении дел данной категории необходимо стремиться к всестороннему выяснению обстоятельств, чтобы обеспечить уверенность в правильности вынесенного решения⁴.

Изменения в нормативном регулировании института отцовства в 1930–1940-х гг.

1930-е гг. ознаменовывались кардинальной сменой государственной демографической политики, согласно которой отныне вопрос деторождения ставился под контроль государства. С 1936 г. проводилась государственная политика, запрещающая аборт, усиливалась ответственность за злостный неплатеж алиментов, усложнялась процедура развода⁵. Дальнейшее ужесточение контроля государства над репродуктивной функцией женщин было вызвано стремлением восполнить послевоенные демографические потери.

В Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 15 ноября 1939 г. отмечались недостатки в рассмотрении дел об установлении отцовства. Помимо частых процессуальных ошибок при проведении досудебной подготовки дел и неверной оценке судами доказательств отмечалось, что в случае, если принятыми судом

⁴ Сборник разъяснений Верховного суда РСФСР. М., 1935, С. 136–145.

⁵ Постановление ЦИК СССР № 65, СНК СССР № 1134 от 27.06.1936 г. «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах» // СЗ СССР. 1936. № 34, ст. 309.

мерами место нахождения ответчика не могло быть установлено, суд должен был вынести постановление о производстве розыска ответчика⁶.

Однако даже в случаях, когда розыск объявлялся, как показывала практика, исполнение данного постановления было зачастую неэффективным. Администрации предприятий и организаций не всегда выполнялись требования закона об удержании алиментов на основании отметок в паспортах «Обязан к уплате алиментов», осужденных за злостное уклонение от уплаты алиментов, а также о своевременном сообщении об увольняемых плательщиках алиментов и пересылке исполнительных листов. Допускались серьезные недостатки и в работе органов внутренних дел, которые не принимали необходимых мер для улучшения работы по розыску лиц, уклонявшихся от уплаты алиментов и организации их точного учета. Органы прокуратуры недостаточно осуществляли надзор за точным выполнением постановлений о розыске⁷.

Мужчина и женщина, проживавшие совместно без регистрации брака до издания Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. (далее – Указ от 8 июля 1944 г.), могли оформить свои отношения путем последующей регистрации брака с указанием срока фактической совместной жизни. Признание юридических последствий в суде между мужчиной и женщиной, не зарегистрировавших брак, допускалось только в виде исключения, например, вследствие смерти или пропажи без вести на фронте одного из супругов. Если же лица начали фактические брачные отношения после принятия данного указа, то они не могли быть признаны супругами. Правовые последствия для такого сожительства наступали только в случае последующей регистрации брака и соответственно с момента регистрации брака⁸. Таким образом, основанием возникновения отцовства являлось *вступление в брак* родителей ребенка до признания отцовства.

Указ от 8 июля 1944 г., имевший целевую направленность на укрепление семьи, поощрение материнства и увеличение численности населения Советского Союза, отменил как регистрационное, так и существовавшее право обращения матери в суд с иском об установлении отцовства в отношении ребенка, родившегося от незарегистрированного брака. До принятия указа фактический отец ребенка определялся без учета его официального брачного статуса с матерью, поэтому суды не рассматривали вопрос о наличии зарегистрированного брака между родителями. Суды рассматривали лишь вопрос о действительном происхождении ребенка (Grave, Pergament & Mal'sman, 1950). В то же время, делая основной упор исключительно на зарегистрированные браки одинокой женщине, не имеющей мужа, предоставлялись те же права на материальную помощь со стороны государства и почет, что и матери, состоявшей в зарегистрированном браке (Golyakova, 1948).

Указ Президиума Верховного Совета ССР от 14 марта 1945 г. предусматривал, что отцовство могло быть признано и в отношении внебрачных детей, при условии,

⁶ Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 15.11.1939 г. «О судебной практике по делам о признании отцовства и о взыскании средств на содержание детей» // Сборник действующих постановлений пленума и директивных писем Верховного Суда СССР. 1924–1944 гг. / под ред. И.Т. Голякова. М. : Юрид. изд-во, 1946 (тип. изд-ва «Моск. рабочий»). С. 157–161.

⁷ ГАРФ. Ф. А385. Оп. 26. Д. 438. Л. 3.

⁸ Указ Президиума ВС СССР от 08.07.1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства» // Ведомости ВС СССР. 1944. № 37.

что родители вступают в брак до установления отцовства (статья 3)⁹. Таким образом, рассматриваемый Указ установил три ключевых юридических факта, необходимых для возникновения отцовства: 1) наличие кровного родства между отцом и ребенком, 2) зарегистрированный брак между родителями внебрачного ребенка, 3) признание отцовства после вступления в брак с матерью ребенка. Эти условия определяли легитимность отцовства в контексте внебрачных отношений (Salumaa, 1973). После издания Указа от 8 июля 1944 г. дела об установлении отцовства, находившиеся на рассмотрении судебных органов, были приостановлены, а после издания Указа от 14 марта 1945 г. в большем числе случаев имело место прекращение производством этих дел (Pergament, 1949).

Установление отцовства в отношении детей, родившихся после 1 октября 1968 г.

Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье (далее – Основы), введенные в действие с 1 октября 1968 г., предусматривали, что основанием для возникновения брачно-семейных отношений между родителями и детьми является происхождение детей, удостоверенное в установленном порядке. Законодательно устанавливалась как возможность добровольного признания отцовства в регистрирующих органах, так и судебное установление отцовства в отношении детей, рожденных вне брака. Таким образом, были созданы правовые механизмы для легализации отцовства и обеспечения прав детей, независимо от статуса родителей¹⁰.

Согласно статье 16 Основ, установление отцовства в судебном порядке было возможным при выполнении двух условий. Во-первых, необходимо, чтобы ребенок был биологически связан с ответчиком. Во-вторых, должны иметь место одно или несколько обстоятельств, указанных в законе, таких как совместное проживание и ведение общего хозяйства между ответчиком и матерью ребенка до его рождения, а также совместное воспитание или содержание ребенка и другие аналогичные ситуации. Упомянутые обстоятельства играли важную роль, поскольку их наличие обычно свидетельствовало о стабильности отношений между отцом и матерью ребенка. Такие отношения имели признаки семейных, что являлось юридически значимым обстоятельством. В соответствии с общим правилом, закон не предоставлял защиты случайным связям между мужчиной и женщиной, что подчеркивало важность устойчивости и серьезности их взаимодействия.

Если отец ребенка умер и его отцовство не было указано надлежащим образом, то заинтересованные лица могли обратиться в суд только в том случае, если ребенок родился до 1 октября 1968 г., т.е. до вступления в силу Основ (статья 3 Основ). В данной ситуации для установления факта отцовства юридически важным было доказать, что умерший еще при жизни признавал ребенка как своего сына или свою дочь.

⁹ Указ Президиума ВС СССР от 14.03.1945 г. «О порядке применения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 года в отношении детей, родители которых не состоят между собой в зарегистрированном браке» // Ведомости ВС СССР. 1945. № 15.

¹⁰ Закон СССР от 27.06.1968 г. № 2834-VII «Об утверждении Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье» // Ведомости ВС СССР. 1968. № 27, ст. 241.

Таким образом учитывалось публичное проявление фактически сложившихся у сторон супружеских отношений, а не только совместное проживание и ведение хозяйства¹¹.

Практика применения судами и органами записи актов гражданского состояния РСФСР законов о браке и семье за 1970 г. показала, что отцовство в отношении детей устанавливалось в основном в добровольном порядке – по заявлениям родителей в органы записи актов гражданского состояния. Так, по сведениям, полученным от органов записи актов гражданского состояния 20 АССР, краев и областей, в 1969 г. произведено записей актов об установлении отцовства по заявлению родителей в отношении 50 913 детей или 91 % от общего числа актов об установлении отцовства, в 1970 г. в отношении 62 330 детей (93,6 %) и за 9 мес. 1971 г. в отношении 44 396 детей (94 %). В судебном же порядке было установлено отцовство в 1970 г. в отношении 1595, а за 9 месяцев 1971 г. – в отношении 1093 детей. В целом по РСФСР судами в 1970 г. было рассмотрено 9667 дел об установлении отцовства и 8802 дела об установлении факта признания отцовства¹².

При рассмотрении дел об установлении отцовства в суде юридически значимым являлся *устойчивый характер отношений* между матерью и отцом ребенка, даже если ответчик не имел источника дохода и был неплатежеспособен. В этом случае для установления отцовства мог быть принят во внимание факт воспитания им ребенка (Koshkin, 1976).

С другой стороны, для разрешения дел об установлении факта отцовства (в порядке особого производства) закон из числа названных юридических фактов выбрал исключительно «материальный аспект», т. е. факт *содержания ребенка*. «Этого и достаточно, поскольку в совокупности признание умершим отцовства в отношении ребенка и содержание его дают основание предполагать, что если бы фактический отец был жив, то после вступления Основ оформил бы свое отцовство. Но раз есть основания для такого предположения, то вместо не успевшей получить внешнего выражения воли отца может быть принято судебное решение об установлении факта признания отцовства» (Ihsanov & Lyah, 1976).

Подобная позиция поддерживалась юристами, поскольку важным являлось доказывание именно *признания ребенка* предполагаемым отцом, а не кровное родство. Более того, все доказательства с достоверностью, подтверждавшие признание ответчиком отцовства, могли не подтвердить кровного родства, что в свою очередь, приводило бы к вынесению решения, основанного на предположениях о кровной связи (Vaneeva, 1976).

Еще один актуальный вопрос, не находивший разрешения в законе, касался установления в судебном порядке факта признания отцовства лицом, умершим до рождения ребенка. В юридической литературе встречались противоречивые мнения по данному вопросу. Так, одни юристы полагали необходимым устанавливать факт отцовства в случае смерти фактического отца до рождения ребенка. Другие исходили из того, что поскольку ребенок на иждивении предполагаемого отца не находился, об установлении отцовства не могло быть и речи. Некоторые суды так и поступали. Так «Президиум Алма-Атинского городского суда постановлением от 14 ноября 1974 г. отменил решение нарсуда и отказал гражданке Ч. в установлении факта признания отцовства по мотиву, что ребенок Ч. родился после смерти С., следовательно,

¹¹ ГАРФ. Ф. А385. Оп. 26. Д. 330. Л. 16.

¹² ГАРФ. Ф. А385. Оп. 26. Д. 438. Л. 47–48.

не мог находиться на его иждивении, а С. не мог признавать себя отцом этого ребенка» (Ihsanov & Lyah, 1976).

Случаи удовлетворения заявления, когда предполагаемый отец умирал до рождения ребенка, в последующим имели место в Карельской, Мордовской АССР, Курской, Новгородской областях. При этом одной из основных ошибок, допускаемых судами при рассмотрении исков об установлении отцовства, являлось неправильное понимание ими одного из условий, необходимых для признания отцовства – «совместное проживание и ведение общего хозяйства»¹³.

Еще одним аспектом, который привлек внимание юристов, было то, какое основание при установлении отцовства следует считать основным: биологическое родство или фактическое признание отцовства. В этом контексте В.А. Рясенцев отмечал, что действовавшее законодательство допускает возможность признания отцовства даже в случаях, когда лицо осознает, что не является биологическим отцом ребенка. При этом органы ЗАГС не имеют права препятствовать такой записи (Ryasencev, 1971). Я.Р. Веберс высказывал предложение о легитимации добровольного признания отцовства в случаях, когда отсутствует биологическая связь (Vebers, 1968). Аналогичным образом С.Я. Паластина полагала, что «в интересах ребенка целесообразно придать правовое значение добровольному признанию отцовства лицом, заведомо знавшим о происхождении ребенка от другого отца». Противники же подобного подхода исходили из того, что единственным основанием возникновения отцовства должно быть кровное родство, в противном случае имеет место усыновление (Е.М. Белогорская, Е.М. Ворожейкин, А.И. Пергамент) (Palastina, 1973).

Наконец, вопрос о том, вправе ли суд установить факт признания отцовства лицом, умершим до рождения ребенка, был поставлен и перед судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда РСФСР «по делу К. об установлении факта признания отцовства в отношении ребенка, родившегося после смерти отца. Судебная коллегия указала, что отсутствие иждивения само по себе не является основанием для отказа в удовлетворении требования об установлении факта признания отцовства, если возможность иждивения была объективно исключена» (Palastina, 1979). Таким образом, правовой позицией Верховного Суда РСФСР был восполнен законодательный пробел, что в конечном счете привело в последующем к единообразию судебной практики.

Стоит отметить, что роль Верховного суда РСФСР в том числе в вопросах установления отцовства заключалась не только в обеспечении единства судебной практики, но и выполнении «в качестве субъекта управления в области юстиции» ряда организационных управленческих полномочий (Burdina & Fomina, 2022). Так, Прокуратурой РСФСР совместно с Верховным судом РСФСР проводились кустовые учебно-методические семинары начальников отделов по надзору за рассмотрением в судах гражданских дел прокуратур АССР, краев и областей, заместителей председателей Верховных судов АССР, краевых, областных и городских судов по изучению практики применения законодательства о браке и семье¹⁴.

Примечательно, что после вступления в силу Основ обнаружилось, что правом установления отцовства в судебном порядке воспользовалось относительно небольшое число одиноких матерей. Опрос 100 респондентов, проживавших в Минске, позволил получить ответы, согласно которым 15 % женщин проживали одной семьей

¹³ ГАРФ. Ф. А385. Оп. 26. Д. 438. Л. 85

¹⁴ ГАРФ. Ф. А385. Оп. 26. Д. 438. Л. 83.

с отцом ребенка, находясь в фактических отношениях с ним, 35 % женщин стремились к сознательному материнству, 8 % не желало обращаться за судебной защитой вследствие алкоголизма отца ребенка, 20 % женщин суд уже отказал в удовлетворении отцовства, 20 % – ответили, что уже установили отцовство» (Yakovleva, 1979).

Заключение

История развития советского права об установлении отцовства представляет собой яркий пример того, как юридические нормы могут адаптироваться к социальным и культурным изменениям, происходящим в обществе. Анализ ключевых этапов эволюции законодательства показывает, что установление отцовства в Советском Союзе не было статичным процессом, а, напротив, динамично реагировало на вызовы времени, отражая изменения в общественных ценностях, идеологии и семейных структурах.

С начала 1920-х гг., когда акцент делался на равенство прав мужчин и женщин, до послевоенных лет, когда восстановление традиционных семейных ценностей стало приоритетом, законодательство претерпело значительные изменения. Эти трансформации не только обеспечивали защиту прав детей и родителей, но и способствовали формированию нового правосознания, которое учитывало интересы всех участников семейных отношений. Важно отметить, что советское законодательство стремилось не только к юридической регламентации, но и к социализации правовых норм, что способствовало формированию более справедливых и гуманистических подходов к установлению отцовства.

Первые законодательные инициативы Советского государства, касающиеся регулирования института отцовства, подчеркивали принцип равенства между детьми, рожденными в браке, и теми, кто появился на свет вне брака. Это означало, что фактические отношения и зарегистрированный брак рассматривались как равнозначные. До 1926 г. основным критерием для установления отцовства был биологический фактор, т. е. кровное родство, однако после принятия Кодекса 1926 г. акцент сместился на фактические отношения мужчины и женщины и совместное ведение ими хозяйства, что стало основанием для признания отцовства в отношении ребенка.

С 1936 г. проводилась государственная политика, запрещавшая аборт, усиливалась ответственность за злостный неплатеж алиментов, усложнялась процедура развода. Дальнейшее ужесточение контроля государства над репродуктивной функцией женщин было вызвано стремлением восполнить послевоенные демографические потери. В заключение Указом от 8 июля 1944 г. было установлено, что отцовство может быть признано исключительно при наличии официально зарегистрированного брака. Этот нормативный подход к определению отцовства дополнялся запретом для матерей на обращение в суд с исками об установлении отцовства и взыскании алиментов, если ребенок был рожден от мужчины, с которым женщина не состояла в законном браке.

Демократизация брачно-семейного законодательства связана с обновлением брачно-семейного законодательства в 1960-х гг. Отныне установление отцовства было возможно лишь при наличии предусмотренных доказательств, совокупность которых свидетельствовала бы о факте сожителства матери ребенка и предполагаемого отца. Такими доказательствами могли стать письма, анкеты, заявления, в которых мужчина признавал себя отцом ребенка. Примечательно, что на самом деле

это признание могло и не основываться на биологическом родстве. Важным было признание себя отцом ребенка.

В ходе исследования выявлено, что изменения в правовой системе отражали не только внутренние потребности общества, но и внешние факторы, такие как политические и экономические условия. Это подчеркивает важность контекстуального анализа при изучении правовых норм, так как они всегда находятся во взаимодействии с более широкими социальными процессами. Уроки, извлеченные из истории советского права об установлении отцовства, могут быть полезны для современных правоведов и законодателей, стремящихся к созданию более эффективного и справедливого семейного законодательства.

Таким образом, исследование истории советского права об установлении отцовства не только обогащает наше понимание правовой системы прошлого, но и открывает новые горизонты для анализа и реформирования современных норм. В условиях современных изменений в обществе, связанных с глобализацией, миграцией и изменением семейных структур, важно учитывать исторический опыт, чтобы создать правовые механизмы, которые будут отвечать потребностям и интересам всех участников семейных отношений.

References / Список литературы

- Boshko, V.I. (1952). *Essays on Soviet Family Law*. Kiev, Gospolitizdat of the Ukrainian SSR Publ. (in Russian).
Бошко В.И. Очерки советского семейного права. Киев : Госполитиздат УССР, 1952. 372 с.
- Brandenburgskii, Ya.N. (1928) *Course of family and marriage law*. Moscow, Yuridicheskoe izdatel'stvo NKYU RSFSR Publ. (in Russian).
Бранденбургский Я.Н. Курс семейно-брачного права. М. : Юридическое изд-во НКЮ РСФСР, 1928. 145 с.
- Burdina, E.V. & Fomina, L.Yu. (2022) The Supreme Court of the RSFSR as a legal form of supreme judicial power: to the 100th anniversary of the Supreme Court of the Russian Federation. *RUDN Journal of Law*. 26(4), 808–825. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-4-808-825> (in Russian).
Бурдина Е.В., Фомина Л.Ю. Верховный Суд РСФСР как правовая форма верховной судебной власти: к 100-летию Верховного Суда Российской Федерации // *RUDN Journal of Law*. 2022. Т. 26. № 4. С. 808–825. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-4-808-825>
- Golyakov, I.T. (ed.) (1948) *Sovetskoe pravo v period Velikoj Otechestvennoj vojny*. Moscow, Yuridicheskoe izdatel'stvo Ministerstva yusticii SSSR (in Russian).
Советское право в период Великой Отечественной войны: в 2 частях. Ч. 1: Гражданское право. Трудовое право / под ред. И.Т. Голякова. М. : Юридическое изд-во Министерства юстиции СССР, 1948. 432 с.
- Grave, K.A., Pergament, A.I. & Mal'cman, T.B. (1950) *Civil law*. Moscow, State Publishing House of Legal Literature. (in Russian).
Граве К.А., Пергамент А.И., Мальцман Т.Б. Гражданское право. М. : Гос. изд-во юридической литературы. 1950. 256 с.
- Grishin, I.P. (1976) The history of the development of Soviet legislation on the establishment of paternity. *Problems of the state and law*. (12), 174–180. (in Russian).
Гришин И.П. История развития советского законодательства об установлении отцовства // *Проблемы государства и права*. 1976. Вып. 12. С. 174–180.
- Ihsanov, U.K. & Lyah, N.I. (1976) On the judicial establishment of the fact of recognition of paternity in relation to a child born after the death of his actual father. In: *Legal sciences:*

- collection of articles*. Ministry of Higher and Secondary Special Education of the Kazakh SSR, Kazakh State University named after S. M. Kirov. Alma-Ata. (6), pp. 87–97 (in Russian).
- Ихсанов У.К., Лях Н.И. О судебном установлении факта признания отцовства в отношении ребенка, родившегося после смерти своего фактического отца. Юридические науки: сборник статей / Министерство высшего и среднего специального образования Казахской ССР, Казахский государственный университет имени С.М. Кирова. Алма-Ата, 1976. Вып. 6. С. 87–97.
- Kawamoto, K. (2015) Public and Private Matters in Comrades' Courts under Khrushchev. In: Matsui, Y. (eds.). *Obshchestvennost' and Civic Agency in Late Imperial and Soviet Russia*. Palgrave Macmillan, London. pp. 171–197. https://doi.org/10.1057/9781137547231_9
- Koshkin, V.I. (1976) Grounds for satisfying a claim for establishing paternity. *Soviet justice*. (12), 11–12. (in Russian).
- Кошкин В.И. Основания удовлетворения иска об установлении отцовства // Советская юстиция. 1976. № 12. С. 11–12.
- Lekanova, E.E. (2022) The presumption of paternity in the Soviet law. *Bulletin of Yaroslavl State University named after P.G. Demidov. Series: The Humanities*. 16(1), 100–109. <https://doi.org/10.18255/1996-5648-2022-1-100-109> (in Russian).
- Леканова Е.Е. Презумпция отцовства в советском праве // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки. 2022. № 16(1). С. 100–109. <https://doi.org/10.18255/1996-5648-2022-1-100-109>
- Murav'eva, A.S. (1973) From the history of the development of legislation on the judicial establishment of paternity. *Pravovedeniye*. (5), 63–72. (in Russian).
- Муравьева А.С. Из истории развития законодательства о судебном установлении отцовства // Правоведение. 1973. № 5. С. 63–72.
- Nakachi, Mie (2006) N. S. Khrushchev and the 1944 Soviet Family Law: Politics, Reproduction, and Language. *East European Politics and Societies and Cultures*. 20 (1), 40–68. <https://doi.org/10.1177/0888325405284313>
- Palastina, S.Ya. (1973) Grounds for the emergence of parental rights and responsibilities. *Pravovedeniye*. (6), 42–50. (in Russian).
- Паластина С.Я. Основания возникновения родительских прав и обязанностей // Правоведение. 1973. № 6. С. 42–50.
- Palastina, S.Ya. (1979) To the tenth anniversary of the Code on marriage and family of the RSFSR. *Soviet Justice*. (13), 5–7. (in Russian).
- Паластина С.Я. К десятилетию кодекса о браке и семье РСФСР // Советская юстиция. 1979. № 13. С. 5–7.
- Pergament, A.I. (1949) *Practice of the Supreme Court of the USSR on family law*. Moscow, State Publishing House of Legal Literature. (in Russian).
- Пергамент А.И. Практика Верховного Суда СССР по вопросам семейного права. М. : Гос-е изд-во юридической литературы. 1949. 48 с.
- Ryasencev, V.A. (1971) *Family law*. Moscow, Legal literature Publ. (in Russian).
- Рясенцев В.А. Семейное право. М. : Юридическая литература, 1971. 293 с.
- Salumaa, E. (1973) The reasons for the emergence of fatherhood. *Soviet law*. 4 (40), 254–259. (in Russian).
- Салумаа Э. Основания возникновения отцовства // Советское право. 1973. № 4(40). С. 254–259.
- Vaneeva, L.A. (1976) The grounds for the emergence of the rights and duties of the father and their establishment in court. In: Ovchinnikov, I. (ed.). *Legal issues of civil law and procedure: thematic collection*. Vladivostok, Far Eastern State University. pp. 61–77. (in Russian).
- Ванеева Л.А. Основания возникновения прав и обязанностей отца и установление их в суде // Правовые вопросы гражданского права и процесса: тематический сб. / ред. И. Овчинников; Владивосток : Дальневосточный государственный университет, 1976. С. 61–77.

Vebers, Ya.R. (1968) Establishing paternity. Academic Notes of the University of Latvia. *Scientific Notes of the University of Latvia*. 7(10), 86. (in Russian).

Веберс Я.Р. Установление отцовства // Ученые записки Латвийского университета. Вып. 7. Т. 10. Рига, 1968. С. 86.

Yakovleva G.V. (1979) *Protection of the rights of an unmarried mother*. Minsk, Publishing House of BSU. (in Russian).

Яковлева Г.В. Охрана прав незамужней матери. Минск : Изд-во БГУ, 1979. 120 с.

Сведения об авторах:

Епифанов Александр Егорович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры публичного права и правового обеспечения управления, Институт государственного управления и права Государственного университета управления; 109542, Российская Федерация, г. Москва, Рязанский проспект, д. 99; профессор кафедры Фундаментальных юридических и социально-гуманитарных дисциплин, Московского финансово-промышленного университета «Синергия»; 129090, Российская Федерация, г. Москва, ул. Мещанская, д. 9/14, стр. 1

ORCID: 0000-0002-5686-5770; SPIN-код: 8489-4840

e-mail: mvd_djaty@mail.ru

Мун Виктория Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры истории государства и права, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА); 125993, Российская Федерация, г. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9

ORCID: 0000-0002-3010-1094; SPIN-код: 4625-1844

e-mail: mun.viktoriya@mail.ru

About the authors:

Alexander Y. Epifanov – Doctor of Legal Science, Full Professor, Full Professor of the Department of Public Law and Legal Support of Management, Institute of Public Administration and Law of the State University of Management; 99 Ryazansky Prospekt, Moscow, 109542, Russian Federation; Full Professor of the Department of Fundamental Legal and Socio-Humanitarian Disciplines, Moscow Financial and Industrial University “Synergy”; 9/14, building 1 Meshchanskaya str., 129090, Moscow, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-5686-5770; SPIN-code: 8489-4840

e-mail: mvd_djaty@mail.ru

Victoria A. Mun – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of History of State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MGUA); 9 Sadovaya-Kudrinskaya str., Moscow, 125993, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-3010-1094; SPIN-code: 4625-1844

e-mail: mun.viktoriya@mail.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-1-21-37>

EDN: PPUHZG

Научная статья / Research Article

Англо-американский правовой позитивизм: этапы становления и развития

М.Д. Горбунов

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Российская Федерация
 maxandgor@gmail.com

Аннотация. Англо-американский правовой позитивизм является влиятельным направлением в современной мировой правовой мысли. Его осмысление важно не только с точки зрения восполнения пробелов научного знания в сфере политико-правовых учений, но и с позиции имплементации наработок, релевантных для отечественной правовой науки. Особую ценность уяснение положений данного направления имеет еще и потому, что оно, с одной стороны, родственно для доминирующей в современной России доктрины правового позитивизма по кругу исследуемых вопросов, но, с другой стороны, сформировано в рамках альтернативной правовой парадигмы. Целью является исследование формирования и развития англо-американского правового позитивизма как одного из ключевых направлений правопонимания в мировой юридической науке. Автором показаны особенности англо-американского позитивизма, ключевые этапы развития и идеи ведущих представителей направления. Методологически исследование опирается на комплекс всеобщих, общенаучных, частнонаучных и специальных методов познания, включающих диалектический и исторический методы, общие логические приемы и метод сравнения. Также применяются специфические методы аналитической философии, включая методы контекстуального и концептуального анализа. В результате делается вывод, что англо-американский правовой позитивизм в своем становлении прошел три этапа: классический, связанный с командной теорией; неопозитивистский, в котором нашли свое применение новые аналитико-философские подходы; и современный, характеризующийся дискуссией между «включающим» и «исключающим» позитивизмом.

Ключевые слова: правовой позитивизм, правопонимание, философия права, аналитическая юриспруденция, методология права, правовая система, нормативное регулирование, правовые нормы, общество, власть

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию: 05 апреля 2024 г.

Принята к печати: 15 января 2025 г.

Для цитирования:

Горбунов М.Д. Англо-американский правовой позитивизм: этапы становления и развития // RUDN Journal of Law. 2025. Т. 29. № 1. С. 21–37. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-1-21-37>

Anglo-American legal positivism: Stages of formation and development

Maxim D. Gorbunov

Lobachevsky State University, Nizhny Novgorod, Russian Federation

maxandgor@gmail.com

Abstract. Anglo-American legal positivism is an influential trend in modern legal thought. Understanding this framework is crucial not only for addressing gaps in scientific knowledge within political and legal doctrines but also for applying relevant developments to domestic legal science. This understanding is particularly valuable because it relates to the dominant doctrine of legal positivism in contemporary Russia while also being rooted in an alternative legal paradigm. The purpose of the article is to examine the formation and development of Anglo-American legal positivism as a key area of legal understanding in the world legal scholarship. The author highlights the characteristics of Anglo-American positivism, its main developmental stages, and the ideas of its leading representatives. Methodologically, this study employs a combination of philosophical, general, and special scientific methods, including dialectical and historical approaches, general logical techniques, and comparative analysis. Specific methods of analytical philosophy are also used, including methods of contextual and conceptual analysis. The study concludes that Anglo-American legal positivism has evolved through three stages: the classical stage associated with command theory; the neopositivist stage, where new analytical and philosophical approaches emerged; and the modern stage, characterized by debates between "inclusive" and "exclusive" positivism.

Key words: legal positivism, legal understanding, philosophy of law, analytical jurisprudence, methodology of law, legal system, normative regulation, legal norms, society, authority

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Received: 05th April 2024

Accepted: 15th January 2025

For citation:

Gorbunov, M.D. (2024) Anglo-American legal positivism: Stages of formation and development. *RUDN Journal of Law*. 29 (1), 21–37. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-1-21-37>

Введение

С точки зрения самой логики научных исследований в правопонимании и философии права для восприятия конкретных положений направления в правовой мысли необходимо проследить его эволюцию, поэтому ценным является практическое воспроизведение основных этапов становления данного направления. Необходимо отметить, что отечественная наука знакома с трудами ключевых представителей англо-американского правового позитивизма и аналитической юриспруденции в

целом, раскрытых в ряде научных работ по теории права и истории философии и методологии такими авторами, как А.Б. Дидикин, А.А. Краевский, А.М. Михайлов, В.В. Оглезнев, А.Н. Остроух, А.В. Пищулин и ряда других (Didikin, 2016; Kraevsky, 2010; Mikhailov, 2022; Ogleznev, 2012; Ostroukh, 2012; Pishchulin, 2009). Однако комплексный анализ англо-американского правового позитивизма как направления не проводился. Существующие работы либо обращают внимание на правовые взгляды конкретных представителей англо-американского правового позитивизма через призму отечественной юриспруденции (Pishchulin, 2009; Kraevsky, 2010), либо концентрируют свое внимание на отдельных этапах развития (Didikin, 2016; Mikhailov, 2022). Представляется, что в контексте проведения системного анализа истории развития англо-американского позитивизма как единого направления является не только актуальным, но и необходимым. Раскрытию вопроса в отечественной науке довольно долго мешала концентрация на континентальной правовой традиции и ее методологии, а также некоторая предвзятость к англо-американской правовой мысли в целом, положения которой казались неприменимыми для российской правовой системы.

Предпосылки формирования англо-американского правового позитивизма

Рассматривая вопрос о предпосылках, условиях формирования и становления англо-американского позитивизма, необходимо отметить существующее в отечественной правовой доктрине предубеждение, что для британской аналитической юриспруденции в целом, в рамках которой англо-американский позитивизм развивается, в отличие от континентального позитивизма, нельзя найти соответствующего философского направления (Pishchulin, 2009:90–91; Opalek & Wroblewski, 1962:39–40). Следует возразить данному утверждению, поскольку фактические предпосылки правового позитивизма можно увидеть уже в XVIII веке в процессах укоренения научной традиции эмпиризма в британской философии и формирования теоретико-политического ответа на революционно-демократические движения Нового времени (Nersesyants, 2004:208, 647–649). Впоследствии эти идеи «кристаллизовались» в философской концепции утилитаризма (Finnis, 2000:1598, 1606).

В континентальной Европе, и прежде всего в Германии, основой для развития позитивистской доктрины в праве стали взгляды Рудольфа фон Иеринга и историческая школа права. В Великобритании же произошло формирование локальной школы юридического позитивизма, связанной с местной философской традицией (Kraevsky, 2014:29–30). То есть уже с самого начала формирования позитивистской доктрины можно отметить обособление двух векторов: англо-американского и континентального правового позитивизма. Дифференциация и отдаление данных направлений впоследствии значительно усилятся под влиянием аналитической философии.

Говоря о методологической основе, на которой строится англо-американский правовой позитивизм, в первом ряду следует назвать воззрения Томаса Гоббса, Девида Юма и Иеремии Бентама (Mikhailov & Kostikova, 2022:179). Не являясь позитивистами, они разработали целый ряд положений, свидетельствующих об их статусе как предтеч правового позитивизма.

Томас Гоббс в англо-американской научной литературе довольно громко называется основателем юридического позитивизма (Dyzenhaus, 2010:163). В своем величайшем труде «Левиафан» (1651) философ сформулировал концептуально значимые для формирования правового позитивизма тезисы. Во многом данное утверждение о научном статусе Гоббса является дискуссионным, но нельзя не иметь в виду идею Гоббса о легитимном суверене, чьей воле индивиды должны подчиняться (Hobbes, 1997:121–129; Coyle, 2007:69–74). Необходимо отметить, что и в отечественной научной парадигме нет единой точки зрения относительно статуса Гоббса как позитивиста, при явном признании данного тезиса (Nersesyants, 2002:143), поскольку его связь с классической школой натурализма прослеживается довольно явно (Краевский, 2014:25–26). Однако следует отметить определенную степень механистичности в описании Гоббсом политико-правового института государства и нормативной силы его велений (Schmitt, 2006:174).

Позитивистский онтологический тезис Гоббса органично дополнила традиция эмпиризма, наиболее полно представленная философией Дэвида Юма (Ostroukh, 2002:11-13; Краевский, 2014:30). Ключевая работа Юма «Трактат о человеческой природе» (1739) включила в себя важные аспекты новой философской методологии. Гносеологическое утверждение Юма о необходимости изучения социальных явлений на базе общего эмпирического научного подхода значительно повлияло на формирование позитивной правовой теории. Кроме того, разработанная автором моральная концепция «теории полезности» предоставила аргументы в поддержку идеи мотивированного соблюдения права индивидами (Hume, 1975:277).

Философия Дэвида Юма как понятийно, так и содержательно повлияла на теорию утилитаризма Иеремии Бентама. В итоге именно Бентам интегрировал теорию полезности, позитивистский тезис Гоббса (Hart, 1973:8) и эмпирический метод Юма (Ostroukh, 2002:14–17; Краевский, 2014:34–35). Необходимо отметить, что статус Бентама как позитивиста по-разному оценивается в научной литературе и является частью вопроса о соотношении утилитаризма и правового позитивизма (Ostroukh, 2002:14–17, Краевский, 2014:34–25). Однако важно отметить, что юридические аспекты в его теории рассматриваются скорее как общеправовые через призму теории полезности. Право стало самостоятельным предметом изучения с применением специализированной методологии только в работах Джона Остина (Austin, 2002:1107–1108).

За свою долгую научную карьеру Бентам стал автором большого количества философских работ. В числе наиболее значимых для становления правового позитивизма трудов можно выделить «Фрагмент о правительстве» (1776), «Введение в основания нравственности и законодательства» (1789) и «Анархические заблуждения» (1796). Примечательно, что уже в XX веке значительная часть его работ войдут в масштабное издание (Comment on the Commentaries, 1977) под редакцией другого выдающегося философа права – Герберта Харта.

Концепция Бентама сформировалась как закономерная реакция на юснатуралистские концепции и политические декларации, вдохновленные теорией общественного договора, приобретшие значительное влияние в революционной Европе и Северной Америке конца Нового времени (Bentham, 1970:28). Фактически теория содержит в себе два важных утверждения, ставших впоследствии ключевыми для развития англо-американского правового позитивизма: обоснование императивной природы права (Bentham, 1970:34–37) и теории утилитаризма (Bentham, 1970:11–17).

Идея полезности предвосхитила значительный рывок доктрины в рамках неопозитивизма в XX веке, а представление о праве как принудительном императиве составило основу классического этапа развития рассматриваемого в работе направления.

Таким образом, центральными в формировании предпосылок англо-американской правовой позитивистской доктрины стали философские учения Гоббса, Юма и Бентама, которые повлияли на понимание права как системы принудительных позитивных норм, обеспечивающихся принудительной силой верховной власти (суверена). При этом, в отличие от континентального правового позитивизма, стремящегося описать позитивное право именно через призму его отгосударственного происхождения (Pishchulin, 2009:89–92), англо-американский правовой позитивизм в первую очередь был нацелен на выполнение методологической программы по морально-нейтральному описанию права (Schauer, 2010:3–6). Это обстоятельство обусловит размежевание названных направлений в дальнейшем.

Классический правовой позитивизм. Командная теория

Первый этап развития англо-американского правового позитивизма можно назвать классическим. Связан он в первую очередь с командной концепцией права Джона Остина, ее новыми методологическими ориентирами и онтологическими тезисами, ставшими предметом активной рефлексии и критики в англо-американской науке в первой половине XX в. (Sebok, 1998:65–69). В числе основных работ, в которых нашли свое отражение авторская исследовательская программа и раскрыты взгляды на право, необходимо указать «Область определения юриспруденции» (1832) и «Лекции по юриспруденции или философии позитивного права» (1869 post mortem).

Теория Джона Остина, вдохновленная философскими положениями Иеремии Бентама, стала, по сути, первой собственно позитивистской правовой концепцией в англо-американской правовой мысли. Автор предложил новый аналитический подход к изучению права, став если не родоначальником, то главным предтечей аналитической юриспруденции, в рамках которой англо-американский позитивизм будет развиваться в дальнейшем (Austin, 2002:1107–1108). Другим ценным положением теории британского правоведа стало утверждение о принудительном характере императивов действующей власти, которые образуют позитивное право (Austin, 1995:117–118). Если сам тезис и был сформирован ранее, то четкая лаконичная аргументация, выдвинутая в его поддержку, оказала значительное влияние на британскую и в целом мировую правовую науку.

Остин представил простое позитивистское определение права, впоследствии охарактеризованное в правовой науке как редукционистское (Postema, 2012:40–41), которое можно свести к следующим ключевым положениям:

1. основу нормативной системы составляют «команды», то есть конкретные требования в отношении субъекта, обеспеченные угрозой применения санкции в случае неповиновения;
2. команды находят свое формальное выражение в «правилах», которые являются общеобязательными приказами, содержащими в себе указания общего характера в отношении неопределенной группы людей или широкого класса действий;

3. позитивное право образуется из императивных приказов верховного суверена, выраженных в предписаниях и действиях органов официальной власти и должностных лиц;

4. «суверен» рассматривается как индивид или объединение, стоящее во главе политической власти, велениям которого обычно подчиняются субъекты;

5. позитивное право состоит из команд суверена и не может смешиваться с моралью, обычаями и естественными законами;

6. конституционные установления и международное право являются «законами по аналогии» и отличаются по своей природе от позитивного права, хотя и действуют вместе с ним (Austin, 1995:18–37).

Теория Остина предложила простое объяснение права через приказ юридически неограниченного суверена. Однако сложная правовая система не может быть тождественна такому простому понятию императива. Признание в науке данного обстоятельства послужило причиной широкой критики классического позитивизма, ставшей ключевым фактором развития англо-американской позитивистской традиции и ее перехода к новому этапу развития – неопозитивизму. Главной задачей англо-американского правопонимания стало обновление правового позитивизма через критику командной теории. В результате в науке был определен ряд проблем данной концепции по следующим вопросам:

1) отождествление права и приказа в условиях разнообразия законов;

2) обеспечение непрерывности действия правил в государственно-правовой системе;

3) возможность политического и законодательного ограничения суверена самим собой;

4) производный характер предписаний официальных лиц по отношению к воле суверена;

5) сведение юридической практики к обеспечению формально выраженных принудительных предписаний при наличии прецедентных практик.

Теория Остина была подвергнута критике и рефлексии как со стороны развивающегося направления правового позитивизма, так и со стороны доминирующей реалистически направленной англо-американской научной парадигмы. В отечественных исследованиях отмечается, что в английской юридической литературе командная теория права, предложенная Остином, была критически осмыслена уже к началу XX в. такими авторами, как Дж.У. Сэлмонд, Т.Э. Холланд, У.А. Уотт и У.Дж. Браун (Mikhailov & Kostikova, 2022:180–183; Salmond, 1893:98–106). В этих условиях на развитие англо-американского юридического позитивизма, помимо ограничений командной концепции Остина, также повлияли континентальные концепции, в частности направление исторической школы права, учения Р. фон Йеринга и О. фон Гирке, позднее – нормативистская концепция Г. Кельзена и историко-правовые исследования Ф. Поллока, Ф.У. Мейтланда (Mikhailov, 2022:78).

В конечном счете наиболее полная критика командной теории нашла свое отражение во взглядах одного из выдающихся правоведов XX в. – Герберта Харта. Правовед не только обозначил критические замечания к командной теории, а также к ряду положений континентального позитивизма, но и предложил ответы на них (Hart, 2007:85–86). Итог масштабной критики классического позитивизма можно представить в виде следующих тезисов:

1. приказ является простой формой императива и не может быть корректно соотнесен с законодательными нормами о юридической ответственности (в первую очередь уголовным законом), поскольку последние имеют более сложное содержание и распространяют свое действие на самого правоохранителя;

2. команда как императивное установление не объясняет существование в правовой системе управомочивающих норм, природа которых выражает другую важную сторону правовой системы;

3. юридически неограниченный статус суверена не объясняет порядок преемственности и непрерывности государственной власти, поскольку в правовой системе должны присутствовать нормы, распространяющиеся на само государство.

Критика упрощенного подхода, выраженного в редукционизме командной теории и абсолютизации свойства принудительности в праве, привела к пересмотру ее ключевых положений (Postema, 2012:40–41). Это обстоятельство в итоге спровоцировало в середине XX в. переход к неопозитивизму как принципиально новому этапу развития.

Аналитическая философия и юриспруденция. Неопозитивизм

Необходимо отметить, что помимо внутренних предпосылок перехода к неопозитивизму важнейшим фактором этого процесса стало формирование новой методологии социальной философии. Данный фактор описывается в англо-американской литературе и в ряде актуальных трудов отечественных ученых как «лингвистический поворот в британской философии» в середине XX в., выраженный в расширении сферы применения методов аналитической лингвистической философии на уровне всей англо-американской догмы права (Ogleznev, 2012:42). Именно в результате взаимодействия аналитической философии с правовой теорией получила свое начало аналитическая юриспруденция (Didikin, 2016:106).

Правовой позитивизм, как показывает история его развития, является одним из первых концептуальных направлений аналитической правовой доктрины. Во многом это стало возможным благодаря сформированной Гербертом Хартом теории юридического языка, воспринявшей методологию аналитической лингвистической философии (Bayles, 1992:1-6). Именно Герберт Харт внес значительный вклад в становление аналитической юриспруденции при переходе к неопозитивизму, разработав новые методологические основания правовых исследований. Это дало возможность посмотреть на прежние проблемы правовой системы с новой стороны не только на основе формально-юридических аспектов, но и с учетом актуальных приемов правовой гносеологии, связанных с анализом юридического языка и правовой реальности (Ogleznev, 2012:8; Hart & Cohen, 1955:247–253).

Исследовательскую работу Герберта Харта можно разделить на два периода. Ранний период до 1961 года можно охарактеризовать как философский, поскольку он отмечается авторским поиском в сфере проблематики юридического языка и взаимосвязей между аналитической философией и правоведением. В числе наиболее заметных работ раннего периода можно назвать следующие: «Приписывание ответственности и прав» (1949), «Определение и теория в юриспруденции» (1953), и «Философия права и юриспруденция в Великобритании» (1953) того же года.

Собственно правовой период творчества Харта знаменуется публикацией в 1961 году его наиболее известной работы «Понятие права». Исследование стало

результатом долгой научной работы автора в рамках собственного неопозитивистского проекта. Характерно, что последующие работы так или иначе строятся на основе «Понятия права» или дополняют его. Так, в 1968 г. вышел сборник статей «Наказание и ответственность: Очерки философии права». Впоследствии большая часть научной работы Харта была посвящена сбору и изучению трудов Бентама. Последние годы жизни Харта были связаны с научной полемикой с Рональдом Дворкиным, итог которой подвело вышедшее через два года после смерти в 1994 г. второе издание «Понятия права», включившее «Постскрипtum» с авторскими ответами своему научному оппоненту.

Харт принципиально отказался от построения простой модели правовой системы, претендующей на всеобъемлющий характер, указав, что право как понятие включает в себя набор центральных и пограничных случаев, существующих в социальном контексте. Автор принципиально шире взглянул на позитивные характеристики права, предложив искать его центральные компоненты в реальной практике употребления правовых понятий (Hart, 1953:364). Именно названные установки стали концептуальными для взглядов самого Харта, обозначив направление развития современного англо-американского позитивизма как части аналитической доктрины. Во многом данное обстоятельство стало переломным для размежевания англо-американского и континентального правового позитивизма.

Центральные тезисы хартовского понимания права можно представить следующим образом.

Во-первых, право рассматривается автором как набор центральных и пограничных случаев. Ядром правовой системы выступает система первичных и вторичных правил (Hart, 2007:121). Первичные правила непосредственно выражают в себе нормы поведения, а их действие обеспечивается правовой охраной со стороны государства. Вторичные правила применяются официальными лицами для определения критериев действительности первичных, порядка их принятия, изменения и отмены, а также непосредственного применения (правила признания, изменения и суда). Именно вторичные правила образуют каркас правовой системы (Hart, 2007:106–107).

Во-вторых, существование правовых отношений и юридических обязательств обеспечивается системой взаимосвязей в рамках внутренней и внешней точек зрения на правила. Индивиды должны принимать правовые нормы с внешней точки зрения как обязательные, независимо от их собственных соображений на счет правовой системы. Официальные лица воспринимают правовую систему с внутренней точки зрения как необходимую для организации нормативного регулирования в обществе (Hart, 2007:106–107).

В-третьих, правовые нормы должны фиксироваться в правовой системе для возможности их восприятия субъектами. Важным фактором здесь является то, что формальное законодательство ввиду открытой структуры юридического языка не может предусмотреть все случаи действия общего правила в конкретных жизненных ситуациях. Данное обстоятельство обуславливает необходимость широкого судебного усмотрения и применения судебного прецедента (Hart, 2007:130–139). Деятельность суда должна опираться на законодательство и быть согласованной. Однако Харт допускает возможность выхода за пределы действующих норм в экстраординарных случаях правовой неопределенности. Юридическая действительность таких

решений, по утверждению автора, приобретается постфактум их фактического применения (Hart, 2007:155–157).

В-четвертых, Харт признает доводы в пользу концептуальной связи права и морали на уровне роли в нормативном регулировании общественных отношений при их необходимом дистанцировании (Hart, 1958:624–629). Право и мораль с его позиции имеют общую цель по обеспечению жизнеспособности общества и частично совпадают по содержанию. Тем не менее мораль воспринимается правоведом за пределами рациональной правовой системы, поскольку мораль в значительно большей степени субъективна, связана с субъективными переживаниями и стремлением к моральному благу, а потому не может быть интегрирована в правовую систему (Hart, 2007:185). Харт не соглашается признавать нравственные категории в качестве юридически значимого критерия оценки эффективности и действительности государственно-правовых систем, поскольку такой подход выводит из поля изучения правоведения реально существующее и функционирующее право (Hart, 2007:211–213).

Учитывая вышесказанное, следует заключить, что Хартом была проделана колоссальная научная работа по модернизации правового позитивизма. Именно с именем Харта следует связывать формирование неопозитивизма, поскольку именно в его теории были преодолены наиболее серьезные недостатки классического правового позитивизма и определена предметная область современной доктрины. В научной литературе общепризнанным является утверждение о том, что Герберт Харт совершил герменевтический переворот в правоведении и стал основоположником целого направления в юриспруденции (Vix, 2009:102).

Именно на этом этапе окончательно формируется центральная установка англо-американского правового позитивизма – рассмотрение права через понятие социального факта. Объектом осмысления становится не просто система позитивного права, а система социальных отношений и институтов, складывающаяся вокруг официальной нормативной системы общества.

Методологически определяющий общий характер концепции права Герберта Харта обусловил тем не менее ряд пробелов в его линии аргументации, ставших впоследствии как предметом критики, так и областью дальнейших интересов англо-американских правоведов. В числе проблемных аспектов неопозитивизма можно назвать:

1) неясность природы вторичных правил из-за того, что правовед в довольно общем виде описывает природу их действия в правовой системе без конкретного указания на основания их действительности не в юридическом, но в общесоциальном контексте;

2) утверждение о необходимости правотворческой деятельности судов в сложных случаях, включая ситуации интерпретации вторичных правил, фактически выводит данную деятельность за границы правовой системы, притом что автор не признает роль правовых принципов, способных сгладить это противоречие;

3) утверждение о рациональной связи права и нравственности не встраивается в общую линию повествования автора, поскольку Харт отказывает правовой системе в безусловном стремлении к справедливости и моральной оправданности, хотя идея внутренней точки зрения к этому располагает.

Вместе с тем значимость теории Харта как характеризующей принципиально новый этап в развитии англо-американской юридической науки обусловлена тем, что его исследования породили глубокую дискуссию в юридической науке. Критическое

осмысление хартовского наследия и полемика по основным тезисам правопонимания затронули аргументы всех ключевых направлений, в частности юснатурализма, позитивизма и реализма на общей методологической основе аналитической юриспруденции.

Знаковое место в этом процессе заняла дискуссия самого Харта и его ученика – другого выдающегося правоведа Рональда Дворкина (Didikin, 2016:141–142). Дискуссия между Хартом и Дворкиным была связана с «тезисом о разделении», поддерживая который Харт отказывался признавать концептуальную связь права и морали, а также включенности последней в государственно-правовую систему. Особенно этот вопрос не укладывался в защищаемую автором теорию о внутренней и внешней точках зрения на право. Оспаривание данного тезиса стало основной темой критики Рональда Дворкина, который считал, что тезис не объясняет феномен правовых принципов, фактическую судебную деятельность и оценочное отношение к праву со стороны граждан (Himma, 2003:345–347; Didikin, 2016:148–149).

Важно, что данная дискуссия происходила на фоне возросшего интереса к естественному праву и праву справедливости в западной правовой науке, а также формирования в процессе рефлексии гуманитарной катастрофы второй мировой войны либеральных подходов к праву. В итоге эта полемика привела концу XX в. к размежеванию «включающего» и «исключающего» правового позитивизма в рамках исследуемого направления. Сторонники включающего позитивизма признали необязательность тезиса о разделении, в то время как представители исключающего позитивизма постарались привести ряд дополнительных аргументов в пользу тезиса (Waluchow, 2001).

Поскольку эта полемика развернулась еще при жизни Герберта Харта и продолжается с момента его смерти уже около тридцати лет, то довольно сложно определить границы перехода к современному правопониманию. Однако в целом такой переход можно связать с именами ведущих учеников и научных приемников Харта – Джозефа Раза и Нейла МакКормика. Названные правоведы не только развили ключевые тезисы Харта, устранив в них значительные неясности, но и представили их в модифицированном виде в рамках собственных авторских концепций. Впоследствии именно с их позицией связываются формирующиеся сегодня в англо-американском правовом позитивизме два вектора развития: «исключающий» и «включающий» позитивизм.

Современный этап. Теории «исключающего» и «включающего» правового позитивизма

Джозеф Раз и Нейл МакКормик, продолжая идеи Харта, расширяют понимание позитивных связей далеко за пределы формальной принудительной системы и связывают понятие права с наличием социальных факторов в форме действующего нормативного порядка, используя для этого новые наработки аналитической философии, а также внутренние политико-правовые аргументы. Право рассматривается ими как социально установленный феномен, который имеет особую природу и является логичным результатом естественного процесса усложнения нормативного регулирования в обществе. Правовой порядок – это формализованный институционально закрепленный нормативный порядок, обеспеченный системой публичной власти. Раз особо подчеркивает политический аспект права как основания для действий

индивидов, подкрепленный авторитетом власти (Raz, 1979:19–21). С другой стороны, МакКормик указывает на институциональный аспект, представляя право как общественный институт – совокупность институциональных фактов, формирующих образы действий субъектов в рамках институционального нормативного порядка (MacCormick & Weinberger, 1986:49–58).

Крайне значимым достижением современного англо-американского правового позитивизма является то, что он предложил обоснование глубокой связи права и социальной системы. Право было рассмотрено не в рамках системы государственного принуждения, а в более широком контексте практики социально обусловленной нормативной системы. По мнению Раза и МакКормика, правовой порядок и его действительность основаны на социальной конвенции как фактическом соглашении, лежащем в основании правопорядка, устанавливающим полномочия официальных лиц и правила человеческого общежития. При этом критерием правовых норм становится реальная способность регулировать общественных отношений, а не просто их формальное установление.

На современном этапе хартовская концепция значительно расширяется за счет указания на политико-социальные аспекты. Для Раза нормативная сила права тождественна силе легитимной власти, которая его устанавливает (Raz, 1981:106). Сила власти как условие ее конвенционального принятия проявляется в обязанности служить обществу, то есть способности предоставлять индивидам более эффективные и благоприятные основания для действий, чем иные социальные нормативы (Raz, 1986:47–53). МакКормик, в свою очередь, указывает, что регулирование общественных отношений и недопущение конфликтов является естественным стремлением человека, а институциональный нормативный порядок (правовой порядок) является высшим проявлением этого стремления. Правовой порядок формируется и поддерживается через практику эффективного обеспечения социальных правил и защиты интересов индивидов (MacCormick, 2007:21–25; Blichner, 2008:49–50).

Современный англо-американский правовой позитивизм указывает, что право должно характеризоваться определенным уровнем эффективности и полезности для того, чтобы быть принятым и, как следствие, обладать нормативной силой. Фактически здесь воспроизводится старый тезис Бентама об утилитарной природе права. Однако вопрос аксиологии по-прежнему остается главной нерешенной проблемой. В стремлении рационализировать ценностные аспекты права позитивисты наталкиваются на жесткую критику со стороны антипозитивистов. При этом в самом англо-американском правовом позитивизме эта тема стала основой для его разделения в девяностые годы XX в. на два названных направления (Waluchow, 2001).

Герберт Харт, подняв вопрос о соотношении права и морали, оставил его нерешенным ввиду собственной нечеткой позиции, что определило два пути развития англо-американского правового позитивизма. Первый путь «исключающего позитивизма» выбрал Джозеф Раз. Джозеф Раз является автором более сотни публикаций, объединенных общим концептуальным каркасом триады «Авторитет, право и мораль» (Authority, Law and Morality), который прослеживается на протяжении всего его научного пути. В числе наиболее заметных работ можно выделить следующие: «Практический разум и нормы» (1975), «Авторитет права» (The Authority of Law, 1979), «Власть и дозволение» (1981), «Мораль свободы» (1986), «Этика в общественном достоянии» (1994), «Ценность, уважение и привязанность» (2001) и «Между авторитетом и интерпретацией» (2009). Последней работой автора стала вышедшая в

год его смерти работа «Основы нормативности» (2022). Необходимо отметить, что многие труды автора неоднократно и несистемно переиздавались, что затрудняет научную рефлексию его взглядов.

В своей теории правовед утверждает, что действительность правовой системы зависит только от социальных фактов, а не от моральных аргументов (Raz, 1979:212–222). Раз соглашается, что право является морально ценным институтом и его принятие может быть связано с легитимизацией на основе утилитарных, моральных и политических аргументов, но правоприменитель всегда ограничен действующими правилами и категориями правовой системы (White, 1982:254–256).

Концепция МакКормика представляет собой характерный пример второго пути «включающего» позитивизма. Научное творчество Нейла МакКормика отличается меньшей стабильностью, и его можно разделить на два периода. Ранний период работ МакКормика отмечается значительным влиянием хартовской теории, что подтверждается помимо прочего публикацией в 1981 г. книги «Г.Л.А. Харт» (H.L.A. Hart). Преемственность Харту прослеживается так или иначе во всех работах раннего периода, в том числе в таких исследованиях, как «Юридическое обоснование и правовая теория» (1978), «Моралистический аргумент в пользу аморального закона?» (1985), «Институциональная теория права: новые подходы к юридическому позитивизму» (1986), «Институциональный нормативный порядок: концепция права» (1996), «Нормы, институты и институциональные факты» (1998). Поздний же период характеризуется переходом к авторской концепции, в рамках которой было опубликовано четыре крупных работы: «Суверенитет под сомнением» (1999), «Риторика и верховенство закона» (2005), «Институты права» (2007) и вышедшая в 2008 г. за год до кончины книга «Практический разум в праве и морали», при этом правовед по объективным причинам не успел раскрыть в полной мере заявленные в работах тезисы и ответить на научную критику.

Позиция автора в определенной степени стала интегративной и отчасти противоречивой (Villa, 2009:59–62). МакКормик сохранил позитивистский подход к праву, ориентируясь на формальное морально нейтральное законодательство (MacCormick, 1985:35–36) и реальную правовую практику в ранних работах (MacCormick, 1986:127–129), но впоследствии дополнил его идеями о необходимости признания важности содержательных аспектов права. Наиболее ярко это проявляется в тезисах об аргументативной практике и судебной интерпретации (MacCormick, 2005:14–15). Особое внимание к вопросу правовой аргументации и качеств институционального нормативного порядка как наиболее прогрессивной справедливой формы социального устройства в итоге привело МакКормика к самопозиционированию как «пост-позитивиста» (MacCormick, 2007:278). Вместе с тем данный вектор не был достаточно подробно раскрыт в его работах, поскольку даже в последних исследованиях автор настаивал на особых свойствах формальной принудительности права (MacCormick, 2007:4). Его взгляды вошли в линию исследований «включающего» позитивизма, где признается особая роль правовой аргументации и ценностей в праве при его связи социальными фактами.

Эволюция взглядов Нейла МакКормика наглядно демонстрирует те изменения, которые происходили в рамках англо-американского правового позитивизма после Харта под давлением критики антипозитивистов, и в первую очередь Рональда Дворкина. Если в рамках «исключающего» позитивизма сохранялись традиционные аргументы в пользу разграничения права и морали, то в рамках «включающего»

позитивизма была выбрана стратегия построения диалога с антипозитивистами (MacCormick, 2005:30).

В целом различия между исключающим и включающим позитивизмом проходят по следующим вопросам:

1. Можно ли считать право и мораль концептуально связанными явлениями?
2. Влияет ли моральное качество закона на действительность правовой системы?
3. Могут ли официальные лица в правотворческой и правоприменительной деятельности прибегать к неправовым аргументам?
4. Считается ли такая практика правовой и порождает ли она соответствующие юридические последствия?

Если «исключающий» позитивизм отвечает на данные вопросы скорее отрицательно, то «включающий» стремится занять противоположную позицию (Waluchow, 2001). Объединяющим же направлением является понимание права в контексте позитивных социальных фактов и практики сложившейся нормативной системы общества. В таком контексте дискуссия между этими направлениями продолжается и сегодня.

В числе новых авторов, вовлеченных в дискуссию на основе наследия рассмотренных правоведов, со стороны «исключающего» позитивизма можно назвать Джона Гарднера, Скотта Шапиро и Андрея Мармора (Gardner, 2001; Shapiro, 2009; Marmor, 2001), со стороны «включающего» – Мэтью Кремера, Кеннета Химму, Жюля Коулмана и Вилфрида Валухова (Kramer, 2000; Himma, 2002; Coleman, 2003; Waluchow, 2009). Однако сложившийся диалог между новыми правоведами носит сегодня во многом локальный характер, хоть и базируется на масштабных фундаментальных аргументах Харта, Раза и МакКормика (Waluchow, 2009:125–129).

Таким образом, следует констатировать, что сегодня развитие англо-американского правового позитивизма входит в новую фазу в рамках полемики, образованной «исключающим» и «включающим» позитивизмом в конкурентном противостоянии с антипозитивизмом Рональда Дворкина и других авторов (Dworkin, 1977:1–27). При этом «исключающий» позитивизм во многом встает на место, которое ранее занимал классический позитивизм, все меньше выдерживая критику постпозитивистских теорий в условиях конвергенции подходов в правопонимании. Насколько проводимая параллель оправдается, покажут тенденции развития актуального дискурса.

Необходимо отметить, что англо-американский позитивизм на пути к современному этапу развития претерпел значительную трансформацию, решая задачи и отвечая на вызовы, которые ставили перед ним правовая наука и практика. Сначала правовой позитивизм дал решительный ответ на революционный политико-правовой релятивизм, порожденный идеями Просвещения, в виде формальной правовой теории и концепции суверенной власти. Правовой позитивизм поместил вопросы теории в сферу сущего, а не должного и позволил сформулировать модель реально функционирующей и понятной правовой системы. Затем в ответ на новые веяния неклассической науки поддержал вопрос о необходимости расширения основы правовой системы за пределы формального императивного законодательства, создавая новый, более гибкий подход к определению социальных фактов, лежащих в основе правовой системы. Право было признано понятием динамическим, контекстуальным и конвенциональным, но имеющим ядро обязательных нормативных и институциональных свойств. Значительно обогатила и расширила данный ответ возникшая

острая необходимость ответа на гуманитарную катастрофу мировых войн в виде либерализации правовой теории и интеграции идеи правового закона и широких социальных оснований в правовую теорию. В условиях современной постмодернистской науки продолжается уже процесс конвергенции теорий правового позитивизма с другими направлениями аналитической доктрины для построения широкой модели правовой системы.

Заключение

В результате можно сказать, что в процессе становления и развития англо-американского правового позитивизма следует выделять три значимых этапа: классический, неопозитивистский и современный.

1. Классический этап характеризуется формированием специфических предпосылок в британской философии в рамках традиции научного эмпиризма и утилитаризма, в наиболее полном виде представленной в теории Бентама, на философской базе которой была сформирована первая позитивистская теория Остина. Во взглядах Остина право было рассмотрено в категории императивов как команда верховного юридически неограниченного суверена, которому подчиняются под угрозой применения санкции. Такая теория страдала от излишней упрощенности, а потому искажала суть сложной многоаспектной природы права. Это послужило причиной перехода к неопозитивистскому правопониманию.

2. На неопозитивистском этапе произошло расширение методологии направления за счет средств аналитической философии, успешно примененных для задач правоведения Хартом. Новый аналитический подход к праву в совокупности с критическим осмыслением теории Остина привел к формированию неопозитивистской правовой концепции, где право было рассмотрено как система первичных и вторичных правил и приобрело более широкое понимание как явление, существующее в особом контексте социальных фактов.

3. На современном этапе в англо-американской научной среде завершается рефлексия хартовского наследия на общих с ним методологических и онтологических основаниях. В рамках сформированной доктрины аналитической юриспруденции сложилась широкая полемика по вопросам генезиса нормативного порядка, судебной интерпретации и ценностей в праве. Данная дискуссия привела к разделению англо-американского неопозитивизма на два направления: «исключающий» и «включающий» позитивизм. Наиболее широко эти подходы представлены в концепциях приемников Герберта Харта – Джозефа Раза и Нейла МакКормика соответственно.

References / Список литературы

- Austin, J. (1995) *The Province of Jurisprudence Determined*. Rumble, W. (ed.). Cambridge, Cambridge University Press.
- Austin, J. (2002) *Lectures on Jurisprudence, or The Philosophy of Positive Law, two vols.* Campbell, R. (ed.) Bristol, Thoemmes Press.
- Bayles, M.D. (1992) *Hart's Legal Philosophy: An Examination*. Dordrecht, Kluwer Academic Publishers.
- Bentham, J.A. (1970) *An Introduction to the Principles of Morals and Legislation*. Burns J.H. & Hart H.L.A. (eds.). London, The Athlone Press.

- Bentham, J.A. (1977) *Comment on the Commentaries and A Fragment on Government*. Burns, J.H. & Hart, H.L.A. (eds.) London, The Athlone Press.
- Bix, B.H. (2009) On Philosophy in American Law: Analytical Legal Philosophy. In: Francis, J.M. (ed.). *On Philosophy in American Law*. Cambridge, Cambridge University Press. pp. 99–105.
- Blichner, L. (2008) Juridification from Below. The Dynamics of MacCormick's Institutional Theory of Law. In: Fossum, J.E. & Menendez, A.J. (eds.) *The post-sovereign constellation, Law and politics in Neil MacCormick's theory of law*. Oslo, ARENA. pp. 37–71.
- Coleman, J. (2003) *The Practice of Principle. In Defence of a Pragmatist Approach to Legal Theory*. New York, Oxford University Press.
- Coyle, S. (2007) *From Positivism to Idealism: A Study of the Moral Dimensions of Legality*. London, Ashgate.
- Dyzenhaus, D. (2010) Consent, Legitimacy and the Foundation of Political and Legal Authority. In: Webber, J. & Macleod, C. (eds.) *Between Consenting Peoples: Political Communities and the Meaning of Consent*. Vancouver, UBC Press. pp. 163–187.
- Dworkin, R. (1977) *Taking Rights Seriously*. Cambridge, Harvard University Press.
- Didikin, A.B. (2016) *Analytical philosophy of law: origins, genesis and structure*. Tomsk, Publishing House of Tomsk State University. (in Russian).
Дидикин А.Б. Аналитическая философия права: истоки, генезис и структура. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2016. 244 с.
- Finnis, J. (2000) On the Incoherence of Legal Positivism. *Notre Dame Law Review*. 75, 1597–1612.
- Gardner, J. (2001) Legal Positivism: 5½ Myths. *The American Journal of Jurisprudence*. 46(1), 199–227.
- Hart, H.L.A. (1953) Philosophy of Law and Jurisprudence in Britain (1945–1952). *The American Journal of Comparative Law*. 3(2), 355–364.
- Hart, H.L.A. & Cohen, J. (1955) Theory and Definition in Jurisprudence. *The Aristotelian society*. 29(1), 213–264.
- Hart, H.L.A. (1958) Positivism and the Separation of Law and Morals. *Harvard Law Review*. 71(4), 593–629.
- Hart, H.L.A. (1973) Bentham and the Demystification of the Law. *The Modern Law Review*. 36(1), 2–17.
- Hart, H.L.A. (2007) *The Concept of Law*. Afonasina, E.V. & Babak, M.V. and others (trans.) St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ. (in Russian).
Харт Г.Л.А. Понятие права / пер. с англ. Е.В. Афонасина, М.В. Бабака, А.Б. Дидикина, С.В. Моисеева. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2007. 304 с.
- Himma, K.E. (2002) Inclusive Legal Positivism. In: Coleman, J. & Shapiro, S. (eds.) *The Oxford Handbook of Jurisprudence and Philosophy of Law*. New York, Oxford University Press. pp. 125–165.
- Himma, K.E. (2003) Trouble in Law's Empire: Rethinking Dworkin's Third Theory of Law. *Oxford Journal of Legal Studies*. 23(3), 345–377.
- Hobbes, T. (1997) *Leviathan*. Tuck, R. (ed.) Cambridge, Cambridge University Press.
- Hume, D. (1975) *Enquiries concerning Human Understanding and concerning the Principles of Moral*. Selby-Bigge, L.A. & Nidditch, P.H. (eds.) Oxford, Clarendon Press.
- Kraevsky, A.A. (2010) Hans Kelsen's pure doctrine of law and analytical philosophy. *Russian Yearbook of the Theory of Law*. (3), 790–811.
Краевский А.А. Чистое учение о праве Ганса Кельзена и аналитическая философия // Российский ежегодник теории права. 2010. № 3. С. 790–811.
- Kraevsky, A.A. (2014) *The pure doctrine of law of Hans Kelsen and modern legal positivism*. Diss... of Candidate of Legal Sciences. Saint Petersburg, Saint Petersburg University. (in Russian).
Краевский А.А. Чистое учение о праве Ганса Кельзена и современный юридический позитивизм: дис. ... канд. юрид. наук. СПб. : Санкт-Петербургский государственный университет, 2014. 231 с.

- Kramer, M. (2000) How Moral Principles Can Enter into the Law. *Legal Theory*. 6(1), 83–108.
- Marmor, A. (2001) *Positive Law and Objective Values*. New York, Clarendon Press.
- MacCormick, N. (1985) A Moralistic Case for A-Moralistic Law? *Valparaiso University Law Review*. 20(1), 1–41.
- MacCormick, N. & Weinberger, O. (1986) *An Institutional Theory of Law: New Approaches to Legal Positivism*. Dordrecht, D. Reidel Publishing Company.
- MacCormick, N. (2005) *Rhetoric and the Rule of Law: A Theory of Legal Reasoning*. Oxford, Oxford University Press.
- MacCormick, N. (2007) *Institutions of Law: An Essay in Legal Theory*. Oxford, Oxford University Press.
- Mikhailov, A.M. (2022) The evolution of Anglo-American legal positivism in the late XIX – early XX centuries: understanding of jurisprudence and law in the teachings of J. W. Salmond. *RUDN Journal of Law*. 26(1), 75–94. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-1-75-94> (in Russian).
- Михайлов А.М. Эволюция англо-американского юридического позитивизма в конце XIX – начале XX вв.: понимание юриспруденции и права в учении Дж.У. Сэлмонда // *RUDN Journal of Law*. 2022. Т. 26. № 1. С. 75–94. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-1-75-94>
- Mikhailov, A.M. & Kostikova, A.A. (2022) English legal positivism between Austin and Hart: understanding of law and jurisprudence in the teachings of T. E. Holland and J. W. Salmond. *Bulletin of Ivanovo State University. Series: Natural and social sciences*. (1), 178–186. (in Russian).
- Михайлов А.М., Кости́кова А.А. Английский юридический позитивизм между Остином и Хартом: понимание права и юриспруденции в учениях Т.Э. Холланда и Дж.У. Сэлмонда // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Естественные, общественные науки. 2022. № 1. С. 178–186.
- Nersesyants, V.S. (2002) *Problems of the general theory of law and state*. Moscow, NORMA Publ. (in Russian).
- Нерсесянц В.С. Проблемы общей теории права и государства. М. : Изд-во НОРМА, 2002. 832 с.
- Nersesyants, V.S. (2004) *History of political and legal doctrines*. Moscow, NORMA Publ. (in Russian).
- Нерсесянц В.С. История политических и правовых учений. М. : Изд-во, 2004. 944 с.
- Ogleznev, V.V. (2012) *H.L.A. Hart and the formation of the analytical philosophy of law*. Tomsk, Publishing House of Tomsk State University. (in Russian).
- Оглезнев В.В. Г.Л.А. Харт и формирование аналитической философии права. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2012. 216 с.
- Opalek, K. & Wroblewski, E. (1962) Legal positivism. In: Tumanov, V.A. (ed.) *Against the legal ideology of imperialism*. Moscow, Foreign. lit. pp. 25–69. (in Russian).
- Опалек К., Вроблевский Е. Юридический позитивизм // Против правовой идеологии империализма / под ред. В.А. Туманова. М. : Иностр. лит., 1962. С. 25–69.
- Ostroukh, A.N. (2002) *Bentham's Doctrine of Law*. Krasnodar, KubSU Publishing House. (in Russian).
- Остроух А.Н. Учение Бентама о праве. Краснодар : Изд-во КубГУ, 2002. 56 с.
- Pishchulin, A.V. (2009) The problem of determining modern approaches to the concept of “Legal Positivism”. *Bulletin of Moscow University*. (3), 89–99. (in Russian).
- Пищулин А.В. Проблема определения современных подходов к понятию «Юридический позитивизм» // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2009. № 3. С. 89–99.
- Postema, G. (2012) Legal Positivism: Early Foundations. In: Marmor, A. (ed.). *The Routledge Companion to Philosophy of Law*. New York, London. pp. 31–48.

- Raz, J. (1979) *The Authority of Law: Essays on Law and Morality*. New York, Oxford University Press.
- Raz, J. (1981) Authority and Consent. *Virginia Law Review*. 67(1), 103–131.
- Raz, J. (1986) *The Morality of Freedom*. New York, Oxford University Press.
- Salmond, J.W. (1893) *The First Principles of Jurisprudence*. London, Stevens & Haynes.
- Schmitt, K. (2006) *Leviathan in the doctrine of the state of Thomas Hobbes*. Moscow, Vladimir Dal Publ. (in Russian).
Шмидт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса. М. : Владимир Даль, 2006. 300 с.
- Sebok, A.J. (1998) *Legal Positivism in American Jurisprudence*. Cambridge, Cambridge University Press.
- Shapiro, S. (2009) Was Inclusive Legal Positivism Founded on a Mistake? *Ratio Juris*. 22(3), 326–338.
- Schauer, F. (2010) Was Austin Right After All? *Ratio Juris*. 23(1), 1–21.
- Villa, V. (2009) Neil MacCormick's Legal Positivism. In: Del Mar, M. & Bankowski, Z. (eds.). *Law as Institutional Normative Order*. London, Routledge. pp. 45–64.
- Waluchow, W. (2001) Legal Positivism, Inclusive versus Exclusive. *Routledge Encyclopedia of Philosophy*. Available at: <https://www.rep.routledge.com/articles/thematic/legal-positivism-inclusive-versus-exclusive/v-1> [Accessed 6th March 2024].
- Waluchow, W. (2009) Four Concepts of Validity: Reflections on Inclusive and Exclusive Positivism. In: Adler, M. & Himma, K. (eds.). *The Rule of Recognition and The United States Constitution*. New York, Oxford University Press. pp. 123–144.
- White, P.D. (1982) Law and Moral Obligation (reviewing *The Authority of Law: Essays on Law and Morality* by Joseph Raz). *The University of Chicago Law Review*. 49(1), 249–257.

Сведения об авторе:

Горбунов Максим Дмитриевич – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права, юридический факультет, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского; 603105, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, ул. Ашхабадская, д. 4

ORCID: 0000-0001-5266-8852; SPIN-код: 8260-3650

e-mail: maxandgor@gmail.com

About the authors:

Maxim D. Gorbunov – Candidate of Legal Sciences, Senior Lecturer, Department of Theory and History of State and Law, Law Faculty, Lobachevsky State University; 4 Ashkhabadskaya str., Nizhny Novgorod, 603105, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-5266-8852; SPIN-code: 8260-3650

e-mail: maxandgor@gmail.com

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-1-38-53>

EDN: PUCNAE

Научная статья / Research Article

Формирование арендного обязательства в доклассическом римском праве

М.М. Пестов

Исследовательский центр частного права им. С.С. Алексеева при Президенте РФ, г. Москва,
Российская Федерация
 Pestov-2013@ya.ru

Аннотация. Современное гражданское право характеризуется появлением непоименованных и смешанных договорных типов. Это подталкивает правоприменителя к выявлению характеристик, на основе которых возможна классификация договоров для обеспечения нормативной определенности. Подобное положение дел имеет место при разграничении договора аренды от иных соглашений, связанных с передачей имущества на определенный срок. Данная потребность впервые возникла еще в древнеримском праве. Цель состоит в проведении исторического исследования с выявлением конкретных предпосылок, обусловивших обособление договора найма в Древнем Риме. Использован историко-филологический, систематический и телеологический методы экзегезы античных текстов. Полученные результаты показывают, что первоначальной формой арендных отношений являлась временная продажа объекта найма. Источники свидетельствуют о применении данной формы для использования труда подвластного лица, а также при эксплуатации общественной земли. В период Римской республики арендное правоотношение постепенно начинает обособляться от купли-продажи. Попытки систематизации римского права I в. до н.э. уже разделяют два договора между собой. В этот же период юрист Сервий Сульпиций Руф через учение о непреодолимой силе конкретизирует обязательство арендодателя, определяя сферу его риска и основания для вычета и возврата арендных платежей. Из этого следует вывод, что распределение риска между сторонами способствовало определению границ обязательств локатора и кондуктора, которые с этого момента приобрели самостоятельный характер.

Ключевые слова: найм вещей, купля-продажа, обязательство, древнеримское право, Римская республика, непреодолимая сила, распределение риска

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено в рамках НИОКТР №1230213002213-4 «Актуальные проблемы практики применения общих положений главы 34 Гражданского кодекса Российской Федерации».

Поступила в редакцию: 9 августа 2024 г.

Принята к печати: 15 января 2025 г.

Для цитирования:

Пестов М.М. Формирование арендного обязательства в доклассическом римском праве // *RUDN Journal of Law*. 2025. Т. 29. № 1. С. 38–53. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-1-38-53>

Formation of lease agreement in pre-classical Roman law

Mikhail M. Pestov

The Private Law Research Centre under the President of the Russian Federation
named after S.S. Alexeev, *Moscow, Russian Federation*
Pestov-2013@ya.ru

Abstract. Modern civil law is characterized by the emergence of undefined and mixed types of contracts. This development necessitates the identification of specific features that can help to classify contracts for legal certainty. A similar issue arises when distinguishing lease agreements from other types of contracts that involve the transfer of property for a specified period. This challenge has been recognized since the time of Roman Law. The aim of this article is to provide a historical reconstruction of the factors that led to the separation of lease agreements from other contracts. Historical philological, systemic, and teleological methods were employed in interpreting ancient texts. The research findings show that the original form of hiring relations was a temporary sale of the hiring object. Some sources attest to this form being applied to labor services provided by individuals under the control of pater familias, as well as for the exploitation of public lands. During the Republic period, hiring relations began to be distinguished from contracts of sale. Efforts to systematize Roman Law in the first century B.C. recognized this division between the two contracts. At that time, the jurist Servius Rutilius Rufus defined the obligations of a leaseholder through the doctrine of vis major, outlining the area of risk for leaseholders and conditions for the deduction and return of lease payments. This indicates that risk allocation between parties in a lease agreement served to clarify both the locator's and conductor's obligations, granting them an independent character.

Key words: hiring things, sale contract, obligation, archaic Roman law, Roman Republic, vis major, allocation of risk

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Funding. The study was conducted within the framework of R&D No. 1230213002213-4 'Current Issues in the Practice of Applying the General Provisions of Chapter 34 of the Civil Code of the Russian Federation'.

Received: 09th August 2024

Accepted: 15th January 2025

For citation:

Pestov, M.M. (2024) Formation of lease agreement in pre-classical Roman law. *RUDN Journal of Law*. 29 (1), 38–53. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-1-38-53>

Введение

Договор аренды является настолько привычным явлением в жизни любого общества, что кажется, будто регулярность его применения делает излишним какой-либо обобщающий доктринальный анализ. Тем более это касается анализа исторического, сконцентрированного не на современности, а на глубокой древности. Быть

может, именно поэтому внимание современных отечественных юристов больше сосредоточено на анализе правоприменительной практики. В тоже время качество законодательства и правоприменения довольно часто определяется наличием теоретического фундамента. Последний появляется лишь в результате многовекового осмысления действующих норм и непрерывной дискуссии внутри юридического сообщества. Договору аренды в известном смысле «повезло», поскольку большинство современных норм, регулирующих данное соглашение, появились именно в римском праве. Их изучение в историческом контексте позволит лучше понять, какие из этих норм наиболее фундаментальны, а какие, напротив, были созданы под влиянием определенных социально-экономических обстоятельств.

При этом само римское право не являлось чем-то раз и навсегда данным, но регулярно изменялось на протяжении всей своей истории. Арендные отношения претерпевали влияние многочисленных экономических и политических факторов. Как мы увидим далее, институт передачи вещи в пользование на ранних этапах был прозвонен от его передачи в собственность. Это актуализирует понимание тех факторов, которые способствовали его обособленности. Законодатель и правоприменитель, учитывая родство купли-продажи и аренды, стремятся к их последовательному разграничению, что в особенности касается регулирования аренды вещи с правом ее последующего выкупа¹.

В связи с этим в статье рассмотрен доклассический период, в котором были заложены основы современного арендного правоотношения. В рамках него будут рассмотрены архетипы арендного соглашения в архаический период римского права, а также истоки современного представления об обязательствах арендатора и арендодателя у республиканских юристов.

Архаический период римского права

Начальный этап развития римского права содержит весьма скудные сведения об интересующем нас предмете. По всей видимости стоит признать, что причиной тому служит неразработанность тех типичных договорных моделей, которые характеризуют классическую римскую юриспруденцию. Последнее же предопределяется различными социо-экономическими особенностями древнеримского общества периода ранней республики. Чтобы определить последние, стоит начать с обратного. Классическое римское право являет нам монолитный договор *locatio-conductio*, совмещающий в себе черты сразу трех современных договоров: аренды, подряда и возмездного оказания услуг. Следовательно, предоставление рабочей силы рассматривалось в одной плоскости с предоставлением физических объектов.

Подобную взаимосвязь подтверждает и этимология слов *locatio-conductio*. Первое из них в прямом смысле означает размещение, постановку на определенное место (сам корень существительного произведен от слова *locus* – место). Второе же слово *conductio* является субстантивом глагола *conducere*. Глагол *ducere* (вести) дополняется приставкой *con-*, выражая в данном случае соотносимость действия с осуществляющим его лицом. Иными словами, «бином *locatio-conductio* означает

¹ См. напр.: пункт 2 Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 11.01.2002 № 66 «Обзор практики разрешения споров, связанных с арендой»; пункт 5 Постановление Пленума ВАС РФ от 17.11.2011 № 73 «Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре аренды».

ситуацию, при которой расположенный в определенном месте объект забирается, уводится с собой другим человеком» (Mayer-Maly, 1956:12).

Естественно, что представленные термины куда старше анализируемого договора. В действительности, глаголы *locare* и *conducere* весьма часто встречаются уже в комедиях Теренция Плавта, комедиографа III столетия до н.э. Правда, значение в них они имеют не техническое, а скорее общее. Так, например, речь может идти о выставлении стражи царем (*vigiles locat*), выдаче девушки замуж (*virgo locata in matrimonium*), а также подготовке ловушек (*insidias locare*). Более приближенным к юридическому значению в комедиях является термин *conducere*. Увод у Плавта равным образом применяется не только к вещам, но и к людям. Так, например, в комедии «Три монеты» Мегаронид нанял (*conduxit*) Скинофанта, чтобы тот передал письма. В комедии «Канат» в найм берется корабль, а в «Купце» – помещение.

Такое нетехническое использование данных слов дает ученым основание полагать, что отношения найма при самом первом своем появлении не были оформлены как самостоятельный договорный тип с двумя синаллагматическими обязательствами (Gulyaev, 1893:20). Юридизированным является момент взятия, увода с собой, в то время как размещению объекта найма уделялось меньше внимания. С другой стороны, практика найма вещей и физического труда уже существовала. Подобное обстоятельство позволяет предположить, что привычный нам договор аренды имел иную юридическую форму. Но какую? Об этом возможно судить лишь со значительной долей условности в силу уже отмеченного дефицита источников.

Одним из наиболее ранних источников, естественно, являются Законы XII Таблиц, о содержании которых нам сообщает Гай:

Gai. 4.28 <i>Lege autem introducta est pignoris capio velut lege XII tabularum adversus eum, qui hostiam emisset nec pretium redderet; item adversus eum, qui mercedem non redderet pro eo iumento, quod quis ideo locasset, ut inde pecuniam acceptam in dapem, id est in sacrificium, inpenderet; item lege censoria data est pignoris capio publicanis vectigalium publicorum populi Romani adversus eos, qui aliqua lege vectigalia deberent.</i>	Гай. Институты 4.28 Законом устанавливается захват заложенного имущества, например законом XII таблиц в отношении покупателя, не уплатившего цену за жертвенное животное; также в отношении того, кто не уплатит вознаграждение за скот, который был сдан ему в аренду, чтобы полученные за него деньги пошли на <i>dapem</i>, то есть на жертвоприношение; также по цензорскому закону захват залога публичных земель Римского народа предоставлен публиканам в отношении тех, кто по какому-либо соглашению должен платежи
--	---

В представленном фрагменте речь идет о *locatio iumentum* – предоставлении выючного скота в обмен на вознаграждение (*mercedes*) для совершения жертвоприношений. Юрист упоминает, что в древности по Законам XII таблиц в таком случае допускался захват залога (*pignoris capio*) точно так же, как при покупке жертвенного животного и не уплате цены за него. Юрист приводит пример и из более позднего исторического периода, ссылаясь на Цензорский закон 52 г. до н.э. По всей видимости, Гаю было важно показать универсальность *pignoris capio*, которое может затрагивать не только светскую, но и сакральную сферу.

Ввиду последнего обстоятельства Макс Казер отрицает релевантность данного примера, ссылаясь на то, что речь идет о религиозном, а не о частном праве (Kaser, 1971:564). Для нас, тем не менее, важен тот факт, что децемвиры уравнивали в Законах XII таблиц два основания захвата залога, весьма отличающихся по своему

юридическому составу: продажа и аренда. Что дало им такую возможность? В литературе широкое распространение получило мнение Аранджо-Руица, полагавшего, что децемвиры предоставляли подобную гарантию ввиду существовавших в то время сакральных норм, требовавших совершения жертвоприношений в строго отведенное время. С одной стороны, *hostia* могла быть принесена в жертву еще до того, как будут уплачены денежные средства. С другой стороны, получение денежных средств за арендованный скот лишало возможности совершить своевременный религиозный обряд (Arangio-Ruiz, 1954:42). Следовательно, в религиозной сфере происходит уравнивание отношений купли и аренды, каждое из которых подчиняется правилам *ius sacrum*.

Данная гипотеза исходит из тождества между современной Гаю системе римского права и теми нормами, которые существовали в середине V в. до н.э. Тем не менее, тот же Аранджо-Руиц признавал, что такую параллель последовательно провести невозможно с учетом юридического формализма, отличавшего архаическое право. Не до конца ясно, являлся ли захват залога дополнительным средством правовой защиты при наличии уже имеющихся исков для случая купли-продажи и аренды; или же его универсальность обусловлена как раз отсутствием специальных средств защиты. Ученый, однако, оставался при том мнении, что упомянутые Гаем нормы Закона являются реакцией на практику передачи манципируемых вещей через мнимую процедуру уступки в суде, при которой передача денежных средств, естественно, не могла иметь место (Arangio-Ruiz, 1954:43–44).

Тем не менее, как отмечает Хорст Кауфманн, данная позиция отражает довольно анахронический взгляд на товарооборот в архаическом римском праве. По всей видимости, он связана с отождествлением денежных средств (*pecunia*) и упоминавшегося в Законе XII таблиц *merces* (Kaufmann, 1964:36). В конце концов, мы видим данное отождествление в тексте самого Гая. Однако при этом не учитывается то обстоятельство, что наиболее раннее упоминание о чеканке круглых медных монет (*aes grave*) в Древнем Риме датируются концом IV – серединой III в. до н.э. (Mattingly, 1945:65). Использувавшиеся до этого куски меди (*aes signatum*), перевозимые быками, были довольно неудобны в обороте, и внешне напоминали натуральный обмен товарами. Данное обстоятельство не перечеркивает, но уточняет позицию Аранджа-Руица. Дело не в том, что *pignoris capio* в Законах XII таблиц обеспечивал интересы продавца, но в том, что уровень экономического развития архаического римского общества просто не мог выработать иную модель правоотношений. В то же время она вполне отвечала практике совершения религиозных обрядов, в которых жертвоприношение также имело натуральную форму (Kaufmann, 1964:38–43).

Думается, что к указанному замечанию следует добавить еще одно обстоятельство. Натуральный товарообмен и редкость совершаемых сделок соответствуют тому уровню правосознания, при котором право собственности определяет положение индивида внутри общества и семьи. Наличие распорядительного правомочия, с которым связывается господство над вещью, становится универсальной конструкцией и для иных правоотношений. При этом продажа как форма реализации данного права позволяло наиболее ярко фиксировать изменение объема правомочий (Delarov, 1895:39). В связи с этим в рамках продажи реализовывалась даже власть домовладыки над своими домочадцами. Закон XII таблиц сообщает об, очевидно, существовавшей практике продажи собственного сына:

Gai. 1.132 Praeterea emancipatione desinunt liberi in potestatem parentum esse. sed filius quidem tribus mancipationibus, ceteri vero liberi sive masculini sexus sive feminini una mancipatione exeunt de parentum potestate: lex enim XII tabularum tantum in persona filii de tribus mancipationibus loquitur his verbis: «si pater ter filium venum duit, a patre filius liber esto»	Гай. Институции. 1.132 Кроме того, дети выходят из-под власти отца ввиду эманципации. Но сын выходит из-под нее после трех манципаций, остальные же потомки как мужского, так и женского пола – после одной: ведь закон XII таблиц говорит лишь о трех манципациях сына такими словами: «если отец три раза продаст сына, пусть сын будет свободен от отца»
---	--

На протяжении столетий умы романистов занимает вопрос, для чего именно в Законы XII таблиц было введено такое решение? Безусловно, речь не могла идти о способе эманципации несовершеннолетнего сына, так как подобный институт появился лишь в классическом праве путем адаптации прежнего архаического предписания. Главенствующее на сегодня объяснение сводится к тому, что такое решение являлось ограничением власти домовладыки над своими домочадцами. Нахождение сына в во власти отца давало повод для его уподобления имуществу отца и предполагало возможность его отчуждения. Тем не менее, в намерение домовладыки могло входить извлечение регулярного дохода за счет отправления своего сына на работы другому лицу. По этой причине многие исследователи видят предпосылку этого правила в продаже сына для его использования в хозяйстве чужого лица (Gulyaev, 1893:20; Schulz, 1951:151–152). Факт его последующего возвращения под власть отца посредством манумиссии указывает на то, что соглашением между сторонами предполагалась временность использования подвластного лица²

При этом власть над сыном не прекращалась при его отчуждении, но лишь сокращалась на время его пребывания в семействе другого лица. Все это позволяло отцу «продавать» сына фактически неограниченное количество раз. Считается, что введение условия о троекратной продаже как раз было связано с ограничением индивидуалистических начал римского права на его самом раннем этапе развития (Von Jhering, 1877:504–505). В периоде, предшествовавшем Законам XII таблиц, видят господство частного интереса над интересом общественным. Последний же, вероятно, мог заключаться в том, чтобы автономному положению домовладыки были поставлены известные пределы, а находившиеся под его властью сыновья обрели полноценное положение в обществе.

По всей видимости, упомянутые обстоятельства стали причиной того, что на уровне юридического языка найм и продажа довольно часто обозначали одно и то же правоотношение. При этом довольно часто такое правоотношение выходило за рамки частного права, а его субъектами выступали не только граждане, но и сама римская община. Из разобранный выше текста Гая (Inst. 4.28) мы видим, что *capio pignoris* имело место и в отношениях государства с вектигалистами. Как известно,

² К такому же выводу приходит Ревен Ярон, опровергая мнение Леви-Брюля о совершении троекратной продажи мгновенно, посредством одного акта (Yaron, 1968: 70–71). Впрочем, автор настаивает, что в данном случае нельзя вести речь о найме, так как манципация включала переход под власть манципирующего лица. Я не уверен, что гипотеза использования продажи с условием о последующей манумиссии в том числе для найма труда совершенно невозможна для архаического периода. В неюридических источниках даже поздней Республики мы можем встретить выражение «покупать работы» (см.: Cic. De off. 1.42.150). Вполне допустимо предположить, что такое словоупотребление вошло в оборот благодаря древней юридической практике.

вектигалистом являлось лицо, обрабатывавшее земельный участок, который находился в собственности римского народа (*ager publicus*) и принадлежал к разряду *res extra commercium* (Dozhdev, 1997:424–425). Из дошедших до нас отрывков Аграрного закона 111 г. до н.э., в котором упоминаются отношения с вектигалистами, следует однопорядковое упоминание слов *locare* и *vendere*. Так, в нем говорится, что цензоры Луций Цецилий и Гней Домоций издали закон о публичных вектигальных платежах при аренде и продаже, а в другом месте упоминается об аренде или откупе публичных платежей (lin. 87: *vectigalia fruenda locare vendereve*).

Используемое в определении слово *fruenda* выбивается из общего замысла закона, предназначенного для сбора налоговых платежей частными лицами. Представляется, что это отражает более древнюю практику, при которой *ager publicus* сдавался вектигалистам для обработки земли. Лишь позднее, с развитием хозяйственных отношений, государственный откуп стал оформлять оказание услуг по реализации фискальных функций государства (*ultra tributa*) (Malmendier, 2002:72–73). На существование более древней практики нам указывает древнеримский грамматик II в. н.э. Фест:

Fest. De verb. sign. 516 L. Vend<itiones> olim dicebantur censorum locationes quod uelut fructus locorum publicorum uenibant	Фест. О значении слов. 516 строка Продажами некогда назывались предоставления цензоров, поскольку они как бы продавали фрукты, <собираемые> с публичных мест
--	--

В определении Феста можно разглядеть систему отношений между государством и частными лицами, при которой последним под обработку предоставлялись публичные земельные участки с возможностью приобретения в собственность выросших на них плодов. Из этого делается вывод, что в древности аренда земельного участка с возможностью извлечения плодов считалась продажей потому, что извлекаемые плоды являлись как бы отчуждаемой будущей вещью (Mommsen, 1874:412). Тем не менее, Хорнст Кауфманн отмечает, что из текста Феста нельзя с достоверностью установить, что же являлось предметом такого найма-продажи: выращенные на публичном земельном участке фрукты или собираемая за его использование плата (Kaufmann, 1964:252). Еще ранее и в более категоричной форме Дегенкольт указывал на то, что выражение «как будто» (*velut*) стоит именно перед словом *fructus*. Тем самым Фест придавал ему метафорическое значение, поскольку в действительности речь шла не о натуральных фруктах, но собираемых с жителей земли налогах. Следовательно, речь не могла идти и об аренде земли как таковой (Degenkolb, 1865:138–140).

Чуть позже Бекманн допустил, что в этом случае под *fructus* могли иметься в виду как натуральные фрукты, так и поступаемые в казну доходы (Bechmann, 1876:442). Представляется, что данная позиция с необходимостью следует из хозяйственной практики, бытовавшей ранее в частноправовых отношениях. Из сочинения Марка Порция Катона «О сельском хозяйстве» мы знаем, что в его время (конец III – первая половина II вв. до н.э.) соглашение, по которому одно лицо позволяло другому пасти свой скот на его пастбище в течение зимы, считалось продажей корма³. Конечно, подобные свидетельства не позволяют с однозначностью сказать, что

³ Cato, De agri cultura. 149 : Qua lege pabulum hibernum venire oporteat. Qua vendas fini dicito. Pabulum friu occipito ex Kal. Septembribus... [Каким образом необходимо продавать растительный корм. Прежде установи сроки, до которых продаешь. Пусть начинает пользоваться кормом не ранее Сентябрьских календ...].

аренда произошла из купли. Скорее, стоит согласиться с мнением, что на раннем этапе развития древнеримского хозяйства привычные нам контракты не были четко обособлены друг от друга (Watson, 1984:11). Оба глагола «продавать» (*vendere < venum dare*) и «сдавать» (*locare*) указывают на момент физического взятия. Их взаимозаменяемость обусловлена тем, что каждый из них описывает внешний экономический процесс обмена товарами, нежели содержание правоотношения.

Таким образом, на раннем этапе развития арендных отношений последние не были строго отделены от купли. Тем не менее, к периоду конца Римской республики мы наблюдаем первые попытки систематизации договорных обязательств, в которых *locatio-conductio* занимает самостоятельное место. Одним из самых известных примеров является перечень исков по доброй совести Квинта Муция, о котором упоминал Цицерон (*De officiis* III.17.70). Согласно ему республиканский юрист считал, что в формулах с общей оговоркой о доброй совести (*ex fide bona*) заключена огромная сила, существующая во всяком соглашении, на котором основана общественная жизнь (*vitae societas*). С учетом этого можно предположить, что к началу первого столетия до н.э. *locatio-conductio* не только становится широко распространенным на практике соглашением, но и получает исковую защиту как отдельный договорный тип.

Республиканский период

Предпосылки для этого сложились в попытках республиканских юристов определить предмет обязательства обеих сторон. Очевидно, что обязательство кондуктора об уплате арендных платежей (*merces*) было определено при разработке юридической конструкции плодов (*fructus*). Римские юристы достаточно рано пришли к пониманию, что последние производны не только от плодоносящих вещей. Это понимание возникло на уровне практики по истребованию доходов, которое ответчик по виндикационному иску мог извлечь из находящейся в его владении вещи. Из рассуждений Гая (D.22.1.19.pr.) следует, что к его времени истребовать плоды мог узупруктуарий и даже лицо, обладающей голой собственностью (*nuda proprietas*), в том числе из таких вещей, как серебро и одежда. В подтверждение своей мысли юрист замечает, что уже Элий Галл (юрист конца II в. до н.э.) полагал возможным при истребовании платья или чаши причислить к фруктам все то, что могло быть извлечено в качестве вознаграждения при сдачи этой вещи в аренду (*in fructu haec numeranda esse, quod locata ea re mercedis nomine capi potuerit*). Из данного фрагмента следует, что уже в предклассический период римского права сдача вещи в аренду начинает рассматриваться как один из распространенных способов извлечения из нее регулярного дохода без перенесения права собственности. Элия Галла даже не занимает вопрос, использовалась ли арендуемая (подобно виндицируемой) вещь на самом деле. Это показывает и границы обязательства самого арендодателя, которое заканчивается на предоставлении возможности использования этой вещи (*uti frui*) (Fiori, 1999:45–50).

Более углубленное представление об этом обязательстве появляется к последнему столетию Римской республики благодаря юристам Сервию Сульпицию Руфу и Алфену Вару. Здесь необходимо упомянуть во взаимосвязи несколько текстов. Один из них — фрагмент из комментария Ульпиана к эдикту, в котором он цитирует Сервия⁴:

⁴ Данный фрагмент был предметом пристального анализа многих ученых. На протяжении первой половины двадцатого столетия господствовало мнение об интерполированности текста (см. напр.: Mayer-

D.19.2.15.2 Ulp. 32 ad ed. Si vis tempestatis calamitosae contigerit, an locator conductori aliquid praestare debeat, videamus. Servius omnem vim, cui resisti non potest, dominum colono praestare debere ait, ut puta fluminum graculorum sturnorum et si quid simile acciderit, aut si incursus hostium fiat: si qua tamen vitia ex ipsa re oriantur, haec damno coloni esse, veluti si vinum coacuerit, si raucis aut herbis segetes corruptae sint. sed et si labes facta sit omnemque fructum tulerit, damnum coloni non esse, ne supra damnum seminis amissi mercedes agri praestare cogatur. sed et si uredo fructum oleae corruperit aut solis fervore non adueto id acciderit, damnum domini futurum: si vero nihil extra consuetudinem acciderit, damnum coloni esse. idemque dicendum, si exercitus praeteriens per lasciviam aliquid abstulit. sed et si ager terrae motu ita corruerit, ut nusquam sit, damno domini esse: oportere enim agrum praestari conductori, ut frui possit.	D.19.2.15.2 Ульп. в 32 кн. ком. к эд. Ежели препятствием [в использовании вещи] окажется ужасающий шторм, посмотрим, будет ли локатор что-либо должен кондуктору. Сервий говорит, что собственник должен гарантировать колону [ненаступление] всякого препятствия, которому невозможно сопротивиться, как например, нашествие галок, скворцов или им подобных, или же набег врагов: но если препятствия происходят из самой вещи, ущерб несет колон, как когда скисает вино при испорченном червями или сорной травой посева. Но и если произошел обвал, уничтоживший весь урожай, колон не несет ущерб, ибо нелегко, что при утрате посева он бы платил арендное вознаграждение. Но и если заражение олив или бушующее солнце погубят урожай, ущерб будет на собственнике: если не произойдет ничего экстраординарного, ущерб на колоне. То же самое нужно сказать и если развращения ради что-то захватит войско. Однако если землю повредит небывалое землетрясение, ущерб несет собственник, ибо он должен предоставить кондуктору возможность использовать землю.
---	---

Данный отрывок развивает предыдущее рассуждение Ульпиана о двух случаях вчинения *actio ex conducto*, в одном из которых само состояние вещи не позволяет извлекать из нее плоды (*re quam conduxit frui ei non liceat*). В другом же ответственность локатора следует из непредоставления того, что было также обещано по соглашению⁵. Последний случай юрист оставляет без внимания, так как в нем все зависит от соглашения сторон. Для первого он приводит примеры, когда не предоставляется владение частью участка или же какие-то постройки на нем нуждаются в реконструкции.

Но во всех ли случаях невозможность использования вещи дает основание для ответственности *ex conducto*? Именно этот вопрос побуждает Ульпиана обратиться к учению Сервия о непреодолимой силе. Республиканский юрист разделял ее на два типа. Один из них касается внешнего препятствия, которое не может быть сдержано (*vis cui resisti non potest*), как, например, стая диких птиц, склевавших посев или же набег врагов (*incursus hostium*). Второй тип препятствий связан с самой землей и проистекает из нее (*vitia ex ipsa re oriantur*). К таким случаям относится скисание вина из-за порчи семян червями или проростания сорной травы.

Maly, 1956:161–163; Kaser, 1957:172–173). Тем не менее, в 1957 году был обнаружен пергамент, который подтверждает подлинность приводимой цитаты. По всей видимости, юстиниановскими компиляторами была вычеркнута лишь опосредованная цитата Помпония, который в свою очередь и цитировал Сервия (см.: Fiori, 1999:81–83). Традиция толкования данного источника породила довольно большое количество взаимосвязанных научных тезисов, которые в настоящем исследовании будут использованы лишь в части.

⁵ Согласно реконструкции Отто Ленеля, классификация Ульпиана восходит к тексту формулы *actio ex conducto*, содержащейся в эдикте (Lenel, 1889:639–640).

В литературе общепринятым является мнение, что данную классификацию не следует воспринимать буквально. В противном случае было бы невозможно разграничить *vitia ex ipsa re* от ситуации, при которых невозможность использования вещи напрямую связана с ее качеством (что, как мы выяснили ранее, обуславливало ответственность локатора). Скорее же следует согласиться с мнением исследователей, считающих, что в представленном казусе речь идет о случаях, когда порча сданного аренду земельного участка происходит из-за обстоятельств, напрямую связанных с сельскохозяйственной деятельностью колона (De Neeve, 1983:310; Fiori, 1999:93). Иными словами, римские юристы уже в республиканскую эпоху воспринимали колонов как опытных участников гражданского оборота, с которыми связывается повышенный стандарт ожиданий.

В то же время Сервий не останавливается на двух упомянутых типах, но идет дальше. По всей видимости, республиканский юрист считал необходимым уточнить введенное им деление. Действительно, мы видим, что с одной стороны, обвал почвы (*labes*) явно проистекает из самой земли, однако на колона не переходит в связи с этим ущерб. С другой стороны, такая очевидно внешняя сила как войско (*exercitus*) входит в сферу его риска.

Можем ли мы говорить, что подобные уточнения свидетельствуют об изменении во взглядах на непреодолимую силу и принадлежат более поздним юристам: Помпонию, Ульпиану или даже правоведам Юстиниана? Сказать об этом что-то наверняка довольно трудно, но думается, есть основания видеть за оставшейся частью текста мысли самого Сервия. Ульпиан не вводит ни одного возражения или собственного замечания, которые могли бы прервать идущую со слова *ait* косвенную речь, выраженную в форме винительного падежа с инфинитивом (*accusativus cum infinitivo*).

Кроме того, нет оснований полагать, что дистинкция Сервия изначально была рассчитана на всеохватывающий характер. Республиканский (а скорее, и любой римский) юрист вряд ли мог мыслить в таком ключе. Вероятно, стоит принять во внимание замечание Бретоне об особой технике, с которой велись рассуждения Сервием и его последователями. Выдвигая общее правило, рассчитанное на решение конкретного казуса, школа Сервия стремилась расширить диапазон его действия, что зачастую совпадало с практической необходимостью дать консультацию по составлению формулы, условия соглашения или завещания (*cavere*) (см.: Bretone, 1982:94–96).

Учитывая это, можно попытаться выяснить, каким образом Сервий уточняет разработанное им правило. Как мы видим, республиканский юрист, прежде всего, детализирует критерий *vitia ex ipsa re*, говоря, что не только риск обвала (*labes*), но и необычайная жара (*fervor solis non adsuetus*), а также порча семян оливы (*uredo oleae*) относятся на счет собственника земли. В чем же состоит разница с прежде упомянутыми случаями порчи урожая червями и сорной травой? В том, отвечает Сервий, что первый вид случаев является необычным или экстраординарным (*non adsuetus, extra consuetudinem*). Очевидно, здесь мы можем разглядеть свидетельство об уровне развития сельского хозяйства, которое определяет и пределы заботливости «среднего» колона о сданной ему в аренду земле. Жара, заражение семян, равно как и обвал не могли быть ни предвидены, ни предотвращены (см.: Fiori, 1999:96–97).

Далее же республиканский юрист вводит еще один критерий. Он рассуждает о двух ситуациях, когда что-то из хозяйства было взято войском, и когда земля была

повреждена небывалым землетрясением⁶. По всей видимости, такое противопоставление основано на степени ухудшения сданной в аренду вещи и выводится Сервием из самой сути обязательства арендодателя. Последний отвечает за то, чтобы предоставить возможность пользоваться вещью. И естественно, что эта возможность едва ли сохранится после землетрясения. Но колон по-прежнему сможет использовать сданный в аренду участок, если из его хозяйства будет что-то утащено войском ради развлечения (*per lasciviam*). По всей видимости, данное уточнение показывает, что речь не идет о значительной потере. По крайней мере, Сервий даже не рассуждает, мог ли колон воспротивиться этому⁷.

С невозможностью использования вещи в тексте связаны и определенные последствия. Традиционно данный текст рассматривается в контексте проблемы удержания арендных платежей (*remissio mercedis*) (De Neeve, 1983:296–297). Здесь, однако, возникает ряд терминологических и содержательных проблем. Во-первых, мы не можем обнаружить напрямую этот термин не только в этом, но и в других фрагментах которые излагают данный институт иными словами. Это дало некоторым ученым основание полагать, что в действительности в анализируемом источнике речь идет о каком-то другом юридическом последствии. Довольно известным является мнение Майера-Мали, что применительно к аренде земли правильнее было бы говорить не о возвращении (*remissio mercedis*), но о вычете (*deductio ex mercede*) вознаграждения. По его мнению, для республиканских и императорских юристов предварительная плата за договор аренды земельного участка была не известна. Оплата происходила после истечения пятилетнего срока (*lustrum*), и потому возвращать (*remittere*) в прямом смысле этого слова было нечего (Mayer-Maly, 1956:138–140, 142).

Думается, однако, что убеждение, будто только термин *remissio* мог использоваться для обозначения последствия непреодолимой силы, не соответствует текстам, в которых обсуждается данный институт. Например, в D.19.2.33 мы можем увидеть, как Африкан взаимозаменяемо использует термины *remittere* и *reddere*, обсуждая ситуацию, при которой кондуктор был выгнан третьим лицом, которому сам локатор не мог сопротивляться. В таком случае, по мнению юриста, кондуктор может рассчитывать не больше, чем на возвращение или отдачу денег (*nihil amplius ei quam mercedem remittere aut reddere*). При этом мы видим, что в этом тексте речь идет об арендованном земельном участке. То же самое можно встретить в D.19.2.24.5, где Павел говорит о *mercedes remittere* в ситуации истребования наследником арендного вознаграждения от арендатора земельного участка, которому был прощен долг.

⁶ Здесь нужно принять во внимание то обстоятельство, что в античности землетрясение считалось божественным явлением. Лишь начиная с Аристотеля оно начало рассматриваться как особая подземная реакция на различные метеорологические явления (Borsch & Carrara, 2016:6–7). Очевидно, всё это и побудило Сервия приравнять данное землетрясение к внешней силе, не связанной с землей.

⁷ Брюс Фриер полагает, что приведенные Сервием примеры лишь объясняют, но не развивают введенное им правило о внешней силе, которой невозможно сопротивляться. В подтверждение своей мысли ученый приводит фрагмент D.19.2.13.7, где Ульпиан цитирует Лабео́на, рассуждающего о схожем казусе, при котором кондуктор покинул участок при наступавшем войске врагов. Римский юрист допускал ответственность арендатора, если тот смог противостоять, но не сделал этого (см.: Frier, 1978:237–238). Думается, однако, что речь идёт о разных казусах. В казусе Ульпиана и Лабео́на речь идет о войске врагов, тогда как Сервий ничего об этом не говорит, как не говорит и о том, что колон покинул при этом землю. Ульпиан цитирует Сервия, решая вопрос, в каких случаях считается, что обязательство арендодателя *frui licere* считается неисполненным, что влечет *remissio mercedis*. Цитируя же Лабео́на, он рассматривает другой вопрос: в каких случаях кондуктор отвечает за сохранность арендованного имущества.

Интересно, что и сам Майер-Мали признает подлинность данного фрагмента (Mayer-Maly, 1956:46), хотя, если следовать его логике, было бы точнее говорить о вычете долга (*deductio ex mercede*). С учетом этого видится более оправданной точка зрения авторов, настаивающих на взаимозаменяемости и гибкости используемой терминологии применительно к обсуждаемому институту (De Neeve, 1983:298–300, Fiori, 1999:98–99, n. 26).

Но если даже допустить некоторую условность избранных в литературе терминов, то это еще не позволяет определить, в каких случаях наступают обозначаемые ими последствия. С этим связана проблема аутентичности текста. Так, в дополнение к сказанному Майером-Мали Вольфганг Эрнст считает интерполированной ту часть текста, где отрицается обязанность колона уплачивать *merces* при обвале земли, уничтожившем посев (*ne supra damnum seminis amissi mercedes agri praestare cogatur*). По его мнению, данное добавление обусловлено патерналистским стремлением постклассических юристов дать дополнительные гарантии почти бесправному в их время колонну. Юрист задается вопросом, отчего же в таком случае у Сервия колон не освобождается от уплаты при наступлении препятствий, связанных с землей (*vitia ex ipsa re oriantur*) (Ernst, 1988:561)?

Но с учетом ранее сказанного, аргументация ученого не кажется убедительной. Сервий перекладывает риск при *vitia ex ipsa re* на колона просто потому, что он остается в сфере его хозяйственной инициативы и обусловлен способом ведения хозяйства (по крайней мере, с точки зрения современной Сервию науке о земледелии). Выход непреодолимой силы за пределы усредненных возможностей колона перекладывает риск на собственника. По мнению Эрнста, это происходит в силу того, что обсуждаемый риск непосредственно связан с правом собственности на земельный участок (*eigentumsimmanenten Gefahr*). Но так ли это на самом деле? Ученый толкует *vis cui resisti non potest* как границы ответственности локатора за *custodia*. В случае *vis maior* такая ответственность исключается, и риск переходит на локатора как собственника арендуемой вещи. Но освобождение от ответственности, разумеется, еще не предполагает ответственность другой стороны. В этой связи ученый утверждает, что институт *remissio mercedis* является постклассической инновацией, и во времена Сервия он не был известен (Ernst, 1988:545–550).

Нужно признать, что подобная точка зрения получила довольно широкое распространение в литературе (см. напр.: Zimmerman, 1992:370; Cardilli, 1995:250). Однако вряд ли с ней можно согласиться. Во-первых, далеко не всякое правоотношение, в котором собственник передает другому лицу вещь, предполагало обязательство *custodia*. И дело даже не в том, что земельный участок как недвижимая вещь не мог быть украден, а потому стеречь его (*custodire*) в прямом смысле было невозможно (см.: Ernst, 1988:550). Данное обязательство напрямую связано с необходимостью передать вещь для того, чтобы над ней была совершена манипуляция профессиональным лицом (*locare operis*). Ремесленник, хозяин стойла, капитан корабля и т.д. принимают вещь за вознаграждение, и с их действиями связан повышенный стандарт ожиданий. Он не мог быть приравнен к ожиданиям по отношению к лицу, самому уплачивающему деньги за использование переданной вещи.

Во-вторых, имеются достаточно текстов, которые подтверждают, что уже в эпоху Сервия с *vis cui resisti non potest* могли быть связаны возвращение или вычет арендного вознаграждения. Об этом нам сообщает Алфен Вар в нескольких книгах своих Дигест, одна из которых дошла в эпитамах Павла. Так, в одном из

фрагментов⁸ он передает суждение (вероятно, Сервия⁹) о том, что не всякое ухудшение жилищных условий жильцов обуславливает вычет из арендного вознаграждения (*deductio ex mercede*). У собственника нет такой обязанности лишь потому, что жильцам досталась маленькая и менее удобная часть помещения из-за обвала несущей стены (*transversarium incidisset*)¹⁰, вынудившего разрушить одну из частей. Очевидно, здесь наблюдается некоторая модификация по сравнению с казусами из D.19.15.2. Арендатор не лишается возможности использовать арендованную вещь, хотя условия использования ухудшаются. Тем не менее, вывод, к которому приходит юрист, по всей видимости, опирается на учение Сервия (ср.: Fiori, 1999:99–100). Сохранение *uti frui* определяется по степени случившихся ухудшений в сравнении с хозяйственными целями кондуктора. В тексте противопоставлена ситуация, при которой собственник (очевидно, вследствие аналогичного разрушения) убрал крышу (*partem caenaculi aperuisset*) с той части здания, в которой проживал арендатор. Разумеется, это ухудшение настолько существенно, что делает бессмысленным аренду помещения (которое теперь даже не может укрыть от дождя и других неблагоприятных погодных условий).

В данном тексте речь идет о требованиях жильцов, которое они могут сразу же (*statim*) предъявить арендодателю. Очевидно, речь идет о ситуации, при которой арендное вознаграждение уже было уплачено. В том случае, если это еще не произошло и вследствие оправданных опасений (*causa timoris iusta*) кондуктор покинул арендуемую вещь, то с него нельзя будет взыскать вознаграждение (D.19.2.27.1)¹¹.

⁸ D.19.2.27.pr Alf. 2 dig. Habitatores non, si paulo minus commode aliqua parte caenaculi uterentur, statim deductionem ex mercede facere oportet: ea enim condicione habitatorem esse, ut, si quid transversarium incidisset, quamobrem dominum aliquid demoliri oporteret, aliquam partem parvulam incommodi sustineret: non ita tamen, ut eam partem caenaculi dominus aperuisset, in quam magnam partem usus habitator haberet [если жильцам пришлось пользоваться менее удобной частью помещения, они не могут сразу же потребовать вычета из арендных платежей. жилец окажется в таком положении, если ему пришлось мириться с маленькой частью неудобств, когда вследствие обвала несущей стены, собственнику пришлось кое-что разрушить; но не тогда, когда вследствие этого он убрал крышу, под которой большую часть занимал жилец].

⁹ Авторство Сервию (хотя и со многими оговорками в отношении содержания текста) приписывает Брюс Фриер (Frier, 1980:151).

¹⁰ Вопрос о том, как переводить это выражение, в литературе довольно спорный. Выражение *adversarium* содержится в Флорентийской рукописи и воспроизведено в официальном издании Дигест Т. Моммзена (Mommsen (eds.), 1870:556). Однако в рукописи, составленной глоссаторами (*littera Bononiensis*) говорится о *adversium* в значении общего неприятного происшествия. Тем самым представленному казусу придается более общее значение, чем то, что было определено его фабулой и связано с вопросом юристу. Так, например, рассуждает Роберто Фьори (Fiori, 1999:100, n. 129), который указывает, что в таком случае для термина *vis cui resisti non potest*, претендующего на аналогичное значение, создается неоправданный синоним. Думается, что стоит принять замечание Циммермана, что получившие распространение в Риме инсулы часто строились из дешевого и некачественного материала, а потому нередко были подвержены обвалам. Это стало причиной рассмотрения вопросов об ответственности локатора перед нанимателями помещений (Zimmerman, 1992:347).

¹¹ D. 19.2.27.1 Alf. 2 dig.: Iterum interrogatus est, si quis timoris causa emigrasset, deberet mercedem necne. respondit, si causa fuisset, cur periculum timeret, quamvis periculum vere non fuisset, tamen non debere mercedem: sed si causa timoris iusta non fuisset, nihilo minus debere [также его спросили, будет ли [кондуктор] должен денег, если он покинул [арендованную вещь] из-за оправданного опасения. Ответил, что если существовала причина для опасений, даже если сам ожидаемый риск не наступил, не будет должен, а если уважительной причины не было, то должен]. В отношении подлинности текста высказывалось множество замечаний, главным образом ввиду использования слов *causa timoris*, *iusta causa*. По мнению Майера-Мали, данные выражения встречаются в классическом праве, но не в эпоху Сервия (Mayer-Maly, 1956:217). Тем не менее, есть свидетельства из неюридических источников, подтверждающих использование Сервием выражения *iusta causa* (см: Fiori, 1999:101–102, n. 138).

В обоих случаях наблюдается ясная взаимозависимость между двумя предоставлениями: *uti frui – merces*. Отпадение одного из них влечет прекращение обязательства по второму предоставлению, что характерно для обязательств, связанных кондициональной синаллагмой.

Сервий не только определил основания *remissio mercedis*, но попытался очертить и сам размер. Что если непреодолимая сила наступила после истечения определенного периода арендного срока? Эдил арендовал баню на год, чтобы жители муниципия могли бесплатно в ней мыться, но через три месяца она сгорела (D.19.2.30.1)¹². В таком случае банщик отвечает *ex conducto* на сумму, равную размеру вознаграждения за оставшееся время. Здесь мы наблюдаем на примере отдельного казуса еще одно важное достижение школы Сервия: разграничение размера *remissio mercedis* и убытков при ненадлежащем исполнении обязательства (*id quod interest*). О данном делении мы можем узнать из двух взаимосвязанных фрагментов Африкана (D.19.2.33-35). В них юрист упоминает о некоей поддержанной всеми дистинкции Сервия (*haec distinctio, quae a Servio introducta et ab omnibus fere probata*) в связи с изъятием земельного участка (*si fundum quem mihi locaveris publicatus sit*). Африкан рассуждает, что хотя в этом случае локатор будет нести ответственность *ex conducto*, по нему возвращается цена, не превышающая гипотетическое положение нанимателя при предоставлении земельного участка пустым (*non ut etiam id praestes, si quid pluris mea intersit eum vacuum mihi tradi*).

Юрист приводит и другой пример, который указывает на авторство Сервия. Возмещение в размере *id quod interest* будет в случае, если локатор прогонит нанимателя сам или через подчиненного; но не когда это сделает третье лицо, которому сам локатор не мог противостоять вследствие непреодолимой силы или ее вероятности (*vim maiorem aut potentiam eius*). Мы видим, что здесь поведение третьих лиц сравнивается с поведением собственника и тех, кто находится под его контролем. Иными словами, Африкан пользуется критерием Сервия *vis cui resisti non potest* как внешнего препятствия. Однако есть основания предполагать, что Сервий рассматривал внешнее препятствие не только по отношению к собственнику, но и самому кондуктору, так что даже поведение самого арендодателя могло рассматриваться как внешняя сила¹³. Такую ситуацию он видел в субарендных отношениях, когда арендатор, сняв в аренду всю инсулу за 30, впоследствии сдал в ней отдельные помещения за 40, но затем инсула была разрушена собственником из-за ошибок при постройке (D.19.2.30.pr). По мнению Сервия, размер возмещения зависит от того, было ли разрушение продиктовано необходимостью. Если собственник просто хотел улучшить здание, то он будет отвечать в размере положения, в котором оказался бы

¹² D.19.2.30.1. Alf. 3 dig. a Paulo epit.: Aedilis in municipio balneas conduxerat, ut eo anno municipes gratis lavarentur: post tres menses incendio facto respondit posse agi cum balneatore ex conducto, ut pro portione temporis, quo lavationem non praestitisset, pecuniae contributio fieret [Эдил в муниципии арендовал бани, чтобы жители муниципия бесплатно мылись в бане в течении года: ввиду пожара, наступившего после трех месяцев, [Сервий] отвечает, что [эдил] может судиться с банщиком иском из найма, чтобы вернуть деньги за то время, в течение которого не было возможно мыться]. По мнению Фьори со ссылкой на Капогросси, в слове *respondit* также содержится отсылка к Сервию (Fiori, 1999: 100, n. 132).

¹³ Иную позицию занимает Фьори, который полагает, что выражение *vis cui resisti non potest* не охватывала случаи, при которых препятствия исходили из самого арендодателя. Ученый указывает, что в анализируемом далее тексте (D.19.2.30.pr) данный термин не упоминается (Fiori, 1999: 105). Тем не менее, есть основания допустить некоторую взаимозаменяемость терминов, обозначающих непреодолимую силу, в тех фрагментах, где речь идет об одинаковом последствии *remissio mercedis* и об одной и той же проблеме: определение его размера.

собственник, если бы жильцы не уехали (*quanti conductoris interesset, habitatores ne migrarent*). При действительной же необходимости кондуктор рассчитывает на размер арендного вознаграждения, в течение которого жильцы в помещениях не могли проживать (*pro portione [quanti dominus praediorum locasset] quod eius temporis habitatores habitare non potuissent, rationem duci et tanti litem aestimari*)¹⁴.

Заключение

Таким образом, мы можем заключить, что именно Сервий Сульпиций Руф стал первым из известных нам римских юристов, который показал взаимосвязь между обязательствами локатора и кондуктора. Учитывая это, можно сказать, что комплексное представление об арендном правоотношении приходится на конец Римской республики. Дальнейшее развитие римского права пойдет по пути адаптации обязательств сторон к изменяющимся социально-экономическим условиям жизни в Древнем Риме. При этом известный консерватизм римской юриспруденции, очевидно, способствовал тому, что решения предшествовавших поколений юристов не отвергались, но адаптировались. Возможно, именно поэтому даже во II в. н.э. Гай с оглядкой на историю римского права будет утверждать, что в действительности между куплей-продажей и наймом довольно много общих признаков (Inst. 3.145).

References / Список литературы

- Arangio-Ruiz, V. (1954) *La compravendita nel diritto romano*. 2 ed. Napoli, Casa editrice Dott. Eugenio Jovene.
- Borsch, J. & Carrara, L. (2016) *Erdbeben in der Antike. Deutungen – Folgen – Repräsentationen*. Tübingen, Mohr Siebeck.
- Bretone, M. (1982) *Tecniche e ideologie del giuristi romani*. 2. ed. Napoli, Edizione scientifica italiane.
- Cardilli, R. (1995) L'obbligazione di "praestare" e la responsabilità contrattuale in diritto romano: (II sec. A.C. – II sec. D.C.). Milano, Giuffrè.
- Gulyaev, A.M. (1893) *Hiring of services*. Yuryev, Typography of K. Matisen. (in Russian).
- Гуляев А.М. Наём услуг. Юрьев : Типография К. Матисена, 1893. 246 с.
- Degenkolb, H. (1865) *Platzrecht und Mieth. Beiträge zu ihrer Geschichte*. 1865. Berlin, Lüderitz'sche Verlagsbuchhandlung.
- Delarov, P.V. (1895) *The essays of the history of a person in Ancient Roman Law. Historical and Legal Research*. Saint Petersburg, Printing house of N.G. Martynov. (in Russian).

¹⁴ Как и многие другие тексты, данный фрагмент считается интерполированным. Не вдаваясь подробно в иные гипотезы, есть основание видеть вкрапление компиляторов в выражении *quanti dominus praediorum locasset*. Дело в том, что оно совершенно выбивается из фабулы казуса: с одной стороны, речь не идет о множестве зданий (*praediorum*), но об одной конкретной инсуре; с другой стороны, жильцам сдавал в аренду вовсе не собственник, а его арендатор. В этой связи можно согласиться с редакцией Казера (Kaser, 1957: 157, Ann. 7): *demolitus esset, eius temporis rationem duci oportere, quo habitatores habitare non potuissent et pro portione eius temporis, quanti dominus locasset, tanti litem aestimari* [при разрушении следует учесть то время, в течение которого жильцы не смогли проживать, и требовать ту его часть, на которую собственник сдал в аренду]. Иными словами, по мнению ученого, Сервий предлагал ограничить размер *remissio mercedis* не тем временем, в котором могли бы проживать жильцы, но тем, в течение которого действовал бы договор аренды между собственником и первоначальным арендатором. Мнение Казера подтверждает Жак Микель, полагая, что путаница возникла, поскольку компиляторы допустили перестановку предлога *quod* и убрали союз *et*. В реконструкции ученого «...pro portione, quanti dominus praediorum locasset, <et> [quod] eius temporis, <quod> habitatores habitare non potuissent...» (Miquel, 1963: 239).

- Деларов П.В. Очерк истории личности в древнеримском гражданском праве. Историко-юридический опыт. СПб. : Изд-е книгопродавца Н.Г. Мартынова, 1895. 156 с.
- De Neeve, P.W. (1983) *Remissio mercedis*. *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Romanistische Abteilung*. 100, 296–339.
- Dozhddev, D.V. (1996) *Roman Private Law*. Moscow, INFRA M-NORMA Publ. (in Russian).
- Дождев Д.В. Римское частное право. М. : ИНФРА М-НОРМА, 1996. 704 с.
- Ernst, W. (1988) Das Nutzungsrisiko bei der Pacht. *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Romanistische Abteilung*. (105), 541–592.
- Frier, B.W. (1978) Tenant's Liability for Damage to Landlord's Property in Classical Roman Law. *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Romanistische Abteilung*. 95, 232–269.
- Frier, B.W. (1980) Landlords and Tenants in Imperial Rome. Princeton, Princeton University Press.
- Kaser, M. (1957) Periculum locatoris. *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Romanistische Abteilung*. 74, 155–200.
- Kaser, M. (1971) *Römisches Privatrecht*. Band I. 2. Aufl. München, Beck.
- Kaufmann, H. (1964) *Die altrömische Miete, ihre Zusammenhänge mit Gesellschaft, Wirtschaft und staatlicher Vermögensverwaltung*. Köln-Graz, Böhlau-Verlag.
- Lenel, O. (1889) *Palingenesia Iuris Civilis: Iuris consultorum reliquiae quae Iustiniani digestis continentur ceteraque iurisprudentiae civilis*. Vol. 2. Lipsia, Ex officina Bernaurdi Tauschnitz.
- Malmendier, U. (2002) *Societas publicanorum: staatliche Wirtschaftsaktivitäten in den Händen privater Unternehmer*. Köln, Böhlau Verlag.
- Mattingly, H. (1945) The First Age of Roman Coinage. *The Journal of Roman Studies*. (35), 65–77.
- Mayer-Maly, Th. (1956) *Locatio conductio. Eine Untersuchung zum klassischen römischen Recht*. Wien-München, Herold.
- Miquel, J. (1963) Mechanische Fehler in der Überlieferung der Digesten. *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Romanistische Abteilung*. (80), 233–286.
- Mommsen, Th. (eds.). (1870) *Digesta Iustiniani Augusti*. Vol. I. Berolini, apud Weidmannos (in Latin).
- Mommsen, Th. (1874) *Römisches Staatsrecht*. Zweiter Band. I. Abtheilung. Leipzig, Verlag von S. Hirzel.
- Schulz F. (1951) *Classical Roman Law*. Oxford, The Clarendon Press.
- Von Jhering, R. (1877) *Der Zweck im Recht*. Erster Band. Leipzig, Druck und Verlag von Breitkopf & Härtel.
- Yaron, R. (1968) Si pater filium ter venum duit. *Tijdschrift voor Rechtsgeschiedenis*. (36), 57–72.
- Watson, A. (1984) The Evolution of Law: The Roman System of Contracts. *Law and History Review*. 2 (1), 1–20.
- Zimmerman, R. (1992) *The Law of Obligations: Roman Foundations of the Civilian Tradition*. Cape Town, Juta & Co.

Сведения об авторе:

Пестов Михаил Михайлович – научный сотрудник, отдел обязательственного права, Исследовательский центр частного права им. С.С. Алексеева при Президенте РФ; 103132, Российская Федерация, г. Москва, ул. Ильинка, д. 8, стр. 2.

ORCID: 0000-0002-2904-3990; SPIN-код: 5724-3663

e-mail: Pestov-2013@ya.ru

About the author:

Mikhail M. Pestov – Researcher, Obligations Department, the Private Law Research Centre named after S.S. Alexeev under the President of the Russian Federation; 8 building 2 Ilyinka str., Moscow, 103132, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-2904-3990; SPIN-code: 5724-3663

e-mail: Pestov-2013@ya.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-1-54-67>

EDN: PXRUUN

Научная статья / Research Article

Особенности развития института уголовного наказания в древней и средневековой Руси X–XVII вв.: социально-правовой разрез

К.В. Корсаков

Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук,
г. Екатеринбург, Российская Федерация

 korsakovekb@yandex.ru

Аннотация. Исследование посвящено специфическим чертам и особенностям развития уголовного наказания в древней и средневековой Руси – в момент формирования и укрепления российской государственности и правовой системы. Поставлена цель получить новое научное знание о процессе формирования и эволюции института уголовного наказания в древний и средневековый периоды существования российского государства, которая была конкретизирована в задачах рассмотреть генезис и изменения как социальной практики уголовного наказания, так и категории уголовного наказания в уголовном законодательстве того времени. Подробно рассматривается институт кровной мести, его роль и место в совокупности уголовных наказаний, используемых в древнерусском уголовном праве, а также причины и условия его замещения системой материальной ответственности (композициями). Исследовательский материал основан на широком спектре литературных источников, памятников древнерусского права, летописных сводов и специальных научных работ, посвященных тому периоду времени, он тщательно проработан на основе формально-логического, системно-структурного, исторического и диалектического методов познания. Представлены специфика и особенности развития уголовно-правовых санкций в древнерусском законодательстве различных периодов, дана характеристика отдельным видам уголовным наказаний («вира», «поток и разграбление» и др.) и средствам доказывания вины («поле» – судебный поединок и др.), особое исследовательское внимание уделено влиянию процесса христианизации Киевской Руси как на систему уголовного наказания, так и на уголовно-правовую доктрину страны в целом. Обосновывается точка зрения, согласно которой именно с принятием на Руси в качестве официальной религии христианства берет свое начало система предупреждения (профилактики) преступного поведения. Сделаны аргументированные выводы о том, что по мере социально-правового прогресса уголовное наказание постепенно становится ретроспективной мерой воздействия, отражающей не частный (приватный), а общественный (публичный) интерес, а институт уголовного наказания эволюционировал от средства коллективной ответственности к индивидуальной санкции за конкретное преступное деяние. Новизной отличаются авторские выводы о том, что социальная практика наказания догосударственного периода отвечала концептам ретрибутивизма, а уголовное наказание, исходящее от сформировавшейся и окрепшей государственной власти, отличается присутствием ориентиров и идей консеквенциализма.

© Корсаков К.В., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: древнерусское право, уголовное наказание, памятники русского права, генезис уголовного наказания, пенология, история российского права, кровная месть, институт уголовного наказания на Руси

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию: 25 июня 2024 г.

Принята к печати: 15 января 2025 г.

Для цитирования:

Корсаков К.В. Особенности развития института уголовного наказания в древней и средневековой Руси X–XVII вв.: социально-правовой разрез // *RUDN Journal of Law*. 2025. Т. 29. № 1. С. 54–67. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-1-54-67>

Features of the development of the institution of criminal punishment in ancient and medieval Russia from 10th to 17th centuries: A socio-legal perspective

Konstantin V. Korsakov

Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch Russian Academy of Sciences, *Yekaterinburg, Russian Federation*

korsakovekb@yandex.ru

Abstract. This study is devoted to the specific features and peculiarities of the development of criminal punishment in ancient and medieval Russia during the period of the formation and strengthening of Russian statehood and its legal system. The author aims to acquire new scientific knowledge about the process of formation and evolution of the institution of criminal punishment in these historical periods. This includes examining the genesis and changes in both the social practice of criminal punishment and the legal category of criminal punishment in the legislation of that time. The article provides a detailed analysis of the institution of blood feud, its role within the spectrum of criminal penalties used in ancient Russian criminal law, as well as the reasons and conditions that led to its replacement by a system of material liability (compositions). The research is based on a wide range of literary sources, ancient Russian law, chronicles, and specific scholarly research works related to this period. It employs formal-logical, systemic-structural, historical, and dialectical methods of analysis. The study highlights the unique evolution of criminal law penalties in ancient Russian legislation across different periods. It specifies certain types of criminal punishments (such as “vira” and “flow and looting”) and means of proving guilt (including the “field” judicial duel). Special attention is given to the influence of the Christianization of Kievan Rus on the system of criminal punishment and on the overall criminal law doctrine of the country. The author argues that with the adoption of Christianity as the official religion in Russia, a new system for preventing criminal behavior emerged. The conclusions drawn indicate that as social and legal progress advanced, criminal punishment gradually transformed from a retrospective measure reflecting private to one that serves public interests. The institution of criminal punishment evolved from a means of collective responsibility to individual sanctions for specific criminal acts. Notably, the author concludes that social practices of punishment during the pre-state period aligned with retributivist concepts, while criminal punishment emerging from established state power reflects consequentialist principles.

Key words: ancient Russian law, criminal punishment, monuments of Russian law, genesis of criminal punishment, penology, history of Russian law, blood feud, institute of criminal punishment in Russia

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Received: 25th June 2024

Accepted: 15th January 2025

For citation:

Korsakov, K.V. (2025) Features of the development of the institution of criminal punishment in ancient and medieval Russia from 10th to 17th centuries: A socio-legal perspective. *RUDN Journal of Law*. 29 (1), 54–67. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-1-54-67>

Введение

Изучение вопросов генезиса и развития уголовного наказания на самых ранних этапах российской государственности представляется нам важным, полезным и актуальным ввиду обстоятельств, очень точно и удачно обозначенных в тезисах известного пенолога И.М. Рагимова: «никакое другое понятие не связано так тесно со всеми фазами нравственного развития народа, как понятие наказания. Именно в наказании сказывается индивидуальность народа, его мысли и чувства, его спокойствие и страсти, развитие, то есть отражается, как в зеркале, вся его душа» (Ragimov, 2018:236) и выводах М.В. Новак и А.С. Горяиновой о том, что «система наказаний есть значимая составляющая культуры того или иного народа, часть истории, общественная практика, в которой выражается мировоззрение общества. Поэтому историю, антропологию и культуру наказаний изучать необходимо; а культурно-исторический опыт России ...как трагичен, так и удивительно уникален» (Novak, Goryainova, 2019:155). Актуальность данной научной проблематики усиливает то обстоятельство, что в настоящее время институт уголовного наказания переосмысливается исследователями и реформируется законодателями с целью его совершенствования и дальнейшего повышения эффективности, а история, как известно, это великий и беспристрастный учитель, ее постоянное и тщательное изучение помогает не повторять ошибки прошлого.

Уголовное наказание как многогранный и сложный социально-правовой феномен в правовой истории русского народа сформировалось в недрах социальной нормативности, транслируемой посредством древних обычаев (в древнерусских летописных источниках и памятниках права они известны как «правда», «закон», «старина», «преданья» и «покон» (Radin, 1910:3)), причем не только восточных славян, но и, конечно же, тюркских, финно-угорских, иранских и других индоевропейских племен, потомки которых сегодня составляют неотъемлемую часть многонационального народа России. Данные обычаи были схожими с обычным правом германских, италийских, фракийских, кельтских и иных племен, однако они обладали своими особенностями и определенной спецификой, представляющими большой научный интерес. Эти характерные особенности сохранялись на протяжении длительного времени, на что также обратил внимание социолог П.А. Сорокин в работе «Пережитки анимизма у зырян» (Sorokin, 2011:23–24), посвященной обычаям и традициям финно-угорского этноса коми, из которого он происходил по матери.

Подчеркнем, что многие такие обычаи, напрямую относящиеся к реакциям на преступное (несправедливое, незаконное) поведение, сохранились у некоторых российских финно-угорских и тюркских этносов вплоть до настоящего времени: трагические случаи следования обычаю типшар (т.н. «сухая беда» – распространенная в старину среди чувашей, удмуртов, марийцев и в меньшей степени в обычном праве

мордвы (кой) традиция мести (реже – подтверждения своей невиновности), когда обиженный человек с целью наказать своего обидчика совершал самоубийство, чаще всего – вешался у него на воротах) в форме самосожжения, самоповешения, самоутопления зафиксированы в первой четверти XXI в. в России.

Специфические черты и особенности уголовного наказания в древнерусском обществе

Важной особенностью мировоззрения восточных славян было отношение к любому преступлению как к акту, не только нарушающему многовековой уклад жизни, охраняемые божествами порядок и гармонию, но и оскверняющему силы природы, что было связано с укорененными в их мышлении анимизмом, натурализмом и антропоморфизмом, которые не только отразились в имевшей отчетливый аграрно-природный характер древнеславянской языческой вере, но и проявились в правовой сфере, включая и уголовное право. Сакральное, трепетное, молитвенное отношение к силам природы, которые наделялись жизнью и считались соучастствующими в поддержании мира, гармонии и равновесия, наглядно и четко прослеживается в практике уголовного наказания, в которой была активно задействована природа, выступающая помощницей в деле восстановления справедливости.

В этом отношении показательны древнеславянские казни путем привязывания преступника к верхушкам согнутых деревьев и разрывания ими его тела на части (согласно византийскому историку Льву Диакону так древляне, которых он ошибочно назвал германским племенем, в 945 г. казнили киевского князя Игоря, пытавшегося повторно собрать с них дань), закапывания заживо в сырую землю (именно его в качестве одного из способов мести древлянам избрала княгиня Ольга, которая, по словам И.Ф.Г. Эверса, «мстя за Игоря, действовала на основании понятий о праве, господствовавших в ее время» (Evers, 1835:58)) и повешения на тех же деревьях (в «Повести временных лет» с комментарием «возмездие получили от Бога по справедливости» летописцем описывается кровная месть, совершенная в 1071 г. белозерцами, которые убийц своих родственников повесили на дубе (Khachatryan, 2010:158)). Примечательно, что разработчик концепции этнологической юриспруденции А.Г. Пост связывал встречающееся, согласно ему, только в Древней Руси и в Корее закапывание в землю по плечи (на Руси так казнили женщин за убийство своих мужей) с верованиями и традициями (Post, 1811:197).

Помимо «Повести временных лет» многие другие исторические источники и юридические документы (содержащие нормы обычного права – Закона Русского – договор Олега 911 г. и договор Игоря 944 г. с Византией и др.) свидетельствуют о распространенности обычая кровной мести у славян. Так как кровная месть, как правило, дольше всего сохраняется в высокогорных районах, жители которых берегут свои традиции и обычаи (албанский канун, северокавказские адаты и пр.), обычай кровной мести в славянской среде дольше всего просуществовал у черногорцев (до XX в.), гуралей и гуцулов (до XIX в.) (о нем рассказывается в основанной на обширном этнографическом материале повести «Тени забытых предков» М.М. Коцюбинского).

Нами не разделяется точка зрения историка М.П. Погодина о перенятии восточными славянами кровной мести от их западных соседей – северных германцев (норманнов, варягов) – свеев, гётов (гаутов), гутов, данов и др. (Pogodin, 1846:319),

против которой еще в начале XX в. решительно выступила часть российских ученых-историков и правоведов. Мы считаем, что она противоречит картине социального и духовного быта славян того времени: древние восточнославянские языческие культы предков, родной матери-земли и ригористичный, крайне консервативный кровнородственный тип культуры не позволяли нашим пращурам заимствовать чужие правовые обычаи, тем более связанные с вопросами крови. У кочевых скотоводческих тюркских племен, живших на территории современной Российской Федерации, кровная месть была также повсеместно распространена и получила наименование «карымта». В их среде также появился уникальный юридический обычай – барымта (баранта), который предоставлял право на захват скота с целью мести за какую-либо обиду либо вознаграждения за нанесенный преступным деянием вред (среди нахско-дагестанских этносов существовал схожий обычай, называвшийся «ишкиль»). Этот обычай культивировался вплоть до XX в., за него была предусмотрена уголовная ответственность в УК Узбекской ССР 1926 г., а в УК РСФСР 1926 г. баранта относилась к преступлениям, составляющим пережитки родового быта, криминализированным в 1928 г. (в статье 200 она определялась как «самовольное взятие скота или другого имущества, без присвоения его, исключительно с целью принудить потерпевшего или его родичей дать удовлетворение за нанесенную обиду или вознаградить за причиненный имущественный ущерб»¹).

Относительно рано упраздненный на Руси законодательным путем, обычай кровной мести является элементом системы «круговой поруки» – коллективной (групповой) ответственности, которая, наоборот, в истории уголовного наказания в России отчетливо прослеживается на протяжении долгого времени: пока в XX в. окончательно не исчез поддерживающий такую систему ответственности общинный принцип объединения и не прекратилось преследование родственников изменников Родины в рамках применения норм УК РСФСР 1926 г.² (в настоящее время существует мнение о присутствии элементов коллективной ответственности в практике отказов в приеме на службу людям, чьи родственники отбывали уголовное наказание, и в положениях ч. 2 ст. 88 УК РФ, согласно которым «штраф, назначенный несовершеннолетнему осужденному, по решению суда может взыскиваться с его родителей или иных законных представителей с их согласия»). Подчеркнем, что данный подход затрагивал не только крестьянское сословие, объединявшееся в родовые, а позднее в соседские (сельские) общины (верви), но и дворян: к примеру, в 1732 г., комментируя ссылку князя А.Г. Долгорукова вместе с всей семьей своей европейской корреспондентке, супруга английского посла в России леди Рондо писала: «Вас, быть может, удивит ссылка женщин и детей; но тут, когда глава семьи оказывается в немилости, то вся его семья подвергается преследованиям» (Lotman, 1992:14). Обычай кровной мести как продукт больше социального, нежели правового опыта, основывался на логике и идеях ретрибутивизма и был лишен какой-либо утилитарности, тогда как в уголовных наказаниях, закрепляемых государством в позитивном праве по мере государственно-правового строительства, уже на первых этапах их появления и развития присутствуют проявления консеквенциализма, так

¹ Постановление ВЦИК «О дополнении Уголовного кодекса РСФСР главой X «О преступлениях, составляющих пережитки родового быта», примечанием 2 статьи 66 Земельного кодекса РСФСР, примечанием к статье 11 и примечанием 3 к статье 26 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР» от 6 апреля 1928 г.

² Уголовный кодекс РСФСР от 22 ноября 1926 г. // Уголовный кодекс РСФСР. М., 1957. С. 26.

как они наделяются определенным целеполаганием и преследуют интересы вышедшей из общества публичной власти.

Кровная месть в Киевской Руси начала ограничиваться уже в середине X в., что видно из текстов договоров Руси с Византией; как верно отмечает Д.А. Огорелков, «уже по договору 944 г., в отличие от договора 911 г., возможность ее осуществления сужена в пользу имущественных наказаний» (Ogorelkov, 2024:16). Однако вследствие проникновения на Русь византийского права кровная месть постепенно заменяется не столько композициями, получившими распространение еще при князе Игоре, сколько смертной казнью, которая к этому времени была уже давно закреплена в законодательстве Византийской империи и широко в ней применялась. Полагая, что предписания и нормативы византийских юридических сборников (Эклоги 726 г., Прохирона («Градского закона») 879 г., Номоканона 883 г. и др.) оказали определенное влияние на уголовно-правовые преобразования великого князя киевского Владимира I Святославича, который вследствие роста преступности заменил денежные штрафы (виры) смертной казнью, а потом, согласно тексту Лаврентьевской летописи XIV в., по совету высшего духовенства вновь вернул штрафные платежи.

Некоторые авторы считают, что в ходе реформ Владимира I была введена не смертная казнь, а телесные (калечащие, членовредительские) наказания, так как в ту пору слово «казнь» означало и то, и другое, то есть уголовное наказание в целом (так, в Уставе князя Ярослава Владимировича о церковных судах (Церковном уставе Ярослава) XI–XII вв. очень часто используется фраза «князь казнит»³ в значении «князь накажет»), а смертная казнь на официальном, документарном уровне появилась лишь в Двинской уставной грамоте 1397 г. за кражу («татьбу»), совершенную в третий раз, в Псковской судной грамоте 1397–1467 гг. – за поджог, конокрадство, измену, кражу, совершенную в третий раз, и кражу из храма, а за убийство – только в Судебнике Ивана III 1497 г. Возражая им, обратим внимание на то, что древнейший памятник позитивного права на старославянском языке – «Закон судный людем» (Судебник царя Константина) конца IX в. (который действовал на территории Руси наряду с Уставом князя Владимира Святославича о десятинах, судах и людях церковных (Церковным уставом Владимира) X–XI вв. (Kostromin, 2018:4), а впоследствии вошел в состав Кормчей книги и второй части Мерила Праведного), предусматривал смертную казнь и судебный поединок («поле»)⁴. Особенностью «поля» как формы разрешения юридических конфликтов (правовых споров), представляющей в сущности разрешенную обычным либо государственным правом дуэль, являлся его дуализм: с одной стороны оно выступало как способ доказывания вины в условиях неопределенности таковой, с другой же выполняло функцию возмездия, уголовной кары, так как убитый на «поле» считался справедливо наказанным за свою вину. В отношении судебного поединка нельзя не отметить популярность на Руси этой древней правовой традиции, просуществовавшей в своих разнообразных вариантах и модификациях вплоть до эпохи Позднего Средневековья. Этот старорусский обычай разрешения конфликтов и споров красочно представлен в исторической поэме «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова», написанной в национальном стиле М.Ю. Лермонтовым в 1837 г., он

³ Церковный устав Ярослава XI–XII вв. // Устав князя Ярослава о церковных судах / Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / отв. ред. Л.В. Черепнин. М., 1976. С. 85–103.

⁴ Закон судный людем IX в. // Закон Судный людем краткой редакции / под ред. М.Н. Тихомирова. М., 1961. С. 51.

также часто изображался на страницах русского рисованного лубка – особого элемента русского народного искусства.

Несмотря на свою давность, вопрос о моменте появления в социально-правовой действительности Древней Руси телесных уголовных наказаний также продолжает оставаться дискуссионным: ряд российских ученых считают, что телесные наказания в древнерусском обществе возникли лишь под влиянием монголо-татарского ига (Ф.И. Леонтович, И.А. Максимович, Э.К. Тобин, И.Я. Фойницкий и др.), другие исследователи (П.Д. Калмыков, Н.Д. Сергеевский, С.М. Соловьев, Н.С. Таганцев и др.) – что они существовали ранее. Мы в этом вопросе придерживаемся позиции М.Н. Ступина (ее также разделяли Н.Н. Евреинов и А.Г. Тимофеев в их работах «История телесных наказаний в России» и «История телесных наказаний в русском праве»), аргументировано и убедительно доказавшего существование телесных наказаний в уголовном праве Руси домонгольского периода (Stupin, 1887:12), однако полагаем, что следует признать верным подход, согласно которому область применения такой формы уголовного наказания при явном превалировании системы композиций (штрафов, выкупов) была в то время крайне малой, тогда как ордынское владычество XIII–XV вв. значительным образом способствовало его распространению и ужесточению. Нельзя не обратить внимание, что в XX в. был опубликован ряд работ, в которых ужесточение наказаний связывалось в большей степени с европейским, а не монголо-татарского влиянием (С.С. Аверкиев, Г.В. Вернадский и др.). Полагаем, что такая точка зрения небезосновательна и подтверждается историческими свидетельствами, однако первоначальный, стартовый импульс процессу распространения телесных наказаний на Руси дало, как мы считаем, именно ордынское иго, а европейское влияние впоследствии его укрепило.

Влияние христианизации на институт уголовного наказания

Важный этап в поступательном культурно-историческом развитии уголовного наказания в древнерусском государстве связан с Крещением Руси; принятие в 988 г. православной веры оказало влияние не только на уголовное право того периода, но и на правовую систему страны в целом, в этом плане нельзя не согласиться с Ю.А. Зюбановым, сделавшим вывод о том, что «принятие христианства не только определило всю дальнейшую историю Руси, но и осуществило переворот в области развития права» (Zyubanov, 2007:6).

Этим важным событием ранее господствовавшая в древнерусском социуме этика возмездия, покоившаяся на мифологических верованиях, была лишена своей духовно-религиозной основы, и связанные с ней кровавые – частные, субъективные, стихийные и внесудебные – практики стали замещаться гораздо более цивилизованными и упорядоченными юридическими процедурами и правилами (этому способствовало и то обстоятельство, что христианизация усилила распространение письменности и повышение грамотности древнерусского населения), гарантом и хранителем которых становится монарх, поклоняющийся не свергнутому и сброшенному в Днепр идолу языческого покровителя князя и его дружины – богу Перуну, а действующий уже как помазанный на царствование и властвующий от имени христианского Бога его наместник на Земле (Kozachenko, Korsakov & Leshchenko, 2012:28).

Именно с принятием в качестве официальной религии в Древней Руси православной веры нами связывается возникновение отечественной системы предупреждения (профилактики) преступного поведения. Внимательный научный

анализ положений Церковного устава Владимира X–XI вв. позволил нам заключить, что это первый в истории нашего государства законодательный акт в сфере правосудия, который посредством удивительного по тонкости, гибкого и выверенного с точки зрения современной криминологии и пенологии воздействия на разум, волю и совесть своих адресатов, без каких-либо угроз уголовными санкциями преследует цель предупреждения преступлений. В отношении правонарушителей в нем, в частности, сказано: «таковым не иметь прощения от закона божьего и пусть они наследуют себе только горе...», «перед Богом тому же отвечать на страшном суде перед тьмой ангелов, где никаких поступков не скрыть, благих или злых, где уже не поможет никто никому, но только правда избавит от повторной гибели и от вечной муки, от крещения не спасенного, от огня негасимого. ...сотворивших зло, при воскрешении ожидает неумолимый суд»⁵.

Ограничение и изжитие кровной мести в практике уголовного наказания на Руси

В раннефеодальный период в Русском государстве некоторое время продолжали сохраняться институты родоплеменного строя – пережиточные элементы прежнего социального устройства, которые были труднопреодолимыми ввиду их закрепления на уровне стереотипов общественного и индивидуального сознания, культурных стандартов и психологических пластов. Этим объясняется помещение в самые первые строки Русской Правды XI в. правовой нормы о кровной мести: «Убьет муж мужа, то мстить брату брата, или сыну отца, либо отцу сына, или брату брата, либо сестру сыном...»⁶. Закрепление положений о кровной мести можно проследить и в древнегерманских (варварских) правах (*leges barbarorum*) эпохи складывания феодальных отношений в Западной Европе, составители которых также не смогли сразу и бесповоротно отступить от этого укоренившегося в социально-правовом быту юридического обычая.

Немаловажным отличием права Русской Правды от писаного права этих правд, на которое обратил внимание еще Р. Давид, является то, что оно носит не племенной, а территориальный характер (David, 1988:154). Несмотря на это древнерусский законодатель проявил бережное отношение к старым племенным обычаям и не стал отменять кровную месть в одночасье, предпочтя путь постепенного ее ограничения, что мы и видим в тексте первой статьи Русской Правды: кровная месть предусмотрена только за убийство, причем убийство свободного человека («мужа») другим свободным человеком; кровная месть ограничена лишь двумя поколениями родственников, их круг сужен близкой степенью родства с убитым; при отказе от кровной мести закреплена выплата денежного штрафа в пользу князя – вира. Уже в XI в. три сына князя Ярослава Владимировича в утвержденной ими Правде полностью упразднили кровную месть, заменив эту традицию выкупными платежами (откупам). С этого времени они (вира, полувиры, повальная (дикая) вира, продажи, головничество, уроки) полностью вытеснили обычай кровной мести на уровне закона (в это же время на уровне договоров отдельных княжеств с соседними народами (Смоленская торговая правда 1229 г. и др.) также стали использоваться штрафные платежи).

⁵ Церковный устав Владимира X–XI вв. // Устав князя Владимира о десятинах, судах и людях церковных / Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / отв. ред. Л.В. Черепнин. М., 1976. С. 45.

⁶ Русская Правда // Правда Русская. Том 1: Тексты / под ред. Б.Д. Грекова. М., Л., 1940. С. 28.

Ввиду того, что кровная месть и ограничивающий ее субъективизм и безмерность закон талиона – это не одно и то же, а отличающиеся друг от друга социально-правовые институты, нельзя признать верным некогда звучавшее в научной литературе мнение о том, что в Русской Правде пока еще сохранялись рудиментарные элементы традиции, связанные с ветхозаветным правилом талиона. Ни в юридической практике и обыкновениях жителей Киевской Руси, ни в тексте Русской Правды (многие положения которой под угрозой штрафа часто прямо запрещают какие-либо физические наказания) и иных нормативных актах периода ее использования (она сохраняла свое значение вплоть до XVI в.) правило талиона не встречается: принцип талиона появляется лишь в крупном российском законодательном сборнике середины XVII в. – в Соборном уложении 1649 г., которое, как справедливо отмечают А.Г. Федотов и Э.В. Никитина, «за телесное повреждение предписывало отплачивать преступнику тем же: „Отсечет руку или ногу, или нос, или ухо, или губы отрежет, или глаз выколет... самому ему то же учинить“» (Fedotov & Nikitina, 2020:158).

Примечательные выводы в отношении ограничения кровной мести Ярославом I Владимировичем и ее полной отмены его сыновьями содержатся в глубоком научном исследовании Русской Правды А.Н. Попова: он называет их первой и, соответственно, второй ступенью перехода «от частных понятий о преступлениях и наказаниях к государственным» (Попов, 1841:122–123). Несомненен тот факт, что зафиксированный этим автором двухступенчатый переход – одно из убедительных доказательств значения ставшего основой русского писаного права первого отечественного систематизированного юридического источника – Русской Правды – в утверждении и укреплении государственных начал в уголовном праве Древней Руси.

В отличие от других древнерусских источников права, в которых упоминается «поле» – судебный поединок (Смоленская торговая правда 1229 г., Псковская судная грамота 1397–1467 гг. и др.), текст Русской Правды не содержит никаких упоминаний об этом институте; думается, что это связано с влиянием на ее составителей не столько византийской правовой традиции, о большой роли которой писали многие ученые, в частности, Д.И. Голенищев-Кутузов (Илимский) (Golenishchev-Kutuzov (Pimsky), 1913:16–17), сколько с позицией также пришедшей из Византии православной церкви, представители которой выступали против такого способа разрешения общественных конфликтов (одним из примеров этому является послание в Великий Новгород митрополита Киевского и всея Руси Фотия, в котором строго запрещается хоронить убитого на поле и говорится о том, что убийца человека на поле этим поступком губит свою душу⁷).

Следует отметить, что влияние византийского права на древнерусскую правовую доктрину было довольно значимым, однако оно не было настолько важным и определяющим, чтобы имелись веские основания говорить о такой его рецепции, какая произошла с римским правом в ряде государств Западной Европы. В отличие от светского византийского уголовного права, воздействовавшего на древнерусское законодательство при его формировании, изменении и дополнении, церковное право Византии играло гораздо большую роль в общественно-правовой жизни обращенной в православие Руси, так как его источники переводились с греческого и применялись напрямую, без видоизменения и существенной переработки. В данной связи у древнерусских переводчиков и переписчиков возникали определенные трудности, так

⁷ Послание митрополита Фотия в Новгород о соблюдении законоположений церковных 29 августа 1410 г. // Памятники древнерусского канонического права. Часть 1: Памятники XI–XV вв. / под ред. А.С. Павлова. СПб., 1908. С. 39.

как в древнерусском языке того периода не существовало как аналогов, так и слов для перевода многих юридических терминов, категорий и конструкций, которыми были наполнены византийские акты правового характера, в частности, Номоканон, первый текст которого считается составленным известным канонистом православной церкви – константинопольским патриархом Иоанном III Схоластиком.

Специфическим уголовным наказанием, вызывавшим разночтения и трудности в понимании и интерпретации у многих российских исследователей (Lange, 1860:125, 195), была такая упоминаемая в Пространной редакции Русской Правды (статьи 7, 35 и 83) и применявшаяся за наиболее тяжкие преступления (поджог, конокрадство, разбой и пр.) мера юридической ответственности, как «поток и разграбление». С.В. Юшков, указывая на комплексный характер этого уголовного наказания, считал, что «поток» представляет собой лишение личных прав, а «разграбление» – имущественных прав преступника (Yushkov, 1949:491). Представляется, что содержание этого вида уголовного наказания в Древней Руси не было постоянным и со временем изменялось: от изгнания либо ссылки преступника с его женой и детьми и «разграбления» его имущества до обращения виновного в рабство (холопство) или его казни и конфискации всего его имущества. Немаловажным, на наш взгляд, является то обстоятельство, что социальное происхождение правонарушителя для назначения такого вида уголовного наказания в большинстве случаев не имело никакого значения: так, в Новгородской Руси потоку и разграблению могла подвергаться собственность бояр и даже посадников, которые избирались на Новгородчине из наиболее знатных боярских семей. Эта разновидность древнерусского уголовного наказания интересна еще и тем, что она по сути выступает предтечей, прообразом таких институтов, как конфискация имущества и поражение в правах.

Социально-политическая динамика, выражавшаяся в усилении процессов феодализации, формировании строгой и иерархической классовой структуры и необходимости правовой защиты новых форм собственности и сословных привилегий, усилила степень репрессивности уголовного наказания, что начинает отчетливо прослеживаться уже в эпоху Удельной Руси (феодальной раздробленности) XII–XVI вв. Несмотря на то, что действовавшая в ставшем независимым в 1348 г. Псковском княжестве Псковская судная грамота 1397–1467 гг. заметно сужала область применения смертной казни, не раскрывала способы ее осуществления и не предусматривала телесные наказания, анализ псковских летописей позволил зафиксировать использование в Псковском господстве (Псковской феодальной республике) бичевания, избияния и истязания пойманных преступников, смертной казни в форме сожжения заживо, повешения, отсечения головы («усечения») и сделать выводы о довольно активном использовании в пенитенциарной практике Псковской земли квалифицированной смертной казни (сожжения заживо и др.), а на основании глубокого изучения летописных текстов Северо-Западной Руси XI–XIII вв. удалось установить факты применения на ее территории таких видов уголовного наказания, как ослепление и урезание носа (Ospennikov, 2009:116).

Перед заключением

Поступательное общественное развитие в удельный период привело к отходу в русских княжествах от принципа коллективной ответственности в пользу индивидуальной (личной) ответственности при определении формы уголовного наказания за тяжкие преступления, включая убийство: в частности, в отличие от Русской Правды,

как в Псковской судной грамоте 1397–1467 гг., так и в Новгородской судной грамоте 1471 г.⁸ уже не используется институт дикой (или повальной) виры, в чем Ю.Г. Алексеев небезосновательно видел стремление русского законодателя выделить, отгородить убийцу от общины и не допустить проявления круговой поруки и общинной взаимопомощи (Alekseev, 1980:60). Эти законодательные изменения и новации свидетельствуют не только о постепенном обособлении индивида от общины, но и прогрессивном развитии юридических представлений о личной вине и юридической ответственности личности в древнерусском уголовном праве.

Уголовное наказание к окончанию процесса реинтеграции и объединения разрозненных княжеств вокруг Москвы (собираания русских земель) и создания новой структуры централизованного государственного аппарата в самом Московском государстве преследовало прежде всего цель возмездия, восстановления нарушенного преступлением порядка. Однако в это же время, вследствие изменений (на них влияла и социальная борьба – Восстание Болотникова 1606–1607 гг., Соляной бунт 1648 г., Медный бунт 1662 г. и др.) приоритетов и вектора уголовной политики, диктовавшихся общим социально-политическим курсом на сосредоточение верховной власти в руках одного единовластного правителя, эта цель стала дополняться и отчасти замещаться другой целью – целью устрашения, основным юридическим «маркером» преследования которой выступает намеренное несоответствие уголовного наказания тяжести преступления. Кодификации тех лет – Судебник Ивана III 1497 г., Судебник Ивана IV Грозного 1550 г., Боярский приговор о станичной и сторожевой службе 1571 г., Судебник Федора I Ивановича 1589 г. и др. – были составлены именно на основе такого пенеологического подхода, поэтому они, строго запрещающая какие-либо внесудебные расправы, часто упоминали как телесные наказания, так и смертную казнь («живота не дати, казнити смертною казнью»), которая приводилась в исполнение путем отсечения головы, повешения и утопления; предусматривали тюремное заключение (ст. 6 Судебника 1550 г.), в том числе пожизненное; нормативно закрепляли применение пыток, причем не только к обвиняемым, но и к свидетелям; устанавливали такие новые виды уголовного наказания, как «торговая казнь», которая заключалась в публичной порке кнутом, причем без фиксации в законе числа ударов, определявшегося судом применительно к каждому конкретному случаю, «опала» и «великая опала» – по сути любая санкция на усмотрение государя.

В этих законодательных актах телеологические основы уголовного наказания меняются вместе с представлениями о преступлении, под которым понимается уже не частная «обида», как в Русской Правде, а общественное «лихое дело», то есть посягательство на правопорядок, охраняемый государем. Среди них особый интерес для пенеологов представляют Уставная грамота Переславского уезда Царских подклетных сел крестьянам 29 апреля 1556 г. и Указ Ивана IV Грозного о суде над государственными преступниками 12 марта 1582 г., так как в них впервые в России на законодательном уровне были закреплены такие разновидности изгнания, как высылка (удаление из места жительства с правом выбора места проживания, кроме строго определенных мест) и ссылка (удаление из места жительства без права выбора места проживания, с размещением в определенной местности).

⁸ Псковская судная грамота 1397–1467 гг. / Псковская Судная грамота // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 1: Законодательство Древней Руси / под ред. О.И. Чистякова. М., 1984, Новгородская судная грамота 1471 г. / Новгородская Судная грамота // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 1: Законодательство Древней Руси / Под ред. О.И. Чистякова. М., 1984.

Тенденция увеличения репрессивного заряда уголовного наказания с целью устрашения населения отчетливо прослеживается в систематизированной и объемной кодификации XVII в. – Соборном уложении 1649 г. (Уложении царя Алексея Михайловича), текст которого включал в себя как квалифицированные виды смертной казни, так не встречающееся до этого в России ни в одном официальном документе правило талиона в его классической форме. Принцип талиона использовался при лжесвидетельстве или «навете» (ложном обвинении) – преступники подлежали точно такому же уголовному наказанию, которое грозило ложно оговоренному, а также применялся в его опосредованной форме за убийство знатным человеком чужого крестьянина (убийца должен был отдать хозяину убитого крестьянина своего крестьянина вместе с женой и детьми) и в символическом виде за фальшивомонетничество (залитие в горло расплавленного металла) и поджог (сожжение заживо (через пять лет это наказание было заменено повешением))⁹.

Заключение

Несмотря на то, что в тексте Соборного уложения 1649 г. не было закреплено клеймение преступников, следует признать, что задачи данного института в нем ставились и достигались предписанием отрезать уши: так, за первую кражу дополнительным наказанием выступало отрезание левого уха, за вторую – правого уха, а изобличенный вор, у которого уже были отрезаны оба уха, приговаривался к смерти.

Представляется возможным обозначить следующие специфические особенности системы уголовных наказаний по Соборному уложению 1649 г.: примат нацеленности законодательства на генеральную превенцию, который объясняет факультативное, второстепенное значение такого вида наказания, как лишение свободы, различие объема уголовной ответственности за сознательные (умышленные) и неумышленные преступные акты, личный характер наказания (отход от распространенного ранее принципа коллективной ответственности), кумулятивный характер (установление законодателем нескольких (основных и дополнительных) видов уголовного наказания за одно конкретное преступление), наличие абсолютно-неопределенных (т.н. неконкретизированных, безусловно-неопределенных) наказаний в большом числе статей и избирательный в социальном отношении, классовый (сословный) подход при определении конкретного вида и объема наказания. Важность этого нормативного акта применительно к институту уголовного наказания состоит в том, что с принятием Соборного уложения 1649 г. в отечественном уголовном праве окончательно сформировался законодательный контур системы уголовных наказаний, доведенный впоследствии до уровня «лестницы наказаний».

References / Список литературы

- Alekseev, Y.G. (1980) *Pskov Court Charter and its Time: The Development of Feudal Relations in Russia of the XIV–XV Centuries*. Leningrad, Nauka Publ. (in Russian).
 Алексеев Ю.Г. Псковская Судная грамота и ее время: развитие феодальных отношений на Руси XIV–XV вв. Ленинград : Наука, 1980. 243 с.
 David, R. (1988) *Basic Legal Systems of Modernity*. Moscow, Progress. (in Russian).
 Давид Р. Основные правовые системы современности. М. : Прогресс, 1988. 496 с.
 Evers, I.F.G. (1835) *The Most Ancient Russian law in its Historical Disclosure*. Saint Petersburg, Headquarters of the Separate Corps of the Internal Guard Publ. (in Russian).

⁹ Соборное уложение 1649 г. // Соборное уложение 1649 года: текст, комментарии / рук. авт. колл. А.Г. Маньков. Л., 1987. С. 47.

- Эверс И.Ф.Г. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии. СПб. : Тип. Штаба Отдельного корпуса внутренней стражи, 1835. 423 с.
- Fedotov, A.G. & Nikitina, E.V. (2020) The Place and Role of the Talion Principle in the Russian Criminal Law Doctrine. *Bulletin of the Russian University of Cooperation*. (1), 157–162. (in Russian).
- Федотов А.Г., Никитина Э.В. Место и роль принципа талиона в отечественной уголовно-правовой доктрине // Вестник Российского университета кооперации. 2020. № 1. С. 157–162.
- Golenishchev-Kutuzov (Ilmsky), D.I. (1913) *«Russian Law» and Byzantium: The Experience of a Historical and Legal Monograph*. Irkutsk, Partnerships M.P. Okunev and Co Publ. (in Russian).
- Голенищев-Кутузов (Илимский) Д.И. «Русская Правда» и Византия: Опыт историко-юридической монографии. Иркутск : Тип. Товарищества М.П. Окунев и К°, 1913. 42 с.
- Khachatryan, A.V. (2010) The Problem of Revenge in Ancient Russian law. *Vector of Science of Tolyatti State University*. (1), 157–160. (in Russian).
- Хачатрян А.В. Проблема мести в древнерусском праве // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2010. № 1. С. 157–160.
- Kostromin, K.A. (2018) The Legal Application of the «Law of Judgment by People» in Kievan Rus. *Christian Reading*. (4), 113–123. (in Russian).
- Костромин К.А. Правовое применение «Закона судного людем» в Киевской Руси // Христианское чтение. 2018. № 4. С. 113–123.
- Kozachenko, I.Y., Korsakov, K.V. & Leshchenko, V.G. (2012) *Church-Religious Influence on Persons Sentenced to Imprisonment*. Hamburg, Lambert Academic Publishing. (in Russian).
- Козаченко И.Я., Корсаков К.В., Лещенко В.Г. Церковно-религиозное воздействие на осужденных к лишению свободы. Гамбург : Lambert Academic Publishing, 2012. 264 с.
- Lange, N.I. (1860) *A Study on the Criminal Law of the Russian Law*. Saint Petersburg, The Second department of His Imperial Majesty's Own Chancellery. (in Russian).
- Ланге Н.И. Исследование об уголовном праве Русской правды. СПб. : Тип. Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1860. 290 с.
- Lotman, Y.M. (1992) *Selected Articles: in 3 Vols. Vol. 1: Articles on Semiotics and Topology of Culture*. Tallinn, Alexandra Publ. (in Russian).
- Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 томах. Т. 1: Статьи по семиотике и топологии культуры. Таллин : Александра, 1992. 479 с.
- Novak, M.V. & Goryainova, A. S. (2019) The history of punishment for criminal offenses in Russia. *Nauka. Art. Culture*. (2), 155–158. (in Russian).
- Новак М.В., Горяинова А. С. История наказания за уголовные преступления в России // Наука. Искусство. Культура. 2019. № 2. С. 155–158.
- Ogorelkov, D.A. (2024) Punishments in the Russian-Byzantine Treaties of 911 and 944. *Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. (1), 10–18. (in Russian).
- Огорелков Д.А. Наказания в русско-византийских договорах 911 г. и 944 г. // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2024. № 1. С. 10–18.
- Ospennikov, Y.V. (2009) The Evolution of the Punishment System According to the Russian Chronicles of the XI–XIII Centuries. *Law and State: Theory and Practice*. (8), 113–116. (in Russian).
- Оспенников Ю.В. Эволюция системы наказаний по русским летописям XI–XIII вв. // Право и государство: теория и практика. 2009. № 8. С. 113–116.
- Pogodin, M.P. (1846) *Studies, Remarks and Lectures by M. Pogodin on Russian History. Vol. 3: The Norman Period*. Moscow, Imperial Moscow Society of Russian History and Antiquities. (in Russian).
- Погодин М.П. Исследования, замечания и лекции М. Погодина о русской истории. Т. 3: Норманский период. М. : Изд. Императорского Московского общества истории и древностей российских, 1846. 546 с.

- Popov, A.N. (1841) *Russian Law in Relation to Criminal Law. Reasoning for a Master's Degree, Candidate of the Moscow University of Alexander Popov*. Moscow, University Printing House. (in Russian).
Попов А.Н. Русская Правда в отношении к уголовному праву. Рассуждение на степень магистра, кандидата Московского университета Александра Попова. М. : Университетская типография, 1841. 123 с.
- Post, A.H. (1811) *Bausteine für eine Allgemeine Rechtswissenschaft auf Vergleichend-Ethnologischer Basis*. Oldenburg, Schulzesche Hof-Buchhandlung und Hof-Buchdruckerei. C. Berndt & A. Schwartz.
- Radin, I.M. (1910) *History of Russian law. Periods: Ancient, Moscow and Imperial: the Manual was Compiled According to the Program of the Imperial Saint Petersburg University*. Saint Petersburg, I. Lurie and Co Publ. (in Russian).
Радин И.М. История русского права. Периоды : древний, московский и императорский: пособие составлено по программе Императорского Санкт-Петербургского университета. СПб. : Тип. И. Лурье и К°, 1910. 373 с.
- Ragimov, I.M. (2018) The fundamentals of morality of punishment: customs and traditions. *Legal Sciences and Education*. (56), 231–246. <https://doi.org/10.25108/2304-1730-1749.iolr.2018.56.231-261> (in Russian).
Рагимов И.М. Первоосновы нравственности наказания: обычаи и традиции // Юридические науки и образование. 2018. № 56. С. 231–246. <https://doi.org/10.25108/2304-1730-1749.iolr.2018.56.231-261>
- Sorokin, P.A. (2011) Remnants of Animism Among the Zyryans. *Heritage*. (1). 23–24. (in Russian).
Сорокин П.А. Пережитки анимизма у зырян // Наследие. 2011. № 1. С. 23–44.
- Stupin, M.N. (1887) *The History of Corporal Punishment in Russia from the Judicial Codes to the Present*. Vladikavkaz, Tersk Regional Government Publ. (in Russian).
Ступин М.Н. История телесных наказаний в России от судебныхников до настоящего времени. Владикавказ : Тип. Терского Областного Правления, 1887. 143 с.
- Yushkov, S.V. (1949) *Socio-Political System and Law of the Kievan State*. Moscow, Gosyurizdat Publ. (in Russian).
Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М. : Госюриздат, 1949. 544 с.
- Zyubанov, Y.A. (2007) *Christian foundations of the Criminal Code of the Russian Federation: Comparative Analysis of the Norms of the Criminal Code of the Russian Federation and the Holy Scriptures*. Moscow, Justina, Prospekt Publ. (in Russian).
Зюбанов Ю.А. Христианские основы Уголовного кодекса Российской Федерации: сравнительный анализ норм УК РФ и Священного Писания. М. : Юстина, Проспект, 2007. 414 с.

Сведения об авторе:

Корсаков Константин Викторович – кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела права Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук; 620108, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, д. 16

ORCID: 0000-0002-2967-9884; SPIN-код: 4007-2009

e-mail: korsakovekb@yandex.ru

About the author:

Konstantin V. Korsakov – Candidate of Legal Science, Associate Professor, Senior Researcher of the Department of Law of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; 16 Sofia Kovalevskaya str., Yekaterinburg, 620108, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-2967-9884; SPIN-code: 4007-2009

e-mail: korsakovekb@yandex.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-1-68-84>
EDN: QACMSY

Научная статья / Research Article

Введение Городового положения 11 июня 1892 г.: по материалам заштатного южнороссийского города Нахичевани-на-Дону

Л.В. Батиев

Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук,
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация
lbatiev@yandex.ru

Аннотация. Нахичевань-на-Дону был основан в 1779 г. как центр армянской колонии с дарованной внутренней автономией, а во второй половине XIX в. превратился в заштатный город с преимущественно армянским населением. Исследование реформы самоуправления в российской провинции и, в частности, городах с исторической, социально-экономической и этнокультурной спецификой необходимо для формирования цельной картины эволюции городского управления в России. На основе архивных дел, а также не введенных ранее в научный оборот материалов местных изданий, с применением конкретно-исторических методов, восстановлен процесс организации и проведения выборов в городскую думу и управу, проанализированы изменения в количестве избирателей, составе городской думы и управы, распределение обязанностей между ее членами. Выявлено, что выборы происходили под плотным контролем областных властей. Численность избирателей Нахичевани сократилась в 2,8 раза в сравнении с предыдущим периодом, превышая при этом вдвое средний показатель по России. Нахичеванский избиратель показал, в сравнении с соседними городами, большую активность. Абсолютное преобладание на выборах получило купечество – до 82,5 % гласных. Мещане получили 10 мест. Дворян среди гласных оказалось четыре. По сравнению с предыдущими составами дума обновилась лишь пятью новыми именами. Только у пяти гласных недвижимое имущество оценено от 300 руб. до 1 тыс. руб., 23 гласных имели недвижимость стоимостью от 1 до 3 тыс. рублей. Несмотря на увеличивающееся число православного населения, все гласные думы и члены управы были армяно-григорианского вероисповедания. Введение Городового положения 1892 г. не привело к принципиальным изменениям в организации городского управления Нахичевани-на-Дону. Для ответа на вопрос о деятельности органов городского управления и их взаимоотношениях с коронной властью требуется дальнейшее изучение.

Ключевые слова: реформа городского самоуправления, население, сословия, ценз, выборы, гласные, дума, управа

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН на 2025 г., № гос. рег. 125011200150-2.

Поступила в редакцию: 13 декабря 2023 г.

Принята к печати: 15 января 2025 г.

Для цитирования:

Батиев Л.В. Введение Городового положения 11 июня 1892 г.: по материалам заштатного южнороссийского города Нахичевани-на-Дону // *RUDN Journal of Law*. 2025. Т. 29. № 1. С. 68–84. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-1-68-84>

Implementation of the City Statute on June 11, 1892: based on the materials of the ordinary South Russian city of Nakhchivan-na-Donu

Levon V. Batiev

Federal Research Center Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences,
Rostov-on-Don, Russian Federation

 lbatiev@yandex.ru

Abstract. Nakhichevan-on-Don was founded in 1779 as the center of an Armenian colony with granted internal autonomy. By the second half of the 19th century, it had developed into a country town predominantly populated by Armenian population. Studying the reform of self-government in the Russian provinces, particularly in cities with distinct historical, socio-economic, and ethno-cultural characteristics, is essential for forming a coherent understanding of urban governance in Russia. Using archival documents and local publications not previously introduced into scientific discourse, this study employs concrete-historical methods to reconstruct the process of organizing and conducting elections for the city дума and administration. It analyzes changes in the number of voters, the composition of the city дума and the administration, and the distribution of responsibilities among its members. The findings reveal that elections were conducted under close supervision by regional authorities. The number of voters in Nakhchivan decreased 2.8 times compared to the previous period, which was still twice the average figure for Russia. Nakhchivan voters demonstrated greater activity compared to neighboring cities, with merchants comprising an overwhelming 82.5% of the electorate. The burghers secured 10 seats while four noblemen were among the deputies. Compared to previous compositions, only five new names appeared in the дума. Of the deputies, only five owned real estate valued between 300 to 1,000 rubles, while 23 deputies had properties valued between 1,000 and 3,000 rubles. Despite the increasing Orthodox population, all mayors and members of the administration were of Armenian-Gregorian faith. The introduction of the City Regulations of 1892 did not lead to significant changes in urban governance in Nakhchivan-on-Don. Further research is required to explore the activities of city government bodies and their relationship with crown authority.

Key words: urban self-government reform, population, estates, property qualification, elections, voters, city council, city government

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Funding. The research was conducted within the framework of the state assignment of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences for 2025 No. 125011200150-2.

Received: 13th December 2023

Accepted: 15th January 2025

For citation:

Batiev, L.V. (2025) Implementation of the City Statute on June 11, 1892: based on the materials of the ordinary South Russian city of Nakhchivan-na-Donu. *RUDN Journal of Law*. 29 (1), 68–84. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-1-68-84>

Введение

Городовое положение 1892 г. неразрывно связано в научной литературе и публицистике с понятием «контрреформа». «Это понятие, возникнув на страницах периодической печати, перешло оттуда на страницы исторических работ, и в конечном счете дало название целому периоду русской истории» (Pisarkova, 2000). Критические оценки, высказанные уже в дореволюционный период (Rennenkampf, 1894:67; Semyonov, 1901:101, 220; Shrader 1902:193–194; Gessen, 1912:45–47; Mikhailovsky, 1908:15–18), были подхвачены советскими учеными (Zayonchkovsky, 1970:427–428; Eroshkin, 1983:234) и поддержаны в новейшей российской научной литературе, как в работах общероссийского охвата (Nardova, 1984:9; Nardova, 1991:224–225; Nardova, 2013:77–101), так и посвященных истории городского управления в отдельных регионах и городах. Противоположное мнение, высказанное Л.Ф. Писарьковой, о том, что «Городовое положение 1892 г. в значительной степени устраняло недостатки в городском самоуправлении» (Pisarkova, 2000:146), и его нормы «не дают оснований для противопоставления законов 1870 и 1892 гг.» (Pisarkova, 2000:150–151) является, скорее, исключением. Критики закона, пришедшего на замену Городовому положению 1870 г., отмечают следующие негативные изменения: установление высокого избирательного имущественного ценза и предпочтительные условия для владельцев недвижимого имущества, резкое сокращение числа городских избирателей, право назначения правительством не только должностных лиц городского общественного управления, но и части гласных, ограничение самостоятельности органов городского общественного управления, строгий надзор местной администрации, чрезмерное расширение круга дел, по которым постановления думы нуждались в утверждении губернатора или министра и, в конечном счете, превращение городского управления в полубюрократическое учреждение, действующее по указке администрации.

В силу значительного разнообразия регионов России для формирования цельной научной картины городского управления в стране и оценки Городового положения 11 июня 1892 г. требуются исследования организации самоуправления на местах, и в частности, в городах с исторической, социально-экономической и этнокультурной спецификой. К числу таких городов относится и Нахичевань-на-Дону, и некоторые другие южнороссийские города. Между тем в российской исторической и историко-правовой науках нет работ, посвященных этой проблеме. Непосредственная **цель исследования** состоит в том, чтобы проанализировать введение Городового положения 1892 г. на локальном уровне – в Нахичевани-на-Дону, и на основании эмпирического материала оценить эффект от реализации норм Городового положения 1892 г. в заштатном южнороссийском городе.

Город Нахичевань основан в 1779 г. как центр армянской колонии переселенцами из Крыма и до конца 1860-х годов обладал определенной внутренней

автономией, дарованной грамотой Екатерины II¹. В 1872 г. в Нахичевани-на-Дону, как и в соседнем Ростове-на-Дону, было введено Городовое положение 16 июня 1870 г., и далее городское общественное управление функционировало на общих для российских городов правовых основаниях. Из центра армянской колонии Нахичевань-на-Дону превратилась в заштатный город, населенный преимущественно армянами, в котором, однако, быстро нарастала численность русского населения. Переустройство городского управления Нахичевани-на-Дону в соответствии с нормами Городового положения 11 июня 1892 г. (как, впрочем, и Городового положения 16 июня 1870 г.) в научной литературе не получило освещения. Для оценки применения нового Положения и реконструкции истории городского управления в российских городах важно определить ход и результат избирательной компании, определить сословный и имущественный статус, образовательный уровень гласных и членов управы, степень преемственности городской власти в Нахичевани-на-Дону в сравнении с предшествующим периодом, а также с общероссийскими реалиями. В связи с увеличением или даже возможным преобладанием доли русского населения в ранее моноэтничном г. Нахичевань-на-Дону к концу XIX в. (Batiev, 2021:86–94), представляет интерес и вопрос об этническом составе органов городского управления.

Подготовка к выборам в городскую думу, избиратели

Новое Городовое положение было утверждено Александром III 11 июня 1892 г.² и препровождено в Правительствующий сенат, с указанием: «1) Положение сие вводить в действие постепенно во всех городских поселениях Империи..., и 2) определение срока введения нового Городового положения в отдельных городских поселениях предоставить министру внутренних дел, а в местностях, подчиненных в порядке управления военному министру, – сему последнему»³.

Военный министр, в ведомстве которого состояла область войска Донского, куда входила и Нахичевань-на-Дону⁴, не откладывая реализацию закона, предложил войсковому наказному атаману немедленно принять меры к возможно скорейшему введению нового положения⁵. Исполнение всех необходимых распоряжений для введения Городового положения возлагалось на Областное по городским делам присутствие. Для обсуждения возникающих вопросов на его заседание приглашались городские головы⁶.

18 августа 1892 г. областное войска Донского по городским делам присутствие обратилось к нахичеванскому городскому голове с запросом о том, 1) когда именно

¹ Жалованная грамота вышедшим из Крыма христианам Армянского закона 14 ноября 1779 г. / Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. (ПСЗ-I). СПб.: Тип. II Отделения собственной его императорского величества канцелярии. 1830. Т. 20. № 14942.

² Высочайше утвержденное Городовое положение 11 июня 1892 г. / Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3 (ПСЗ-III). СПб.: Государственная типография. 1892 г. Т. 12. № 8708.

³ Именной высочайший указ, данный Сенату 11 июня 1892 г. О введении в действие нового Городового положения / ПСЗ-III. Т. 12. № 8707.

⁴ Высочайше утвержденное мнение Государственного совета. О присоединении Таганрогского градоначальства и Ростовского уезда Екатеринославской губернии к области войска Донского 19 мая 1887 г. / ПСЗ-III. Т. 7. № 4466.

⁵ Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 91. Оп. 1. Д. 628. Л. 1.

⁶ Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 91. Оп. 1. Д. 628. Л. 1. Л. 6–7 об.

истекает четырехлетний срок действия нахичеванской думы настоящего состава; 2) с каким имущественным цензом должны быть допускаемы к участию в выборах жители города Нахичевани⁷. Исходя из смысла ст. 24 Городового положения 1892 г. следовало заключить, что имущественный ценз для Нахичевани должен быть минимальный (начиная от 300 руб.). Но для окончательного решения этого вопроса Областное по городским делам присутствие посчитало необходимым получить не позже 25 августа 1892 г. набор дополнительных сведений о населении города, избирателях по Городовому положению 1870 г., доходах и расходах города за последние три года⁸.

Из ответа городского головы Нахичевани от 22 августа 1892 г. видно, что четырехлетний срок действия Нахичеванской на Дону городской думы истекал к 1 января 1893 г. Городские власти также исходили из того, что имущественный ценз для жителей г. Нахичевана должен начинаться от 300 руб.

Население Нахичевани в 1892 г., согласно подворно-полицейским спискам, составило 23 835 человек. Из других источников известно, что в 1891 г. в Нахичевани насчитывалось 23 425 жителей. Из них 11 310 коренного населения, 11 814 – иногороднего и 301 чел. из станиц и городов Области войска Донского⁹. В 1892 г. в Нахичевани насчитано 23790¹⁰, в 1893 – 23 514¹¹. «Иногородняя» масса населения состояла преимущественно из малообеспеченных русских трудовых мигрантов, не обладавших недвижимым имуществом, которое соответствовало бы избирательному цензу.

До введения в действие нового Городового положения в Нахичевани насчитывалось 1443 избирателя. «Из них владеющих недвижимым имуществом, оцененным для сбора в доход города не менее 1000 руб., было 215 избирателей, от 300 до 1000 руб. – 280 и менее 300 руб. – 814. Кроме того, состояло избирателей по купеческим свидетельствам 1-й и 2-й гильдий. Без имущественного ценза – 35, по другим торговым и промысловым свидетельствам – 98»¹². Таким образом, около 6,2 % от общего числа жителей имели право участвовать в выборах гласных городской думы. Самая большая группа избирателей имела недвижимость ценой менее 300 руб. При новом же цензе все эти 814 домовладельцев выпадали из списков избирателей.

В 1892 г., в соответствии с новым избирательным цензом, городскими властями Нахичевани было насчитано: «имеющих имущества, оцененные в 300 руб. – 101; с оценкой от 300 до 1000 руб. – 230, с оценкой более 1000 руб. – 190. С цензом по платежу гильдий по 1-й – 9, а по 2-й – 125. На основании приведенных данных и ст. 56 Город. полож. 1892 г. число гласных в Нахичеване в будущей думе должно достигать сорока (40)»¹³. Предварительная численность избирателей, по оценке городских властей, составила 655 горожан. Таким образом, в результате применения

⁷ Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 91. Оп. 1. Д. 628. Л. 1–1 об.

⁸ Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 91. Оп. 1. Д. 628. Л. 1.

⁹ Памятная книжка области войска Донского на 1893–1894 гг. Новочеркасск. Олб. В. Д. типография. 1893. С. 11–12.

¹⁰ Отчет Войскового наказного атамана о состоянии области Войска Донского за 1892 г. II часть гражданская Новочеркасск, 1893. С. 4.

¹¹ Отчет Войскового наказного атамана о состоянии области Войска Донского за 1893. II часть гражданская. Новочеркасск, [1894]. С. 4.

¹² ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 628. Л. 2–2 об.

¹³ ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 628. Л. 3.

новых норм процент горожан, имеющих право участвовать в городском общественном управлении, уменьшился более чем вдвое: 2,75 % против 6 %. По сведениям Г.И. Шрейдера, в Нахичевани-на-Дону в избирательном списке 1893 г. числилось всего 510 избирателей, а в списке 1897 г. – 587 (Shrader, 1902:68). При таком раскладе процент избирателей от общей численности жителей составил 2,14 в 1893 г., и 2,18 в 1897 г. Сокращение числа избирателей в 1893 г. по отношению к 1888 г. – 2,8 раза, в 1897 г. – 2,45.

В российских городах с населением от 20 до 35 тыс. человек, согласно подсчетам В.А. Нардовой, по Городовому положению 1870 г. наибольший удельный вес избирателей достигал всего 6,6 % (Nardova, 1984: 60). В среднем получивших избирательное право было 4 %. По Городовому положению 1892 г. средний процент снизился до 1,3 (Nardova, 1991:227). Более высокие показатели Нахичевани-на-Дону по сравнению со среднероссийскими (близко к максимуму по Положению 1870 г., и в два выше общероссийского среднего показателя по Положению 1892 г.) можно объяснить большей зажиточностью горожан вследствие традиционно развитой торговой деятельности с вовлечением в нее значительного числа нахичеванцев.

Но эти цифры сами по себе не говорят о реальном участии горожан в выборах. Абсентеизм в Нахичевани было массовым. На выборах гласных в городскую думу 5 марта 1893 г. участвовали всего 196 избирателей, которые располагали 208 голосами¹⁴. Более двух третей от общего числа избирателей просто не пришли в избирательное собрание. Для российских городов такая практика была скорее правилом, чем исключением. В соседнем Ростове-на-Дону, население которого почти четырехкратно превышало население Нахичевани, на такие же выборы 3 марта явилось всего 316 чел., располагавших 330 голосами¹⁵ (в первый день голосования и того меньше – 294 чел. с 308 голосами¹⁶). В Таганроге в избирательное собрание явились всего 135 человек со 150 голосами¹⁷.

Городовое положение 11 июня 1892 г. ограничивало и даже запрещало участие евреев в городском управлении¹⁸. Таганрогское градоначальство и Ростовский уезд Екатеринославской губернии, куда входила и Нахичевань, только с 1 января 1888 г. были переданы из состава Екатеринославской губернии в состав Области войска Донского¹⁹. Соответственно, до 1888 г. Нахичевань, как и соседний Ростов, находились внутри «черты постоянной еврейской оседлости». 11 июня 1892 г. император, одоблив текст нового Городового положения, утвердил также дополнительные пункты, предложенные Государственным советом. Согласно XIV пункту «впредь до пересмотра действующих о евреях узаконений» было установлено, что «1) Евреи не допускаются к участию в городских избирательных съездах и собраниях домохозяев [Город. Пол. ст. 34 и прил. к ст. 22 (ст. 2)], а также к занятию должностей по городскому общественному управлению и к заведыванию отдельными отраслями городского хозяйства и управления (Город. Пол. гл. II отд. 3)²⁰. Но в высочайше

¹⁴ Приазовский край (ПК). 1893. № 59. 6 марта.

¹⁵ ПК. 1893. № 57. 4 марта.

¹⁶ ПК. 1893. № 56. 2 марта.

¹⁷ ПК. 1893. № 62. 9 марта.

¹⁸ ПСЗ-III. Т. 12. № 8708.

¹⁹ ПСЗ-III. Т. 7. № 4466. *Мыши М.И.* Городовое положение со всеми относящимися к нему узаконениями, судебными и правительственными разъяснениями. Изд. 8-е, испр. и доп. СПб.: Типография Н.А. Лебедева. С. 438–443.

²⁰ ПСЗ-III. Т. 12. № 8708.

утвержденном 19 мая 1887 г. мнении Государственного совета о присоединении Таганрогского градоначальства и Ростовского уезда Екатеринославской губернии к области войска Донского указывалось, что действие правил, постановленных в параграфе VIII статьи 17 устава о паспортах (свод. зак. т. XIV, по прод. 1886 г.), которые ограничивали права евреев, не относится к тем евреям, которые «поселились в упомянутых уезде и градоначальстве до времени опубликования настоящего узаконения. Таким евреям разрешается оставаться и впредь в избранных ими местах жительства, при чем лица сии продолжают пользоваться всеми принадлежащими им, по действующим законам, правами»²¹. А в ст. 2 отдела XIV мнения Государственного совета в связи с введением нового Городового положения 1892 г. указывалось: «в городских поселениях губерний, в коих евреям дозволяется постоянное жительство (Уст. Пасп. ст. 11), кроме города Киева, евреи допускаются к исполнению обязанностей городских гласных или уполномоченных на следующих основаниях (ст. 3–5 сего отдела)»²².

Военный министр, проигнорировав ст. 2 отдела XIV «Мнения Государственного совета», взял за основу общий запрет на участие евреев, проживающих за чертой оседлости, в городском управлении. Он указал, «что действие правил, изложенных в ст. 3, 4 и 5 отд. XIV высочайше утвержденного 11 Июня 1892 г. мнения Государственного совета, на евреев, проживающих в городах Ростове на Дону, Таганроге, Нахичевани на Дону и Азове, не распространяется, и что за сим, на точном основании ст. I того же отд., означенные евреи не должны вноситься в избирательные списки и не должны приниматься во внимание при определении числа гласных в городской думе»²³.

Тем не менее, сведения о евреях были собраны. В Нахичевани насчитали «мужчин 118, женщин – 130, всего 248 душ. евреев, приписанных к местным купеческому и мещанскому обществам нет и все евреи, живущие в г. Нахичеване на основании примеч. К ст. 13 уст. пасп. принадлежат к обществам других городов. Из еврейских учреждений имеется только молитвенный дом»²⁴. При этом «евреев, избирателей с имущественным цензом свыше 300 руб. числилось 10 человек. В последние два четырехлетия евреев в среде гласных Нахичеванской на Дону городской думы не числилось»²⁵.

Выборы, состав городской думы

В связи с истечением четырехлетнего срока действия состава городского управления введение нового Положения в г. Нахичеване было возможно к январю 1893 г.²⁶ Но процедура выборов требовала длительной подготовки, поэтому решено было ввести Положение в действие в полном объеме не позже 1 мая 1893 г. Алгоритм был подробно расписан областными властями: не позже 1 декабря управа должна составить и опубликовать списки лиц, имеющих право участия на выборах; в течение двух недель по опубликовании списков следовало внести исправления «по возражениям городских обывателей»; не позже 20 декабря исправленные списки нужно было

²¹ Мьш М.И. Указ. соч. С. 441.

²² ПСЗ-III. Т. 12. № 8708.

²³ ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 628. Л. 19.

²⁴ ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 628. Л. 11–12.

²⁵ ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 628. Л. 2 об.

²⁶ ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 628.

представить на утверждение в Областное по городским делам присутствие, после чего они публикуются Присутствием к 1 февраля 1893 г. Проведение выборов был назначено на период с 1 по 6 марта²⁷.

Многие нахичеванские купцы и промышленники жили «на два дома» – в Нахичевани и в Ростове²⁸ – и баллотировались в думы обоих городов. В связи с этим гласный нахичеванской думы Г.Х. Чалхушьян 21 декабря 1892 г. обратился к нахичеванской городской думе с просьбой «возбудить, где следует, ходатайство, чтобы выборы в городах Нахичевани и Ростове н/Д произведены были не в один день»²⁹. В Ростове выборы начались 1 марта 1893 г.³⁰. В Нахичевани выборы были назначены на 5 марта 1893 г.: избирателей приглашали «в этот день в помещение нахичеванского Коммерческого клуба к 10 ч. утра» объявлениями в прессе и именными повестками³¹. Председателем собрания, согласно приказу военного министра, был нахичеванский городской голова М.И. Балабанов. Всего явилось 196 избирателей, располагающих 208 голосами. Шесть из них участвовали в выборах по доверенности. На первом этапе в избирательном собрании происходило выдвижение претендентов (по предложению не менее пяти избирателей, или самовыдвижением. В итоге в «кандидатском списке» оказалось 87 чел. Для удобства голосования они были разделены на группы (известен состав трех групп – по 14 в каждой, и одной – из 13 претендентов³²). В 4 часа приступили к баллотировке. Большинство «избирательных шаров» получили 42 человека. Приводим список победителей³³ в табл. 1.

Таблица 1. Список победителей

Ф.И.О.	изб.	неизб.
Балабанов Минас Ильич	143	65
Бахчисарайцев Григорий Христофорович	109	99
Чарыхов Иван Сергеевич	118	90
Ходжаев Давид Егорович	128	80
Хлытчиев Яков Матвеевич	120	88
Хлытчиев Матвей Яковлевич	128	80
Ахчиев Владимир (Вартерес) Степанович	109	99
Аладжалов Исаак Мануилович	154	55
Ходжаев Аким Мартынович	133	76
Чубаров Егор Иванович	117	91
Мелконов Гавриил Артемович	147	61
Красильников Егор Минаевич	126	82
Сагиров Никита (Мкртыч) Крестостурович (Кириллович)	112	96
Сагиров Артемий (Арутюн) Хачересович (Христофорович),	109	99
Сагиров Хачерес Крестостурович (Христофор Кириллович)	126	82
Алаханов Егор Христофорович	110	100
Ходжаев Карп Егорович (Георгиевич)	107	103
Шилтов Иван Григорьевич	106	104
Степаносьян Христофор Павлович	119	91

²⁷ ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 628. Л. 19–20.

²⁸ В 1897 г. в Ростове проживало две тысячи нахичеванцев (Barkhudaryan, 1996:94).

²⁹ ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 628. Л. 21.

³⁰ ПК. 1893. № 56. 2 марта.

³¹ Ведомости Нахичеванской-на-Дону городской думы. 1893. № 8; ПК. 1893. № 58. 5 марта.

³² ПК. 1893. № 59. 6 марта

³³ ПК. 1893. № 61. 8 марта; Ведомости Нахичеванской-на-Дону городской Думы. 1893, № 10.

Окончание табл. 1

Ф.И.О.	изб.	неизб.
Чайлахов Иван (Ованес) Михайлович	119	91
Салтыков Павел Каспарович	140	70
Попов Мануил Михайлович	119	91
Сагиров Симон (Семен) Никитич (Мкртычевич)	132	78
Салтыков Григорий Карпович	120	89
Халибов Минас Александрович	125	84
Чалхушьян Григорий Христофорович	131	78
Трапезонцев Борис Гаврилович	140	69
Батыров Барон Лукьянович	116	93
Искидаров Марк Яковлевич	109	97
Асвадулов Сероп (Серапион) Федорович	136	73
Чалхушьян Христофор Христофорович	130	79
Попов Гавриил Михайлович	121	88
Берберов Иван Минаевич	135	74
Котельников Григорий Матвеевич	113	93
Арутюнов Серафим Христофорович	122	84
Хадамов Артемий Федорович	118	88
Когбетлиев Егор Емельянович	127	79
Магдесиев Михаил Гаврилович	126	80
Хатранов Павел Егорович	121	83
Кечегов Федор Степанович	107	97
Попов Кирилл Михайлович	124	80
Багдыков Мартын Христофорович	129	73

Выбранные сверх положенного числа гласных по закону зачислялись кандидатами. Таковыми стали купеческий сын, потомственный почетный гражданин Ходжаев Карп Егорович, получивший 107 избирательных шаров, и присяжный поверенный Шилтов Иван Григорьевич, получивший 106 шаров (меньше, чем остальные победители). Но чтобы набрать необходимое число кандидатов (не менее одной пятой от числа гласных), были проведены дополнительные выборы. В кандидаты баллотировались 14 человек. В голосовании приняли участие всего 152 избирателя. Требуемое абсолютное большинство получили тринадцать из претендентов, которые и были зачислены в кандидаты (табл. 2).

Таблица 2. Победители на выборах кандидатов в гласные думы

Ф.И.О.	изб.	неизб.
Келле-Шагинов И.М.	104	48
Кистов С.Н.	93	59
Чапхунов С.П.	80	72
Захаров М.З.	105	47
Попов Е.Х.	77	75
Кожевников К.А.	81	71
Аладжалов Л.А.	84	68
Чарыхов К.К.	83	69
Берберов М.И.	79	73
Кечеджиев П.Х.	89	63
Балабанов Е.А.	85	67
Хырджиев С.К.	98	54
Галаджев С.Х.	99	53

Меньше половины (за – 75, против – 77) получил один Комурджиев С.М.

Уже в течение 1893 г. К.Е. Ходжаев был утвержден гласным думы³⁴ взамен Я.М. Хлытчиева, который отказался от своего места в думе по возрасту. В 1896 г. мы видим еще замены – место Х.К. Сагирова занимает И.Г. Шилтов, а место М.Я. Искидарова – М.З. Захаров (на 1897 г. вновь указан Искидаров). По данным на 1897 г., в числе гласных вместо Чарыхова И.С. назван статский советник С.Х. Галаджев.

В целом, можно отметить, что введение Городового положения в Нахичевани прошло достаточно успешно. Особенно это видно при сравнении с соседним Ростовом-на-Дону: выборы, проходившие там с 1 по 4 марта, закончились избранием лишь 49 из необходимых 60 гласных, на 10 марта назначено новое избирательное собрание³⁵. После чего результаты выборов были «кассированы» Областным по городским делам присутствием³⁶, а повторные выборы несколько раз переносились³⁷.

Социальная характеристика думы

Сведения о личном составе городской думы города Нахичевани-на-Дону в 1893–1897 гг. сохранились в фондах ГАРО³⁸. Сложности при их анализе возникают в связи с тем, что в справке о составе думы в графе «сословие» порой писалось мещанин, а рядом, в графе «чин или звание» – купец (6 случаев), иногда – наоборот (один случай). Такие же «переходы» присутствуют и в справочниках того времени. Если таких гласных отнести к купцам, то вместе с потомственными почетными гражданами купечество будет представлено 33 гласными (82,5 %). Без учета таких лиц минимум 62,5 % были заняты купцами. Такой расклад сил в думе отражал традиционное для Нахичевани доминирование купечества в городе. Для сравнения: в предыдущей думе, избранной в соответствии с Положением 1870 г., среди гласных было не менее 63 % купцов (то есть доля купеческого представительства, при уменьшении общего числа гласных с 72 до 40 чел., не просто сохранилась, но даже увеличилась).

Второй по численности группой были потомственные почетные граждане – 11 гласных (27 %). Все они по роду деятельности были купцами, поэтому выше мы приплюсовали их к купечеству. Третью группу составляли мещане 10 (11) гласных. Шестеро из них также фактически относились к купечеству, что и было отражено в подготовленной сводке о составе думы. Дворянство в составе населения Нахичевани всегда было представлено незначительно. В думе образца 1893 г. оказалось четыре дворянина. По роду занятий в думе выделяются пять врачей и пять юристов (присяжные поверенные, один помощник присяжного поверенного, нотариус, мировой судья)³⁹.

³⁴ Дополнение к Памятной книжке области Войска Донского на 1893–1894 гг. Новочеркасск: Тип. Н.И. Редичкина. 1984. С. 37.

³⁵ ПК. 1893. №№ 60–64. 7–11 марта.

³⁶ ПК. 1893. № 67. 14 марта.

³⁷ ПК. 1893. № 79. 31 марта; ПК. 1893. № 97. 17 апреля; ПК. 1893. № 95. 16 апреля.

³⁸ ГАРО. Ф. 91. Оп. 4. Д. 46.

³⁹ Увеличение числа гласных интеллигентных профессий соответствует тенденции, отмеченной П.А. Зайончковским (Zayonchkovsky, 1970:428).

Состав думы отличился высокой личной преемственностью. Резкое изменение условий ценза и новый порядок выборов могли бы привести к радикальному изменению личного состава городских управлений. Но на деле оказалось, что «в Нахичевани на Дону из 40 „новых“ гласных, действительно вновь избранных в 1893 году, имеется только 3, т.е. едва 7,5 %. В Ростове-на-Дону новички не составляли и 5 %» (Shrader, 1902:27–28). По нашим подсчетам, по сравнению с предыдущими составами думы, появилось всего пять новых имен (12,5 %): два присяжных поверенных (один из них пробился в думу через статус кандидата), по одному нотариусу, врачу и купцу. В этом отношении Нахичевань не отличалась от других городов (Pisarkova, 2000:149).

Имущественное положение (на основании стоимости недвижимого имущества) гласных выглядело следующим образом. Из 43 человек (с учетом замены выбывших) размер имущества не указан у трех человек. У оставшихся 40 гласных минимально необходимый размер в 300 руб. обнаружился у одного гласного, еще у одного – 500 руб., у троих – 1 тыс. руб. Средняя оценка недвижимого имущества составила 3587,5 руб. Самая многочисленная группа – 23 гласных – имела недвижимость в размере от 1 до 3 тыс. рублей. Обобщенный расклад выглядит следующим образом: до 1 тыс. руб. стоило имущество 6, до 2–10, до 3–10 и до 4 тыс. руб. – 3 гласных. Десять гласных обладали недвижимым имуществом стоимостью от 4,7 до 18,6 тыс. руб.

По подсчетам Г.И. Шрейдера, средняя ценность недвижимости гласных Нахичеванской думы (4035 руб., по нашим подсчетам – 4105 руб.⁴⁰) в 2,6 раза превышала среднюю стоимость недвижимого имущества избирателей (1539 руб.) и в 11,6 раз среднюю стоимость имущества горожан (Shrader, 1902:91). (Средняя ценность недвижимости рядового домовладельца в Нахичевани составляла 348 р. (Shrader, 1902:253). Таким образом, имущественное положение гласных отличало их не только от обывателей, не имеющих голоса, но и от усредненного избирателя – они были «представителями трех различных и мало похожих друг на друга экономических групп» (Shrader, 1902:91). Расслоение внутри самой думы также весьма значительно, «более половины думских мест занято представителями наиболее состоятельного меньшинства, составляющего только четвертую долю всей массы избирателей, а в то же время менее состоятельное подавляющее большинство этой массы представлено в думе далеко менее, чем половиною гласных (42,9%)» (Shrader, 1902:92–93). Г.И. Шрейдер ведет отсчет от недвижимости стоимостью 1539 руб., которую считает средней для избирателей Нахичевани. По нашим подсчетам, 28 из 40 гласных имели недвижимость дороже 1539 руб. При этом 18 из них, то есть почти половина гласных обладала имуществом с оценочной стоимостью от 3 до 18 тыс. руб.⁴¹.

Все гласные были уроженцами Нахичевани армяно-григорианского вероисповедания. Русское население, которое составляло значительную долю горожан, не было представлено в городской думе. Этническое управление в Нахичевани-на-Дону, дарованное жалованной грамотой Екатерины II от 14 ноября 1779 г. армянам-переселенцам из Крыма⁴², уже в середине – второй половине XIX в. вызывало недовольство не только населения, но и представителей власти, и становилось

⁴⁰ ГАРО. Ф. 91. Оп. 4. Д. 46. Л. 1–2.

⁴¹ ГАРО. Ф. 91. Оп. 4. Д. 46. Л. 1–2.

⁴² ПСЗ-I. Т. 20. № 14942.

основанием для требований упразднения особого статуса Нахичевани⁴³. Упразднение дарованной автономии и перевод Нахичевани-на-Дону на общероссийскую модель управления в 1870-е годы уравнивали горожан в правах. Однако и после введения в действие в Нахичевани-на-Дону Городового положения 1870 г., которое произошло в 1872 г., и по результатам выборов 1893 г. русское население города не получило доступа в городскую думу и управу. Указанная проблема обострилась на выборах 1913 г., когда Ростовский-на-Дону градоначальник И.Н. Зворыкин, посчитав, что в избирательном списке чересчур много армян, своей властью добавил в него 213 русских избирателей (25 % от прежнего списка)⁴⁴. В итоге на выборах в думу 20 сентября 1913 г. из 60 гласных армяне получили только 45 мест⁴⁵.

В соответствии со ст. 32 Городового положения 1892 г. в выборах не участвовали священно- и церковнослужители христианских исповеданий. Поэтому в новом составе думы, в отличие от прежнего, не было священников Армянской апостольской церкви.

В новой думе 25 гласных получили «домашнее» образование. Уровень образования остальных гласных был достаточно высок: девять человек закончили университеты (Московский – 6, Санкт-Петербургский – 1, Нежинский лицей князя А.А. Безбородко – 1, Цюрихский – 1), один гласный получил образование в Парижской медицинской школе. Семеро гласных имели среднее образование (Первое Петербургское реальное училище – 1, Нахичеванское уездное училище – 4, Халибовское училище в Феодосии – 2).

Выборы и организация работы городской управы

Последнее заседание уходящей думы было проведено 12 марта 1893 г., а 21 марта состоялось первое заседание новой думы для «избрания гласного, должностящего председательствовать в думе в случаях, указанных в 120 ст. положения»⁴⁶. Начался новый этап в истории городского общественного управления в Нахичевани-на-Дону. Следовало, в первую очередь, заняться формированием исполнительных органов.

Выборы городского головы, членов и секретаря управы последовали 7 апреля 1893 г. в 8 часов вечера в помещении городской управы под председательством старшего гласного Г.А. Мелконова. Перед началом выборов был обсужден вопрос о жалованье избираемым лицам, которое после закрытой баллотировки было оставлено в прежнем размере⁴⁷. Затем под председательством городского головы М.И. Балабанова приступили к выборам городского головы на новый срок. В истекшем четырехлетии (1888–1892 гг.) управа состояла из двух членов с окладом жалованья

⁴³ Городские поселения в Российской Империи. Т. 2. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза». 1861. С. 189–194, 198–202; Судебно-статистические сведения и соображения о введении Судебных уставов 20 ноября 1864 года (по 32 губерниям). Ч. I. 1866. С. 57; Материалы, относящиеся до нового общественного устройства в городах Империи: (Городовое положение 16 июня 1870 г.). Т. I. СПб.: Типография министерства внутренних дел, 1877. С. 202.

⁴⁴ Как выбирали раньше. О выборах в Ростовскую и Нахичеванскую городские думы. Ростов-на-Дону: Ростовское областное книгоиздательство, 1947. С. 17–18.

⁴⁵ ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 1752, 1756.

⁴⁶ Ведомости Нахичеванской на Дону городской думы. 1893. № 12. 21 марта; ПК. 1893. № 77. 25 марта.

⁴⁷ ПК. 1893. № 87. 8 апреля

и шести членов без оклада⁴⁸. В новую управу предстояло избрать только двух членов. Бюллетени для избрания городского головы были вручены 39 гласным, присутствовавшим на заседании. М.И. Балабанов «получил 36 предложений, Аладжалов И.М. – 17, Арутюнов С.Х. – 5, Салтыков Г.К. – 1, Когбетлиев Е.Е. – 1 и Батыров Б.Л. – 1»⁴⁹. Арутюнов С.Х., Салтыков Г.К., Когбетлиев Е.Е. и Батыров Б.Л., получившие минимум поддержки, от баллотировки на должность головы отказались. В итоге в борьбу за кресло головы вступили двое. Большинством голосов (35 против 14) городским головой был избран М.И. Балабанов. Аладжалов И.М. получил 20 избирательных голосов и 19 неизбирательных⁵⁰.

На выборах членов управы «баллотировались следующие лица: Хадамов А.Ф., получивший 31 изб. и 8 неизб., Аладжалов Л.А. – изб. 23, неизб. 16, Аджемов С.А. – изб. 17, неизб. 22; Иванов – изб. 14, неизб. 25; Ходжаев Д. от баллотировки отказался, таким образом в члены городской управы оказались избранными Хадамов А.Ф. и Аладжалов Л.А. В секретари гор. управы большинством 31 голос против 8 избран С. Арутюнов. Шилтов Е.Г. от баллотировки отказался. Выборы закончились около 10 часов»⁵¹. Таким образом, управа вместе с городским головой осталась в прежнем, хотя и усеченном составе. В апреле 1893 г. А.Ф. Хадамов по жребию (ст. 124 Городового положения) выбыл из управы, но вновь был избран 1 февр. 1895 г.⁵². Можно также отметить, что и председатель, и члены управы были, по сути, «профессиональными» гласными и управленцами. Балабанов М.И. был гласным начиная с 1872 г., с 1881 по 1885 гг. он член городской управы «без оклада жалованья» (Kazarov, 2021:22), 1885 г. – заступающий место городского головы, с 1888 г. – городской голова. Хадамов А.Ф. в 1880 г. был выбран гласным, а с 1 апр. 1881 г. без перерывов состоял членом городской управы с окладом жалованья⁵³, также и Л.А. Аладжалов – член управы с 1881 с окладом жалованья⁵⁴. Заступающий место городского головы П.Е. Хатранов – гласный с 1880 г.

Новая городская управа почти сразу после своего избрания подготовила 27 апреля 1893 г. доклад с предложением увеличить число ее членов до трех и избрать заступающего место городского головы (ст. 93 Городового положения), объясняя это тем, что при замещении отсутствующего городского головы одним из членов управы коллегиальное обсуждение вопросов невозможно. «Кроме этого, член управы, заступая место городского головы, тем лишается возможности исполнять непосредственно возложенные на него обязанности»⁵⁵. Поэтому заявители считали необходимым иметь и третьего члена управы без оклада жалованья, который будет приглашаться в присутствие городской управы при отсутствии городского головы или одного из членов городской управы для коллегиального обсуждения дел⁵⁶.

На первом «чрезвычайном» заседании городской думы 1 мая 1893 г. было решено принять доклад городской управы о возбуждении ходатайства об увеличении

⁴⁸ ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 628. Л. 5–5 об.

⁴⁹ ПК. 1893. № 87. 8 апреля.

⁵⁰ ПК. 1893. № 87. 8 апреля.

⁵¹ ПК. 1893. № 87. 8 апреля.

⁵² ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 45. Л. 4; ПК. 1895. № 32. 4 февраля.

⁵³ ГАРО. Ф. 91. Оп. 4. Д. 45. Л. 2, 4.

⁵⁴ ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 628. Л. 5.

⁵⁵ ГАРО. Ф. 91. Оп. 4. Д. 38. Л. 1.

⁵⁶ ГАРО. Ф. 91. Оп. 4. Д. 38. Л. 1.

числа членов городской управы до трех и поручить городскому голове ходатайствовать об этом в установленном порядке⁵⁷. Вопрос с избранием заступающего место городского головы, с которым также обращалась управа, гласные постановили отложить до разрешения ходатайства общественного управления об увеличении числа членов городской управы до трех⁵⁸.

После вступительной речи городского головы М.И. Балабанова дума перешла к рассмотрению очередных вопросов:

Было составлено расписание очередных собраний городской думы на 1893 г., которые назначены на 12 мая, 10 июня, 1 сентября, 9 октября, 1 ноября, 20 ноября и 20 декабря.

Определено в течение мая и июня месяцев привести в известность все капиталы и ценности города и составить по ним и всем делам управы и архива описи, капиталы и ценности по особому журналу принять во введение новой управы, оконченные дела сдать в архив, не оконченные оставить в канцелярии управы.

Распределены занятия городской управы между её личным составом:

а) ближайшее заведение делами, относящимися к воинской повинности поручено городскому голове;

б) на члена управы А.Ф. Хадамова возложено заведование земельными и иными угодьями города и оброчными статьями как в черте города, так и вне её; городским водопроводом, наплавными мостами, больницей и библиотекой, делами, касающимися городских и земских повинностей и счетоводства;

в) на члена управы Л.А. Аладжалова возложено заведование предметами городского благоустройства, пожарным, санитарным и ассенизационным обозами, городским освещением, питомником, бульварами и садами, строительной частью, городскими садами и постройками, вообще всеми распорядительными делами города.

Заседание управы для разрешения вопросов, подлежащих коллегиальному решению, решено назначать по три раза в неделю по вторникам, четвергам и субботам⁵⁹.

На этом же заседании 1 мая 1893 г., согласившись с мнением управы по вопросу об увеличении числа ее членов до трех, дума поручила городскому голове обратиться в установленном порядке с соответствующим ходатайством. Городской голова 27 мая обратился с этим к войсковому наказному атаману войска Донского⁶⁰ и 30 сентября 1893 г. получил разрешение от 16 сентября, переданное от военного министра⁶¹. Дума 9 октября избрала на эту должность П.Е. Хатранова⁶², 5 декабря 1893 г. он был утвержден атаманом, а 20 декабря 1893 г. дума большинством (23 – за, 5 – против) избрала его же заступающим место городского головы⁶³. В этой должности он был утвержден войсковым атаманом 2 февраля 1894 г. О чем сам Хатранов был извещен городским головой 8 февраля 1894 г.⁶⁴. Так завершилось формирование городской управы Нахичевани.

⁵⁷ ГАРО. Ф. 91. Оп. 4. Д. 38. Л. 1.

⁵⁸ ГАРО. Ф. 91. Оп. 4. Д. 38. Л. 2.

⁵⁹ Ведомости Нахичеванской на Дону думы. 1893. № 19.

⁶⁰ ГАРО. Ф. 91. Оп. 4. Д. 38. Л. 3.

⁶¹ ГАРО. Ф. 91. Оп. 4. Д. 38. Л. 7.

⁶² ГАРО. Ф. 91. Оп. 4. Д. 38. Л. 9–10 об.

⁶³ ГАРО. Ф. 91. Оп. 4. Д. 38. Л. 16–17

⁶⁴ ГАРО. Ф. 91. Оп. 4. Д. 38. Л. 20–22 об.; Д. 45. Л. 2.

За 1893 г. городская дума провела 10 заседаний, в которых рассмотрено 109 вопросов, касающихся городского хозяйства, торговли, промышленности и различных сторон общественной жизни⁶⁵. О характере повседневных дел, рассматриваемых в городской думе в 1893 г., можно судить по сообщениям местной прессы⁶⁶. В вопросах городского управления можно отметить образование городского общественного банка, открытие которого ожидалось в 1894 г., и усиление состава местной полиции, на содержание которой дополнительно выделено 7000 руб.⁶⁷. За весь период действия думы 1893–1897 гг. было проведено 42 заседания. В среднем каждый гласный участвовал почти в 33 заседаниях думы⁶⁸.

Заключение

Введение нового Городового положения 11 июня 1892 г. состоялось под непосредственным руководством и плотным контролем администрации области войска Донского. Переход к усеченной системе городского общественного управления произошел в Нахичевани-на-Дону без каких-либо осложнений (в отличие от соседнего Ростова-на-Дону).

Самым заметным результатом введения Городового положения 1892 г. стало существенное сокращение числа лиц, имеющих право участвовать в выборах гласных (510 избирателей в 1893 г. против 1443 по Городовому положению 1870 г.). В связи с изменением избирательного ценза процент нахичеванцев, получивших избирательные права по отношению к предыдущему периоду уменьшился более чем вдвое (2,75 % против 6 %), но по сравнению с другими городами был достаточно высоким (2,75 % в Нахичевани против 1,3 % в среднем по России). Активность избирателей в Нахичевани оказалась весьма низкой – на голосование в избирательное собрание не пришли более двух третей от общего числа избирателей. Тем не менее, в Нахичевани явка была выше, чем в соседних Ростове-на-Дону и Таганроге. Вторым наглядным результатом преобразований стало сокращение числа гласных с 72 до 40 (то есть на 44,5 %). Но несмотря на такое сокращение, по итогам выборов сохранилась абсолютная преемственность (как сословная, так и персональная) власти в городской думе – 87,5 % гласных сохранили свои места. Таким образом, реализация нового Городового положения сохранила и закрепила за купеческой верхушкой ее полное доминирование в городском управлении. Новым стало появление юристов и врачей в думе. Однако такое изменение социального состава было связано не с введением нового Городового положения, а с общим увеличением числа и значения лиц свободных профессий в городской жизни. Персональный состав городской управы под руководством городского головы сохранился полностью. Несмотря на нарастающую массу русского населения армянская купеческая элита Нахичевани-на-Дону сумела сохранить моноэтничную городскую думу и свои собственные позиции как полновластного хозяина города. Основанием для такого результата послужил высокий имущественный ценз, установленный Городовым положением 1892 г., который стал заградительным барьером для малоимущего населения.

⁶⁵ ПК. 1894. № 1. 1 января.

⁶⁶ ПК. 1893. № 144. 9 июня; ПК. 1895. № 30. 1 февраля.

⁶⁷ ПК. 1894. № 1. 1 января.

⁶⁸ Нахичеванское на-Дону городское общественное управление в 1888–1897 гг. Доклад Нахичеванской на-Дону городской управы. Нахичеван-на-Дону: Тип. Б.Л. Гуревича, 1897. С. 4.

Введение Городового положения 1892 г., сокращение числа избирателей и гласных думы не привело к принципиальным изменениям в организации городского управления Нахичевани-на-Дону. Для ответа на вопрос об эффективности деятельности органов городского общественного управления и характере их взаимоотношений с органами областной администрации требуется дальнейшее изучение.

References / Список литературы

- Barkhudaryan, V.B. (1996) *History of the Armenian colony of New Nakhchivan (1779–1917)*. Yerevan, Hayastan Publ. (in Russian).
Бархударян В.Б. История армянской колонии Новая Нахичевань (1779–1917). Ереван : Айастан, 1996. 528 с.
- Batiev, L.V. (2021) Numbers and ethnic composition of the population of Nakhchivan-on-Don: census 1897 vs police records. In: *Armenians of Southern Russia: History, Culture, Common Future: Proceedings of the IV International Scientific Conference (Rostov-on-Don, September 28–29, 2021)*. Rostov-on-Don, Publishing House of the South Federal University. pp. 86–94. (in Russian).
Батиев Л.В. Численность и этнический состав населения Нахичевани-на-Дону: перепись 1897 vs данных полицейского учета // Армяне Юга России: история, культура, общее будущее : материалы IV Международной научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 28–29 сентября 2021 г.). Ростов-на-Дону : ЮФУ, 2021. С. 86–94.
- Gessen, V.M. (1912) *Urban self-government: Supplement to the course of Rus. state law*. St. Petersburg: Student Mutual Aid Fund. St. Petersburg Polytechnic Institute of Peter the Great. Pp. 45–47. (In Russian).
Гессен В.М. Городское самоуправление: Доп. к курсу Рус. гос. права. СПб. : Касса взаимопомощи студ. С.-Петербург. политехн. ин-та имп. Петра Великого, 1912. С. 45–47.
- Eroshkin, N.P. (1983) *History of State Institutions of Pre-revolutionary Russia*. 3rd ed., rev. and supplement. Moscow, Vysshaya Shkola Publ. (in Russian).
Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Высшая школа. 1983. 352 с.
- Kazarov, S.S. (2021) *Nakhchivan elite. Late XVIII – early XX centuries*. Rostov-on-Don-Taganrog: Publishing house of the Southern Federal University. (in Russian).
Казаров С.С. Нахичеванская элита. конец XVIII – начало XX веков. Ростов-на-Дону – Таганрог : Издательство Южного федерального университета, 2021. 154 с.
- Mikhailovsky, A. (1908) *Reform of Urban Self-Government in Russia*. Moscow, Book publishing house “Polza” Publ. (in Russian).
Михайловский А. Реформа городского самоуправления в России. М. : Книгоиздательство «Польза». 1908. 110 с.
- Nardova, V.A. (1984) *Urban self-government in Russia in the 60s–early 90s of the XIX century: government policy*. Leningrad, Nauka Publ., Leningr. department. (in Russian).
Нардова В.А. Городское самоуправление в России в 60-х – начале 90-х гг. XIX в.: правительственная политика. Л. : Наука, Ленингр. отделение, 1984. 260 с.
- Nardova, V.A. (1991) The first elections to the city councils under the electoral law of 1892. *Problems of socio-economic history of Russia: to the 100th anniversary of the birth of B.A. Romanov*. Saint Petersburg, Nauka Publ., Saint Petersburg branch. pp. 224–225. (in Russian).
Нардова В.А. Первые выборы в городские думы по избирательному закону 1892 г. // Проблемы социально-экономической истории России: к 100-летию со дня рождения Б.А. Романова. СПб. : «Наука». С.-Петербургское отделение. 1991. С. 224–225.
- Nardova, V.A. (2013) Practical application of the City Regulations of 1892 (on the materials of statistical sources). In: Ganelin, R.Sh. (ed.). *Russian history of the XIX–XX centuries: State*

and society. Events and people. Collection of articles. Saint Petersburg, pp. 77–101. (in Russian).

Нардова В.А. Практика применения Городового положения 1892 г. (по материалам статистических источников) // Российская история XIX–XX веков: Государство и общество. События и люди : сборник статей / отв. ред.: Р.Ш. Ганелин. СПб., 2013. С. 77–101.

Pisarkova, L.F. (2000) Urban self-government of post-reform Russia: conception and realization. In: Sakharov, A.N. (ed.). *Proceedings of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. 1997–1998.* Issue 2. Russian Academy of Sciences, Institute of Russian History. Moscow, IRI RAN Publ. pp. 136–154. (in Russian).

Писарькова Л.Ф. Городское самоуправление пореформенной России: замысел и воплощение // Труды Института российской истории РАН. 1997–1998 гг. Вып. 2 / Российская академия наук, Институт российской истории; отв. ред. А.Н. Сахаров. М. : ИРИ РАН, 2000. С. 136–154.

Rennenkampf, N. (1894) *A few questions arising from the new electoral system of the city regulations of 1892. Journal of the Law Society at the Imperial Saint Petersburg University.* Saint Petersburg, Tipography of the Governing Senate. (9), 66–74. (in Russian).

Ренненкамф Н. Несколько вопросов, возникших из новой избирательной системы городского положения 1892 года // Журнал Юридического общества при Императорском С.-Петербургском университете. СПб.: Типография правительствующего сената, 1894. № 9. С. 66–74.

Semyonov, D.D. (1901) *City government. sketches and experiments.* Saint Petersburg, Elektro-Typografiya N.Ya. Stoykova. (in Russian).

Семенов Д.Д. Городское управление. очерки и опыты. СПб. : Электро-Типография Н.Я. Стойковой. 1901. 387 с.

Shrader, G.I. (1902) *Our urban public administration: Etudes, sketches and notes.* Т. 1. Saint Petersburg, Vostok steam printing house of М.М. Gutzats. (in Russian).

Шрейдер Г.И. Наше городское общественное управление: Этюды, очерки и заметки. Т. 1. СПб. : Паровая скоропечатня «Восток» М.М. Гутзац, 1902. 387 с.

Zayonchkovsky, P.A. (1970) *Russian autocracy at the end of the XIX century (political reaction of the 80s – early 90s).* Moscow, Mysl Publ. (in Russian).

Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80-х – начала 90-х годов). М. : Мысль, 1970. 444 с.

Сведения об авторе:

Батиев Левон Владимирович – кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник, лаборатория политологии и права, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук; 344006, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пр. Чехова, д. 41

ORCID: 0000-0002-3351-8039; SPIN-код: 5033-0099

e-mail: lbatiev@yandex.ru

About the author:

Levon V. Batiev – Candidate of Legal Sciences, Leading Researcher, Laboratory of Political Science and Law, Federal Research Center Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 41 Chekhov Ave., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-3351-8039; SPIN-code: 5033-0099

e-mail: lbatiev@yandex.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-1-85-102>
EDN: QOFVEQ

Научная статья / Research Article

Новация Уголовного уложения 1903 г.: посягательство на предмет несуществующий или очевидно негодный в качестве обстоятельства непреступности деяния

П.А. Скобликов

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация
skoblikov@list.ru

Аннотация. Актуальность темы статьи определяется необходимостью регулярной корректировки и усовершенствования уголовно-правовой регламентации обстоятельств, которые исключают преступность деяния. Эта необходимость существует перманентно, поскольку общество, его ценности, потребности и представления о справедливости меняются. Появляются новые вызовы и угрозы. Следует также принимать во внимание новые научные результаты, прежде всего в области криминологии и в доктрине уголовного права. Одна из новелл Уголовного уложения 1903 г. состояла в том, что в нем в качестве обстоятельства, влекущего непреступность деяния, предусмотрена направленность на несуществующий предмет или негодный для достижения искомого преступного результата. Показаны теоретические и практические предпосылки данной новации. Представлена и проанализирована практика Правительствующего сената (высший суд Российской империи) относительно посягательств на мнимый или негодный предмет (объект) преступления в период действия Уложения о наказаниях уголовных и исправительных – предшественника Уголовного уложения 1903 г. Сделан вывод о противоречивости изученной судебной практики и об объективной потребности правоприменителей того времени в четких и разумных критериях по указанному вопросу. Проанализированы идеи и замысел разработчиков Уголовного уложения 1903 г. относительно рассматриваемого обстоятельства, а также соответствующее положение закона. Показано отсутствие практики применения Правительствующим сенатом рассматриваемой новеллы, что объясняется ограниченным действием Уголовного уложения 1903 г. Автор приходит к заключению, что идеи и суждения, высказанные в ходе разработки и оценки соответствующего нормативного предписания могут быть востребованы при совершенствовании УК РФ, где прямо не регламентируется ответственность за покушение на негодный объект, не определены правовые последствия фактической и юридической ошибки. Представленный в статье анализ и выводы также могут быть востребованы при подготовке соответствующих проектов постановления Пленума Верховного Суда РФ.

Ключевые слова: обстоятельства непреступности деяния, Уголовное уложение 1903 г., Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, покушение на негодный объект, мнимое преступление, предмет преступления, ошибка в предмете преступления, практика Правительствующего сената, идеальная совокупность преступлений, общественная опасность деяния

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Скобликов П.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Поступила в редакцию: 21 ноября 2023 г.

Принята к печати: 15 января 2025 г.

Для цитирования:

Скобликов П.А. Новация Уголовного уложения 1903 г.: посягательство на предмет несуществующий или очевидно негодный в качестве обстоятельства неправомерности деяния // RUDN Journal of Law. 2025. Т. 29. № 1. С. 85–102. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-1-85-102>

Amendment of the Criminal Code of the Russian Empire of 1903: Encroachment on a non-existent or clearly unsuitable object as a circumstance excluding criminal liability

Petr A. Skoblikov

Institute of State and Law, the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

skoblikov@list.ru

Abstract. The relevance of this study is determined by the need for regular adjustments and improvements in the criminal law regulation of circumstances that exclude the criminality of an act. This need is ongoing, as society's values, needs and ideas about justice continually evolve. Additionally, new challenges and threats emerge, and recent scientific findings, particularly in criminology and criminal law doctrine, must also be taken into account. One of the novelties of the 1903 Criminal Code of the Russian Empire was its provision that a direction toward a non-existent or unsuitable object could exclude the criminality of an act. This article examines the theoretical and practical prerequisites for this innovation. It presents and analyzes the practice of the Governing Senate (the highest court of the Russian Empire) concerning offences involving imaginary or unsuitable objects of crime during the period when the Criminal Punishment and Correctional Statute – the predecessor to the 1903 Criminal Code – was in effect. The analysis concludes that there was an inconsistency in the judicial practices, highlighting a pressing need for law enforcers at that time to have clear and reasonable criteria on this issue. The article also analyzes the ideas and intentions of the developers of the 1903 Criminal Code regarding this circumstance, as well as the relevant provisions. It is noted that there was no application of this innovation by the Governing Senate, which can be attributed to the limited duration of the 1903 Criminal Code. The author concludes that the ideas and judgments expressed during the development and evaluation of this normative provision could be valuable for improving the Criminal Code of the Russian Federation. Currently, it does not directly regulate liability for attempts involving unsuitable objects nor define the legal consequences of factual and legal errors. The analysis and conclusions presented in this article may also be relevant in preparing a draft resolution for the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation.

Key words: circumstances excluding criminality, Criminal Code of the Russian Empire of 1903, Code on Criminal and Correctional Punishments, attempts on an unsuitable object, imaginary crime, subject of crime, error regarding subject of crime, practice of the Governing Senate, ideal set of crimes, public danger of an act

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Received: 21st November 2023

Accepted: 15th January 2025

For citation:

Skoblikov, P.A. (2025) Amendment of the Criminal Code of the Russian Empire of 1903: Encroachment on a non-existent or clearly unsuitable object as a circumstance excluding criminal liability. *RUDN Journal of Law*. 29 (1), 85–102. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-1-85-102>

**Уголовное уложение 1903 г. –
выдающийся памятник российского уголовного права**

Чуть более 120 лет назад императором Николаем II было утверждено Уголовное уложение 1903 г. – последний по времени принятия фундаментальный законодательный акт Российской империи в области материального уголовного права¹. История его создания неординарна. Никакой иной крупный отечественный правовой акт прежде столь основательно не опирался на передовую юридическую науку и актуальную правоприменительную практику, не разрабатывался в обстановке невиданной прежде открытости. Среди его разработчиков – знаменитые ученые того времени, оставившие глубокий след в уголовно-правовой науке, творческое наследие которых до сих пор востребовано – Неклюдов Н.А., Таганцев Н.С., Фойницкий И.Я. Проект Уложения был направлен для получения отзывов на юридические факультеты и в юридические общества России, переведен на иностранные языки, а затем представлен ведущим зарубежным ученым. Помимо этого, что не менее значимо, были запрошены отзывы из региональных судебных и прокурорских учреждений, и в составлении таких отзывов принимали участие опытные практические работники из многих губерний огромной России. Поступившие отзывы обобщались и рассматривались Редакционной комиссией, создавшей проект, а затем ее аргументированная позиция по ним была опубликована.

**Обстоятельства, исключаящие преступность деяния,
в Уголовном уложении 1903 г.**

Одно из достижений Уголовного уложения 1903 г. (далее – Уложение 1903 г.) состоит в том, что в нем впервые в отечественном законотворчестве были обобщены, систематизированы и последовательно регламентированы обстоятельства, исключаящие преступность деяния: 1) исполнение закона (ст. 44); 2) исполнение приказа по службе (ст. 44); 3) необходимая оборона (ст. 45); 4) принуждение со стороны кого-либо (ст. 46); 5) крайняя необходимость (ст. 46); 6) направленность на несуществующий или негодный для совершения преступного деяния предмет (ст. 47)².

Совершенные при данных обстоятельствах деяния объединяет то, что они ущемляют права и законные интересы каких-либо субъектов, причиняют им вред либо создают условие для причинения вреда, содержат признаки преступления, однако предполагается, что по тем или иным причинам эти деяния не представляют общественной опасности, и потому некоторые блага потерпевших в этих случаях лишаются уголовно-правовой охраны. Одному из перечисленных обстоятельств, последнему по порядку изложения, и посвящена настоящая работа.

¹ См.: Уголовное уложение 1903 года // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 7(35). С. 222–245. EDN ZGFLLL.

² Некоторые из означенных статей посвящены сразу двум перечисленным здесь обстоятельствам.

Степень научной разработанности темы настоящего исследования

В ходе мониторинга юридической литературы, изданной после принятия Уложения 1903 г., нам не удалось обнаружить работ, специально нацеленных на анализ и оценку положения, закрепленного в ст. 47 данного правового акта.

Вместе с тем в дореволюционной литературе этот вопрос бегло рассматривался, наряду с другими, в тематически широких изданиях, посвященных Уложению 1903 г. или русскому уголовному праву в целом.

Так, Г.Е. Колоколов в своей работе, ориентированной на критический анализ Уложения 1903 г. (Kolokolov, 1904:37), ограничился тем, что лишь процитировал текст ст. 47. При этом, обращаясь к ст. 49, в части 4 которой содержится постановление по близкой теме – о последствиях покушения с очевидно негодным средством, выбранным по крайнему невежеству или суеверию, – он подверг это постановление критике (Kolokolov, 1904:35–36).

Более информативно высказался П.П. Пусторослев в своих лекциях, изданных в 1907 г. Он отметил три подробности. Во-первых, что в действовавших тогда уголовных законодательствах так называемых культурных государств не содержалось постановлений о покушении над негодным объектом; Уложение 1903 г. в этом смысле явилось исключением. Во-вторых, что судебная практика в этом отношении в разных государствах демонстрировала разнообразие. Например, во Франции судебная практика одни из покушений рассматриваемого вида признавала непроступными, а другие преступными. Германский же имперский кассационный суд с 1880 г. «признавал преступными любые покушения над негодным объектом». В-третьих, П.П. Пусторослев счел, что ст. 47 Уложения 1903 г. «дает довольно удовлетворительное решение вопроса о покушении над негодным объектом», но этим и ограничился, свою позицию аргументировать не стал (Pustoroslev, 1907:416).

Еще подробнее высказался по данной теме Л.С. Белогриц-Котляревский, который не только констатировал отсутствие в зарубежных уголовных кодексах разрешения вопроса о покушении над негодным объектом, а равно шаткость и разноречивость судебной практики в этом пункте, но также отсутствие определенности в *теории уголовного права*. Как и П.П. Пусторослев (а если точнее, то вперед него, поскольку работа П.П. Пусторослева издана несколькими годами позже) Л.С. Белогриц-Котляревский обратил внимание на то, что на фоне иных известных уголовных кодексов Уложение 1903 г. являет собой исключение, но этим ограничился, не дав постановлению из ст. 47 какой-либо оценки (Belogrits-Kotlyarevskii, 1903:183).

Вместе с тем Л.С. Белогриц-Котляревский предложил определенное решение проблемы ответственности за покушения над негодным объектом (поскольку этот автор не указывает, что излагает и поддерживает чью-либо идею, уместно предположить, что она принадлежит Л.С. Белогриц-Котляревскому). Для правильного разрешения вопроса, полагал он, необходимо различать несколько типов покушения рассматриваемого вида³, в зависимости от которых, а также от некоторых дополнительных условий, по-разному решался вопрос о наступлении уголовной ответственности

³ Л.С. Белогриц-Котляревский предлагает выделять следующие типы покушения: а) посягательство на негодный объект в собственном смысле, т.е. на такой, «который не совмещает в себе требуемых по закону условий, определяющих понятие данного преступления» (например, не является попыткой убийства стрельба в пень, если стреляющий ясно видел, что это – пень); б) посягательство на такой объект, «который сам совмещает условия, требуемые для понятие данного преступления, но они не

и квалификации содеянного. Изложение этих идей заняло полторы страницы книги. Предложений о том, как следовало бы изменить или дополнить закон в соответствии с ними, автор не сформулировал. Свои идеи с предписанием ст. 47 Уложения 1903 г. не соотнес (Belogrits-Kotlyarevskii, 1903:182–183).

В советский период интерес к Уложению 1903 г. со стороны правоведов по ряду причин значительно ослаб. Во-первых, этот правовой акт вскоре после смены власти в стране прекратил свое действие. Во-вторых, делались попытки создать и усовершенствовать принципиально новое социалистическое право, призванное способствовать построению, закреплению и развитию социалистического общества, базирующегося на радикально другом типе экономики, исповедующего иные, во многом противоположные, ценности, в связи с чем анализ положений буржуазного кодекса в представлении многих потерял актуальность⁴. В-третьих, проявляющие инакомыслие правоведы подвергались притеснениям и гонениям (сначала ограничениям на занятие профессиональной деятельностью, а позже и уголовным репрессиям), что не способствовало объективному и свободному анализу Уложения 1903 г.⁵.

Справедливости ради стоит отметить, что главный идеолог октябрьской революции 1917 г. в России В.И. Ленин иначе представлял роль права в социалистическом обществе и не предполагал его полную отмену или замену чем-то абсолютно иным⁶. Увы, ни одна революция не развивалась строго по плану. Как бы то ни было, в советских юридических словарях Уложение 1903 г. характеризовалось как одно из самых реакционных уголовно-правых актов царской России. Главное его предназначение виделось в борьбе помещичье-буржуазного правительства с надвигающейся революцией⁷.

В поздний советский и постсоветский период исследовательский интерес Уложению 1903 г. возродился. К настоящему времени насчитывается большое количество публикаций, посвященных этому памятнику права. Кроме того, появилось немало публикаций, в которых рассматриваются различные стороны такого правового

совпадают с теми, на которое направлено было преступное намерение лица» (например, А. хотел украсть бриллиант, но обнаружил, что похитил менее ценный кристалл); в) посягательство на физически несуществующий объект (например, сделана попытка потопить несколько дней назад снесенную мельницу); г) посягательство на объект существующий, но находящийся в другом месте.

⁴ Нарком юстиции РСФСР Стучка П.И. летом 1918 г. писал: «Старые законы были „сожжены“. И напрасно из уцелевших в этом пожарище и обожженных листочков некоторые из наших революционеров стали кроить „уложение русской революции“ (под обожженными листочками имеется в виду, вероятно, Уложение 1903 г. – П.С.), вместо того, чтобы творить действительно новые революционные законы. Пролетарская революция обязывает к творчеству» (Stuchka, 1918:3).

⁵ Так, И.В. Славин в книге с говорящим о многом названием напоминал, что в РСФСР еще в 1919 г. был принят декрет о закрытии юридических факультетов, так как они, по мнению властей, являлись местом мобилизации враждебных сил (Slavin, 1931:10). В этой же публикации автор клеймил агентов буржуазии, которые «на занятых позициях... в организованном порядке ведут свою вредительскую подрывную работу, протаскивают контрабандой свою непримиримую враждебную идеологию, чтобы всевозможными средствами и в самых причудливых формах прививать ее бациллы в доступных областях» (стр. 8). Сам же Славин был репрессирован в 1938 г., посмертно реабилитирован в 1955 г.

⁶ В работе «Государство и революция», написанной в августе–сентябре 1917 г., он утверждал, что в первой фазе коммунистического общества «буржуазное право» отменяется не вполне, а только отчасти, лишь в меру уже достигнутого экономического переворота, по отношению к средствам производства. «Буржуазное право» признает их частной собственностью отдельных лиц, а социализм делает их общей собственностью. Постольку – и лишь постольку – «буржуазное право» отпадает. Но оно остается все же в другой своей части, остается в качестве регулятора распределения продуктов и труда между членами общества. И добавил: других норм, кроме «буржуазного права», нет (Lenin, 2020:143–144).

⁷ См., напр.: Юридический словарь. 2-е изд. М.: Госюриздат, 1956. 2 т. С. 554.

феномена, как обстоятельства непроступности деяния. Тем не менее, обнаружить среди них те, в которых главной задачей авторы ставят анализ ст. 47 Уложения 1903 г., нам не удалось.

Например, в статье В.Т. Гайкова и А.В. Косарева (Gaikov & Kosarev, 2005), где предпринята попытка систематизировать *все* обстоятельства, исключющие преступность деяния (а не только те, которые прямо названы в гл. 8 УК РФ), посягательство на негодный объект даже не упомянуто, как не упомянуто и Уложение 1903 г. При этом исполнение закона в качестве такого обстоятельства⁸ в приведенной работе фигурирует (Gaikov & Kosarev, 2005:78), а оно первый и единственный раз в истории отечественного уголовного законодательства было предусмотрено как раз в Уложении 1903 г. В статье Е.А. Евтушенко, нацеленной на «комплексное исследование института обстоятельств, исключających преступность деяния», в качестве такого обстоятельства направленность на несуществующий или негодный для совершения преступного деяния предмет также не упомянута (Yevtushenko, 2016:254).

Использование для посягательства негодного предмета упомянуто в статье В.И. Михайлова при перечислении ситуаций, по Уложению 1903 г. устраняющих преступность деяния, но не более того (Mikhailov, 2016:66). Под анализ, даже самый краткий, данная ситуация там не попала⁹.

Судебная практика относительно посягательств на мнимый или негодный предмет (объект) преступления в период действия Уложения о наказаниях уголовных и исправительных

Согласно ст. 47 Уложения 1903 г. *не считается преступным деяние, направленное на предмет несуществующий или очевидно негодный для совершения того деяния, которое замыслено*. Это нормативное предписание являлось новацией, поскольку в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных¹⁰ данный вопрос не был урегулирован.

Вместе с тем еще до начала разработки проекта Уложения 1903 г. в России сложилась неоднозначная судебная практика относительно посягательств на мнимый или негодный предмет (объект) преступления, явившаяся результатом толкования некоторых общих положений действующего уголовного закона.

Чтобы уяснить судебную практику того времени, необходимо изучить соответствующие решения Уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената, который с 1866 по 1917 г. выполнял функции высшего суда Российской империи. В тот период, как и ныне, толкование закона, осуществленное в каком-либо деле одним судом, было необязательным для другого. А вот *решения Правительствующего Сената в качестве Верховного Кассационного Суда, как разъяснено в решении названного суда по делу Фроловых № 443 за 1869 г., должны приниматься*

⁸ Подробнее об этом обстоятельстве см., напр., предыдущую работу автора (Skoblikov, 2023).

⁹ Возможно, В.И. Михайлов уклонился от анализа посягательства на негодный объект потому, что данное обстоятельство не укладывалось в его концепцию правомерного причинения вреда при наличии любого обстоятельства, исключającego преступность деяния. Хотя согласно ст. 47 Уложения 1903 г. предусмотренные в ней деяния имеют непроступный характер, для вывода о правомерности причинения вреда таким образом нет оснований. Не каждое непроступное деяние является правомерным. Тем более, если деятель замыслил убийство, но ошибся в предмете своего воздействия.

¹⁰ Кодифицированный уголовный закон Российской империи; принят в 1845 г., с определенными изменениями и изъятиями действовал до 1917 г. включительно.

как руководство к единообразному применению и исполнению законов (Lutkov, 1872:72).

Позиция уголовного кассационного департамента Правительствующего сената по данному вопросу, пожалуй, наиболее полно отражена и аргументирована в определении по делу мещанина Пономарёва № 99 за 1874 г. Высший суд указал, что *если преступное намерение подсудимого было направлено против объекта мнимого, или такого, который не мог быть вовсе предметом преступления, то деяние не подлежит уголовному преследованию*. Данный вывод был обоснован следующим. Действующий закон признает совершившимся преступление, «когда в самом деле последовало преднамеренное виновным или иное от его действий зло», а потому, если зло, вследствие несуществования объекта преступления или абсолютной его негодности не могло вовсе последовать (убийство уже мертвого человека, изгнание плода у женщины не беременной), то не может быть наказуемости деяния, как совершившегося (оконченного, если пользоваться современной терминологией) преступления. Точно также в таком деянии нельзя видеть и покушения на преступление, которое есть приведение злого умысла в исполнение, ибо *не может быть начала приведения в исполнение того, что абсолютно невозможно исполнить* (курсивом выделена дословная формулировка из цитируемого решения; это важный вывод, запомним его)¹¹.

Вместе с тем изложенного оказалось недостаточным для вынесения решения по делу № 99; в связи с его особенностями уголовный кассационный департамент Правительствующего сената (далее – Кассационный департамент) расширил свою позицию и высказал дополнительные аргументы, представляющие значительный интерес в связи с рассматриваемой темой. Прежде чем воспроизвести и обсудить все это, целесообразно привести фабулу дела; она облегчит понимание правовой позиции Кассационного департамента.

В свое время обвиняемый Пономарёв выдал вексель потерпевшему Белоусову на сумму 372 руб. Затем Белоусов обратился к обвиняемому с просьбой вексель переписать, так как был не согласен с его формой. Обвиняемый, имея целью уничтожить свой вексель и отказаться от уплаты долга, при встрече вырвал бумагу из рук Белоусова и изорвал ее. Вот только оказалось, что уничтоженная бумага являлась векселем, выданным другим лицом – Фивейским. Этот документ Белоусов принес с собой в качестве образца правильного оформления векселя. Московский окружной суд квалифицировал содеянное как покушение на преступление, предусмотренное ст. 1657 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. в редакции 1866 г. (далее – Уложение 1866 г.)¹².

Кассационный департамент констатировал, что в Общей части Уложения 1866 г. действительно нет положения, которое бы прямо разрешало данный вопрос, но основанием к его разрешению могут служить следующие положения Общей части. На основании ст. 10 преступление считается совершившимся, когда в самом деле последовало преднамеренное виновным или другое от его действия зло; а на основании ст. 109, если подсудимый при совершении какого-либо преступления тем

¹¹ См.: Решения Уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената за 1874 г. Неофиц. изд. Екатеринослав : Тип. Исаака Когана, 1910. С. 146.

¹² Этой статьей предусмотрена ответственность за похищение или истребление принадлежащих другому каких-либо актов, документов или бумаг в намерении доставить себе или третьему лицу противозаконную выгоду.

самым хотя и без прямого на то умысла учинит еще другое преступление, то он подлежит наказанию по правилам о совокупности преступлений¹³.

Постигая смысл этих статей, указал Кассационный департамент, нельзя не прийти к убеждению, что если наш закон уголовный, согласно с общим принципом уголовного права о ненаказуемости одного злого умысла, *преследует*, как выше это было изложено, *только такое проявление злой воли, которое могло осуществиться на деле*, т.е. иметь последствием действительное зло, то с другой стороны он преследует всякое осуществившееся зло и наказывает оное как самостоятельное преступление, хотя бы учинивший зло и не имел на то прямого намерения, лишь бы оно было последствием приведения в исполнение злой воли подсудимого. Этим самым разрешается и вопрос об ошибке в объекте преступления, а именно: *если объект, на который по фактической ошибке обвиняемого направлено было преступление, оказался предметом, который по свойству своему не мог быть вовсе объектом преступления* и от деяния обвиняемого никакого правонарушения не последовало, то он не подлежит вовсе уголовной ответственности; если же, напротив, объект этот мог быть предметом преступления, и зло последовало, хотя и не вполне тождественное с тем, которое подсудимый имел в виду совершить, то обвиняемый подлежит наказанию за совершившееся зло как за самостоятельное преступление¹⁴.

Применив эти соображения к делу № 99, Кассационный департамент пришел к выводу об отсутствии существенных признаков покушения на преступление, задуманное Пономарёвым, и признал его «виновным лишь в умышленном изорвании чужого документа», т.е. в менее тяжком преступлении, предусмотренном ст. 1622 Уложения 1866 г.¹⁵

Надо отметить, что первая часть заявленной правовой позиции Кассационного департамента (где сделана ссылка на действующее законодательство, неявно допускающее ответственность за идеальную совокупность преступлений в случае ошибки в предмете преступления), противоречит ее второй части (при ошибке в предмете преступления ответственность за совокупность преступлений отрицающей), хотя это противоречие и не сразу заметно. Если руководствоваться первой установкой и согласиться с необходимостью применения в подобных делах правила о совокупности преступлений¹⁶, тогда следует заключить, что имелись основания квалифицировать действия обвиняемого как совокупность преступлений: покушение на преступление, предусмотренное ст. 1657 и завершённое (оконченное) преступление, предусмотренное ст. 1622.

Поясним подробнее наш тезис. Модифицируем фабулу дела Пономарёва. Допустим, потерпевший Белоусов пришел к нему, держа в руках не вексель Фивейского, а образец заполнения векселя – простую бумагу, выглядящую как вексель, но векселем или каким-либо документом не являющуюся. Эту бумагу Пономарёв вырвал из рук Белоусова и, считая, что она является подписанным Пономарёвым векселем,

¹³ Строго говоря, эта ссылка Кассационного департамента на закон не корректна, поскольку буквальный текст ст. 109 иной: «...учинит еще другое, более тяжкое...». Как будет показано ниже, в рассмотренном деле имело место другое, но *менее тяжкое* преступление, и, следовательно, оно не подлежит вменению в совокупности.

¹⁴ См.: Решения Уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената за 1874 г. С. 147.

¹⁵ См.: Решения Уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената за 1874 г. С. 147–148.

¹⁶ Согласимся, абстрагировавших от буквального смысла действовавшего тогда законодательства и приняв позицию Кассационного департамента, опираясь при этом на принципы разумности и справедливости.

уничтожил. Следуя логике решения, принятого Кассационным департаментом, в этом случае Пономарёв вообще не должен привлекаться к уголовной ответственности. Между тем если объект посягательства¹⁷ – субъективное право Белоусова на взыскание долга с Пономарёва, то этот объект не мнимый, он реально существовал в момент посягательства и находился под уголовно-правовой защитой. Предмет посягательства также существовал и, более того, в момент неудачного посягательства находился, вероятно, в непосредственной близости от посягающего, который потопился и не сумел точно определить его локацию.

В этом месте будет правильным сделать небольшое отступление, сопоставить практику высшего суда России позапрошлого века с современным положением и указать, что в целом приведенный подход контрастирует со многими постановлениями Пленума Верховного Суда РФ, который свои правовые позиции обычно не обосновывает, и которому следовало бы взять в этой части практику своего дальнего предшественника за образец¹⁸.

Итак, в деле № 99 Кассационный департамент заявил двойственную позицию, которая объективно предопределяла возможность произвольного толкования в подобных делах, создавала предпосылки для ухода от строгой ответственности опасных преступников (например убийц), либо давала аргументы для привлечения их к ответственности за покушение на преступление, если некоторые суды будут опираться на первую часть позиции Кассационного департамента, игнорируя при этом ее вторую часть¹⁹.

Исходя из первой части, нельзя признать, что преступный план Пономарёва «абсолютно невозможно исполнить». Напротив, он был реалистичным и перспективным. Белоусов по двум причинам должен был принести с собой подписанный Пономарёвым вексель. Первая причина: для того, что при заполнении нового векселя иметь возможность сверить какие-то подробности. Вторая причина: для того, чтобы после заполнения и подписания нового векселя вернуть прежний вексель Пономарёву (в противном случае его долг удвоился бы). По всей видимости, вексель Пономарёва Белоусов держал при себе (в кармане, например), но случился «фальстарт» преступника. Соответственно, имело место неудачное покушение на преступление, которое по случайности преступнику не удалось довести до конца (чуть позже он без помех мог бы завладеть нужной бумагой и уничтожить ее). Важно также отметить, что известны иные подобные дела, которые Кассационный департамент разрешил по-другому²⁰.

¹⁷ Что такое объект посягательства, ни в деле № 99, ни в Уложении 1866 г. не разъясняется.

¹⁸ Согласно ст. 126 Конституции РФ ст. 2 и 5 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» Верховный Суд РФ дает разъяснения по вопросам судебной практики, которые облекаются в форму постановлений Пленума данного Суда. Разъяснение предполагает наличие объяснения того, почему Пленум занял ту или иную позицию, отчего определенная правовая норма толкуется им так, а не иначе. Однако этого не соблюдается. Подробнее об этом см. другую работу автора (Skoblikov, 2019:64–65).

¹⁹ Симптоматично, что Редакционная комиссия в своих объяснениях к проекту Уложения 1903 г. довольно подробно разбирает первую часть позиции Кассационного департамента в деле № 99 (и соглашается с ней), но даже не упоминает о существовании второй части.

²⁰ Так, в деле № 568, рассмотренном в 1868 г., было установлено, что обвиняемый крестьянин Юхонов взломал замки на риге с намерением украсть находившийся там хлеб, но намерение не осуществилось, поскольку в риге не оказалось хлеба. Защитник Юхонова в кассационной жалобе указал, что отсутствие предмета преступления делает невозможным как само преступление, так и покушение на него. Кассационный департамент нашел, что деяние вполне подходит под предусмотренное в законе понятие покушение на преступление, а случайное отсутствие той вещи, на которую было направлено

Теперь проиллюстрируем опасность дела Пономарёва как прецедента. Допустим, некто замыслил убийство и ночью выстрелил в окно дома. Злоумышленник знал, где находится спальня и кровать жертвы, но в момент выстрела этот человек не ночевал дома, либо вышел в другую комнату. Пуля разбила окно, повредила постельные принадлежности и застряла в кровати. Следуя второй части правовой позиции Кассационного департамента, пустая постель не может быть объектом либо предметом умышленного убийства, а тело жертвы нападению не подверглось. Соответственно, виновный должен отвечать за умышленное уничтожение и (или) повреждение чужого имущества, а вот оснований для привлечения его к ответственности за покушение на убийство нет.

Здесь уместно заметить, что по классификации Л.С. Белогриц-Котляровского, вкратце представленной выше, действия Пономарёва следует расценить как «посягательство на объект существующий, но находящийся в другом месте». В таком случае вопрос об ответственности за покушение Белогриц-Котляровский предлагал решать в зависимости от осведомленности посягающего о нахождении предмета преступления. Если злоумышленник потерпит неудачу в силу случайности, то его ответственность должна наступить (Belogrits-Kotlyarevskii, 1903:182–183).

В объяснениях Редакционной комиссии представлен анализ судебной практики некоторых западных стран (Франции, Германии), которая оказалась непоследовательной и противоречивой. Для преодоления этого порока некоторые французские криминалисты (Garraud, Lainé) предлагали *провести различие между абсолютно и относительно негодными объектами, признавая безнаказанность только случаев первого рода*²¹.

Таким образом, *имелась насущная необходимость представить в отечественном уголовном законодательстве разумные и четкие критерии разграничения общественно опасных и неопасных деяний, при совершении которых лицо стремилось к достижению преступного результата, но не достигло его в силу своего заблуждения или случайности.*

Толкование ст. 47 Уложения 1903 г.

Вернемся к ст. 47 Уложению 1903 г. Ключевым моментом для понимания ее нормативного предписания является уяснение того, что законодатель подразумевает под предметом преступного деяния. К сожалению, значение этого термина в Уложении 1903 г. не раскрывается.

В ныне действующем российском уголовном законе также не дается определения данному термину, но зато он законодателем и не используется. Соответствующее понятие разрабатывается в теории уголовного права, при этом его единообразного понимания среди правоведов нет. Вместе с тем к середине 70-х гг. XX в. возобладала и до сих пор поддерживается большинством точка зрения, согласно которой предмет преступления – это вещь, элемент материального мира, на который

преступление, не лишает совершенные действия «преступного характера и не низводит на степень таких деяний, которые не заключают в себе ничего противозаконного, и не подлежат наказанию» (Решения Уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената за 1868 г. Неофиц. изд. Екатеринбург : Тип. Исаака Когана, 1910. С. 616–617).

²¹ Уголовное уложение. Объяснения к проекту Редакционной комиссии. Т. 1. Гл. 1. С.-Петербург, 1895. С. 390.

осуществляется воздействие в ходе совершения преступления²². Однако если опираться на данное определение, замысел разработчиков проекта Уложения 1903 г. будет существенно искажен. В представлении Редакционной комиссии предмет преступного деяния есть сложное (составное) понятие, поскольку рассматриваемый термин имел не менее трех значений, каждое из которых следует учитывать при раскрытии содержания ст. 47 Уложения 1903 г.

Всякое преступное деяние является отрицанием или противодействием велению или запрету, выраженному в законе. Отсюда вытекает, что *в первом значении предметом преступного деяния считается правовая норма*, облеченная в приказ или закон. Условия для применения ст. 47 Уложения 1903 г. могут сложиться, например, когда лицо, считающее, что некоторые вещи запрещены для ввоза в страну, скрытно (с использованием тайника) ввозит их через таможенную границу, но заблуждается относительно существования запрета и тем самым посягает на мнимую правовую норму.

Нормы права предусматривают субъективные права, носителем которых являются отдельный индивидуум, корпорация, общество в целом или государство. Это *субъективное право также могло бы предметом преступного деяния*, по представлению членов Редакционной комиссии, это второе значение данного термина. Субъективное право, как понятие отвлеченное, не обладает свойством годности-негодности в качестве предмета посягательства, но оно может существовать или не существовать, и в последнем случае усматриваются условия для применения ст. 47 Уложения 1903 г. Например, кто-то самовольно издает чье-либо сочинение и полагает, что тем самым учиняет контрафакцию (нарушает авторское право или исключительное право на результат интеллектуальной деятельности), что в определенных случаях находится под уголовно-правым запретом. Издатель опасается уголовной ответственности, но сознательно идет на риск. При всем том он не учитывает, что с момента смерти автора прошло много лет, и произведение перешло в общественное достояние (по законодательству конца XIX в. для этого требовалось 50 лет²³); соответственно, запрет утратил силу.

Субъективные права воплощаются в конкретных предметах: вещах, действиях и состояниях (здоровье, покой, тишина и проч.), охраняемых правовыми нормами. И на них *также могут посягать противоправные деяния. Это третье значение предмета преступного деяния*. Итак, предписание ст. 47 Уложения 1903 г. в качестве предмета охватывает те блага, которые в действительности не существуют или по какой-то причине не пользуются юридической охраной.

Если же предмет преступного деяния существовал, обладал охраняемыми законом свойствами, но по какой-то случайности не находился в предполагаемых месте или подходящих условиях в момент посягательства, то оснований для применения ст. 47 Уложения 1903 г., по мнению Редакционной комиссии, не усматривается. Вор,

²² В рамках такого понимания есть определенные вариации и нюансы, но суть отражена в приведенной формулировке. См., напр.: диссертационное исследование Н.И. Коржанского (Korshansky, 1976:9); курс уголовного права под ред. Н.Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой (Kuznetsova & Tyazhkova (eds.), 2002:216); публикацию Б.В. Елифанова (Erfanov, 2015:71), и др.

²³ В соответствии с Бернской конвенцией об охране литературных и художественных произведений, заключенной 9 сентября 1886 г. в Берне (Швейцария). Причем Российская империя уже в преддверии этого события стала менять свое законодательство, выходить из других соглашений, которые противоречили данной конвенции.

который взломал замок сундука и обнаружил, что сундук пуст, виновен в покушении на кражу со взломом²⁴.

Наконец следует упомянуть, что *Редакционная комиссия в своих объяснениях (как и Кассационный департамент в рассмотренных решениях) не проводила различия между предметом и объектом преступного деяния, зачастую используя их как синонимы.*

Результаты исследования практики применения нормативного предписания из ст. 47 Уложения 1903 г.

В рамках настоящего исследования предпринималась попытка выяснить, какое воздействие на правоприменительную практику оказало введение в действие рассматриваемого здесь нормативного предписания (о том, что направленность деяния на предмет несуществующий или очевидно негодный для реализации возникшего умысла является обстоятельством, влекущем непреступность деяния), а также установить, каким образом интерпретировалось это нормативное предписание правоприменителями. Выполнение поставленной задачи осложнено рядом факторов, центральное место среди которых занимает необычный порядок введения в действие Уложения 1903 г.²⁵ Императорский Указ об его утверждении от 22 марта 1903 г. не содержал данных о времени и порядке вступления в силу. Решение этого вопроса было оставлено на усмотрение верховной власти.

Законом от 7 июня 1904 г. введены в действие лишь постановления о преступных деяниях государственных, а именно: главы 3-я, 4-я, а также отдельные статьи из глав 5-й «О смуте», 7-й «О противодействии правосудию», 21-й «О подлоге» и 37-й «О преступных деяниях по службе государственной и общественной». Затем законом 14 марта 1906 г. введены в действие, со значительными изменениями и дополнениями, постановления главы 2-й «О нарушении ограждающих веру постановлений». Также ограничено – по отношению к преступным деяниям, предусмотренных указанными главами и статьями – введена в действие и Общая часть, то есть глава 1-я Уложения 1903 г. (Sergeevskii, 1911:29), а, соответственно, и ст. 47.

Особый интерес в связи со всем изложенным представляет изучение решений Кассационного департамента. Напомним, его толкование закона было обязательным для иных судов. Нами изучены доступные издания с решениями за 1905–1914 гг.²⁶.

²⁴ См.: Уголовное уложение. Объяснения к проекту Редакционной комиссии. Т. 1. Гл. 1. С.-Петербург, 1895. С. 393.

²⁵ Так же значимо то обстоятельство, что архивы судов 1-й инстанции и правоохранительных органов, функционировавших в начале XX века, из-за череды революций и последовавшей за ними гражданской войны, в подавляющем большинстве, не сохранились.

²⁶ См.: Решения Уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената за 1905 год. Издание неофициальное. Екатеринослав : типография Исаака Когана, 1911. 35 с.; Решения Уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената за 1906 год. Издание неофициальное. Екатеринослав : типография Исаака Когана, 1911. 52 с.; Решения Уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената за 1907 год. Издание неофициальное. Екатеринослав : типография Исаака Когана, 1911. 47 с.; Решения Уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената за 1908 год. Издание неофициальное. Екатеринослав : типография Исаака Когана, 1911. 28 с.; Решения Уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената за 1909 год. С.-Петербург: Типография товарищества «Общественная Польза», 1910. 22 с.; Решения Уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената за 1910 год. С.-Петербург : Типография т-ва «Общественная Польза», 1911. 32 с.; Решения Уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената за 1911 год. С.-Петербург : Типография т-ва «Общественная Польза», 1912. 19 с.; Решения Уголовного

Период изучения намечен в указанных границах потому, что дела, разрешенные в суде 1-й инстанции во второй половине 1904 г., могут быть рассмотрены в высшем суде не ранее 1905 г. – это, с одной стороны. А с другой – 1 августа 1914 г. Россия вступила во Вторую мировую войну, все местности империи были объявлены на военном положении или на положении чрезвычайной охраны²⁷, поэтому все институты государства начали функционировать в ином режиме, при том что правоприменение в условиях чрезвычайного и военного времени в объект нашего исследования не входит.

Каков итог? Ни в одном из проанализированных решений не была обнаружена ссылка на ст. 47 Уложения 1903 г. Чем можно объяснить такой результат? Вероятно, в судах первой инстанции ст. 47 Уложения 1903 г. не применялась вообще либо применялась крайне редко, поэтому ни один приговор со ссылкой на ст. 47 не был обжалован в высший суд. Такое положение, в свою очередь, можно объяснить тем, что в делах, где квалификация содеянного предполагает возможность применения ст. 47 Уложения 1903 г., по-прежнему применялось Уложение о наказаниях уголовных и исправительных²⁸. Как показал наш анализ решений Кассационного департамента, в тех немногих случаях, когда содеянное квалифицировалось по Уложению 1903 г., чаще всего применялась ст. 129, а также ст. 125, 126, 127 и 132 (все они размещены в гл. 5 «О смуте»). Причем ни в одном решении не обнаружена ссылка не только на рассматриваемое обстоятельство, но и на какое-либо иное, исключаящее преступность деяния, – исполнение закона или приказа, необходимую оборону, крайнюю необходимость (ст. 44–46 Уложения 1903 г.).

По данным М.М. Исаева, буржуазное правительство Латвии, образовавшееся в конце 1918 г., указом от 6 декабря подтвердило действие Уложения 1903 г. на своей территории, да еще и в полном объеме (Isaev, 1925:82). А по данным В. Куфаева, 21 июня 1919 г. Польским сеймом было почти в полном объеме одобрено действие Уложение 1903 г. на территории Польши²⁹. Изменения коснулись карательной системы – вместо каторжных работ введены каторжные тюрьмы и др. (Kufaev, 1923), и, по всей видимости, не затронули рассматриваемое здесь положение ст. 47.

Если принять во внимание приведенную информацию, открывается направление дальнейшего исследования рассматриваемой здесь темы, поскольку то, как сложилась практика применения Уложения 1903 г. в Латвии и Польше, представляет научный интерес, может дать дополнительный материал для оценки положения, содержащегося в ст. 47 и других статьях данного памятника права. В то же время такие изыскания требуют привлечения специалистов, знакомых с правовыми системами Латвии и Польши, знающими их государственный язык. Потребуется доступ к архивам и библиотекам этих государств, содействие местных властей. Перечисленное по известным причинам в настоящее время невозможно, следует дожидаться изменений на международной арене.

кассационного департамента Правительствующего Сената за 1912 год. С.-Петербург : Типография т-ва «Общественная Польза», 1913. 34 с.; Решения Уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената за 1913 год. С.-Петербург: Типография т-ва «Общественная Польза», 1914. 31 с.; Решения Уголовного кассационного департамента Правительствующего сената за 1914 год / Под ред. проф. М.Н. Гернета [и др.] с коммент. Москва, 1915. 39 с.

²⁷ Собр. Узак. 1914 г. № 199.

²⁸ Дела о лишении жизни (гл. 22), телесных повреждениях и насилии над личностью (гл. 23), преступных деяниях против личной свободы (гл. 26), повреждении имущества (гл. 30), воровстве и разбое (гл. 32), мошенничестве (гл. 33), и т.д.

²⁹ Латвия и Польша до октябрьской революции 1917 г. входили в состав Российской империи.

Решение вопросов, поставленных в ст. 47 Уложения 1903 г., в современной российской доктрине, законодательстве и правоприменительной практике

В современной российской доктрине ситуации, предусмотренные в ст. 47 Уложения 1903 г., описываются в иных терминах и охватываются иными понятиями: «неоконченное преступление», «негодное покушение», «покушение на негодный объект», «покушение на негодный предмет», «фактическая ошибка», «юридическая ошибка»; как синонимы последнего используются термины «ошибка в праве», «ошибка в запрете», «ошибка в противоправности» (Fatkulina, 2001) и некоторые другие. При этом в уголовном законодательстве указанные ситуации прямо не регламентируются, правоприменительные органы дают им оценку, ориентируясь на сложившиеся традиции, позиции правоведов и судебную практику.

Так, покушение на негодный объект определяется на официальном сайте Генпрокуратуры России через ситуацию, «когда, вследствие особых свойств предмета посягательства, действия виновного не посягают на намеченный им объект уголовно-правовой охраны и не могут фактически причинить ему вреда (желая завладеть имуществом, вместо человека стреляет в манекен). Особенность такого негодного покушения состоит в том, что преступление не может быть окончено в силу фактической ошибки, допускаемой виновным»³⁰. Можно было бы ожидать, что данное определение будет выведено путем толкования общих предписаний и правил, закрепленных в УК РФ, но какие-либо отсылки к закону (или другому источнику) на указанном сайте отсутствуют.

Правоведы, в большинстве своем, исходят из того, что негодное покушение не исключает общественной опасности содеянного и влечет уголовную ответственность. Любое покушение на негодный объект надо квалифицировать как покушение на задуманное преступление (Obrazhiev & Pikurov (eds.), 2023:167–168). При этом считается, что если в случае негодного покушения реально причиняется вред иным объектам, то вопрос об ответственности в этой части решается в зависимости от действительного психического отношения лица и законодательного описания вины к такому вреду. Эти воззрения, в основном, поддерживаются судебной практикой (и наоборот)³¹.

Вместе с тем в представлениях о том, что из себя представляют фактическая и юридическая ошибки, каковы их подвиды, пределы (объем обстоятельств, по поводу которых происходит заблуждение) и какими должны быть уголовно-правовые последствия данных ошибок, наблюдается существенная вариативность. Довольно обширный обзор позиций представлен в диссертационном исследовании М.Б. Фаткулиной (Fatkulina, 2001). В части более поздних исследований и публикаций этот обзор дополняет статья О.С. Хорошиловой (Khoroshilova, 2015).

³⁰ См.: Режим доступа: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_47/activity/legal-education/explain/other?item=59255581 (дата обращения: 30.09.2024).

³¹ Один из вариантов покушения на негодный объект предусмотрен, например, в п. 24 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 (в ред. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2019 № 59): «если должностное лицо путем обмана или злоупотребления доверием получило ценности за совершение в интересах дающего или иных лиц действий (бездействие) либо за содействие таким действиям, *которые оно не может осуществить ввиду отсутствия соответствующих служебных полномочий или должностного положения*, содеянное следует квалифицировать как мошенничество, совершенное лицом с использованием своего служебного положения. *Владелец переданных ценностей в указанных случаях несет ответственность за покушение на дачу взятки или коммерческий подкуп*» (курсив наш – автор).

В задачи настоящего исследования не входит всестороннее и полное раскрытие темы, вынесенной в название текущего раздела. Обращение к ней носит вспомогательный характер, оно призвано подсветить и подчеркнуть значимость основного (исторического) материала статьи. Исходя из этого, целесообразно констатировать следующее. В отсутствие в УК РФ нормативных предписаний, определяющих, что из себя представляют покушение на негодный объект (предмет), фактическая и юридическая ошибки, а также их уголовно-правые последствия, повышается правовая неопределенность, возникают условия для различного понимания указанных правовых феноменов, непоследовательного и противоречивого правоприменения (как со стороны органов предварительного расследования, так и судов), нарушения принципов законности и справедливости, привлечения к ответственности тех, чьи деяния не представляют общественной опасности, и, наоборот, уклонения от ответственности других, общественно опасные деяния совершивших. Практически все исследователи, кто обращались к данной теме на уровне диссертационных исследований, выдвигали и обосновывали определенные дополнения действующего уголовного закона, но законодатель эти предложения не замечает. Также выдвигалась идея принятия соответствующих постановлений Пленума Верховного Суда РФ (например, «О судебной практике по делам, связанным с юридической или фактической ошибкой»), предлагались проекты постановлений. Но и эти предложения не реализованы.

Заключение

Все вышесказанное позволяет сделать вывод, что законодатель в ст. 47 Уложения 1903 г. в полной мере использовал абстрактный прием подачи законодательного материала³². Если сравнить формулировки, использованные там для описания обстоятельств, исключающих преступность деяния, то следует заключить: в ст. 47 степень обобщения наибольшая. Такой подход требует высокого уровня развития юридической науки и образования, профессионализма и добросовестности правоприменителей, предполагает значительную роль высшего суда, обеспечивающего единообразное понимание оценочных понятий, компенсирующего своими разъяснениями крайнюю лаконичность закона. При отсутствии перечисленного складываются условия для произвольного толкования правовых норм и нормативных предписаний, принятия несправедливых решений и злоупотреблений, уклонения от ответственности опасных преступников и наказания лиц, общественной опасности не представляющих, усиления коррупции и проч.

По ряду причин практика применения ст. 47 Уложения 1903 г. в Российской империи не сложилась. Однако есть некоторые шансы в будущем обнаружить ее на территории Польши и Латвии, где Уложение 1903 г. применялось после Октябрьской революции 1917 г.

Представленный в статье анализ решений Правительственного сената относительно рассмотренного обстоятельства непроступности деяния демонстрирует следующий алгоритм действий в случае обнаружения пробела в Общей части уголовного законодательства: высший суд, опираясь на закрепленные в законодательстве нормы и предписания, путем логических операций выводит правила, прямо не сформулированные законодателем и заполняющие пробел, при этом раскрывая свои умозаключения и их правовые основания в решениях. Подобные решения, даже если они содержательно неоднозначны и недостаточно убедительны, обеспечивают

³² Подробнее об этом приеме см., напр., работу *Соловьева О.Г.* (Solovev, 2016).

верховенство закона, способствуют развитию правовой доктрины, совершенствованию законодательства. Данный подход контрастирует со многими постановлениями Пленума Верховного Суда РФ, который свои правовые позиции обычно не обосновывает, и которому следовало бы взять в этой части практику своего дальнего предшественника за образец.

Необходимо также указать, что представленный в статье материал может быть востребован в ближайшем или отдаленном будущем, когда занимающиеся законодательством органы и лица приступят к разработке поправок к действующему Уголовному кодексу в части рассмотренного в статье обстоятельства непреступности деяния либо будет начата разработка нового Уголовного кодекса. Высказанные в прошлом и систематизированные в статье правовые идеи, представленные в ней доводы «за» и «против», опыт законотворчества и правоприменения расширят горизонт современных разработчиков нового закона, поспособствуют поиску и принятию оптимальной правовой модели. Каким должен быть данный закон? При разрешении подобного вопроса изучение прошлых эпох дает незаменимое руководство векового опыта, отметил в свое время выдающийся русский правовед, государственный и общественный деятель Н.Д. Сергеевский. Для понимания, оценки и критики уголовного закона необходимо знать его историю; в противном случае все наши суждения лишены будут прочного основания.

Наконец, полезно отметить, что необходимость в усовершенствовании уголовно-правового регулирования обстоятельств, которые исключают преступность деяния (включая корректировку перечня этих обстоятельств), существует и будет существовать, поскольку общество, его ценности, потребности и представления о справедливости меняются. Возникают новые угрозы и вызовы, требующие своевременного и адекватного реагирования. Следует также принимать во внимание новые научные результаты, прежде всего в области криминологии и в доктрине уголовного права. Они регулярно появляются и будут появляться.

References / Список литературы

- Belogrity-Kotlyarevskii, L.S. (1903) *Textbook of Russian criminal law. General and special parts*. Kiev etc.; South Russian publishing house of F.A. Ioganson. (in Russian).
Белогриц-Котляревский Л.С. Учебник русского уголовного права. Общая и особенная части. Киев и др. : Южно-Русское кн-во Ф. А. Иогансона, 1903. 618 с.
- Epifanov, B.V. (2015) The subject of a crime: the concept and problems of law-making. *Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2(66), 70–74. (in Russian).
Епифанов Б.В. Предмет преступления: понятие и проблемы правотворчества // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2015. № 2 (66). С. 70–74.
- Fatkullina, M.B. (2001) *Legal and factual errors in criminal law (problems of qualification)*. Dis. of Candidate of Legal Sciences. Yekaterinburg, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. (in Russian).
Фактуллина М.Б. Юридические и фактические ошибки в уголовном праве (проблемы квалификации) : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург : Уральский юрид. ин-т МВД России, 2001. 199 с.
- Gaikov, V.T. & Kosarev, A.V. (2005) The concept of circumstances precluding the criminality of an act and their classification. *News of higher educational institutions of the North Caucasus region. Social Sciences*. (3), 77–79. (in Russian).
Гайков В.Т., Косарев А.В. Понятие обстоятельств, исключающих преступность деяния, и их классификация // Известия ВУЗов Северо-Кавказского региона. Общественные науки. 2005. № 3. С. 77–79.

- Isaev, M.M. (1925) *General part of criminal law of R.S.F.S.R.* Leningrad, State publishing house. (in Russian).
Исаев М.М. Общая часть уголовного права Р.С.Ф.С.Р. Ленинград : Гос. изд-во, 1925. 199 с.
- Khoroshilova, O.S. (2015) Attempt at crime and the factual error. *Bulletin of Kemerovo State University*. 4–2(64), 258–261. EDN VAUGFR.
Хорошилова О.С. Покушение на преступление и фактическая ошибка. Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 4–2(64). С. 258–261. EDN VAUGFR.
- Kolokolov, G.E. (1904) *New criminal code: Interpretation and critical analysis*. Moscow: Typolithography of U. Vener successor of O. Falk Publ. (in Russian).
Колоколов Г.Е. Новое уголовное уложение: толкование и критический разбор. М. : Типолит. Ю. Венер преемн. О. Фальк, 1904. 44 с.
- Korshansky, N.I. (1976) *The Subject of the Crime*. Volgograd: Higher Investigative School. (in Russian).
Коржанский Н.И. Предмет преступления. – Волгоград: Высш. следств. школа. 1976. 56 с.
- Kufaev, V. (1923) The Criminal Code Enacted in the Polish State on May 1, 1921. *Law and life*. (5–6), 130–131. (in Russian).
Куфаев В. Уголовный кодекс, введенный в действие в Польском государстве с 1 мая 1921 г. // Право и жизнь. 1923. Кн. 5–6. С. 130–131.
- Kuznetsova, N.F. & Tyazhkova, I.M. (eds.). (2002) *Course of Criminal Law*. General Part. Vol. 1. The Doctrine of Crime. Moscow, Zertsalo Publ. (in Russian).
 Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1: Учение о преступлении / под ред. Н.Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой. М. : Зерцало, 2002. 624 с.
- Lenin, V.I. (2020) *State and revolution*. Moscow, AST Publ. (in Russian).
Ленин В.И. Государство и революция. М. : АСТ, 2020. 480 с.
- Lutkov, D.V. (1872) *Collection of information explaining the practical application of the Penal Code, extracted from collections: a) the highest approved opinions of the State Council, b) decisions of the Governing Senate (ed. 1864, 1865 and 1866), c) decisions of the Criminal Cassation Department (for 1866–1870 and the first half of 1871), decisions of the General Military Court and other periodicals*. Compiled by D. Lutkov, member of the Tula District Court. Moscow, Printing house T. Rees. (in Russian).
Лутков Д.В. Сборник сведений, разъясняющих применение на практике Уложения о наказаниях, извлеченных из сборников: а) высочайше утвержденных мнений Государственного совета б) решений Правительствующего сената (изд. 1864, 1865 и 1866 г.) в) решений Уголовного кассационного департамента (за 1866–1870 и первую половину 1871 г.) решений Главного военного суда и других повременных изданий / сост. Д. Лутков, член Тульск. окр. суда. М. : Тип. Т. Рис, 1872. 370 с.
- Mikhailov, V.I. (2016) The institution of lawful harm (circumstances precluding the criminality of the act) in the Criminal Code of 1903. *Journal of Russian Law*. (5), 65–72. (in Russian).
Михайлов В.И. Институт правомерного вреда (обстоятельств, исключающих преступность деяния) в Уголовном уложении 1903 г. // Журнал российского права. 2016. № 5. С. 65–72.
- Obrazhiev, K.V. & Pikurov, N.I. (eds.). (2023) *Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation: in 3 vols*. Vol. 1. General part. Moscow, Prospekt Publ.
 Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 3 т. Т. 1: Общая часть / под науч. ред. К.В. Ображиева, Н.И. Пикурова. М. : Проспект, 2023. 528 с.
- Pustoroslev, P.P. (1907) *Russian criminal law: The general part*. Issue 1. Juriev, K. Mattisen printing house. (in Russian).
Пусторослев П.П. Русское уголовное право: Общая часть. Вып. 1. Юрьев : Тип. К. Маттисена, 1907. 546 с.
- Sergeevskii, N.D. (1911) *Russian criminal law: A study guide. General part*. 9th ed. Saint Petersburg, M.M. Stasiulevich Printing House. (in Russian).

- Сергеевский Н.Д.* Русское уголовное право: пособие к лекциям. Часть Общая. 9-е изд. Санкт-Петербург : Тип. М.М. Стасюлевича, 1911. 397 с.
- Skoblikov, P.A. (2023). Execution of the law as a circumstance precluding the criminality of an act: Criminal code of 1903 and contemporary Russian legislation. *Zakon*. (11), 147–156. <https://doi.org/10.37239/0869-4400-2023-20-11-147-156> (in Russian).
- Скобликов П.А.* Исполнение закона как обстоятельство, исключающее преступность деяния: Уголовное уложение 1903 года и современное российское законодательство // *Закон*. 2023. № 11. С. 147–156. <https://doi.org/10.37239/0869-4400-2023-20-11-147-156>
- Skoblikov, P.A. (2019) Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation 2017–2018 on the protection of the rights and legitimate interests of persons affected by crimes. *Criminology: yesterday, today, tomorrow*. 3(54), 57–67.
- Скобликов П.А.* Постановления Пленума Верховного Суда РФ 2017–2018 гг. по вопросам защиты прав и законных интересов лиц, пострадавших от преступлений // *Криминология: вчера, сегодня, завтра*. 2019. № 3(54). С. 57–67.
- Slavin, I. (1931) *Sabotage on the frontline of Soviet criminal law*. Moscow, Sovetskoe zakonodatel'stvo Publ. (in Russian).
- Славин И.* Вредительство на фронте советского уголовного права. М. : Советское законодательство, 1931. 111 с.
- Solovev, O.G. (2016) On the question of the correlation of abstract and casuistic methods in the construction of norms of criminal law. *Actual problems of humanities and natural sciences*. (2–3), 231–233. (in Russian).
- Соловьев О.Г.* К вопросу о соотношении абстрактного и казуистического приемов в конструировании норм уголовного права // *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. 2016. № 2–3. С. 231–233.
- Stuchka, P. (1918) Proletarian Revolution and the Court. *Proletarian Revolution and Law*. (1), 1–8. (in Russian).
- Стучка П.* Пролетарская революция и суд // *Пролетарская революция и Право*. 1918. № 1. С. 1–8.
- Yevtushenko, E.A. (2016) On the development of the institution of circumstances excluding the criminality of an act in the criminal legislation of Russia. *Electronic bulletin of the Rostov Socio-Economic Institute*. Issue No. 1 (January-March), 254–262. EDN XHSUKL. (in Russian).
- Евтушенко Е.А.* О развитии института обстоятельств, исключающих преступность деяния, в уголовном законодательстве России // *Электронный вестник Ростовского социально-экономического института*. 2016. № 1. С. 254–262. EDN XHSUKL.

Сведения об авторе:

Скобликов Петр Александрович – доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник, сектор уголовного права, уголовного процесса и криминологии, Институт государства и права РАН; 119019, Российская Федерация, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10
ORCID: 0000-0001-7875-7036; SPIN-код: 8001-2807
e-mail: skoblikov@list.ru

About the author:

Petr A. Skoblikov – Doctor of Legal Sciences, Leading Research Fellow in the Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology Department, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., Moscow, 119019, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-7875-7036; SPIN-code: 8001-2807
e-mail: skoblikov@list.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-1-103-116>

EDN: QQRKQL

Научная статья / Research Article

Традиционный казахский суд на страницах русской прессы конца XIX – начала XX в.

Р.Ю. Почекаев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
 rpochekaev@hse.ru

Аннотация. Анализируются характеристики традиционного суда у казахов на основе обычного права (суд биев, народный суд) в статьях российских современников, служившими в Степном крае или бывавшими там по служебным и иным делам, выходивших на страницах русской периодики и впоследствии включенных в «Туркестанский сборник» – уникальное собрание материалов, посвященных Русскому Туркестану и сопредельным странам и регионам, выходившему во второй половине XIX – начале XX в. Наряду с критикой практики казахского суда в современный им период эти авторы нередко весьма положительно оценивали суд у кочевников в прежние времена. Автор статьи намеревается выяснить, с какой целью чиновники идеализировали прошлое казахского суда: желали ли они расширить сферу его деятельности или, напротив, старались показать, что его трансформация в худшую сторону делает его бесполезным, и его следует заменить имперскими судебными инстанциями? Основными методами исследования являются формально-юридический, историко-правовой и сравнительно-правовой, контент-анализ. Автор приходит к выводу о том, что исследуемые материалы существенно дополняют наши представления о суде и процессе в Казахской степи рассматриваемого периода, базирующиеся на анализе историко-правовых памятников и официальной ведомственной информации.

Ключевые слова: Российская империя, Степной край, суд биев, народный суд, обычное право кочевников, судебные реформы

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00268, проект «Юстиция в системе обеспечения безопасности и процессах интеграции периферийных регионов Российской империи (XVIII – начало XX в.)», <https://rscf.ru/project/23-18-00268>, реализуемого в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики».

Поступила в редакцию: 22 августа 2024 г.

Принята к печати: 15 января 2025 г.

Для цитирования:

Почекаев Р.Ю. Традиционный казахский суд на страницах русской прессы конца XIX – начала XX в. // RUDN Journal of Law. 2025. Т. 29. № 1. С. 103–116. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-1-103-116>

Traditional Kazakh court in the pages of the Russian press of the late 19th to early 20th century

Roman Yu. Pochekaev

HSE University, Saint Petersburg, Russian Federation

 rpochaev@hse.ru

Abstract. This study analyzes publications on the traditional Kazakh court (biys' court, people's court) by Russian contemporaries who served in or traveled to the Steppe Region. These publications were featured in Russian periodicals and later included in the “Turkestan Collection”, a unique compilation of materials on Russian Turkestan and neighboring states and regions, compiled in the second half of the 19th to the beginning of the 20th century. The authors criticized contemporary courts but positively regarded the historical court system. The article aims to clarify the reasons behind this idealization of the ancient traditional Kazakh court: whether the authors intended to promote its practices or, on the contrary, to highlight its negative transformation and advocate for a shift toward Russian imperial judicial system. The study primarily employs formal-legal, historical-legal, comparative-legal methods, and content analysis. The author finds that the analyzed materials significantly support our understanding of courts and proceedings in the Kazakh Steppe during the studied period, which is typically based on historical legal monuments and official institutional documents.

Key words: Russian Empire, Steppe Region, biys' court, people's court, customary law, court reforms

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Funding. The research was conducted with the support of grant No. 23-18-00268 from the Russian Science Foundation for the project ‘Justice in the System and Integration Processes in the Peripheral Regions of the Russian Empire (18th- Early 20th Century),’ implemented at HSE University.

Received: 22th August 2024

Accepted: 15th January 2025

For citation:

Pochaev, R.Yu. (2025) Traditional Kazakh court in the pages of the Russian press of the late 19th to early 20th century. *RUDN Journal of Law*. 29 (1), 103–116. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-1-103-116>

Введение

Вопросы истории традиционного суда казахов («киргизов») в период пребывания Казахской степи в составе Российской империи (1731–1917) неоднократно привлекали внимание исследователей. Первые обзорные работы, в которых давалась характеристика традиционного казахского суда, его формы, источников, принимавшихся решений, появились уже в XIX в. – это труды Н.И. Гродекова, И.И. Крафта, Л.А. Словохотова (Grodekoy, 1889; Kraft, 1898; Slovokhotov, 1905) и др. Среди

советских исследователей, уделявших внимание проблемам интеграции традиционного казахского суда в систему имперской юстиции можно назвать, в частности, работы С.Л. Фукса (Fuks, 2008) и С.З. Зиманова (Zimanov, 2008). Современные авторы, исследуя данную проблематику, сосредотачиваются на отдельных аспектах, соответственно, привлекая в большей степени и конкретные виды исторических источников. Так, например, И.В. Анисимова изучает позиции российских властей различного уровня относительно традиционного суда казахов, опираясь на материалы официальной переписки и проекты преобразований (Anisimova, 2013a; 2013b; 2018; 2024). Д.В. Васильев анализирует источники права (включая проекты, которые так и не вступили в силу), которыми регламентировалась административная и судебная деятельность в степных областях (Vasil'ev, 2014; 2020). Американский историк В. Мартин предметно изучает тенденции и механизмы включения казахского суда биев в имперскую судебную систему на основе как правовых актов, так и судебных дел (Martin, 2001). Целый ряд авторов (преимущественно зарубежных) рассматривают проблему взаимодействия норм обычного права (адата) и религиозного права (шариата) в практике судов биев, уделяя внимание также и позиции российских властей по данному вопросу, привлекая в качестве источников преимущественно конкретные судебные решения из практики как традиционных, так и российских судов (Frank, 2001; Sartori, 2017; Shabley, Sartori, 2020; Shabley, 2023; Uyama, 2013). Ж.С. Мажитова специализируется на изучении историографии казахского суда биев, анализируя, соответственно научные работы в качестве источников своего исследования (Mazhitova, 2016).

Стоит отметить, что практически никто из исследователей до сих пор не уделял достаточно внимания такому источнику как публицистика соответствующего периода – публикации на страницах прессы. Между тем, как представляется, этот вид исторических источников является весьма ценным и интересным для изучения, поскольку в публицистических работах мнения, в т.ч. по важным политическим вопросам, высказывались более откровенно и менее официально даже в тех случаях, когда их выражали представители органов государственной власти и административного управления. Более того, различные газеты и журналы Российской империи представляли разные политические круги (в т.ч. и оппозиционные властям) и социальные группы интересов, соответственно одна и та же проблематика могла освещаться в таких изданиях с разных сторон и со с разным акцентированием тех или иных аспектов.

Несомненно, вопрос о традиционном казахском суде, особенно в тот период, когда началась его активная интеграция в российскую судебную систему (начиная с рубежа 1860–1870-х гг.) не мог не найти отражения на страницах российской периодики. Естественно, искать соответствующие публикации на страницах многочисленных газет было бы не всегда эффективно: понадобилось бы просматривать огромное число подшивок ради нахождения нескольких десятков публикаций, непосредственно относящихся к тематике исследования. Кроме того, ряд изданий соответствующего периода полностью или частично не сохранился. И в этих условиях нам может существенно помочь работа с материалами «Туркестанского сборника».

Цель исследования – найти ответ на вопрос о причинах столь суровой критики действующего в рассматриваемый период традиционного казахского суда российскими современниками – авторами вышеупомянутых статей из «Туркестанского сборника» с учетом того, что многие из авторов весьма положительно отзывались

о деятельности этого суда в прежние времена, до вхождения Казахской степи в состав Российской империи.

Для достижения цели следует решить нескольких задач, а именно:

- провести детальный анализ привлеченных публикаций;
- выявить аспекты деятельности традиционного казахского суда, вызывавшие наиболее серьезные критические замечания российских современников;
- сравнить позиции различных авторов по поводу народного суда казахов в зависимости от их профессиональной принадлежности или политической ориентации.

Решение поставленных задач предполагает использование ряда исследовательских методов. Формально-юридический метод позволяет подробно проанализировать публикации, вошедшие в «Туркестанский сборник» на предмет изучения и критики отдельных аспектов традиционного суда и процесса в Казахской степи. Историко-правовой метод дает возможность понять общую ситуацию в степных областях под властью Российской империи и оценить уровень актуальности наблюдений, оценок и замечаний, высказывавшихся авторами статей. Сравнительно-правовой подход позволяет сравнить позиции различных авторов по рассматриваемым аспектам, а также ситуацию с традиционным казахским судом в доимперский и имперский периоды. С учетом того, что анализируется достаточно большой массив публицистических материалов, эффективным методом их изучения также представляется контент-анализ, с помощью которого мы можем выяснить, какие процессуальные аспекты привлекали большее внимание российских современников.

«Туркестанский сборник» как источник сведений о праве и суде в Русской Центральной Азии

«Туркестанский сборник сочинений и статей, относящихся до Средней Азии вообще и Туркестанскому краю в особенности»¹, представляет собой уникальное собрание публикаций, посвященных истории, этнографии и текущему политическому состоянию Русского Туркестана, а также прилегающих регионов Российской империи и зарубежных стран. Его первым составителем и редактором стал библиограф В.И. Межов, который по распоряжению туркестанского генерал-губернатора К.П. фон Кауфмана (1867–1882) стал формировать многотомную подборку, состоящую из книг, брошюр, а также газетных и журнальных публикаций, преследуя цель собрать все материалы о Туркестане и соседних территориях по мере их опубликования. Всего за 1867–1887 гг. Межовым было составлено 416 томов таких материалов. При этом нельзя сказать, что тома четко выдерживали тематическую или хронологическую линию: судя по всему, редактор группировал материалы по времени их поступления в его распоряжение. Поэтому сам же В.И. Межов составил также и трехтомный указатель к изданным им томам с разбиением вошедших в «Туркестанский сборник» публикаций, в том числе по тематическим рубрикам². В начале XX в.

¹ Таково его полное название, которое обычно в историографии принято сокращать до первых двух слов. Общей характеристике сборника посвящена специальная работа (Kasymova, 1985).

² Межов В.И. Туркестанский сборник сочинений и статей, относящихся до Средней Азии вообще и Туркестанского края в особенности. Тт. 1–150. СПб. : Тип. В. Безобразова и Комп., 1878. 184 с.; Тт. 151–300. СПб. : Тип. В. Безобразова и Комп., 1884. 166 с.; Тт. 300–416. СПб. : Тип. В. Безобразова и Комп., 1888. 134 с.

работу В.И. Межова по созданию «Туркестанского сборника» продолжили библиограф Н.В. Дмитриевский, в течение 1907–1910 гг. выпустивший тт. 417–543, и востоковед А.А. Семенов, в течение 1911–1916 гг. выпустивший тт. 544–591³. Указатель к ним был составлен О.А. Масловой (Maslova, 1940).

Материалы «Туркестанского сборника» неоднократно привлекались исследователями. В большинстве случаев он используется как источник сведений об отдельных аспектах истории тюркских народов Русской Центральной Азии (Al'zhanova, 2015; Bazarov, 2016; Gökalp & Eyüpoğlu, 2018; Yo'ldoshev & Boboyev, 2023) либо отношений России с соседними центрально-азиатскими государствами (Khatamov, 1993; Chulliev, 1994). В некоторых случаях он также рассматривается как отражение воззрений российских властей в отношении центрально-азиатских владений империи (Obiya, 2013).

Однако, насколько нам известно, правовые реалии Русской Центральной Азии (и конкретно, для целей данного исследования, Казахской степи) на основе материалов «Туркестанского сборника» до сих пор практически не анализировались. Тем более, не привлекались для подобного анализа именно материалы русской периодики рубежа XIX–XX вв. В рамках настоящей статьи мы намерены восполнить этот пробел и продемонстрировать полезность и ценность газетных и журнальных публикаций как источника сведений о мнениях и оценках представителей российской общественности (чиновников, юристов-практиков, ученых, собственно журналистов и т. д.) по поводу функционирования и эволюции традиционного казахского суда в рассматриваемый период. По тематике исследования нам удалось найти не слишком много публикаций – всего восемнадцать. Однако, как мы покажем ниже, даже эта сравнительно небольшая подборка является вполне репрезентативной и позволяет достичь поставленной нами цели.

Судьи-бии и отношение к ним российских властей и местного населения

Целый ряд авторов уделяет значительное внимание вопросу о правовом статусе судей традиционного казахского суда – биев (народных судей). В большинстве случаев их отношение к этим деятелям достаточно критическое – особенно когда речь заходит о сравнении биев, современных авторам мнений, и их предшественникам из предыдущих эпох⁴.

Так, например, авторы статей подчеркивают, что раньше бии выбирались самими тяжущимися из числа наиболее уважаемых и справедливых людей, хорошо знающих обычаи, и только юрист А. Зуев в 1907 г. высказывал по этому поводу особое мнение, считая, что уже в XVIII в. суд биев был «сильно полинявший»⁵. Большинство же остальных российских современников склонны идеализировать прежних судей-казахов, видя в этом повод для критики нынешних судей.

Например, по мнению юристов А.В. Леонтьева и Е. Медведева, большинство современных народных судей не знали народных обычаев, поскольку принадлежали

³ В 1939 г. библиограф Е.К. Бетгер выпустил тт. 592–594, которые включали трехтомный труд М.А. Терентьева «История завоевания Средней Азии», опубликованный в 1906 г., и потому представляют меньший интерес для изучения.

⁴ См., напр.: Киргизский суд и присяга // Туркестанский сборник. Т. 395. СПб., 1883. С. 178; Леонтьев А. Обычное право киргиз. Судоустройство и судопроизводство // Туркестанский сборник. Т. 480. Ташкент, 1908. С. 1536.

⁵ Зуев А. Киргизский народный суд // Туркестанский сборник. Т. 460. Ташкент, 1908. С. 111.

к поколениям, выросшим уже в период пребывания Казахской степи в составе Российской империи и, соответственно, испытали российское влияние. Обычаи знали лишь старики, которые умирали, не передав свои знания потомкам, поскольку последние не считали их нужными в новых политико-правовых условиях⁶.

Причинами такого снижения уровня профессионализма биев авторы статей нередко называют российские преобразования традиционного казахского суда в «народный». Так, резко критикуется система формальных выборов биев с помощью шаров⁷: по мнению авторов статей, такая процедура была непонятна казахам, привлекавшимся к голосованию, что влекло ошибки в выражении ими своего мнения и, соответственно, избранию не тех, кого выборщики реально хотели бы видеть своими судьями⁸.

Поводом для критики стала и так называемая «борьба партий»: влиятельные группировки в каждом судебном округе старались склонить выборщиков на свою сторону, нередко подкупая их⁹. При этом раздавались действительно серьезные суммы: назывались цифры от 5 до 10 тыс. руб. Естественно, в дальнейшем избранные судьи старались «компенсировать» эти затраты себе и своим сторонником, следствием чего становились взяточничество, произвольное увеличение «бийлыка»¹⁰, принятие несправедливых решений в пользу более состоятельных участников разбирательств и пр.¹¹.

Подобные практики влекли и другие негативные тенденции в процессуальной сфере в Казахской степи. Среди них авторы статей называли, в частности, появление многочисленных неосновательных исков: казахи, зная о коррупции в судах и предвзятости биев, предъявляли претензии, надеясь, что ответчики не решатся пойти к несправедливым судьям и согласятся на отступные в рамках мирового соглашения¹².

Естественно, участники процесса, недовольные несправедливыми решениями народных судей, имели право обжаловать их в российских судебных инстанциях, что было предусмотрено в законодательном порядке. Однако подобные обращения нередко влекли негативные последствия для жалобщиков, которым впоследствии могли мстить как сами народные судьи, так и поддерживавшие их «партии»¹³.

Неудивительно, что наряду с народными судьями, официально избранными и утвержденными российской администрацией, в степи действовали «подпольно» также «правильные» бии, к которым обращались не только казахи, не доверявшие народному суду, но и... сами же народные судьи, если сталкивались с затруднениями при выборе решений¹⁴!

⁶ Леонтьев А. Обычное право киргиз. С. 152а; Медведев Евг. Народный суд // Туркестанский сборник. Т. 478. Ташкент, 1908. С. 99.

⁷ Порядок избрание народных судей биев регламентировался §§ 135–138 «Временного положения об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях» от 21 октября 1868 г., см.: Материалы по истории политического строя Казахстана (со времени присоединения Казахстана к России до Великой Октябрьской социалистической революции). Т. I / сост. М, Г. Масевич. Алма-Ата: изд-во АН Казахской ССР, 1960. С. 332.

⁸ Из Оренбурга // Туркестанский сборник. Т. 326. СПб., 1883. С. 173–174.

⁹ Зуев А. Киргизский народный суд. С. 106, 111.

¹⁰ Процент от суммы иска, традиционно шедший бию в качестве вознаграждения за разбор дела и вынесение решения.

¹¹ Медведев Евг. Народный суд. С. 98, 101.

¹² Медведев Евг. Народный суд. С. 102.

¹³ См., напр.: Медведев Евг. Народный суд // Туркестанский сборник. Т. 491. Ташкент, 1908. С. 27.

¹⁴ Киргизский суд и присяга. С. 178–179.

Внешнее влияние на традиционный казахский суд

Много внимания авторы статей, включенных в «Туркестанский сборник», уделяют вопросам, связанным с влиянием процессуальных традиций Российской империи на традиционное казахское правосудие. Такое влияние нашло отражение в существенной трансформации ряда судебных традиций казахов, и российские современники оценивают результаты этой трансформации весьма критически.

Так, серьезным поводом для критики казахских пореформенных народных судов в глазах авторов статей «Туркестанского сборника» стало повсеместное распространение практики принесения присяги.

Компетентные авторы, много лет контактировавшие с казахами, отмечали, что в прежние времена кочевники относились к присяге весьма ответственно. Обычное казахское право предусматривало несколько видов такой присяги – например, клятва истца и ответчика в правдивости своих показаний или очистительная присяга поручителей. Принесение таких клятв обставлялось весьма торжественно: присягавшие в присутствии многочисленных свидетелей совершали обход могил предков, целовали клинок или дуло ружья и т.п.¹⁵. Как отмечали российские современники, главным принципом принесения присяги было знание либо обстоятельств дела, либо участника процесса, за которого присягали поручители¹⁶. Конечно же, в таких условиях не было смысла лгать, поскольку на разбирательстве присутствовало много свидетелей, которые легко могли уличить присягнувшего во лжи. Именно по этой причине казахи в прежние времена старались всячески избегать принесения присяги, поскольку не желали свидетельствовать против своих родных и близких, но в случае принесения клятвы должны были бы говорить правду, даже если бы она вредила последним¹⁷.

В пореформенном же народном суде прежний пиетет по отношению к присяге исчез. Во-первых, российские власти в обязательном порядке предписали принести присягу на Коране, т.е. по мусульманскому образцу (причем разработанному ранее для народов Кавказа и Поволжья, исповедовавших ислам¹⁸), что в корне противоречило прежним процессуальным традициям казахов¹⁹. Неудивительно, что, принося клятву в чуждой для них («русской») форме, казахи не чувствовали себя связанными ей и в результате постоянно лжесвидетельствовали. Во-вторых, если при разбирательстве присутствовали российские чиновники, осуществлявшие контроль за ведением дел в народных судах (не говоря о делах, непосредственно рассматривавшихся в русских судебных инстанциях), даже следовавшие канонам ислама казахи считали

¹⁵ Готовицкий М. Значение и обряд присяги у киргиз // Туркестанский сборник. Т. 383. СПб., 1883. С. 116. См. также: Леонтьев А. Обычное право киргиз. С. 158а.

¹⁶ Аничков И.В. Присяга киргиз перед русским судом // Туркестанский сборник. Т. 419. Ташкент, 1907. С. 297; Готовицкий М. Значение и обряд присяги у киргиз. С. 10а–б.

¹⁷ Из Оренбурга. С. 173; Киргизский суд и присяга. С. 180.

¹⁸ Форма присяги была закреплена высочайше утвержденным положением Комитета министров от 25 апреля 1850 г., см.: Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Собрание второе. Т. XXV. Отд. I. СПб.: Тип. II Отд. С. Е. И. В. К., 1851. № 24117. С. 410–411.

¹⁹ Дингельштедт Н.А. Мусульманская присяга и клятва // Туркестанский сборник. Т. 475. Ташкент, 1908. С. 326–33а, 35б; Зуев А. Киргизский народный суд. С. 139–140; Леонтьев А. Обычное право киргиз. С. 154б.

себя вправе лжесвидетельствовать перед «неверными», не без оснований считая, что данная в их присутствии клятва на Коране не имела силы²⁰.

Неоднократно авторы статей в «Туркестанском сборнике» обращаются к проблематике процессуального положения казахских женщин. Большинство российских современников единодушны в том, что имперская администрация старалась улучшать положение местных женщин: ведь ранее они вообще не участвовали в процессе, поскольку мужчины считали их «бестолковыми» и представляли в разбирательстве их интересы. В результате административных и судебных реформ конца 1860-х гг. в Казахской степи у женщин появилось право не только давать показания и согласие на заключение брака в народных судах, но и обращаться с апелляцией на решения биев в русские судебные инстанции²¹. Однако, во-первых, эти права казахских женщин были существенно урезаны в результате принятия положений «Об управлении Туркестанского края» 1886 г. и «Степного положения» 1891 г., и они снова оказались во власти традиционных судей²². Во-вторых, власть рода над женщинами традиционно оставалась сильной, и, в случае попыток женщин отстаивать свои права в суде их родичи оставляли за собой право прибегнуть к внесудебным и порой весьма жестоким мерам противодействия. Пример такой практики приводит некий «Вятич» в статье, опубликованной в ташкентской газете «На рубеже» в 1908 г.: после смерти мужа женщина заявила народному судье, что не собирается вступать в новый брак, тем самым став официальной опекушкой своих дочерей; в ответ на это родственник ее мужа убил ее, не желая терять выгод, связанных с женитьбой на одной из ее дочек и, соответственно, получением ее имущества²³.

Характеризуя такие тенденции, авторы статей в «Туркестанском сборнике» неизбежно приходят к анализу причин трансформации традиционного казахского суда. В результате они приходят к довольно парадоксальному выводу, выявляя влияние на него как мусульманского права, так и российского права и процесса.

Расширение функций представителей мусульманского духовенства (мулл) в Казахской степи, их участие в судебных процессах неизбежно приводило к расширению действия норм шариата даже в народных судах, которые официально должны были опираться на обычное право. В результате многие народные судьи-бии, которые, как уже отмечалось выше, не являлись знатоками степных правовых обычаев и традиций, сознательно или подсознательно подменяли обычно-правовые нормы и принципы шариатскими²⁴.

²⁰ Аничков И.В. Присяга киргиз перед русским судом. С. 300–301, 315; Дингельштедт Н.А. Мусульманская присяга и клятва. С. 33а; Медведев Евг. Народный суд. С. 101–102.

²¹ Зуев А. Киргизский народный суд. С. 123; К вопросу об улучшении положения киргизской женщины // Туркестанский сборник. Т. 468. Ташкент, 1908. С. 111. Такое право женщин предусматривалось, в частности, § 163 «Временного положения...» 1868 г., см.: Материалы по истории политического строя Казахстана. С. 334.

²² Зуев А. Киргизский народный суд. С. 126; К вопросу об улучшении положения киргизской женщины. С. 111; Подварков А. Брак и развод у киргиз Туркестанский сборник. Т. 541. Ташкент, б.г. С. 87. Ужесточение порядка рассмотрения дел, связанных с брачно-семейными отношениями, см.: ПСЗРИ. Собрание третье. Т. VI. СПб.: Гос. тип., 1888. № 3814. § 213–215. С. 335; Т. XI. СПб.: Гос. тип., 1894. № 7574. П. 16. С. 143.

²³ Вятич. Родовая месть // Туркестанский сборник. Т. 494. Ташкент, 1908. С. 22–23.

²⁴ А. Зуев отмечал, что мусульманские судьи-кади в ряде случаев пытались заменять в разбирательстве народных судейбиев, см.: Зуев А. Киргизский народный суд. С. 120–121. Дополнительное затруднение для российской администрации при выявлении таких случаев составлял тот факт, что в оседлых регионах Туркестанского края, где функционировали шариатские судьи-кади, мусульманское право также

Российское влияние нашло отражение в присвоении биям (ранее избиравшимся самими тяжущимися *ad hoc*) официального статуса с обязанностью участников процесса обращаться только к ним, во внедрении в казахский суд письменного производства и письменных доказательств, формировании представлений о преступлениях (в том числе и такого распространенного у кочевников деяния, как барымта²⁵) не только как о причинении ущерба, но и как о нарушении нравственных устоев и т.д.²⁶

Активное взаимодействие казахских народных судей с российскими властями привело к тому, что бии наряду с прежними своими нарушениями (взятки, несправедливые решения и пр.) стали практиковать и более «цивилизованные» способы обхода закона. Так, они весьма широко прибегали к следующей «юридической фикции»: поскольку биям не позволялось единолично разбирать иски свыше 300 руб., они принимали к рассмотрению дело об имуществе, например, стоимостью 1 500 руб. и разбивали его на пять самостоятельных дел о части такого имущества, соответственно, не более 300 руб. каждое. Естественно, это делалось с целью получить «бийлык» с большей суммы, чем позволялось российским законодательством²⁷.

Некоторые авторы, впрочем, приводят примеры и обратного влияния кочевых обычно-правовых норм и принципов на практику русского суда. Например, помощник судьи Степного края А.В. Леонтьев в статье, опубликованной в «Юридическом вестнике» в 1890 г., упоминает, что вплоть до окончательной криминализации барымты российские пограничные власти закрывали глаза на ее применение русскими казаками в ответ на казахские набеги на их селения с целью грабежа²⁸.

Один из авторов также приводит пример, когда представитель российской судебной инстанции (причем ни кто иной, как сам туркестанский генерал-губернатор К.П. фон Кауфман) применил традиционный казахский процессуальный институт «карандыас-кыб» («полупримирение»), приняв компромиссное решение по делу с участием казахов-кочевников и русского подданного, который случайно убил на охоте казаха. При этом сами же казахские тяжущиеся просили генерал-губернатора не выносить решение на основе русских законов, поскольку виновный был бы заключен в тюрьму, и это не принесло бы никакой пользы вдове и детям убитого. В результате Кауфман согласился санкционировать «полупримирение», обязав подсудимого выплатить вдове половину куна за убийство – 25 лошадей²⁹.

официально в законодательстве характеризовалось как «обычное», см.: Шкапский Ор. Аму-Дарьинские кулаки перед судом Шариата и казиев // Туркестанский сборник. Т. 419. Ташкент, 1907. С. 63–64.

²⁵ Набег с целью угона определенного количества скота у лица, которое, по мнению угонщика (барымтачи) причинило ему ущерб и отказалось его возместить; количество угнанного скота отражало представление барымтачи о таком ущербе. Но если тот, у кого угнали скот, считал, что лишился большего имущества, чем причинил ущерб, он, в свою очередь, мог осуществить набег на своего противника и тоже угнать у него скот. В традиционном казахском праве (до русских судебных реформ) барымта являлась весьма распространенным способом внесудебного урегулирования споров (см. подробнее: Martin, 2001: 140–155).

²⁶ Аничков И.В. Присяга киргиз перед русским судом. С. 296; Диваев А. А. К вопросу о киргизских судах // Туркестанский сборник. Т. 422. Ташкент, 1907. С. 156; Леонтьев А. Обычное право киргиз. С. 147а, 148а, 151а–б, 158а.

²⁷ Согласно § 138 «Временного положения...» 1868 г., бийлык составлял до 10 % от стоимости иска, см.: Материалы по истории политического строя Казахстана (со времени присоединения Казахстана к России до Великой Октябрьской социалистической революции). С. 332.

²⁸ Леонтьев А. Обычное право киргиз. С. 147б.

²⁹ Готовицкий М. Окончание дел полумиром по киргизскому обычному праву // Туркестанский сборник. Т. 383. СПб., 1883. С. 12а. См. также: Леонтьев А. Обычное право киргиз. С. 158а–б.

Подобное взаимовлияние делало актуальным более подробное изучение и фиксацию обычного права казахов с целью его систематизации и приведения в соответствие с нормами имперского законодательства. Однако, как отмечают юрист А. Зуев и чиновник и этнограф А.А. Диваев в статье, опубликованной в газете «Окраина», имперская администрация в этом не преуспела. В течение 1770–1840-х гг. предпринимались попытки сбора информации о степных правовых обычаях, но в силу непрофессионализма чиновников, ответственных за этот сбор, закончились неудачно, и свод обычного права казахов так и не был составлен. Причем ситуация с квалификацией соответствующих чиновников не изменилась и к концу XIX в.³⁰

Другим выходом из положения российские власти видели составление ереже – набора унифицированных правовых обычаев, которыми должны были руководствоваться съезды народных судей при разбирательстве сходных дел. Однако такие ереже принимались каждым съездом самостоятельно, и об общей унификации для всей Казахской степи речи не шло. Более того, после прекращения работы таких съездов их ереже также теряли свою силу. Попытка же военного губернатора Семипалатинской области В.С. Цеклинского в 1886 г. объявить одно из них постоянно действующим вызвала недовольство не только самих казахов, но и российских чиновников в степи³¹. Кроме того, невозможность постоянного контроля за деятельностью народных судей и их съездов приводила к тому, что в таких ереже бии присваивали себе более широкие полномочия, чем закрепленные в законодательстве, в результате даже разбирая дела об убийствах и приговаривая к тюремному заключению или каторжным работам – при том, что такие дела и приговоры находились в исключительной компетенции российских судебных инстанций³²!

Призывы к изучению и систематизации обычного права казахов продолжают в анализируемых нами публикациях вплоть до 1910-х гг. Правда, при этом они имеют не столько практический, сколько этнографический контекст: например, вышеупомянутый А.А. Диваев рекомендовал собирать сведения о традиционном казахском праве, «пока знания о нем совсем не исчезли»³³, при этом не настаивая на практическом применении результатов их сбора.

Выводы и предложения авторов статей

К каким же выводам приходят авторы статей, помещенных в «Туркестанском сборнике» по итогам столь неутешительных результатов своих наблюдений?

Во-первых, большинство их идеализирует традиционный казахский суд прошлого времени, т.е. когда казахи еще не признали российского подданства. Однако нельзя не отметить, что они сами же признают, что не имеют достаточных данных о нем в силу отсутствия письменных источников и вынуждены опираться на рассказы тех «стариков», которые еще застали прежний суд³⁴.

³⁰ Диваев А. А. К вопросу о киргизских судах. С. 156, 157; Зуев А. Киргизский народный суд. С. 148.

³¹ Зуев А. Киргизский народный суд. С. 117; Леонтьев А. Обычное право киргиз. С. 152 а–б.

³² Гор. Копал // Туркестанский сборник. Т. 442. Ташкент, 1907. С. 182–184; Медведев Евг. Народный суд. С. 99.

³³ Диваев А. А. К вопросу о киргизских судах. С. 157.

³⁴ Например, А. Зуев совершенно справедливо отмечает, что в народных преданиях о суде и судьях не упоминаются ошибки, совершавшиеся судьями прошлого, см.: Зуев А. Киргизский народный суд. С. 107.

Во-вторых, характеризуя недостатки пореформенного народного суда казахов по сравнению с «древним» судом биев, авторы не настаивают на том, чтобы «возродить» последний. Напротив, они констатируют, что многие прежние процессуальные традиции утрачены, другие деформированы в результате влияния шариата и российского законодательства, а знатоков степных обычаев становится все меньше и меньше. В связи с этим они признают, что вернуть дореформенный суд (что активно предлагалось рядом российских чиновников еще в середине XIX в.) в сложившихся обстоятельствах уже невозможно.

Поэтому, в-третьих, авторами высказываются два основных предложения о судьбе современных им народных судов в Казахской степи.

Первое из них состоит в том, чтобы еще более формализовать деятельность народных судей, превратив их официально в низовую инстанцию российской судебной системы в регионе и предписав опираться на нормы имперского законодательства, полностью отказавшись от следования обычаям. Сторонники такого варианта объясняют его тем, что население Казахской степи остается достаточно консервативным и приверженным к своим традициям и обычаям, а потому не сумеет интегрироваться в российскую судебную систему и эффективно защищать свои права. Наиболее ярко эту позицию выразил ученый-этнограф И.В. Аничков в статье, опубликованной в «Журнале министерства юстиции» в 1898 г.³⁵

Другие авторы предлагают просто-напросто отменить институт народных судей по причине их непрофессионализма, недоверия к ним со стороны населения и увеличения числа гражданских споров и уголовных дел между казаками и русскими подданными, передав все эти дела под юрисдикцию российских судебных инстанций в регионе³⁶. Сторонники такого радикального решения (а это, в первую очередь, практикующие юристы) не соглашались с приверженцами первого варианта, настаивая на том, что казахи уже не столь «дики» и за время пребывания в составе Российской империи сумели адаптироваться к имперской системе ценностей, в том числе и правовых, поэтому вполне готовы защищать свои интересы в российских судах³⁷.

Завершая наше исследование, мы приходим к довольно любопытному и несколько неожиданному для нас заключению: несмотря на то, что авторы проанализированных статей принадлежали к разным группам интересов, публиковались в разных (в том числе по политической ориентации) изданиях и нередко полемизировали друг с другом³⁸, в целом они практически единодушно разделяют позиции официальных властей. Это выражается в негативной оценке качества народного суда, искажении степных обычаев и отрицательной роли мусульманского права в развитии

³⁵ Аничков И.В. Присяга киргиз перед русским судом. С. 294–295.

³⁶ Зуев А. Киргизский народный суд. С. 149, 152; Медведев Евг. Народный суд. С. 102. Ср.: Медведев Евг. Народный суд. С. 28; Х. Киргизский народный суд // Туркестанский сборник. Т. 460. Ташкент, 1908. С. 2.

³⁷ При этом некоторые авторы считают, что и ряд российских судебных инстанций для казахов изжил себя в современных условиях – например, военные суды, в компетенции которых были отдельные виды преступлений, совершавшихся казаками, см.: [Вопрос об изменении подсудности Киргизов Уральской и Тургайской областей] // Туркестанский сборник. Т. 298. СПб., б.г. С. 234.

³⁸ Например, И.В. Аничков критиковал некоторые построения Н.А. Дингельштедта, а автор публикации в «Оренбургской газете» 1908 г., скрывавшийся под псевдонимом «Х.» – А. Зуева. Как представляется, подобная практика подтверждает, что авторы анализируемых статей не только старались отслеживать ситуацию, связанную с казахским судом и процессом, но и читали работы друг друга.

суда и процесса в Казахской степи. Что же касается российского влияния, то хотя оно имело свои недостатки и, соответственно, негативные последствия для развития народного суда, практически все авторы признают, что в целом оно играет положительную роль в развитии казахов и способствует повышению их культуры, в том числе и правовой³⁹.

Заключение

Таким образом, можно утверждать, что критика казахских народных судов в статьях, вошедших в «Туркестанский сборник», носила частный, субъективный характер и была обусловлена особенностями собственного опыта или позиции конкретных авторов. В связи с этим проанализированные публикации представляют интерес как отражение, во-первых, фактического состояния судов (за счет информации, нередко полученной авторами из первых рук), а во-вторых – мнений и суждений представителей разных социальных групп, политических позиций и пр., что существенно расширяет наши представления о процессуальных реалиях в Казахской степи за счет дополнения имеющихся знаний об официальной государственной политике и административных мерах в регионе личными оценками конкретных современников.

References / Список литературы

- Al'zhanova, E.E. (2015) "Turkestan Collection" as a written source of the cultural heritage of the Central Asian Turks of the 19th century. *Turkic Studies*. (6), 91–109. (in Russian).
Альжанова Э.Е. Туркестанский сборник – письменный источник культурного наследия среднеазиатских тюрков XIX века // Тюркология. 2015. № 6(74). С. 91–109.
- Anisimova, I.V. (2013a) The problem of the effectiveness of reforming of the traditional court system of the Kazakh society. *Proceedings of the Altai State University*. 4–2(80), 109–113. (in Russian).
Анисимова И.В. Вопрос об эффективности реформирования традиционной судебной системы казахского общества // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 4–2(80). С. 109–113.
- Anisimova, I.V. (2013b) Positions of the central and regional authorities on the reforming of the traditional court system of the Turkestan Region and Steppe Governor-Generalship at the end of the 19th c. *Altai State University Herald*. 4, 102–105. (in Russian).
Анисимова И.В. Позиции центральных и региональных властей по вопросу преобразования традиционной судебной системы Туркестанского края и Степного генерал-губернаторства в конце XIX в. // Вестник Алтайского государственного университета. 2013. № 4. С. 102–105.
- Anisimova, I.V. (2018). The problem of the reforming of the traditional court-legal system of the Turkestan Region and Steppe provinces at the end of 19th – beginning of 20th c. *Tomsk State University Herald*. (42), 44–53. <https://doi.org/10.17223/15617793/428/6> (in Russian).
Анисимова И.В. Проблема реформирования традиционной судебно-правовой системы Туркестана и Степных областей в конце XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 428. С. 44–53. <https://doi.org/10.17223/15617793/428/6>
- Anisimova, I.V. (2024) *Court system of the Steppe Region within the frontier modernization (end of 18th – 20s of 20th c.)*. Doctor of Historical Sciences dissertation. Barnaul, S.n. (in Russian).
Анисимова И.В. Судебная система Степного края в условиях фронтальной модернизации (конец XVIII – 20-е гг. XX в.) : дис. ... д-ра ист. наук. Барнаул : Б.и., 2024. 496 с.

³⁹ Аничков И.В. Присяга киргиз перед русским судом. С. 319.

- Bazarov, K. (2016) Coverage of the process of development of the agriculture of the Andijan district in the “Turkestan Collection”. *Priority scientific directions: from theory to practice*. (23), 30–34. (in Russian).
Базаров К. Освещение в «Туркестанском сборнике» процесса развития сельского хозяйства Андижанского уезда // Приоритетные научные направления: от теории к практике. 2016. № 23. С. 30–34.
- Chulliev, Sh.B. (1994) *Central Asia in the Russian-Indian relations of the last quarter of 19th – beginning of 20th c. (Basing on the materials of the “Turkestan Collection”)*. Abstract of the Doctor of Historical Sciences dissertation. Tashkent, S.n. (in Russian).
Чуллеев Ш.Б. Средняя Азия в русско-индийских отношениях последней четверти XIX – начала XX в. (По материалам «Туркестанского сборника») : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент : Б.и., 1994. 24 с.
- Frank, A.J. (2001) *Muslim Religious Institutions in Imperia Russia: The Islamic World of Novouzensk District and the Kazakh Inner Horde, 1780–1910*. Leiden; Boston; Köln: Brill.
- Fuks, S.L. (2008) *Essays on history of state and law of Kazakhs in the 18th and the first half of the 19th c.* Astana, Yuridicheskaya kniga Publ. (in Russian).
Фукс С.Л. Очерки истории государства и права казахов в XVIII и первой половине XIX в. Астана: Юридическая книга, 2008. 816 с.
- Gökalp, Yu. & Eyüpoğlu, O. (2018) Türkistan Derlemesi’ ve Orta Asya Dini Düşüncesi Açısından Kaynaklık Değeri. *Oş Devlet Üniversitesi İlahiyat Fakültesi İlmi*. (25), 69–86.
- Grodekov, N. (1889) *Kyrgyz and Kara-Kyrgyz of the Syrdaria Province*. Vol. 1. Legal life. Tashkent, S.I. Lakhtin’s typolithography. (in Russian).
Гродеков Н. Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области. Т. I. Юридический быт. Ташкент : Типолитография С.И. Лахтина, 1889. 298+205 с.
- Khatamov, Z. (1993) “Turkestan Collection” by V.I. Mezhev and its meaning for researchers of the Central Asia and neighboring countries. *Social Sciences in Uzbekistan*. (2), 50–53. (in Russian).
Хатамов З. «Туркестанский сборник» В.И. Межова и его значение для исследователей Средней Азии и сопредельных стран // Общественные науки в Узбекистане. 1993. № 2. С. 50–53.
- Kraft, I. (1898) *Court branch in the Turkestan Region and Steppe provinces*. Orenburg, P.N. Zharikov’s typolithography. (in Russian).
Крафт И. Судебная часть в Туркестанском крае и степных областях. Оренбург: Типолитография П.Н. Жарикова, 1898. 214 с.
- Martin, V. (2001) *Law and Custom in the Steppe: The Kazakhs of the Middle Horde and Russian Colonialism in the Nineteenth Century*. Richmond, Curzon Press.
- Maslova, S.V. (1940) *Systematic index for the “Turkestan Collection”*. Vol. 417–591. Tashkent, S.n. (in Russian).
Маслова С.В. Систематический указатель к тт. 417–591 «Туркестанского сборника». Ташкент : Б.и., 1940. 360 с.
- Mazhitova, Zh.S. (2016) *The institutions of biys in the Russian and Kazakh historiography: comparative analysis (18th – beginning of 21st cc.)*. Doctor of Historical Sciences dissertation. Moscow, S.n. (in Russian).
Мажитова Ж.С. Институт биев в российской и казахской историографии: компаративный анализ (XVIII – начало XXI вв.) : дис. ... д-ра ист. наук. М. : Б.и., 2016. 553 с.
- Obiya, Ch. (2013) *Turkestanii sbornik as compilation of Colonial Knowledge: Focus on its index*. *CIAS Discussion Paper*. 35. Kyoto University, pp. 6–16.
- Sartori, P. (2017) *Visions of Justice: Shari’a and Cultural Change in Russian Central Asia*. Leiden; Boston: Brill.
- Shabley, P. & Sartori, P. (2020) Tinkering with Codification in the Kazakh Steppe: ‘Ādat and Sharī’a in the work of Efim Osmolovskii. In: Sartori, P. & Ross, D. (eds.). *Sharī’a in the Russian*

- Empire: The Reach and Limits of Islamic Law in Central Eurasia, 1550–1900*. Edinburgh University Press, pp. 209–238.
- Slovokhotov, L.A. (1905) *People's court on a base of customary law of Kyrgyz of the Little Horde*. Orenburg, Turgai provincial typolithography. (in Russian).
- Словохотов Л.А. Народный суд обычного права киргиз Малой Орды. Оренбург : Тургайская областная типолитография, 1905. 156 с.
- Uyama, T. (2013) The Changing Religious Orientation of Qazaq Intellectuals in the Tsarist Period: Shari'a, Secularism and Ethics. In: Pianciola, N. & Sartori, P. (eds.). *Islam, Society and States across the Qazaq Steppe (18th – early 20th centuries)*. Wien, Verlag der Osterreixhiahen Akademie der Wissenschaften. pp. 95–118.
- Vasil'ev, D.V. (2014) *Russia and Kazakh Steppe: administrative policy and status of the remote area. 18th – first half of 19th century*. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya Publ. (in Russian).
- Васильев Д.В. Россия и Казахская степь: административная политика и статус окраины. XVIII – первая половина XIX века. М. : Политическая энциклопедия, 2014. 471 с.
- Vasil'ev, D.V. (2020) *The birth of the empire. South-East of Russia: 18th – first half of 19th c*. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ. (in Russian).
- Васильев Д.В. Рождение империи. Юго-Восток России : XVIII – первая половина XIX в. СПб. : Дмитрий Буланин, 2020. 608 с.
- Yo'ldoshev, S.V. & Boboyev, M.Q. (2023) “Turkiston to'plami” O'zbekiston tarixini o'rganishda muhim manba sifatide. *Actual Problems of the History of Uzbekistan*. 1 (1), 461–467.
- Zimanov, S.Z. (2008) *Kazakh court of biys as the unique court system*. Almaty, Atamura Publ. (in Russian).
- Зиманов С.З. Казахский суд биев – уникальная судебная система. Алматы : Атамұра, 2008. 224 с.

Сведения об авторе:

Почекаев Роман Юлианович – доктор исторических наук, кандидат юридических наук, доцент, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства, Юридический факультет, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; 194100, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Кантемировская ул., д. 3А

ORCID: 0000-0002-4192-3528

e-mail: rpochekaev@hse.ru

About the author:

Roman Yu. Pochekaev – Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Associate professor, Full Professor, Head of the Department of Theory and History of Law and State, Law Faculty, HSE University; 3A, Kantemirovskaya str., Saint Petersburg, 194100, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-4192-3528

e-mail: rpochekaev@hse.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-1-117-134>

EDN: QRAPJP

Научная статья / Research Article

Между холизмом и реализмом: две теории юридических коллизий Г. Кельзена

А.А. Краевский

Санкт-Петербургский государственный университет, *Санкт-Петербург, Российская Федерация*;
Самарский государственный экономический университет, *Самара, Российская Федерация*

[✉a.krajewski@yandex.ru](mailto:a.krajewski@yandex.ru)

Аннотация. Чистое учение о праве Г. Кельзена, ставшее в XX в. точкой отсчета для развития современного юридического позитивизма, оказало большое влияние на юриспруденцию и философскую теорию норм. Важной частью кельзеновской теории норм, причем частью радикально менявшейся в течение жизни правоведа, стала его теория нормативных коллизий. Вместе с тем в отечественной юридической литературе до настоящего времени не представлены исследования кельзеновской теории нормативных конфликтов, а ее поздний, реалистический вариант практически неизвестен. Цель исследования заключается в том, чтобы реконструировать две основные теории нормативных конфликтов, разработанные Кельзеном в разное время, а также его теорию иерархических коллизий и оценить корректность критики данных теорий, представленной в иностранной научной литературе. Проанализированы работы Г. Кельзена, написанные в разное время, а также научные работы последующих авторов, посвященные его теории нормативных коллизий. В результате реконструированы два варианта кельзеновской теории нормативных коллизий – холистический и реалистический, показаны их методологические основания, а также показана роль коллизий норм разного уровня в теории ступенчатой структуры правопорядка, одинаковая для обеих исторических версий чистого учения о праве. Показана уязвимость основных критических аргументов против реалистического определения нормативного конфликта и против доктрины «альтернативного уполномочивания», связанной с теорией иерархических коллизий.

Ключевые слова: конфликт норм, коллизия норм, Г. Кельзен, чистое учение о праве, ступенчатая структура правопорядка, дерогация, альтернативное уполномочивание

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01893, <https://rscf.ru/project/24-28-01893/>

Поступила в редакцию: 21 сентября 2024 г.

Принята к печати: 15 января 2025 г.

Для цитирования:

Краевский А.А. Между холизмом и реализмом: две теории юридических коллизий Г. Кельзена // RUDN Journal of Law. 2025. Т. 29. № 1. С. 117–134. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-1-117-134>

Between holism and realism: H. Kelsen's two theories of legal conflicts

Arseny A. Kraevsky

Saint Petersburg State University, *Saint Petersburg, Russian Federation*
Samara State Economic University, *Samara, Russian Federation*
[✉a.krajewski@yandex.ru](mailto:a.krajewski@yandex.ru)

Abstract. H. Kelsen's pure theory of law, which emerged as a key reference point for the development of modern legal positivism in the 20th century, has had a profound impact on jurisprudence and philosophical theory of norms. A significant aspect of Kelsen's theory, particularly his theory of normative conflicts, underwent substantial evolution throughout his career. However, domestic legal literature has yet to explore Kelsen's theory of normative conflicts in depth, and his later, realist version remains largely unexamined. The purpose of this study is to reconstruct the two primary theories of normative conflicts developed by Kelsen at different stages of his work, as well as his theory of hierarchical conflicts. Additionally, we aim to evaluate the validity of criticisms directed at these theories in foreign scientific literature. To achieve this, we analyzed H. Kelsen's writings from various periods and reviewed subsequent scholarly contributions that focus on his theory of normative conflicts. This study delineates two versions of Kelsen's theory – holistic and realistic – illustrating their methodological foundations and demonstrating the role of conflicts between norms at different levels within the hierarchical structure of legal order. This structure remains consistent across both historical versions of the pure theory of law. Based on our analysis of critical literature, we identify vulnerabilities in the main arguments against the realist definition of normative conflict and against the doctrine of “alternative authorization” associated with the theory of hierarchical conflicts.

Key words: conflict of norms, collision of norms, H. Kelsen, pure theory of law, hierarchical structure of legal order, derogation, alternative authorization

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Funding. The study was funded by a grant No. 24-28-01893 from the Russian Science Foundation, <https://rscf.ru/project/24-28-01893/>

Received: 21th September 2024

Accepted: 15th January 2025

For citation:

Kraevsky, A.A. (2024) Between holism and realism: H. Kelsen's two theories of legal conflicts. *RUDN Journal of Law*. 29 (1), 117–134. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-1-117-134>

Введение

В научной литературе чистое учение о праве Г. Кельзена часто обозначается термином «нормативизм» (Paulson, 1993), что подчеркивает акцент, который данная теория делает на роли норм в онтологии права. Одной из классических проблем теории норм является проблема нормативных конфликтов или коллизий – ситуаций

несовместимости требований двух норм, принадлежащих одной нормативной системе. Данная проблема проявляется на различных уровнях теоретических исследований, начиная от этических проблем моральных коллизий (моральных дилемм) (Razin, 2014) и проблем деонтической логики (Alchourrón, 1991), заканчивая вопросами теории правоприменения (Petrov, 2017), а также и в юридической практике. Г. Кельзен развивал чистое учение о праве в течение шести десятилетий своей активной научной работы, в результате чего некоторые фрагменты данной теории претерпевали существенные изменения¹. Одним из таких фрагментов стала теория нормативных коллизий, несколько раз менявшаяся в различных версиях чистого учения о праве, в частности, классической и поздней (скептической). Различия между соответствующими версиями обусловлены различиями в философских основаниях соответствующих теорий и вытекающих из них следствиях для логики, гносеологии и онтологии права. Отдельного рассмотрения при этом требуют коллизии между нормами разных уровней знаменитой «пирамиды норм», описываемой теорией ступенчатой структуры правопорядка А. Меркля и Г. Кельзена. С позиций чистого учения о праве подобные иерархические конфликты представляют собой особое юридическое явление, объясняемое при помощи доктрины «альтернативного уполномочивания».

Классическая теория: холизм

Идею единства и полноты правовой системы, как и многие другие правовые концепции, можно проследить по крайней мере до европейских школ римского права, начиная с глоссаторов (Muromtsev, 1886:27–29).

Ф.К. фон Савиньи очень ярко выражает данную позицию в первом томе своей «Системы современного римского права»:

«Совокупность... источников [римского] права ... образует одно Целое, которое предназначено для решения любой задачи, встречающейся в области права. Чтобы оно было пригодно для этой цели, нам необходимо выдвинуть два требования к нему: *Единство* и *Полнота*... Неудовлетворительное состояние названного Целого, которое можно сравнить с недостатками отдельных законов..., относится к выдвинутым выше требованиям. Если нет единства, то нам следует устранять *противоречие*, если нет полноты, то нам следует восполнять *пробел*. И то, и другое, собственно говоря, можно свести к одному общему основному понятию. Ибо тем, к чему мы стремимся, везде будет восстановление Единства: негативного – путем устранения противоречий; позитивного – путем восполнения пробелов» (Savigny, 2011:417–418).

Понятие коллизии: неокантианская интерпретация

Классическая² версия чистого учения о праве, основанная на неокантианской методологии (Didikin, 2022), считала правопорядок результатом познавательной активности субъекта, особой интерпретацией фактов, базирующейся на гипотезе основной нормы, рассматриваемой в качестве трансцендентально-логического

¹ О периодизации развития чистого учения о праве см. дискуссию К. Хайдемана и С. Полсона (Heidemann, 1997; Paulson, 1998; Heidemann, 1999; Paulson, 1999).

² То есть представленная в работах 1922–1960 годов (Paulson, 1998:161; Antonov, 2013).

постулата (Kelsen, 2015b:167–168; Kelsen, 2005:116–117; Kelsen, 2015a:250–256). Последовательность и непротиворечивость, как свойства человеческого мышления, влекут за собой единство и непротиворечивость правовой системы, которая им создается. По словам правоведа, «единство выражается еще и в том, что правопорядок можно описать посредством не противоречащих друг другу правовых предложений. Конечно, правовые органы могут установить противоречащие друг другу нормы. Таковую возможность нельзя отрицать» (Kelsen, 2015a:256). Коллизия норм при этом определяется как ситуация, в которой «одна норма предписывает в качестве должного определенное поведение, а другая норма – тоже в качестве должного – предписывает поведение, не совместимое с первым» (Kelsen, 2015a:256). Учитывая, что понятие правовой нормы трактовалось Кельзеном широко и включало в себя не только общие правила, рассчитанные на неоднократное применение, но и индивидуальные предписания, такие как судебные решения (Kelsen, 2005:37–38), указанное определение нормативного конфликта рассматривалось им как применимое и к столкновению индивидуальных норм (предписаний).

Важно отметить, что подобный конфликт норм может существовать только в необработанном юридической наукой эмпирическом нормативном материале. В процессе юридического познания (интерпретации) норм все коллизии могут и должны разрешаться, «поскольку правоведение, как и всякая наука, стремится понять свой предмет как исполненное смысла целое и описать его посредством непротиворечивых суждений» (Kelsen, 2015a:257). Нормативная коллизия не равнозначна логическому противоречию, поскольку логическое противоречие возможно только между суждениями, способными, в отличие от норм, быть истинными или ложными. Однако каждой норме соответствует описывающее ее нормативное предложение, формулируемое юридической наукой. Такие нормативные предложения являются истинными или ложными. Поскольку правовая система, реконструируемая юридическим познанием, целостна и непротиворечива, допущение в ней конфликта норм означало бы логическое противоречие описывающих данные нормы нормативных предложений как частей этой единой системы. Таким образом, логический закон непротиворечия косвенно применим и к правовым нормам (Kelsen, 2015a:256–257). «Конфликт норм» или «коллизия обязанностей» возможен только как факт индивидуальной психики, но не как юридическое явление (Kelsen, 2005:375, 408–410).

Разрешение коллизий через толкование

С точки зрения австрийского правоведа коллизии норм одного уровня и коллизии, возникающие между нормами разных уровней правовой системы имеют разную природу и механизмы разрешения (Kelsen, 2015a:257). Последнюю категорию нормативных конфликтов мы рассмотрим далее отдельно.

В качестве общего принципа разрешения конфликта норм одного уровня австрийский правовед рассматривает известное правило о том, что более поздняя норма отменяет норму более раннюю (*lex posterior derogat priori*). Более того, Кельзен полагает, что данный принцип уже заключен в соответствующем полномочии нормоустанавливающего органа (Kelsen, 2015a:257), хотя равным образом применим и к коллизиям норм, установленных разным путем, при отсутствии между ними формальной иерархии (Kelsen, 2015a:258).

Конфликты норм, установленных одновременно, например, одним и тем же законом, могут быть разрешены путем согласования их смысла, причем двояким образом.

Первый вариант непротиворечивого истолкования возможен, если между нормами возник только частичный конфликт, в этом случае одна норма интерпретируется как общее правило, а вторая – как исключение из общего правила. Например, из двух норм «Любое лицо, совершившее умышленное хищение чужого имущества, должно быть наказано» и «лица, не достигшие четырнадцати лет, не должны быть наказаны» первая рассматривается как общее правило, а вторая – как исключение, его ограничивающее (Kelsen, 2015a:258). Такой способ разрешения можно отождествить с традиционным правилом о приоритете специальной нормы по отношению к общей.

Второй случай разрешения коллизий норм одного закона означает предоставление правоприменителю дискреции в принятии решения. Так, столкнувшись с содержащимися в одном законе правилами «лицо, причинившее вред по неосторожности, должно быть наказано»; или «лицо, причинившее вред по неосторожности, не должно быть наказано», правоприменителю предоставляется свободный выбор применить ту или другую (Kelsen, 2015a:258). С политико-правовой точки зрения едва ли можно признать желательным такой способ разрешения коллизий, однако с точки зрения стороннего наблюдателя такой выход из нормативного конфликта со стороны правоприменителя действительно возможен³.

При невозможности применения указанных способов интерпретативного разрешения нормативных конфликтов австрийский правовед считает возможным оценивать нормоустанавливающий акт как субъективно и объективно бессмысленный (в соответствующих частях), а значит, не устанавливающий в действительности каких-либо норм (Kelsen, 2015a:258–259).

Разрешение коллизий, по Кельзену, возможно и необходимо не только для общих, но и для индивидуальных норм, таких как несовместимые судебные решения, принятые по одному и тому же вопросу (например, об удовлетворении и об отказе в удовлетворении иска). В таком случае, по мнению правоведа, конфликт разрешается «путем предоставления органу по исполнению судебных актов возможности выбрать одно из двух решений, т.е. исполнить либо не исполнить наказание или принудительное взыскание, действовать в соответствии с одной или другой индивидуальной нормой» (Kelsen, 2015a:259).

Применительно к индивидуальным нормам такой вариант разрешения коллизий получает дополнительное обоснование в принципе эффективности, согласно которому фактически неисполняемая (недействительная) норма теряет свою действительность (Kelsen, 2015a:260–269). В случае коллизии двух судебных решений исполнение одного из них приведет к неисполнению другого, что со временем повлечет за собой недействительность последнего (Kelsen, 2015a:258–259). Наконец, коллизия внутри одного судебного решения делает такой правовой акт бессмысленным (Kelsen, 2015a: 259). Стоит отметить, что разрешение коллизий индивидуальных норм иного происхождения не рассматривается Кельзеном детально. Можно

³ Стоит отметить, что именно такую ситуацию, оценивая ее как негативное следствие коллизии норм, предполагает пп. «и» п. 3 Методики проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, утвержденной постановлением Правительства РФ от 26.02.2010 № 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов»: «нормативные коллизии – противоречия, в том числе внутренние, между нормами, создающие для государственных органов, органов местного самоуправления или организаций (их должностных лиц) возможность произвольного выбора норм, подлежащих применению в конкретном случае».

предположить, что к некоторым из них, например, к положениям гражданско-правовых договоров, австрийский правовед допускал применение и иных способов разрешения нормативных конфликтов, таких как правило о приоритете более поздней нормы, или, внутри договора, интерпретацию конфликтующих пунктов как общего и специального.

Поздняя теория: реализм

Реалистический подход к понятию нормативного конфликта предполагает реальное, а не мнимое существование законодательных коллизий. Значительный вклад в его развитие внесли представители континентального (или психологического) правового реализма (Timoshina, Vasil'eva, Kondurov & Kraevsky, 2023:101–296), в частности, датский правовед А. Росс. Своеобразную интерпретацию этого комплекса идей представляет более поздняя экспрессивная концепция норм Е.В. Булыгина и К.Э. Альчуррона (Alchourrón & Bulygin, 2013). С реалистической точки зрения сама постановка вопроса о коллизии законов предполагает, что несовместимые нормы обоих законов действительны. Постулат непротиворечивости правовой системы оценивается реалистами как фикция, подчеркивается различие между противоречием в строгом (логическом) смысле и нормативным конфликтом, имеющим прагматическую природу (Ross, 1968:28–29; Ross, 2019:149–153).

Понятие коллизии: реалистическая интерпретация

Поздняя версия теории Г. Кельзена, охватывающая работы, написанные с 1960 по 1973 (год смерти правоведа) годы, получило в последующей научной литературе наименование «реалистический» или «скептический». «Реализм» связан с отказом от неокантианства, обращением к идеям аналитической философии и сближением с континентально-реалистическими правовыми теориями (Kraevsky, 2015), «скептицизм» – с критикой применимости классической логики к праву (Raz, 1976; Hartney, 1991; Paulson, 1992). Идеи данного периода изложены Кельзеном в посмертно опубликованной «Общей теории норм» (Kelsen, 1991), а также предшествующей данной работе серии статей, посвященных логике и нормам⁴.

Вместе с тем следует отметить, что реалистический подход к нормативным коллизиям впервые нашел свое выражение еще в работах Кельзена начала 1940-х гг., в частности, в работе «Юридическая теория соглашения» (Kelsen, 2009). Таким образом, в определенной степени «реалистический поворот» 1960-х гг. базировался на более ранних идеях австрийского правоведа⁵.

1. *Понятие конфликта норм.* В соответствии с поздним вариантом чистого учения о праве «конфликт двух норм имеет место, если при соблюдении или

⁴ Речь, в частности, идет о статьях «Дерогация», «О понятии нормы», «Право и логика», «Еще раз о праве и логике» и «К вопросу о практическом силлогизме». Переводы указанных статей опубликованы на русском языке (Kelsen, 2024a).

⁵ С.Л. Полсон предлагает другую периодизацию теории коллизий Кельзена на основе анализа изменения подхода австрийского правоведа к правилу *lex posterior derogat priori*, в рамках которой период с середины 1920-х до 1960 года рассматривается как представляющий единую позицию (Paulson, 1986), однако не учитывает в своем анализе двусмысленность формулировок первого «Чистого учения о праве» 1934 года и работу 1941 года «Юридическая теория соглашения».

применении одной нормы другая с необходимостью нарушается, или может быть нарушена» (Kelsen, 2024b:250)⁶.

В разных работах Кельзен повторяет, что «существование конфликтов норм не может вызывать сомнения» (Kelsen, 2024b:252; Kelsen, 2024c:210; Kelsen, 1991:124), отказываясь от аналогии между нормативной коллизией и логическим противоречием. Обе нормы, вступившие в коллизию, обладают действительностью, обе существуют в качестве актуальных частей правовой системы, вплоть до своей отмены (дерогации одной из них). Напротив, из двух суждений, вступивших в логическое противоречие, истинным может быть только одно, второе же не теряет истинность в какой-то момент, а изначально ложно. Нормативную коллизию уместно сравнивать скорее «с двумя силами, действующими на одну точку в противоположных направлениях» (Kelsen, 2024b:252–253; Kelsen, 2024c:211–213; Kelsen, 1991:124–125).

Конфликт возможен не только внутри одной нормативной системы, но и между разными системами. Но разрешать такой конфликт коллизионная норма может только путем дерогации той из двух конфликтующих норм, которая принадлежит к одной с ней системе. В этом смысле правовой порядок может установить дерогационное правило об отмене своей нормы, не соответствующей морали, но не может отменить моральную норму, противоречащую праву (Kelsen, 2024b:254; Kelsen, 1991:126).

В зависимости от соотношения конфликтующих норм по своему содержанию, коллизии могут быть двусторонними или односторонними, тотальными или частичными, возможными или необходимыми (Kelsen, 2024b:250–252; Kelsen, 1991:123–124).

Предложенная Кельзенем реалистическая интерпретация нормативных коллизий была с разных позиций подвергнута критике британскими философами права Дж. Разом и Дж. У. Харрисом, а также итальянским правоведом Б. Челано.

2. *Критика Б. Челано.* В интерпретации Челано теория коллизий «позднего» Кельзена предполагает, что нормативные конфликты 1) не являются логическим противоречием, 2) не имеют ничего общего (не отражают, не аналогичны, не могут быть описаны со ссылкой на) с логическим противоречием и 3) не могут быть разрешены посредством обращения к логическому закону непротиворечия (Celano, 1998: 346). Соглашаясь с первым и третьим пунктами, итальянский правовед концентрирует свою критику на весьма туманном втором пункте, стараясь обосновать некорректность утверждения о «полном отличии логического противоречия от нормативного конфликта» (Celano, 1998:351). С нашей точки зрения вопрос о том, насколько велика степень различия и недопустима аналогия между указанными понятиями, является схоластическим, ввиду различия контекстов обсуждения данной проблемы у Кельзена и Челано.

В то же время стоит обратить внимание на основной аргумент итальянского правоведа против позиции Кельзена. Челано полагает, что определение конфликта норм по Кельзену (через указание на нарушение одной из них как результата возможного или необходимого соблюдения или применения другой из них)

⁶ Данное определение (аналогично (Kelsen, 1991:123)) несколько отличается от определения, данного Г. Кельзенем конфликту норм в связи с рассмотрением проблемы дерогации («Конфликт между двумя нормами существует тогда, когда имеет место несовместимость между тем, что предписывает каждая из этих норм, а принцип *«lex posterior derogat priori»* неприменим» (Kelsen, 1991:108)).

предполагает понятие логического противоречия⁷: «Если, однако, тот факт, что две нормы конфликтуют друг с другом, означает, что они приписывают несовместимые акты, и если эти акты несовместимы, потому что и в той степени, в которой исполнить их вместе логически невозможно, то не верно, что нормативный конфликт ни в каком смысле не „представляет“ логическое противоречие» (Celano, 1998:352). Ученый делает из этого вывод, что тезис Кельзена об отсутствии необходимости ссылки на логическое противоречие для определения нормативного конфликта «в свете собственной дефиниции Кельзена просто ложен» (Celano, 1998:353).

В действительности, однако, ошибочно как раз утверждение Челано, поскольку определение «несовместимости» Кельзена ни в одной из своих версий не содержит какой-либо ссылки на логическое противоречие. Более того, не любой нормативной коллизии (исходя из кельзеновского определения) соответствует *логическое* противоречие между требуемыми положениями дел. Существует различие между логической и фактической (физической) несовместимостью суждений, о чем австрийский правовед писал еще в своих ранних работах, обозначая данные коллизии как логическую и телеологическую соответственно (Kelsen, 2009:256–257). Утверждения «солнце восходит на Востоке» и «солнце не восходит на Востоке» несовместимы логически, поскольку одно из них утверждает, а второе отрицает один и тот же предикат. Но утверждения «солнце восходит на Востоке» и «солнце восходит на Западе» несовместимы только фактически, в силу существующих законов физики. Точно так же нет логического противоречия между положениями дел «отправить письмо по почте» и «сжечь письмо», хотя одновременное их исполнение физически невозможно, в силу чего предписания «ты должен отправить письмо» и «ты должен сжечь письмо» конфликтуют между собой. Еще один возможный пример: одна норма запрещает оставление человека в опасности, другая – нахождение на определенной территории. Коллизия между ними возникает в ситуации, когда помочь человеку, находящемуся в опасности, невозможно без прохода через запретную территорию.

3. *Критика Дж. Раза и Дж. У. Харриса.* В отличие от Челано Раз, анализируя теорию коллизий Кельзена, обращает внимание не на теоретические, а на практические проблемы, связанные с ее применением. С точки зрения британского правоведа представление о возможности ситуации, когда некоторый субъект одновременно должен и не должен вести себя определенным образом, представляет собой «совершенно неприемлемое решение проблемы практических конфликтов» (Raz, 1976:503). Раз полагает, что такой подход делает невозможным практическое рассуждение (practical reasoning), а практический дискурс либо также невозможным, либо существенно ограниченным (Raz, 1976:503). Аналогичной точки зрения придерживается другой представитель оксфордской школы философии права Дж.У. Харрис, отмечающий также невозможность подлинных нормативных конфликтов в силу существования во всех современных правовых системах механизмов разрешения коллизий (Harris, 1986:220–224).

Здесь стоит отметить, что практический вопрос разрешения коллизий и теоретический вопрос о природе коллизий представляют собой две разных проблемы, четко различаемые Кельзеном и, в целом, чистое учение о праве изначально «стремится лишь к одному: познать свой предмет», «пытается ответить на вопрос, что есть право и как оно есть, но не на вопрос, как оно должно быть или создаваться» (Kelsen,

⁷ В краткой форме данный тезис до Челано был высказан О. Вайнбергером (Weinberger, 1986:195).

2015a:10). Вопрос о реальном или мнимом существовании коллизий, как представляется, не может быть разрешен чисто эмпирически, поскольку зависит от изначально принимаемого определения конфликта норм и философско-правового представления о его природе. Вместе с тем, если не исключать *a priori* теоретическую возможность существования нормативных конфликтов (а Харрис, по-видимому, этого не делает), то отрицать практическое существование правовых коллизий довольно сложно.

Дерогационные нормы и разрешение коллизий

В поздних работах Кельзен подчеркивает различие между двумя вариантами разрешения коллизий – на уровне правовой системы в целом и для конкретного дела. При разрешении коллизии в конкретном деле (применении одной из норм) нормативный конфликт в целом сохраняется (Kelsen, 2024c:211; Kelsen, 1991:214, 220–222)⁸. На уровне общих норма коллизия может быть разрешена только одним путем – отменой (дерогацией)⁹ одной из конфликтующих норм.

По мнению правоведа, в современной юриспруденции понимание нормативных коллизий и дерогации затемнено неверной трактовкой происходящего из римской юриспруденции¹⁰ принципа «*lex posterior derogat priori*» («последующий закон отменяет предыдущий»), привлекающего особое внимание всех исследователей указанной проблемы. Его буквальное понимание предполагает, что дерогацию осуществляет одна из норм, вступивших в коллизию. Но в действительности последующая норма сама по себе не отменяет предыдущую, а вступает с ней в конфликт ввиду различного регулирования одного и того же человеческого поведения. Для дерогации необходима третья норма, норма позитивного права, направленная на отмену одной из конфликтующих норм (Kelsen, 2024c:214–215; Kelsen, 2024b:254–255; Kelsen, 1991:125).

Хотя Кельзен не акцентирует на этом внимание, из его рассуждений следует, что возможны два разных вида дерогационных норм. В одном случае речь идет о нормах, отменяющих конкретные нормы, например, определенную статью конкретного закона. В другом случае речь идет об общих правилах отмены (Kelsen, 2024b:255), важнейшим примером которых являются коллизионные нормы – правила, отменяющие нормы, конфликтующие с другими нормами, на основании определенного общего критерия. Примером такого коллизионного правила и является

⁸ Важно помнить, что при этом предполагается, что ни одна из конфликтующих норм не потеряла своей действенности (а значит и действительности), то есть практика их применения противоречива.

⁹ Термин «дерогация» происходит из латинского языка, при этом в римской юридической терминологии проводилось различие между полной (*abrogatio*) и частичной (*derogatio*) отменой закона, восходящей, вероятно, к фрагменту из диалога «О государстве» (3, 22) Цицерона (Cicero, 2016: 94). Вместе с тем Кельзен полагает, что не существует принципиальной разницы между полной и частичной отменой нормы, так как норма, в отличие от существующего в пространстве физического объекта, не может сохраниться при частичном изменении. «Частичная» отмена или «изменение» нормы, по сути, представляют собой отмену старой нормы и установление новой, частично совпадающей с прежней по содержанию (Kelsen, 2024b:247–250; Kelsen, 1991:111–114).

¹⁰ Стоит уточнить, что современное понимание принципа *lex posterior derogat priori* (как и его латинская формулировка) принадлежат не собственно римской юриспруденции (в которой идея приоритета позднего закона понималась не как общий принцип, а как прием судебной аргументации), а более поздней континентально-европейской романистике (Petrov, 2020:39–48).

принцип «*lex posterior derogat priori*». Данный принцип не является необходимым¹¹, возможны иные коллизионные правила, в силу которых терять силу будет и более поздний закон (Kelsen, 2024b:255; Kelsen, 1991:126–127). Сам принцип «*lex posterior derogat priori*» обычно не формулируется в законах явным образом, а только предполагается. Кельзен считает, что для современных правотворческих и правоприменительных органов характерны три способа разрешения коллизий, каждый из которых предполагается очевидным либо оценивается как метод толкования:

при коллизии норм закона и конституции норма закона теряет силу;

более ранняя норма теряет силу при конфликте с нормой более поздней;

если способ разрешения коллизии юридически не детерминирован, вопрос применения той или иной из конфликтующих норм остается на усмотрение правоприменителя, либо нормы уничтожают действие друг друга (Kelsen, 2024b:256; Kelsen, 1991:126–127).

Правоприменительная практика руководствуется перечисленными коллизионными правилами и тем самым позитивирует их, включая в правовую систему. Но если такие принципы не введены законодательством или судебной практикой, нормативная коллизия останется неразрешенной, и «юридическая наука способна ее разрешить не больше, чем установить новые нормы» (Kelsen, 2024b:256; Kelsen, 1991:126–127).

Исчисление ошибок и альтернативное уполномочивание

В отличие от иных коллизий конфликт норм разного уровня анализируется при помощи теории ступенчатой структуры правопорядка Г. Кельзена (Kelsen, 2015a:278–342; Kelsen, 2005:123–162; 2015b:176–186) и А. Меркля (Merkel, 1927; Jelić, 1998). Данная теория, известная также как «пирамида норм» отражает динамику правовой системы и взаимные отношения между различными ее уровнями¹².

Иерархические коллизии

Теория ступенчатой структуры правопорядка базируется на существовании между нормами иерархических отношений, в силу которых одни нормы детерминируют другие. Существует два вида такой детерминации – статический и динамический. Динамическая детерминация имеет место, когда одна норма определяет порядок создания другой, то есть наделяет соответствующими правотворческими полномочиями некоторый орган и, возможно, определяет конкретную процедуру

¹¹ С логической точки зрения вполне возможен (и даже встречается в религиозных нормативных системах) противоположный принцип, предполагающий действие нового закона только в той части, которая не противоречит законам более ранним. Именно таким является известный принцип разрешения коллизии обязанностей, следующих из двух договоров, *prior in tempore potior in jure*, отдающий приоритет более раннему договору (Kelsen, 2009:258–259).

¹² Стоит отметить, что теория ступенчатой структуры правопорядка оказала большое влияние на развитие юридического позитивизма и была принята практически всеми его ведущими представителями после Кельзена, в частности, она была принята и включена в собственные концепции А. Россом (Ross, 2019:93–99), институциональными позитивистами (Weinberger, 1988:228–231), Е.В. Булыгиным (Bulygin, 2011) и, с оговорками, Дж. Разом (Raz, 1997:121–167). Некоторое исключение здесь составляет Г.Л.А. Харт, не высказавший достаточно ясно свое отношение к данной теории, однако, представляется, что его позиция близка к позиции Раза.

нормотворчества. В силу динамического отношения между нормами вышестоящая норма становится основанием действительности нижестоящей. Статическая детерминация заключается в определении содержания будущей нормы. В некотором смысле статический принцип определения содержания норм можно соотнести с материальным правом, а динамический – с процессуальным. Иерархия норм выстраивается от наиболее абстрактной основной нормы, уполномочивающей конституционного законодателя, до наиболее конкретных индивидуальных предписаний (Kelsen, 2005:123–124; Kelsen, 2015a:278; Kelsen, 2015b:174). Количество уровней «пирамиды норм» зависит от конкретной правовой системы, однако в целом применительно к современному праву можно выделить три основных.

Первый (высший) уровень нормативной системы представлен конституцией¹³, созданной в порядке, определенном основной нормой. Конституция определяет компетенцию и порядок формирования высших органов государственной власти, порядок создания общих норм (в частности, порядок законотворчества) и их содержание. Содержание будущих общих правил может детерминироваться как негативно, например, в виде перечисления гражданских свобод, которые не подлежат ограничению, так и позитивно (Kelsen, 2005:125–126), например, в виде указания на существующие формы собственности.

Второй уровень правового порядка формируют общие нормы, принятые на основании конституции – нормы законов и подзаконных нормативных правовых актов (указов), судебных прецедентов и обычаев (Kelsen, 2005:130–131; Kelsen, 2015a:281–287; Kelsen, 2015b:175–177). Нормы второго уровня, соответственно, определяют содержание норм третьего уровня (индивидуальных предписаний), а также определяют компетенцию устанавливающих их лиц (в первую очередь органов государственной власти) (Kelsen, 2005:130; Kelsen, 2015a:287–305, 310–329; Kelsen, 2015b:177–180).

С позиций чистого учения о праве возможны, таким образом, четыре вида иерархических коллизий:

коллизия между конституцией и законом;

коллизия между конституцией и указом;

коллизия между законом и указом, принятым на основании закона;

коллизия между конституцией, законом или указом с одной стороны и индивидуальной нормой с другой стороны.

Сложность описания коллизий, в которых участвуют указы, заключается в том, что, в принципе, с точки зрения теории ступенчатой структуры правопорядка возможны два разных вида указов¹⁴. Первый вид указов представляют собой указы, основанные непосредственно на конституции. Они могут быть равнозначны закону, когда фактически существуют две разные законодательные процедуры, например, принятие закона парламентом и принятие его главой государства, а могут регулировать какую-то особую сферу общественных отношений, относящуюся

¹³ В данном случае речь и дет о конституции в материальном смысле, которая, по Кельзену, представляет собой совокупность норм, регулирующих создание общих норм, в частности законов (Kelsen, 2015a:278–281; Kelsen, 2005:124–125).

¹⁴ Следует отметить, что похожий вопрос о двойственной природе указов главы государства достаточно широко обсуждался в государственно-правовой литературе XIX – начала XX в. В своей известной монографии «Указ и закон» Н.М. Коркунов отстаивал возможность разграничения законов и указов верховного управления не только в условиях конституционной, но и в условиях самодержавной монархии (Korkunov, 1894:227–357).

к компетенции соответствующего органа власти. Конфликт указов такого рода, не соответствующих конституции, относится к иерархической коллизии второго типа. Но конфликт такого указа с законом не является иерархическим, здесь речь идет о коллизии норм одного уровня, хотя, разумеется, не исключена возможность существования коллизионной нормы, разрешающей конфликт в пользу закона, подобной части третьей статьи 90 Конституции РФ. Ко второму виду указов относятся нормативные правовые акты, основанные на законе и конкретизирующие его содержание. Коллизии подобных указов с законами являются иерархическими и аналогичны коллизиям между конституцией и законами (Kelsen, 2005:130–131, 158; Kelsen, 2015a:286–287, 338; Kelsen, 2015b:184).

С учетом указанных нюансов, относящихся ко второму и третьему виду коллизий, а также исходя из классического понимания нормы как общего правила, из четырех перечисленных видов коллизий в дальнейшем мы сосредоточимся на первом, имея при это в виду, что он не является единственным.

Доктрина альтернативного уполномочивания

Правовая система, предусматривая возможность иерархических коллизий, создает механизмы их предупреждения и устранения. В первом случае возможно установление ответственности должностных лиц за принятие неконституционных или незаконных нормативных правовых актов, во втором – учреждение органа конституционного контроля (Kelsen, 2015b:175).

Однако из существования указанных механизмов следует, что сама правовая система допускает возможность существования иерархических коллизий и, при определенных обстоятельствах, даже их сохранение. Механизм разрешения указанных коллизий и их интеграции в правовую систему также получил название «исчисление ошибок» (*Fehlerkalkül*) (Kletzer, 2005:47–48).

В основе доктрины альтернативного уполномочивания – стремление объяснить факты существования (юридической действительности) неконституционных законов, а также незаконных указов и судебных решений.

Если конституция допускает возможность оспаривания неконституционного закона, то она предполагает, что такой закон существует как часть данной правовой системы, что он действителен до момента признания неконституционным. Более того, такая возможность подразумевает, что в случае ошибки органа конституционного контроля, или в случае, если соответствующий закон не станет предметом его рассмотрения, или если орган конституционного контроля вообще отсутствует, данный порок не будет устранен и неконституционный закон продолжит действовать (Kelsen, 2015b:183).

Из признания действительности неконституционных законов следует, что она должна иметь некоторое основание в правовой системе, а именно – предполагаемый конституцией альтернативный способ законотворчества. Аналогичное рассуждение может быть применено и к нарушающему закон нормотворчеству органов исполнительной власти (Kelsen, 2015a:338; Kelsen, 2005:158).

Кельзен полагает, что в правовой системе не может существовать абсолютная ничтожность правового акта, проводимое в доктрине различие между ничтожностью (изначальной недействительностью) и оспоримостью (возможностью признания решением суда дефектного акта недействительным) является мнимым, в реальности существует только два процедурно различающихся вида оспоримости (Kelsen,

2005:159). Объявление нормы ничтожной решением суда представляет собой не чисто декларативный акт, а ретроактивную дерогацию (Kelsen, 2015a:340–341). Конечно, правовед не отрицает возможность случаев заведомо ничтожных «правовых актов», как например, указ возмнившего себя «испанским королем» главного героя повести Н.В. Гоголя «Записки сумасшедшего», однако полагает, что такие ситуации лежат за пределами права и не могут быть юридически определены (Kelsen, 2015a:341). Любой правовой акт, относительно которого на самом деле могут возникнуть сомнения в его действительности, становясь предметом судебного рассмотрения в рамках «исчисления ошибок», становится частью правовой системы. Это удивительное свойство права превращает неправомерное в правовое (пусть и оспоримое) Кельзен сравнивает с даром (и проклятьем) легендарного царя Мидаса, превращавшего в золото все, к чему он прикасался (Kelsen, 2015a:341–342; Kelsen, 2005:161).

Критика доктрины альтернативного уполномочивания

Доктрина альтернативного уполномочивания неоднократно критиковалась различными авторами (Bulygin, 2013:353–357; Bulygin, 1995; Harris, 1986:2014–220; Jackson, 1985; Köpcke, 2019:32, 121; Rubinstein, 2007:5–7; Weyland, 1986)¹⁵. Возражения против нее можно разделить на две основные группы.

1. Критика со стороны административистов. Первая группа возражений была сформулирована представителями классической теории административной юстиции, такими как австрийские государствоведы Р. Новак, Г. Винклер и израильский правовед А. Рубинштейн.

По мнению Новака и Винклера, теория альтернативного уполномочивания содержит в себе логический круг – она не обосновывает действительность нормативных правовых актов, принятых с нарушениями, а изначально предполагает ее, так как действительность оспариваемой нормы при ее оспаривании является лишь гипотетической. Так, например, под гипотезу нормы закона, определяющего порядок оспаривания незаконных нормативных правовых актов, может быть подведена только юридически значимая (хотя и дефектная) правовая норма (Kletzer, 2005:57), из чего критики делают вывод о том, что для сохранения возможности существования действительных, но подлежащих оспариванию норм необходимо возрождение традиционной теории, связывающей возможность признания абсолютной ничтожности нормы только с определенными существенными нарушениями при ее принятии (Kletzer, 2005:57–58).

Полагаем, что применительно к указанным рассуждениям можно согласиться с оценкой К. Клетцера, отмечающего, что 1) теория разграничения существенных и несущественных нарушений при принятии нормативного правового акта применима не ко всем правовым системам, и, по сути, представляет собой отсылку к критериям разграничения, устанавливаемым позитивным правом (Kletzer, 2005:58), и 2) собственно, логический круг в обосновании действительности оспариваемой нормы отсутствует, поскольку норма, регулирующая «исчисление ошибок», «предполагает» действительность оспариваемой нормы только в том смысле, что позитивизирует ее, вводя в правовую систему, но сама не нуждается в существовании такой нормы (Kletzer, 2005:58).

¹⁵ Анализ немецкой и австрийской критической литературы см. в (Kletzer, 2005).

Рубинштейн, в свою очередь, полагает, что различие между ничтожностью и оспоримостью нормативных правовых актов может быть обосновано ссылкой на различные процедуры оспаривания – прямую (direct attack) и косвенную (collateral attack). В первом случае действительность нормы может быть оспорена в рамках определенной процедуры, в то время как во втором – в рамках любого спора, рассматриваемого любым юрисдикционным органом, где бы об этом не ставился вопрос (Rubinstein, 2007:5–6). В данном случае опять же следует согласиться с замечанием Клетцера, что данное возражение бьет мимо цели, поскольку теория «исчисления ошибок» не отрицает возможности существования различных порядков оспаривания (данный вопрос относится к позитивному праву), а лишь утверждает, что процедура признания нормативного правового акта недействительным предполагает его юридическую действительность (Kletzer, 2005:58–59).

2. *Критика со стороны философов права.* Философы права в своей критике теории альтернативного уполномочивания акцентировали внимание на ее предполагаемой «иррациональности», интерпретируя ее обычно как предоставляющую органам власти одновременно полномочия принять как законное, так и незаконное решение, т. е. любое по своему усмотрению (Bulygin, 1995:17; Кёрске, 2019:121; Harris, 1986:220). В конечном счете, например, М. Кепке полагает, что данная теория «эффективно разрушает всякую возможность юридического рассуждения» (Кёрске, 2019:121). Многие критики фокусируются на проблеме отношений между вторым и третьим уровнями «пирамиды норм», рассматривая доктрину в целом в контексте проблемы обоснования судебных решений. Так, например, Б.С. Джексон из отрицания Кельзеном возможности дедукции судебных решений делает вывод об отрицании им семантических отношений между общей нормой и судебным решением в целом (Jackson, 1985:87–93)¹⁶, что, безусловно, искажает мысль австрийского правоведа, признававшего такие отношения, лишь отказывая им в статусе логических (Kelsen, 2005:258–265; Kletzer, 2005:60).

Наиболее последовательной критикой «иррациональности» альтернативного уполномочивания следует признать рассуждения И. Вейланд, которая приводит сильные аргументы в пользу того, что допущение альтернативного уполномочивания вносит сильную неопределенность в правовую систему, поскольку признание альтернативности выбора между правомерным и неправомерным на каждой ступени правопорядка приводит к крайне высокой степени его неопределенности, стирает «различие между нормой и ее отсутствием, действительностью и недействительностью» (Weyland, 1986:255).

Стоит отметить, что в основе критических рассуждений вышеназванных философов права лежит одна принципиальная ошибка – уравнивание «стандартного» и «альтернативного» уполномочивания, т. е. представление о свободном выборе правомерной или неправомерной альтернативы и равенстве последствий такого выбора, об отсутствии различия в «весе» альтернатив (Weyland, 1986:254–255)¹⁷. Вместе с тем критиками не учитывается, что действительность нормы по Кельзену предполагает не только уполномоченное установление (включение в нормативную систему), но и определенную степень действенности, т. е. фактической реализации. Таким образом, существование действительной статической (определяющей содержание нижестоящей нормы) нормы означает и ее регулярное исполнение, что само по себе

¹⁶ Аналогичные рассуждения см. в: (Bulygin, 1995:16–24; Weinberger, 1995:263).

¹⁷ Так, например, Вейланд полагает, что различие здесь может быть только психологическим, то есть метаюридическим (Weyland, 1986:264).

означает, что отклонение от таких норм в правовой системе может существовать не иначе как в виде исключения, обусловленного целями «исчисления ошибок». Более того, нормы, обязывающие соответствующие органы признать недействительными решения, принятые в «альтернативном» порядке, тоже обладают действительностью и действенностью, что также свидетельствует об исключительном характере отклонений. Именно исключительный характер применения альтернативного уполномочивания отличает нормативную систему, в которой оно применяется, от нормативной системы, основанной на произволе властных органов¹⁸.

Еще одна проблема критики теории «исчисления ошибок» заключается в отсутствии альтернативного объяснения феномена действительности правовых актов, принятых вопреки нормам вышестоящего уровня. Единственная попытка такого рода была предпринята Е.В. Булыгиным и заключалась в разграничении понятий системной действительности (принадлежности к нормативной системе) и применимости (обязательности для применения в данной нормативной системе). Так, например, норма неконституционного закона, согласно Булыгину, недействительна, но применима (Bulygin, 2013:352–356). С одной стороны, концепция аргентинского правоведа позволяет обойтись без представления об уполномоченности издания дефектных правовых актов (принимая в качестве допущения, что данное различие не является чисто терминологическим). С другой стороны, и она сталкивается с определенной проблемой – в результате дефектного нормотворчества может со временем возникнуть целая параллельная нормативная система, не являющаяся (исходя из различия действительности и применимости) частью первоначальной нормативной системы и совершенно неясным образом с ней соотносящаяся (Timoshina, Vasil'eva, Kondurov & Kraevsky, 2023:549–550).

Заключение

Проведенный анализ теории нормативных коллизий Г. Кельзена показал, что правовед на протяжении своего научного творчества колебался между двумя принципиально разными подходами к оценке данного явления – холизмом, отрицающим реальность правовых коллизий в силу системных свойств права, и реализмом, признающим существование нормативных конфликтов. Особенность кельзеновской холистической теории состоит в ее специфическом неокантианском обосновании – обнаружение коллизий означает дефект юридического познания, который должен быть устранен при помощи априорных принципов разрешения нормативных конфликтов. Позднейшая реалистическая позиция Кельзена связана с отказом от неокантианской методологии и выражается в отрицании применимости логического закона непротиворечия к нормам. Нормативная коллизия сравнивается с воздействием разнонаправленных физических сил на одно и то же тело и может быть устранена только путем дерогации – отмены одной из конфликтующих норм некоторой третьей нормой. Особенным образом австрийский правовед трактует коллизии между нормами разных уровней нормативной системы – они считаются мнимыми как в холистической, так и в реалистической версии его теории. Само существование механизма оспаривания дефектных нормативных правовых актов с точки зрения Кельзена означает допущение возможности их действия, а значит и невозможность их абсолютной

¹⁸ Стоит отметить похожее рассуждение о различии игры с уполномоченным счетчиком, решения которого обязательны, от игры «по произволу счетчика», приводимое Г.Л.А. Хартом (Hart, 2007:143–147).

ничтожности. Критика указанной концепции со стороны специалистов по административной юстиции и философов права во многом основана на неверном понимании позиции австрийского правоведа – приписывании ему тезиса о равнозначности выбора между принятием материально корректного, либо дефектного правового акта. На самом деле, в силу существования и действенности подлежащих применению материальных норм, а также норм, обязывающих уполномоченные органы осуществлять нормоконтроль, «альтернативное правотворчество» по Кельзену возможно только в виде исключения.

References / Список литературы

- Alchourrón, C.E. (1991) Conflicts of Norms and the Revision of Normative Systems. *Law and Philosophy*. 10(4). 413–425.
- Alchourrón, C.E. & Bulygin, E. (2013) The Expressive Conception of Norms In: *Normative Systems and other Works in Philosophy of Law and Logic of Norms*. Saint Petersburg, Saint Petersburg State University Publ., pp. 234–261. (in Russian).
- Альчуррон К.Э., Булыгин Е.В. Экспрессивная концепция норм / пер с англ. А.Е. Гомановой, Е.Н. Лисанюк // «Нормативные системы» и другие работы по философии права и логике норм / под ред. Е.Н. Лисанюк. СПб. : изд-во С.-Петерб. ун-та, 2013. С. 234–261.
- Antonov, M.V. (2013) Hans Kelsen (1881–1973): Intellectual Milestones. *Law Journal of the Higher School of Economics*. (1), 3–15. (in Russian).
- Антонов М.В. Ганс Кельзен (1881–1973): основные вехи интеллектуального пути // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2013. № 1. С. 3–15.
- Bulygin, E. (2011) Dynamics of Law. In: *Norms and Normative Systems in Philosophy, Law and Informatics. The materials of the international symposium*. 9–10 September 2011, Saint Petersburg. Saint Petersburg. pp. 7–10.
- Булыгин Е.В. Динамика права // Нормы и нормативные системы в философии, праве и информатике: материалы Международного симпозиума, Санкт-Петербург, 9–10 сентября 2011 г. СПб., 2011. С. 7–10.
- Bulygin, E. (2013) Das Problem der Geltung bei Kelsen In: Alchourrón, C.E., Bulygin, E. *Normative Systems and other Works in Philosophy of Law and Logic of Norms*. Saint Petersburg, Saint Petersburg State University Publ., pp. 344–357. (in Russian).
- Булыгин Е.В. Проблема действительности по Кельзену / пер. с нем. М.В. Антонова // «Нормативные системы» и другие работы по философии права и логике норм / под ред. Е.Н. Лисанюк. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2013. С. 344–357.
- Bulygin, E. (1995) Cognition and Interpretation of Law In: Gianformaggio, L. & Paulson, S.L. (eds.). *Cognition and Interpretation of Law*. Torino, pp. 11–35.
- Celano, B. (1998) Norm Conflicts: Kelsen's View in the Late Period and a Rejoinder In: S.L. Paulson, B. Litschewski Paulson (eds.). *Normativity and Norms. Critical Perspectives on Kelsenian Themes*. New York, Clarendon Press, pp. 343–361.
- Ciceron, M.T. (2016) *O Gosudarstve. O Zakonax*. Trans. Gorenshtejn, V.O. Moscow, Akademicheskij proekt Publ. (in Russian).
- Цицерон М.Т. О государстве. О законах / пер. с лат. В. О. Горенштейна. М. : Академический проект, 2016. 249 с.
- Didikin A.B. (2022) Basic Norm as the Category of Thinking in Hans Kelsen's Neokantian Legal Philosophy In: *The Transcendental Turn in Contemporary Philosophy – 7. Epistemology, Cognitive Science and Artificial Intelligence. Collection of theses of the international scientific conference*. Moscow, Russian State University for the Humanities, pp. 57–59. (in Russian).
- Дидикин А.Б. Основная норма как категория мышления в неокантианской философии права Ганса Кельзена // Трансцендентальный поворот в современной философии – 7. Эпистемология, когнитивистика и искусственный интеллект: сборник тезисов Международной научной конференции. М. : Российский государственный гуманитарный университет, 2022. С. 57–59.

- Harris, J.W. (1986) Kelsen and Normative Consistency In: Tur, R. & Twining W. (eds.). *Essays on Kelsen*. Oxford, Oxford University Press, pp. 201–228.
- Hart, H.L.A. (2007) *The Concept of Law*. Saint Petersburg, Saint Petersburg State University Publ. Харп Г.Л.А. Понятие права / пер. с англ. Е.В. Афосина, М.В. Бабак, А.Б. Дидикина, С.В. Моисеева. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. 302 с.
- Hartney, M. (1991) Introduction In: Kelsen H. *General Theory of Norms*. Oxford, Clarendon Press, pp. ix–liii.
- Heidemann, C. (1997) *Die Norm als Tatsache. Zur Normentheorie Hans Kelsens*. Baden-Baden, Nomos.
- Heidemann, C. (1999) Norms, Facts and Judgments. A Reply to S. L. Paulson. *Oxford Journal of Legal Studies*. (19), 345–350.
- Jackson, B.S. (1985) Kelsen between Formalism and Realism. *The Liverpool Law Review*. (7), 79–93.
- Jelić, Z. (1998) A Note on Adolf Merkl's Theory of Administrative Law. *Facta Universitatis. Series: Law and Politics*. 1(2), 147–155.
- Kelsen, H. (2005) *General Theory of Law and State*. New Brunswick, Transaction Publishers.
- Kelsen, H. (1991) *General Theory of Norms*. Oxford, Clarendon Press.
- Kletzer, C. (2005) Kelsen's Development of the Fehlerkalkül-Theory. *Ratio Juris*. 18(1), 46–63.
- Kelsen, H. (2009) La Théorie Juridique de la Convention. *Law and Politics*. 1(109), 2(110), pp. 8–17, 256–264. (in Russian). Кельзен Г. Юридическая теория соглашения / пер. с франц. Д.В. Даниленко под ред. Д.О. Грачева // Право и политика. 2009. № 1(109), 2(110). С. 8–17, 256–264.
- Kelsen, H. (2015) *Pure Theory of Law*. 2nd ed. Saint Petersburg, Alef-Press Publ. (in Russian). Кельзен Г. Чистое учение о праве / пер. с нем. М.В. Антонова, С.В. Лезова. 2-е изд. СПб. : Алеф-Пресс, 2015. 541 с.
- Kelsen, H. (2024) *Essays in Legal and Moral Philosophy*. Saint Petersburg, Alef-Press Publ. (in Russian). Кельзен Г. Очерки по философии права и морали / пер. с англ. и нем. СПб. : Алеф-Пресс, 2024. 291 с.
- Köpcke, M. (2019) *Legal Validity. The Fabric of Justice*. Oxford, Hart Publishing.
- Korkunov N.M. (1894) *Decree and Law*. Saint Petersburg, Stasyulevich M.M. Press. (in Russian). Коркунов Н.М. Указ и закон. СПб. : Типография М.М. Стасюлевича, 1894. 408 с.
- Kraevsky, A.A. (2015) Hans Kelsen's Pure Theory of Law and Modern Legal Positivism. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Pravovedenie*. 2, pp. 88–125. Краевский А.А. Чистое учение о праве Ганса Кельзена и современный юридический позитивизм // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2015. № 2. С. 88–125.
- Merkl, A. (1927) *Allgemeines Verwaltungsrecht*. Berlin, Verlag von Julius Springer.
- Muromtsev S.A. (1886) *Reception of Roman law in the West*. Moscow, A. I. Mamontov and Co. Print. (in Russian). Муромцев С.А. Рецепция римского права на Западе. М. : Типография А. И. Мамонтова и Ко, 1886. 159 с.
- Paulson, S.L. (1986) On the Status of the *lex posterior* Derogating Rule In: Tur, R. & Twining, W. (eds.). *Essays on Kelsen*. Oxford, Oxford University Press, pp. 229–248.
- Paulson, S.L. (1992) Kelsen's Legal Theory: The Final Round. *Oxford Journal of Legal Studies*. 12(2), 265–274.
- Paulson, S.L. (1993) Continental Normativism and Its British Counterpart: How Different Are They? *Ratio Juris*. 6(3), 227–244.
- Paulson, S.L. (1998) Four Phases in Hans Kelsen's Legal Theory? Reflections on a Periodization. *Oxford Journal of Legal Studies*. (18), 153–166.
- Paulson, S.L. (1999) Arriving at a Defensible Periodization of Hans Kelsen's Legal Theory. *Oxford Journal of Legal Studies*. (19), 351–364.
- Petrov, A.A. (2017) Strategies for overcoming collisions in law: Definition, Types, Effectiveness. *Legal Technique*. 11, pp. 262–264.

- Петров А.А. Стратегии преодоления коллизий в праве: понятие, виды, эффективность // Юридическая техника. 2017. № 11. С. 262–264.
- Petrov, A.A. (2020) *Lex Specialis and Lex Posterior in the Digest*. Herald of Omsk University. Series “Law”. 17(1), 39–48. [https://doi.org/10.24147/1990-5173.2020.17\(1\).39-48](https://doi.org/10.24147/1990-5173.2020.17(1).39-48) (in Russian).
- Петров А.А. Lex specialis и lex posterior в Дигестах Юстиниана // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2020. Т. 17. № 1. С. 39–48. [https://doi.org/10.24147/1990-5173.2020.17\(1\).39-48](https://doi.org/10.24147/1990-5173.2020.17(1).39-48)
- Raz, J. (1976) Critical Study: Kelsen’s General Theory of Norms. *Philosophia*. 6(3–4), 495–504.
- Raz J. (1997) *The Concept of Legal System*. Hong Kong, Clarendon Press.
- Razin, A.V. (2014) Moral Dilemmas. *RUDN Journal of Philosophy*. 2, 66–81.
- Разин А.В. Моральные дилеммы // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2014. № 2. С. 66–81.
- Rubinstein, A. (2007) *Jurisdiction and Illegality. A Study in Public Law*. Islamabad, Pakistan Law House.
- Ross, A. (1968) *Directives and Norms*. London, Routledge & Kegan Paul.
- Ross, A. (2019) *On Law and Justice*. Oxford, Oxford University Press.
- v.Savigny, F.C. (2011) System des heutigen römischen Rechts In: v.Savigny, F.C. *System des heutigen römischen Rechts. B. I*. Moscow, Statut Publ., pp. 248–509.
- Савиньи Ф.К., фон. Система современного римского права // Савиньи Ф.К., фон. Система современного римского права Т. I / пер. с нем. Г. Жигулина; под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. М. : Статут, 2011. С. 248–509.
- Timoshina, E.V., Vasil’eva, N.S., Kondurov V.E. & Kraevsky A.A. (2023) *Three Realms of Law: Validity, Efficacy, Legitimacy*. Saint Petersburg, Saint Petersburg State University Publ.
- Три царства права: действительность, действенность, легитимность / Е.В. Тимошина, Н.С. Васильева, В.Е. Кондров, А.А. Краевский; под ред. Е.В. Тимошиной. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2023. 644 с.
- Weinberger, O. (1986) Logic and the Pure Theory of Law In: Tur, R. & Twining, W. (eds.). *Essays on Kelsen*. Oxford, Oxford University Press, pp. 187–200.
- Weinberger, O. (1995) Normological Inferences and Generation of Legal Norms. *Ratio Juris*. 8 (3), 261–270.
- Weinberger, O. (1988) The Role of Rules. *Ratio Juris*. 1 (3), 224–240.
- Weyland, I. (1986) Idealism and Realism in Kelsen’s Treatment of the Norm Conflicts In: Tur, R. & Twining, W. (eds.) *Essays on Kelsen*. Oxford, Oxford University Press, pp. 249–269.

Сведения об авторе:

Краевский Арсений Александрович – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета; 199034, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9; приглашенный исследователь Самарского государственного экономического университета, 443090, Российская Федерация, г. Самара, ул. Советской Армии, д. 141

ORCID: 0000-0001-6112-7417, SPIN-код: 9646-3311

e-mail: a.krajewski@yandex.ru

About the author:

Arseny A. Kraevsky – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law, Saint Petersburg State University, 7–9 Universitetskaya nab., Saint Petersburg, 199034, Russian Federation; Visiting Researcher, Samara State Economic University, 141, Soviet Army str., Samara, 443090, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-6112-7417, SPIN-code: 9646-3311

e-mail: a.krajewski@yandex.ru

К 80-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ НАД ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИЕЙ. УЧЕНЫЕ-ПРАВОВЕДЫ – ФРОНТОВИКИ

TO THE 80TH ANNIVERSARY OF THE VICTORY OVER FASCIST GERMANY. CONTRIBUTIONS FROM FRONT-WIDE LEGAL SCIENTISTS

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-1-135-152>

EDN: QRKBKR

Научная статья / Research Article

Становление и развитие доктринальных основ послевоенного международного права: личность и разработки Д.Д. Остапенко

С.Ю. Марочкин¹, Л.А. Лазутин²

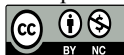
¹Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Российская Федерация

²Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева, г. Екатеринбург,
Российская Федерация

s.y.marochkin@utmn.ru

Аннотация. Цель работы – исследование вклада советского ученого-фронтовика Д.Д. Остапенко в развитие высшего юридического образования и формирование свердловской юридической научной школы. Показано значение его деятельности, научных публикаций в совершенствовании структуры высшего юридического образования, в частности, в определении современной роли предмета «международное право» в составе юридических дисциплин. Основное внимание уделяется участию Д.Д. Остапенко в становлении доктринальных основ международного права в период после окончания Второй мировой войны. Он был среди юристов-международников, кто научными исследованиями способствовал формированию облика современного международного права, начав теоретическую разработку нового послевоенного содержания его институтов: международного уголовного права, права международной ответственности, международного гуманитарного права. Значительную часть своих трудов он посвятил научному исследованию квалификации вооруженной интервенции и международно-правовой ответственности. По его убеждению, интервенция может быть вооруженной и без применения вооруженной силы, исходя из толкования и выявления содержания принципа невмешательства в Уставе ООН. Это дало ему основания сделать вывод о неограниченности сферы действия принципа в п. 7 ст. 2 Устава о невмешательстве во внутренние дела государств, они составляют внутреннюю компетенцию, и никто не имеет права вмешиваться в нее, за исключением вопросов, касающихся поддержания мира и безопасности. Д.Д. Остапенко оставил весьма значимый след в обосновании значения международного

© Марочкин С.Ю., Лазутин Л.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

права во внутригосударственной правовой деятельности, соответственно, места этого предмета в высшем юридическом образовании. В статье показывается, что отношение к международному праву как имеющему важное значение в нормативном и индивидуальном правовом регулировании внутригосударственных отношений, в подготовке будущих юристов инициировано именно в Свердловском юридическом институте с решительным участием Д.Д. Остапенко.

Ключевые слова: Д.Д. Остапенко, международное право, вооруженная интервенция, принцип невмешательства, международно-правовая ответственность, соотношение международного и внутреннего права, высшее юридическое образование

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: Марочкин С.Ю. – научная проработка материалов, введение, разделы 2–4, заключение; Лазутин Л.А. – подбор, анализ и проработка материалов, раздел 1.

Поступила в редакцию: 9 ноября 2024 г.

Принята к печати: 15 января 2025 г.

Для цитирования:

Марочкин С.Ю., Лазутин Л.А. Становление и развитие доктринальных основ послевоенного международного права: личность и разработки Д.Д. Остапенко // RUDN Journal of Law. 2025. Т. 29. № 1. С. 135–152. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-1-135-152>

Development of the doctrinal foundations of post-war international law: The contributions of D.D. Ostapenko

Sergey Yu. Marochkin¹ , Lev A. Lazutin²

¹Tyumen State University, Tyumen, Russian Federation

²Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russian Federation

s.y.marochkin@utmn.ru

Abstract. The purpose of this work is to study contributions of Soviet scholar and war veteran D.D. Ostapenko to the development of higher legal education and formation of the Sverdlovsk legal scientific school. The significance of his activities and scientific publications in enhancing the structure of higher legal education is highlighted, particularly regarding the modern role of the subject “international law” within legal disciplines. The article focuses on D.D. Ostapenko’s role in establishing the doctrinal foundations of international law in the period following the Second World War. He was among the international lawyers whose research helped shape modern international law, initiating theoretical developments regarding new post-war institutions such as international criminal law, the law of international responsibility, and international humanitarian law. A significant portion of his works was dedicated to the scientific study of armed intervention and international legal responsibility. Ostapenko argued that intervention could occur both with and without the use of armed force, in accordance with the principle of non-intervention outlined in the UN Charter. He concluded that the scope of this principle is unlimited: matters falling under paragraph 7 of Article 2 of the Charter constitute the internal competences of states, and no one has the right to interfere in them, except in issues related to maintaining peace and security. D.D. Ostapenko made a substantial impact on recognizing the importance of international law within domestic jurisdiction and higher legal education. This article demonstrates that the perception of international law as vital for normative and individual legal regulation in domestic relations and for training future lawyers originated at the Sverdlovsk Law Institute, largely due to D.D. Ostapenko’s decisive involvement.

Key words: D.D. Ostapenko, international law, armed intervention, principle of non-intervention, international legal responsibility, correlation of international and domestic law, higher legal education

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

The authors' contribution: *Marochkin S.Yu.* – scientific study of materials, introduction, sections 2–4, and conclusion; *Lazutin L.A.* – selection, analysis, and scientific study of materials, section 1.

Received: 09th November 2024

Accepted: 15th January 2025

For citation:

Marochkin, S.Yu., Lazutin, L.A. (2025) Development of the doctrinal foundations of post-war international law: The contributions of D.D. Ostapenko. *RUDN Journal of Law*. 29 (1), 135–152. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-1-135-152>

Введение

Уровень современной юридической науки и ее дальнейшее развитие обеспечиваются ее историей, опорой на концепции, взгляды, труды предшествующих поколений исследователей. Особый этап развития – десятилетия после окончания Второй мировой войны, связанный прежде всего с деятельностью ветеранов-фронтовиков, посвятивших в мирное время свою профессиональную жизнь науке. Это был этап поистине мощного прорыва научных изысканий и трудов, сравнимого с бурным выплеском энергии после долгого накапливания. Он ознаменовался целой плеядой крупных научных имен в теории права, в гражданском, государственном (позднее конституционном), административном, уголовном, процессуальном, трудовом, международном праве, в других отраслях юридической науки.

Данный период, вряд ли изученный в должной мере, в любом случае достоин постоянного внимания. Авторы ставят целью кратко осветить жизненный и профессиональный путь одного из ученых-правоведов фронтовиков Д.Д. Остапенко. Задачи исследования – с использованием исторического, сравнительно-правового, аналитического методов охарактеризовать деятельность и оценить научные взгляды и труды его как юриста-международника. Обращение к истокам послевоенной науки международного права (МП) важно для понимания его сегодняшнего состояния и будущего значения в мире. Материал может послужить ориентиром для современных исследователей, особенно начинающих свой путь, в изучении и разработке тематики международно-правовой ответственности, принципов МП, международного гуманитарного права, соотношения международного и внутреннего права.

Вехи фронтового, профессионального и научного пути

Дмитрий Демьянович Остапенко, доктор юридических наук, профессор, родился 7 ноября 1918 г. в небольшом селе Борисовка Никольского района Днепропетровской области в семье потомственных крестьян. С ранних пор он познал нелегкий колхозный труд. Уже в те годы Дмитрия интересовали вопросы общественной жизни, вопросы справедливости и устройства государственной власти. В то время он еще не знал, что такое юриспруденция, но понимал, что его больше всего интересует именно это направление. Это желание было толчком к знаниям и хорошей учебе в школе. Его целеустремленность и любознательность отмечали многие преподаватели.

Получив хороший аттестат об окончании средней школы в 1938 г., он без раздумий подал документы для поступления в первый Ленинградский юридический

институт. Выбор был сделан осознанно, так как в тот период этот институт являлся одним из лучших, в нем готовили профессиональных юристов и преподавали лучшие профессора еще дореволюционной России. Как активисту-комсомольцу ему была дана рекомендация комсомольской организации школы для поступления в институт.

Став студентом престижного вуза, Дмитрий с азартом включился в изучение дисциплин, преподававшихся в институте. Особый интерес он проявлял к международному праву, но с не меньшим интересом изучал и прокурорскую деятельность, уголовное право, уголовный процесс, гражданское право, гражданский процесс и другие дисциплины.

В декабре 1939 г. он ушел добровольцем в 67-й отдельный лыжный батальон на Карельский фронт. Именно здесь, на фронте окончательно сформировался характер этого человека, любовь к своей стране, бесстрашие, справедливость, уважение к людям. По окончании войны с Финляндией Дмитрий Демьянович продолжил учебу в Ленинградском юридическом институте, а затем в Московском юридическом институте прокуратуры СССР, куда его перевели ввиду дефицита кадров в органах прокуратуры. С началом Великой отечественной войны, в июле 1941 г. после окончания третьего курса он добровольцем ушел на фронт. С первых дней участвовал в боях составе первого Московского коммунистического добровольческого батальона в качестве политбойца.

Как имевшего неоконченное высшее юридическое образование, командование переводит Дмитрия Демьяновича в августе 1941 г. на службу в органы военной прокуратуры Западного фронта. До октября 1941 г. он являлся военным следователем военной прокуратуры 29-го стрелкового корпуса, а с октября 1941 по октябрь 1942 – военным следователем военной прокуратуры 217-й стрелковой дивизии Западного фронта. В условиях военного времени особая ответственность за объективное, беспристрастное расследование военных преступлений лежала на военном следователе. Дмитрий Демьянович обладал всеми этими качествами, за что снискал уважение солдат и командиров.

Нехватка младшего командирского состава на фронте потребовала перевода Дмитрия Демьяновича на командную должность, и с октября 1942 г. по январь 1943 г. в звании старшего лейтенанта он назначен командиром стрелковой роты 287-го стрелкового полка 330-й стрелковой дивизии. С мая 1943 г. по январь 1944 г. капитан Д.Д. Остапенко – командир стрелковой роты 51-й стрелковой дивизии 4-й ударной армии Первого Прибалтийского фронта. Находясь на переднем крае борьбы с фашистами, Дмитрий Демьянович показал себя с наилучшей стороны. Его забота о подчиненных, умелое руководство снискали уважение бойцов и командования полка и дивизии. В период командования ротой принят в члены ВКП(б), награжден орденом «Красной звезды» и медалью «За отвагу». В январе 1944 г. при наступлении под Витебском был тяжело ранен в ногу и направлен в военный госпиталь. В сентябре 1944 г. комиссован, демобилизован и направлен в Прокуратуру Краснодарского края в отдел по надзору за органами милиции.

Желание получить высшее образование не покидало Дмитрия Демьяновича, и он без отрыва от работы восстановился в Ростовский филиал Всесоюзного юридического заочного института на 4-й курс, в 1946 г. закончил его и получил специальность «юрист». Это послужило продвижению по службе и назначению начальником группы по выявлению несовершеннолетних правонарушителей прокуратуры

Краснодарского края. В сентябре 1948 г. он был зачислен слушателем курсов повышения квалификации руководящего состава прокуратуры СССР. За время работы в прокуратуре награжден грамотой Крайкома ВКП(б) и Крайисполкома, получил шесть благодарностей от прокурора края. Учитывая стремление Дмитрия Демьяновича к повышению квалификации, его рекомендовали к поступлению в аспирантуру Академии общественных наук при ЦК ВКП(б), в которой он проучился с 1949 по 1952 г. После защиты кандидатской диссертации в 1952 г. направлен на работу в Свердловский юридический институт (СЮИ) на должность проректора по учебной и научной работе. В 1954 г. Дмитрия Демьяновича назначили директором, а в 1961 г. ректором института, которым он руководил 32 года (История и современность, 2006; История, настоящее, будущее, 2011)¹.

Именно в период руководства институтом проявились организаторские способности легендарного ректора. Он превратил провинциальный ВУЗ в авторитетный институт, один из ведущих образовательных и научных центров страны (см. напр.: Ostapenko, 1979; Ostapenko & Semenov, 1980). Дмитрий Демьянович обладал способностью убеждать нужных людей и привлекать талантливых ученых к совместной работе, предоставляя им возможность для исследований и научного роста, и тем самым укреплял кадровый состав института. Первостепенной задачей он видел стимулирование доцентов института, имевших научный потенциал, на подготовку и защиту докторских диссертаций. Только спустя годы, сформировав научную основу Института, Д.Д. Остапенко занялся своей диссертацией. Именно при нем, в значительной мере благодаря его усилиям, в Свердловском юридическом институте сложилась целая плеяда докторов наук профессоров, образовавших основу Уральской юридической школы, которая признана не только в нашей стране, но и за ее пределами: в 60-е гг. – С.С. Алексеев, О.А. Красавчиков, Ю.Г. Судницын, М.И. Ковалев, В.Е. Чиркин, К.С. Юдельсон, Г.В. Игнатенко, В.М. Семенов, Б.А. Стародубский, в 70-е гг. – В.С. Якушев, В.Ф. Яковлев, К.И. Комиссаров, А.Ф. Черданцев, Л.Я. Драпкин, Д.Н. Бахрах, М.В. Молодцов, А.Ф. Козлов, Ю.К. Осипов, В.М. Корельский, И.Я. Дюрягин и многие другие. Их имена золотыми буквами вписаны в историю нынешнего Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева (Smykalin (ed.), 2019).

В 1967 г. Д.Д. Остапенко защитил докторскую диссертацию в Ленинградском государственном университете, позднее избран профессором кафедры иностранного государственного и международного права СЮИ, а затем членом исполкома Советской ассоциации международного права. Несмотря на ректорские должность и обязанности, Дмитрий Демьянович сам принимал активное участие в подготовке специалистов по международному праву, вовлекал преподавателей и аспирантов кафедры в деятельность Ассоциации, в работу ее ежегодных собраний, на которых обсуждались современные проблемы МП. При его прямом участии обретали новые параметры творческие научные связи СЮИ с Институтом государства и права АН СССР (ИГПАН), МГУ, ЛГУ, Казанским, Киевским, Уфимским государственными университетами, юридическими вузами Харькова, Саратова, университетами Сибири (Иркутска, Красноярска и др.) и Дальнего Востока.

Формирование научного коллектива и развитие научных исследований на кафедре создали возможность включить в диссертационный совет в СЮИ научную

¹ История и современность. 75 лет Уральский государственный юридической академии. Екатеринбург, 2006. С. 296–298.

специальность «международное право» и принимать защиты кандидатских диссертаций по данной специальности. В Институт в качестве членов совета и официальных оппонентов стали приезжать известные юристы-международники из университетов разных городов, союзных и автономных республик СССР И.И. Лукашук, В.С. Верещетин, П.М. Курис, О.И. Тиунов, В.С. Семенов, Д.И. Фельдман, С.А. Малинин, Г.И. Курдюков, Л.Х. Мингазов, Р.М. Валеев, С.В. Черниченко, В.И. Евинтов и др. Специально для обсуждения первого кафедрального учебника по МП, изданного в Москве, приезжал председатель Советской ассоциации международного права член-корреспондент АН СССР (затем РАН) Г.И. Тункин.

Под научным руководством Д.Д. Остапенко защищен ряд кандидатских диссертаций по международному праву (О.Ф. Эфендиев, В.Н. Кюев, В.А. Муравский, С.Ю. Марочкин) (Lazutin (ed.), 2023: 50-53, 93-100, 112-113, 118-119). Он внес свою лепту в становление профессионального пути воспитанников уральской школы юристов-международников, известных своими научными работами, Р.В. Деканозова, О.Ф. Эфендиева, В.Я. Суворовой, Л.А. Лазутина и др. Как выпускники кафедры, чье становление состоялось во многом благодаря Дмитрию Демьяновичу, отметим, что при всей занятости и труднодоступности в силу ограниченного свободного времени, внешней строгости он был исключительно скромным, деликатным человеком, корректным в общении даже с молодыми начинающими аспирантами и соискателями.

Д.Д. Остапенко – кавалер двух орденов Трудового Красного Знамени и ордена «Знак Почета» за вклад в развитие высшего юридического образования в стране и подготовку юридических кадров, заслуженный юрист РСФСР, заслуженный деятель науки Якутской, Бурятской и Тувинской автономных советских социалистических республик. Ученый совет Уральской государственной юридической академии удостоил его звания «Почетный ректор».

По возрасту и состоянию здоровья Дмитрий Демьянович в 1986 г. был вынужден оставить пост ректора СЮИ. В 1998 г. после тяжелой болезни в возрасте 79 лет он ушел из жизни. Похоронен в г. Екатеринбурге.

Научное исследование квалификации вооруженной интервенции

Д.Д. Остапенко был среди юристов-международников, которые – без пафосной окраски – научными исследованиями способствовали формированию облика современного МП, начав теоретическую разработку нового послевоенного содержания ряда его отраслей и институтов: международного уголовного права, права международной ответственности, международного гуманитарного права.

Фронтовик, прошедший почти всю Великую Отечественную войну, еще в первые студенческие довоенные годы заинтересовавшийся международным правом, не случайно посвятил свои научные изыскания проблеме научной и правовой квалификации вооруженной интервенции. Международная обстановка первых послевоенных лет – начавшаяся холодная война, события на Корейском полуострове – тоже способствовала такому выбору. Поэтому тема кандидатской диссертации стала в определенной мере закономерной: «Интервенция США в Корею – тягчайшее международное преступление» (Ostapenko, 1952). Признание агрессивной войны преступлением против человечества было предусмотрено до Второй мировой войны Женевским протоколом «О мирном урегулировании международных конфликтов» 1924 г., декларацией Лиги Наций об агрессивных войнах 1927 г., Пактом Бриана-Келлога –

договором об отказе от войны в качестве орудия внешней политики 1928 г., Московским протоколом 1929 г. о введении в действие Пакта. Диссертант отметил, что СССР еще в 1933 г. внес в комиссию по разоружению Лиги Наций предложение о принятии декларации об определении агрессии, но западные страны отклонили его. Инициатива СССР была возобновлена в 1950 г. на сессии Генассамблеи ООН (Ostapenko, 1952:8–9). На основе изучения материалов автор обосновал вывод, что вооруженное вмешательство США в гражданскую войну в Корее представляет собой акт агрессии, который по международному праву есть «тягчайшее международное преступление против человечества» (Ostapenko, 1952:13).

Общая тема не осталась завершенной в таком виде. Д.Д. Остапенко системно продолжил ее разработку, охватывая новые аспекты, другие регионы и страны (Ostapenko, 1966:72–151, 1966a:180–213, 1966d). Так, на основе методологических и теоретических подходов, сформулированных в кандидатской диссертации, в ряде публикаций он дал развернутую международно-правовую характеристику событиям в Индокитае, в Конго (Леопольдвиле), в Доминиканской Республике, квалифицировав их как колониальную войну и вооруженную интервенцию. Он далее поднял изучение проблемы до обобщенного авторского понятия и сущности интервенции в современном МП, посвятив этому специальную публикацию (Ostapenko, 1966b), данное понятие потом станет основой концепции его докторской диссертации.

Системное развитие проблемы подвело к необходимости обоснования принципа современного МП – отказа от войны как средства разрешения споров между государствами (Ostapenko, 1966c). На основе анализа международных договоров СССР с другими государствами, усилий нашей страны в рамках Лиги Наций, затем ООН по принятию определения агрессии Д.Д. Остапенко показал значимость принципа для современного мира, его взаимосвязь с другими принципами.

В русле оценки основополагающих принципов МП он аргументировал новый уровень их значимости между существовавшими в то время социалистическими странами. По его убеждению, их взаимоотношения между собой коренным образом отличались от отношений этих стран с капиталистическими странами и не ограничивались основными принципами МП, «они значительно шире и богаче по своему содержанию» (Ostapenko, 1962:145–146).

Отдельное внимание сфокусировано на принципе невмешательства, который благодаря усилиям СССР нашел свое закрепление в Уставе ООН (п. 7 ст. 2), а затем почти во всех международных договорах и декларациях социалистических государств, в отношениях с другими странами (Ostapenko, 1962:161–162). Характеристика принципа и его содержания получила в дальнейшем развитие в докторской диссертации.

Отмеченные и другие исследования были этапами разработки ее концепции. Докторская диссертация защищена в 1967 г. в Ленинградском государственном университете на тему: «Вооруженная интервенция – тягчайшее международное преступление». Она стала развитием исследований многих предыдущих лет, продолжением на более высоком обобщенном уровне темы первой диссертации. Как отмечено в автореферате докторской диссертации, комплексного исследования проблем интервенции в тот период в литературе еще не было (Ostapenko, 1967:7). На основе международных документов, отечественной и зарубежной литературы Дмитрий Демьянович дал разносторонний анализ понятия интервенции, исследовал ее виды и формы, показал ее противоправность и несовместимость с принципами Устава ООН,

рассмотрел вопросы ответственности за ее совершение (Ostapenko, 1967) (главы 1–3 диссертации), исследовал отдельные формы и методы вооруженной интервенции, использовавшиеся западными странами в ряде стран (главы 4–6).

По мнению диссертанта, интервенция может быть вооруженной и без применения вооруженной силы. Здесь он возвратился к выявлению содержания принципа невмешательства (п. 7 ст. 2 Устава ООН), начатого им ранее в одной из публикаций, уже на основе изучения обширной литературы, международных документов, материалов заседаний Специального комитета в Мехико в 1964 г., дал развернутую критику позиций западных ученых Л. Оппенгейма, Г. Лаутерпахта, К. Иглтона, Ф. Джессепа, обосновывавших допустимость вмешательства «по праву», интервенций во имя «гуманности», защиты жизни и собственности граждан. Тем самым, по его утверждению, они необоснованно сужали сферу действия принципа невмешательства и открывали возможность произвольного толкования положений Устава ООН. Он был убежден, что сфера действия принципа невмешательства не ограничена: все вопросы, подпадающие под пункт 7 статьи 2 Устава, составляют внутреннюю компетенцию государства, и никто не имеет права вмешиваться в них, за исключением вопросов, касающихся поддержания мира и безопасности и входящих в компетенцию Совета Безопасности ООН (Ostapenko, 1967:9–11).

В свете этого Д.Д. Остапенко высказал критическое замечание: «представители буржуазной науки международного права стремятся завуалировать классовую природу интервенции, скрыть ее подлинный характер и цели, оправдать вмешательство в угоду своим правительствам» (Ostapenko, 1967:11–13), западные же страны продолжают отстаивать позицию, что Устав ООН якобы запрещает только вооруженное вмешательство во внутренние дела государств. На самом деле «внутреннюю компетенцию определяет не международное право, а сами государства, по воле которых создается и международное право. Объем внутренней компетенции также целиком и полностью зависит от самих государств» (Ostapenko, 1967:21–22).

Как подмечено, он жестко связывал невмешательство с суверенитетом и внутренней компетенцией: в диссертации «вывод о внутренней компетенции государства обусловлен пониманием суверенитета государства на своей территории и во внешнеполитической деятельности и оценкой дел, которое само государство квалифицирует в контексте внутренней компетенции. Государство по своей воле передает определенные дела «урегулированию международными соглашениями», имея в виду суверенное равенство и взаимность. При этом учитывается особый характер дел, возникающих из международных споров и подлежащих компетенции Совета Безопасности ООН и других межгосударственных органов на основе общепризнанных принципов международного права, включая применение принудительных мер в соответствии с главой VII Устава ООН» (Ignatenko & Savitskiy, 2006:21).

Но меняются времена, за прошедшие десятилетия произошли эпохальные изменения в мире и многих странах. Веление времени – добровольное ограничение суверенитета государств в пользу международных механизмов предупреждения правонарушений и разрешения споров, обеспечение приоритета общечеловеческих ценностей и МП в мировой жизни. Закономерная тенденция развития – появление наднациональных полномочий межгосударственных структур, а также усиление роли негосударственных субъектов и международных неправительственных организаций (Vereshchetin & Mullerson, 1988:3–9). Проблема обеспечения прав человека уже вышла за пределы усмотрения государств, в этом суверенитет государств также

не является абсолютным. Более того, расширяется признание возможности и необходимости международного вмешательства во внутренние дела государств в случаях массового и грубого попрания прав человека.

В литературе и на официальном уровне нередко еще настаивают на незыблемости принципов государственного суверенитета и невмешательства в противовес приоритету принципа уважения прав человека, поддерживают утверждение о незаконности гуманитарного вмешательства, якобы «расшатывающего» фундаментальные основы МП. Времена такой позиции далеко в прошлом, международное сообщество давно признало приоритет прав человека и их защиту, аргументация же позиции исходит из подмены понятий: «как будто при обосновании первенства прав человека сам институт государства объявляется главным виновником нарушений этих прав, при этом «размывается» принцип государственного суверенитета, а доктрина гуманитарного вмешательства заведомо предполагает верховенство и произвол в отношениях между государствами. На самом деле суть проблемы не в низвержении основ государственности (суверенитета, невмешательства, границ), а в том, чтобы они уже не использовались для оправдания неприкасаемости и вседозволенности (в связи с этим нередко как следствие – и произвола) политического режима в отношении прав личности» (Marochkin, 2024:236, 239, 243–244).

Ключевым моментом авторской концепции докторской диссертации Д.Д. Остапенко является формулирование собственного определения интервенции с оговоркой, что оно не является исчерпывающим и окончательно раскрывающим ее понятие: «открытое или замаскированное *вмешательство* буржуазных государств во внутренние и внешние дела других государств и народов, *направленное* против их социально-экономического и политического строя, территориальной неприкосновенности, самоопределения народов, *совершаемое* с целью закабаления народов, подавления революции, национально-освободительной борьбы, насаждения реакционных режимов, приобретения особых привилегий, *осуществляемое* вооруженными и невооруженными методами» (Ostapenko, 1967:13, 18–23, выделено автором – С.М., Л.Л.). На основе данного определения автор дал развернутую характеристику интервенции в свете основных принципов МП.

Отдельное внимание сфокусировано на дальнейшем доктринальном развитии вопросов международно-правовой ответственности государств за совершение вооруженной интервенции и физических лиц за преступления военные, против мира и человечности. Главы «Международно-правовая ответственность» в серии учебников по международному праву, изданных разными коллективами авторов с его участием в последующие годы, стали продолжением и изложением в более доступной форме его научных работ. Дмитрий Демьянович совместил в главах элементы научного исследования и учебно-методического изложения одного из ключевых институтов МП для будущих специалистов по юриспруденции.

Международно-правовая ответственность

Достаточно весомая часть научно-исследовательской, образовательной и методической деятельности Д.Д. Остапенко – участие в авторских коллективах в подготовке учебников. Как руководитель вуза, он видел свою задачу писать не только научные работы, но и учебный материал для студентов и завтрашних профессиональных юристов. Поначалу это были учебники государствоведческого цикла

(Chirkin (ed.), 1968; Starodubskiy & Chirkin (eds.), 1977; Starodubskiy & Chirkin (eds.), 1986; Chirkin (ed.), 1970; Chirkin & Topornin (eds.), 1976). Позднее кафедра иностранного государственного и международного права СЮИ предприняла решительный шаг и изменила существовавшую тогда в СССР практику, что учебники по международному праву писались только московскими авторами и издавались в Москве. В 1974 г. вначале в Свердловске выпущено учебное пособие, а в 1978 г. на его базе – уже первый кафедральный учебник с министерским грифом в издательстве «Высшая школа» в Москве (Ignatenko & Ostapenko (eds.), 1974, 1978). Д.Д. Остапенко был одним из авторов и соредактором. Непосредственные участники этого «переломного» этапа искренне подчеркивают ключевую роль ректора в том, чтобы «сломать» традицию, добиться необходимых согласований в Москве, и чтобы учебник состоялся (Ignatenko & Savitskiy, 2006:22), затем вышел вторым изданием уже спустя годы (Ignatenko (ed.), 1995).

Более того, Г.В. Игнатенко и Д.Д. Остапенко были позднее приглашены в коллектив авторов московского учебника под редакцией Г.И. Тункина (Tunkin (ed.), 1982).

Начатое авторским коллективом с решающим вкладом Дмитрия Демьяновича дело по подготовке и изданию кафедральных учебников по МП продолжилось и после ухода его из жизни еще в течение многих лет: с 1999 г. вышло шесть изданий учебника под редакцией Г.В. Игнатенко и О.И. Тиунова. Они были с грифами министерства и УМО, получали хорошие рецензии в научных юридических журналах. Некоторые из них выходили и дополнительными тиражами в последующие годы, так что его история продолжалась до начала 2020-х гг. (Ignatenko & Tiunov (eds.), 1999; 2013). Ответственные редакторы учебника и авторский коллектив решили сохранить имя Д.Д. Остапенко в составе авторов, поскольку сохранялась значимость сформулированных им положений в главах с его участием: «Международно-правовая ответственность» (совместно с С.Ю. Марочкиным), «Вооруженные конфликты и международное право» (совместно с Л.А. Лазутиным).

Многие положения докторской диссертации Д.Д. Остапенко нашли отражение в первом московском кафедральном учебнике 1978 г. в главе «Ответственность по международному праву»: категории международных правонарушений, виды и формы ответственности, ее субъекты и особенности их ответственности, ответственность за тяжкие международные преступления, прежде всего за агрессию и вооруженную интервенцию. Он возражал против распространенной на западе концепции международной уголовной ответственности государств-агрессоров и настаивал на разграничении их ответственности и уголовной ответственности военных преступников, опираясь на международные документы, материалы Комиссии международного права ООН.

Данный подход и ключевые положения были сохранены при подготовке этой главы (в соавторстве) в последующих учебниках. С привлечением новейших материалов, современной доктрины, а с 2001 г. и подготовленного Комиссией международного права ООН «Проекта статей об ответственности государств» были сформулированы обобщенные положения о юридических и фактических основаниях их ответственности в соотношении с ответственностью индивидов. Юридическими основаниями являются общие принципы права, международные договоры, обычные нормы МП, обязательные акты международных организаций, решения международных судов и арбитражей.

Фактические основания ответственности – действия государств, содержащие элементы международного правонарушения. Деяния, не связанные с осуществлением прерогатив государственной власти либо не имеющие отношения к политике государства, рассматриваются как действия частных лиц и не присваиваются государству. Вместе с тем они могут посягать на защищаемые МП интересы другого государства (покушения на его честь, достоинство и имущество, преступления против его представителей и граждан, организация вооруженных отрядов, подрывная деятельность и т.д.). «Государство обязано предотвращать подобные деяния, а если они совершены – пресекать их и наказывать виновных лиц. Иначе возникает вопрос о международно-правовой ответственности государства, но не за действия частных лиц, а за бездействие своих органов. Общая концепция такова: государство несет ответственность за действия своих органов, всех своих органов и только своих органов, а также за действия официальных лиц, осуществляющих прерогативы государственной власти, и за непринятие необходимых мер против правонарушений находящихся под его юрисдикцией частных лиц» (Ignatenko & Tiunov (eds.), 1999:285–287).

Глава развивалась, вбирала в себя и пополнялась новыми современными доктринальными и нормативными источниками с каждым последующим изданием учебника. Проблема международно-правовой ответственности получила развернутое завершённое изложение в сочетании трех аспектов: теоретическом (понятие, происхождение, признаки ответственности), материально-правовом (основания ответственности, элементы международно-противоправного деяния, виды правонарушений, их отграничение от смежных деяний, обстоятельства, исключаящие противоправность, виды и формы ответственности), процессуальном (осуществление ответственности).

Международное право и его значение во внутригосударственной юрисдикции и в высшем юридическом образовании

Важнейшая роль МП в сфере национальной юрисдикции давно была признана в международном нормотворчестве и отражена в законодательстве нашей страны во времена еще СССР. Иная ситуация была в отечественной науке. МП воспринималось и его назначение описывалось в литературе и учебниках по МП прежде всего и в основном только как регулятора международных отношений, как самостоятельной и независимой правовой системы, «внешней» по отношению к национальному праву и юрисдикции и не играющей какой-либо роли в правовом регулировании отношений внутри страны. Соответственно, в высшем юридическом образовании предмет «международное право» был в ряду общеобразовательных, для «общего развития», не имеющего отношения к практической деятельности будущих юристов.

В отечественной доктрине вопрос о месте и значении МП во внутригосударственной сфере долгое время обсуждался в рамках общетеоретической дискуссии о соотношении международного и внутреннего права на уровне спора о возможности или невозможности применения МП на территории государств, о трансформации, об «объективных границах» международного и внутреннего права. Сторонники последней теории (их было большинство) настаивали, что в силу объективных границ МП его действие на территории государства невозможно, нормы МП должны быть пре-

образованы в национальные (трансформированы), и только они имеют правовой эффект внутри страны (С.В. Черниченко, Е.Т. Усенко, И.И. Лукашук, А.Н. Талалаев, Д.Б. Левин, А.С. Гавердовский, В.Г. Буткевич, В.А. Василенко и др.).

В процессе многолетней теоретической дискуссии не было широкого изучения практики реализации норм МП, в частности в судебной деятельности, обобщений и выработки рекомендаций. Вопрос о нормах МП как составной части правовой системы страны не исследовался вообще. «Теоретические построения не основывались на практике, исходили не от нее и в итоге мало чем ей помогали, если не затмевали реальную сторону дела. Теория и практика развивались параллельно» (Marochkin, 2024:233–234; Marochkin, 2011:9).

Важно заметить, что позиции сторонников «трансформации», с одной стороны, и прямого действия и применения норм МП во внутренней юрисдикции, с другой, не были на самом деле абсолютно противоположными, более того, имели ряд совпадающих положений (см. напр. Н.В. Миронов, Р.А. Мюллерсон, И.П. Блищенко, Г.В. Игнатенко, В.С. Верещетин, Ю.А. Тихомиров, М.М. Богуславский). Можно даже сказать, что не было непреодолимых препятствий для их сближения. И сейчас порой продолжает отстаиваться несовместимость подходов, но изучение практики показывает, что данный теоретический спор не имеет для нее значения, не оказывает влияния на позиции судов при толковании и применении норм МП.

Отношение к МП как имеющему прямой эффект в правотворческой и практической правоприменительной деятельности внутри страны и важное значение в юридическом образовании инициировано именно в СЮИ. На обоснование и утверждение такого признания МП были направлены теоретические исследования, выступления на совещаниях и конференциях, публикации, учебно-методические и учебные материалы членов кафедры иностранного государственного и международного права.

Участники в течение многих лет и инициатор (Г.В. Игнатенко) этого процесса отмечают его основные этапы (Ignatenko & Savitskiy, 2006:24–25).

В 1970-е гг., особенно во второй половине, преподаватели СЮИ выступают на ежегодных собраниях Советской Ассоциации МП при обсуждении вопросов международного и внутригосударственного права.

1974 г. отмечен появлением первого результата кафедральных наработок в этом направлении – в издательстве СЮИ опубликовано учебное пособие «Международное право».

1978 г. стал этапным – первый кафедральный учебник МП опубликован в Москве. В числе авторов и одним из ответственных редакторов был Д.Д. Остапенко. В учебнике первый раз кратко формулируются положения о роли МП во внутригосударственной правовой деятельности и непосредственном применении норм МП в регулировании отношений между субъектами внутреннего права, делается важный вывод о значимости МП в практической деятельности юристов.

В 1981 г. в Свердловском юридическом институте состоялась Всесоюзная научно-практическая конференция по актуальным проблемам высшего юридического образования, посвященная 60-летию института. В числе обсуждаемых были и вопросы преподавания МП в сочетании с внутренним правом.

1984 г. – опубликование в СЮИ тематического сборника научных трудов «Международное и внутригосударственное право: проблемы сравнительного право-

ведения» с заглавной этапной статьей Г.В. Игнатенко и Д.Д. Остапенко о международном праве в системе юридического образования. В ней конкретно заявлено: «традиционный взгляд на учебный курс международного права как на общеобразовательный правовой предмет лишь для ознакомления студентов с регулированием отношений на международном уровне нельзя признать оправданным в юридических вузах» (Ignatenko & Ostapenko, 1984:3–12), где ведется подготовка специалистов для правоохранительных органов, судов, иных видов государственных органов, для юридической службы в экономической сфере, адвокатской деятельности. Авторы настаивали на целесообразности преодоления такой трактовки, возвышения статуса курса на уровень полноправной и практически значимой дисциплины юридического образования. Они сделали вывод, что международные договоры, не становясь источниками внутреннего права (не «трансформируясь» в них) и оставаясь источниками МП, применяются внутри страны наряду с ее законодательством. Статья завершалась рекомендациями о необходимости совершенствования учебных программ и содержания квалификационных требований в области юридического образования (Ignatenko & Ostapenko, 1984:3–12).

В апреле 1984 г. состоялось заседание Ученого совета Института государства и права АН СССР с участием представителей Свердловского юридического института. Известные специалисты по теории права и отраслевым юридическим дисциплинам обсуждали вопросы применения международно-правовых норм в сфере действия внутреннего права. В принятом Ученым советом ИГПАН решении говорилось о целесообразности разработки проблем взаимодействия международной и национальной правовых систем, «подчеркнута полезность и перспективность комплексных исследований с привлечением специалистов в области теории права, международного права и отраслевых дисциплин» (Ignatenko & Savitskiy, 2006:24–25).

1995 г. – 2-е издание учебника 1978 г., в котором концепция внутригосударственного значения и применения МП получает развитие и конкретизацию, становится самостоятельной развернутой главой и обретает в дальнейшем все больше деталей и конкретики в шести отмеченных выше изданиях учебника в издательстве «Норма» (Москва, 1999–2013). Более того, в этих изданиях появилась глава о роли МП в деятельности государственных органов: Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ и судов общей юрисдикции, бывшего Высшего Арбитражного Суда РФ и других арбитражных судов, Генеральной прокуратуры РФ, Министерства юстиции РФ, Министерства внутренних дел РФ, Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков.

Исследование проблемы значимости МП во внутригосударственной юрисдикции, инициированное Г.В. Игнатенко, развитое затем с энергичной поддержкой и участием Д.Д. Остапенко, стало во многом определяющим вектором научных изысканий членов кафедры, соискателей, аспирантов, докторантов, творческая судьба которых связана с кафедрой. Рассматриваемая проблема получила детальную разработку в разных аспектах и направлениях в форме монографий, диссертаций, учебников, научных статей, см., например (Ignatenko, 2012; Lazutin, 2008; Marochkin, 1998, 2011, 2019; Biryukov, 2000; Tereshkova, 1998; Fedorov, 2002; Lits, 2002; Likhachev, 2011; Khalafyan, 2021, Kuchin, 1992; Kanashevskiy, 2000; Bezborodov, 2003. и др.).

Заключение

Изучение научного наследия ученых-правоведов фронтовиков вскрывает солидный пласт доктринальных разработок, во многом ставших основой и определивших развитие юридической науки второй половины XX – начала XXI столетий. Значимость такого изучения представляется несомненной для нынешнего поколения исследователей, и в значительной мере – для начинающих свой путь.

Освещение жизненных и профессиональных вех одного из плеяды ученых-юристов – участников Великой Отечественной – профессора Д.Д. Остапенко позволяет отметить, что он способствовал формированию облика теории современного МП, сделав свой вклад в теоретическую разработку нового послевоенного содержания ряда его отраслей и институтов: международно-правовой ответственности, международного уголовного права, международного гуманитарного права. Он дал развернутое научное обоснование вооруженной интервенции как тягчайшего международного преступления, разграничения ответственности государств и международной уголовной ответственности физических лиц. Значительное внимание посвятил характеристике содержания принципов МП – невмешательство во внутренние дела государств и отказ от войны как средство разрешения споров между государствами. Д.Д. Остапенко был у истоков формирования нового теоретического подхода к объяснению соотношения международного и внутреннего права, соответственно, роли МП во внутригосударственной юрисдикции и его значимости в высшем юридическом образовании.

Есть ученые, сосредоточенные большую часть профессиональной жизни на собственных исследованиях, добывающиеся крупных результатов, получающие известность и уважение. Заслуженная им честь и искренняя хвала. И есть организаторы научных исследований и высших школ, которые посвящают свою деятельность первостепенной задаче формирования и развития научной среды и поиска, создания условий своим коллегам для творчества, мотивирования их на изыскания и достижение результатов, и только потом возвращаются к своим исследованиям и успевают сделать значимый и заметный вклад в развитие науки. Добрая и благодарная им память. К таким относился профессор Дмитрий Демьянович Остапенко.

References / Список литературы

- Biryukov, P.N. (2000) *Norms of international criminal procedural law in the legal system of the Russian Federation*. Voronezh, Voronezh State University. (in Russian).
Бирюков П. Н. Нормы международного уголовно-процессуального права в правовой системе Российской Федерации. Воронеж : Воронежский государственный университет, 2000. 228 с.
- Chirkin, V.E. (ed.). (1968) *State law of bourgeois countries and countries liberated from colonial dependence*. Moscow, Higher school Publ. (in Russian).
Государственное право буржуазных стран и стран, освободившиеся от колониальной зависимости / под ред. В.Е. Чиркина. М. : Высшая школа, 1968. 388 с.
- Chirkin, V.E. (ed.). (1970) *State law of foreign socialist countries*. Sverdlovsk, SYuI Publ. (in Russian).
Государственное право зарубежных социалистических стран / под ред. В.Е. Чиркина. Свердловск : СЮИ, 1970. 326 с.
- Chirkin, V.E. & Topornin, B.N. (eds.). (1976) *State law of foreign socialist countries*. Moscow, Higher school Publ. (in Russian).

- Государственное право зарубежных социалистических стран / под ред. В.Е. Чиркина, Б.Н. Топорнина. М. : Высшая школа, 1976. 269 с.
- Fedorov, I.V. (2002) *Civil and arbitration proceedings as a subject of joint international legal and domestic regulation: Abstract Candidate of Legal Sciences dissertation*. Kazan, Kazan State University. (in Russian).
- Федоров И. В. Гражданское и арбитражное судопроизводство как предмет совместного международно-правового и внутригосударственного регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, Казан. гос. ун-т. 2002. 31 с.
- Ignatenko, G.V. & Ostapenko, D.D. (eds.). (1974) *International law*. Sverdlovsk, SYuI Publ. (in Russian).
- Международное право / под ред. Г.В. Игнатенко, Д.Д. Остапенко. Свердловск : СЮИ, 1974. 407 с.
- Ignatenko, G.V. & Ostapenko, D.D. (eds.). (1978) *International law*. Moscow, 1978 (in Russian).
- Международное право / под ред. Г.В. Игнатенко, Д.Д. Остапенко. М. : Высшая школа, 1978. 399 с.
- Ignatenko, G.V. & Ostapenko, D.D. (1984) International law in the system of legal education (in the aspect of the problem of interaction of international and domestic law). In: *International and domestic law: problems of comparative jurisprudence: Volume of collected works*. Sverdlovsk, SYuI Publ. pp. 3–12. (in Russian).
- Игнатенко Г.В., Остапенко Д.Д. Международное право в системе юридического образования (в аспекте проблемы взаимодействия международного и внутригосударственного права) // Международное и внутригосударственное право: проблемы сравнительного правоведения: межвуз. сб. науч. тр. Свердловск : СЮИ, 1984. С. 3–12.
- Ignatenko, G.V. (ed.). (1995) *International law*. 2nd ed. Moscow, Higher school Publ. (in Russian).
- Международное право / под ред. : Г.В. Игнатенко. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Высш. шк., 1995. 399 с.
- Ignatenko, G.V. & Tiunov, O.I. (eds.). (1999) *International law*. Moscow, Norma Publ. (in Russian).
- Международное право / отв. ред. Г.В. Игнатенко и О.И. Тиунов. М. : Норма, 1999. 584 с.
- Ignatenko, G.V. & Savitskiy, P.I. (2006) Creativity in Science and Management. *Russian Juridical Journal*. (1), 20–26. (in Russian).
- Игнатенко Г.В., Савицкий П.И. Творчество в науке и руководстве // Российский юридический журнал. 2006. № 1. С. 20–26.
- Ignatenko, G.V. (2012) *International Law and Domestic Law: Problems of Conjugacy and Interaction: Collection of Scientific Publications over Forty Years (1972–2011)*. Moscow, Norma: INFRA-M Publ. (in Russian).
- Игнатенко Г.В. Международное право и внутригосударственное право: проблемы сопряженности и взаимодействия: сб. научных публикаций за сорок лет (1972–2011 годы). М. : Норма : ИНФРА-М, 2012. 416 с.
- Khalafyan, R.M. (2021) *Norms of international “soft law” in the legal system of the Russian Federation. Development of the mechanism of national-legal implementation of international norms*. Moscow, Norma Publ. (in Russian).
- Халафян Р.М. Нормы международного «мягкого права» в правовой системе Российской Федерации. Развитие механизма национально-правовой имплементации международных норм. М. : Норма, 2021. 256 с.
- Lazutin, L.A. (2008) Legal assistance in criminal cases as an interdisciplinary regulatory complex. Yekaterinburg, UrGYU Publ. (in Russian).
- Лазутин Л.А. Правовая помощь по уголовным делам как межотраслевой нормативный комплекс. Екатеринбург : УрГЮУ, 2008. 404 с.
- Lazutin, L.A. (ed.). (2023) *Formation and development of the Ural School of International Law*. Yekaterinburg, UrGYU named after V.F. Yakovlev Publ. (in Russian).

- Становление и развитие Уральской школы международного права / сост. и отв. ред. Л.А. Лазутин. Екатеринбург : УрГЮУ им. В.Ф. Яковлева, 2023. 212 с.
- Likhachev, M.A. (2011) *The status of an individual as an embodiment of the interaction of international legal and domestic regulation: Abstract of the Cand. of Legal Sciences dissertation*. Moscow. (in Russian).
- Лихачев М.А. Статус личности как воплощение взаимодействия международно-правового и внутригосударственного регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2011. 28 с.
- Lits, M.O. (2002) *Recognition and enforcement of foreign court and arbitration decisions in the Russian Federation: the relationship between international legal and domestic regulations: Abstract of the Cand. of Legal Sciences dissertation*. Kazan. (in Russian).
- Лиц М.О. Признание и исполнение решений иностранных судов и арбитражей в Российской Федерации: соотношение международно-правовой и внутригосударственной регламентации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2002. 190 с.
- Marochkin, S.Yu. (2011) *The operation and implementation of international law in the legal system of the Russian Federation*. Moscow: Norma: INFRA-M Publ. (in Russian).
- Марочкин С.Ю. Действие и реализация норм международного права в правовой системе Российской Федерации. М. : Норма: ИНФРА-М, 2011. 288 с.
- Marochkin, S.Yu. (2019) *The Operation of International Law in the Russian Legal System. A Changing Approach*. BRILL. NIJHOFF.
- Marochkin, S.Yu. (2024) From International Law to International Order. In: Saidov, A. (ed.). *Via Sapientiae: Festschrift in honor of Professor Rein Müllerson*. Tashkent, National Center of the Republic of Uzbekistan for Human Rights. (in Russian).
- Марочкин С.Ю. От международного права к международному порядку. In: *Via Sapientiae: Festschrift in honor of Professor Rein Müllerson* / Ed. A. Saidov. Tashkent : National Center of the Republic of Uzbekistan for Human Rights, 2024. 534 с.
- Ostapenko, D.D. (1952) *US intervention in Korea is a grave international crime: Abstract of the Cand. of Legal Sciences dissertation*. Moscow, Academy of Social Sciences under the Central Committee of the VKP(b). (in Russian).
- Остапенко Д.Д. Интервенция США в Корею – тягчайшее международное преступление: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М. : Академия общественных наук при ЦК ВКП(б). 1952. 15 с.
- Ostapenko, D.D. (1962) International legal principles of relations between states of the world socialist system. *XXII Congress of the CPSU and issues of state and law*. Collection of articles. Sverdlovsk, SYuI Publ. pp. 144–167. (in Russian).
- Остапенко Д. Д. Международно-правовые принципы взаимоотношений государств мировой социалистической системы // XXII съезд КПСС и вопросы государства и права. Сборник статей. Свердловск: СЮИ, 1962. С. 144–167.
- Ostapenko, D.D. (1966) Imperialist intervention in the form of colonial war in Indochina is an international crime. *Collection of Scientific Works*. Vol. 5. Sverdlovsk, SYuI Publ. pp. 72–151. (in Russian).
- Остапенко Д.Д. Империалистическая интервенция в форме колониальной войны в Индокитае – международное преступление // Сб. уч. тр. Вып. 5. Свердловск : СЮИ, 1966. С. 72–151.
- Ostapenko, D.D. (1966a) Armed intervention of the imperialist powers in the Congo (Leopoldville). *Collection of Scientific Works*. Vol. 6. Sverdlovsk, Middle-Ural Publ. pp. 180–213. (in Russian).
- Остапенко Д.Д. Вооруженная интервенция империалистических держав в Конго (Леопольдвилль) // Сб. уч. тр. Вып. 6. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1966. С. 180–213.
- Ostapenko, D.D. (1966b) The concept and essence of intervention in modern international law // *Proceedings of the theoretical conference*. Sverdlovsk, Middle-Ural Publ. (in Russian).

- Остапенко Д.Д.* Понятие и сущность интервенции в современном международном праве // Материалы теоретической конференции. Материалы теоретической конференции. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1966. 387 с.
- Ostapenko, D.D. (1966c) The renunciation of war as a means of resolving disputes between states is the most important principle of modern international law. *Proceedings of the theoretical conference*. Sverdlovsk, Middle-Ural Publ. (in Russian).
- Остапенко Д.Д.* Отказ от войны как средства разрешения спорных вопросов между государствами – важнейший принцип современного международного права // Материалы теоретической конференции. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1966. 387 с.
- Ostapenko, D.D. (1966d) US Armed Intervention in the Dominican Republic (On the Illegal Creation and Use of “Inter-American Armed Forces”). *Pravovedenie*. (3), 111–117. (in Russian).
- Остапенко Д.Д.* Вооруженная интервенция США в Доминиканской Республике (к вопросу о незаконном создании и использовании «межамериканских вооруженных сил») // Правоведение. 1966. № 3. С. 111–117.
- Ostapenko, D.D. (1967) *Armed intervention is the gravest international crime: Abstract of the Doctor of Legal Sciences dissertation*. Sverdlovsk, SYul Publ. (in Russian),
- Остапенко Д.Д.* Вооруженная интервенция – тягчайшее международное преступление: автореф. дисс. ... доктора юрид. наук. Свердловск: СЮИ, 1967. 38 с.
- Ostapenko, D.D. (1979) For the further development of Soviet higher education. *Pravovedenie*. (6), 3–12. (in Russian).
- Остапенко Д.Д.* За дальнейшее развитие советской высшей школы // Правоведение. № 6. 1979. С. 3–12.
- Ostapenko, D.D. & Semenov, V.M. (1980) Our Institute for 50 years. *Pravovedenie*. (5), 3–10. (in Russian).
- Остапенко Д.Д., Семенов В.М.* Наш институт за 50 лет // Правоведение. № 5. 1980. С. 3–10.
- Smykalin, A.S. (ed.). (2019) *University 100 years. Ural State Law University. 1918 – 2018*. Vol. 1. Yekaterinburg, Ural State Law University. (in Russian).
- Сто лет Уральскому государственному юридическому университету (1918–2018 гг.) / отв. ред. А.С. Смыкалин. Т. 1. Екатеринбург : Уральский государственный юридический университет, 2019. 1147 с.
- Starodubskiy, B.A. & Chirkin, V.E. (eds.). (1977) *State law of bourgeois countries and countries liberated from colonial dependence*. 2nd ed. Moscow, Higher school Publ. (in Russian).
- Государственное право буржуазных стран и стран, освободившихся от колониальной зависимости / под ред. Б.А. Стародубского, В.Е. Чиркина. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Высшая школа, 1977. 320 с.
- Starodubskiy, B.A. & Chirkin, V.E. (eds.). (1986) *State law of bourgeois and liberated countries*. 3rd ed. Moscow, Higher school Publ. (in Russian).
- Государственное право буржуазных и освободившихся стран / под ред. Б. А. Стародубского, В. Е. Чиркина. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Высшая школа, 1986. 430 с.
- Tereshkova, V.V. (1998) *Application of international law in the judicial system of the Russian Federation: Abstract of the Cand. of Legal Sciences dissertation*. Kazan. (in Russian).
- Терешкова В. В.* Применение норм международного права в судебной системе Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 1998.
- Tunkin, G.I. (ed.). (1982) *International law*. Moscow, Yuridicheskaya literature Publ. (in Russian).
- Международное право / отв. ред. Г.И. Тункин. М. : Юрид. лит., 1982. 568 с.
- Vereshchetin, V.S. & Mullerson, R.A. (1988) New Thinking and International Law. *Soviet State and Law*. (3), 3–9. (in Russian).
- Верещетин В.С., Мюллерсон Р.А.* Новое мышление и международное право // Советское государство и право. 1988. № 3. С. 3–9.

Сведения об авторах:

Марочкин Сергей Юрьевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий лабораторией международных и сравнительно-правовых исследований, Тюменский государственный университет; 625003, Российская Федерация, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6

ORCID: 0000-0002-0241-3752; SPIN-код: 3856-6872

e-mail: s.y.marochkin@utmn.ru

Лазутин Лев Александрович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права, Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева; 620066, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21

ORCID: 0000-0002-3479-6612; SPIN-код: 6655-5440

e-mail: mp@usla.ru

About the authors:

Sergey Yu. Marochkin – Doctor of Legal Sciences, Full Professor, Head of the Laboratory of International and Comparative Legal Studies, Tyumen State University; 6 Volodarsky str., Tyumen, 625003, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-0241-3752; SPIN-code: 3856-6872

e-mail: s.y.marochkin@utmn.ru

Lev A. Lazutin – Doctor of Legal Sciences, Full Professor, Head of the Department of International Law, Ural State Law University named after V.F. Yakovlev; 21 Komsomolskaya str., Yekaterinburg, 620066, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-3479-6612; SPIN-код: 6655-5440

e-mail: mp@usla.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-1-153-170>

EDN: QSHSLN

Научная статья / Research Article

Роль правосудия в формировании исторической памяти

А.А. Васильев , М.А. Боловнев

Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Российская Федерация

anton_vasiliev@mail.ru

Аннотация. Право народов знать и помнить свою историю стало незыблемым. В современном полиинформативном мире знания и убеждения формируются из множества источников. Одним из нетрадиционных и мало описанных в литературе в данном контексте является судебный акт. В связи с чем определена цель доказать, что судебный акт может служить источником знаний, а судебные органы в различных формах влияют на формирование исторической памяти. Среди используемых методов: логико-исторический, позволивший уяснить тенденции, закономерности и приведший к отдельным выводам; метод индукции, позволивший обобщить эмпирический материал, сопровождаемый конкретными выводами и предложениями, метод анализа, основанный на рассмотрении роли отдельных стадий и функций судебных процессов, и др. Основные результаты выражаются в доказанности влияния судебных процессов на вопросы формирования исторической памяти, которое может быть как прямым, так и косвенным, выделение форм такого влияния и конфигурация перечня функций судебных органов в рамках рассматриваемой темы. В рамках состязательного процесса участники в зависимости от их процессуального статуса дают объяснения или показания, будучи вынужденными преследовать в процессе собственный интерес. Мысли и речи очевидцев исторических событий крайне важны для их восприятия будущими поколениями. Такие объяснения и показания находят свое закрепление в протоколах судебных заседаний и итоговых судебных актах. Их невозможно в силу наличия законной силы судебных актов вычеркнуть из истории.

Ключевые слова: судебный процесс, трибунал, судебные механизмы, история, историческая память, формирование памяти

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: *Васильев А.А.* – общая концепция, редактирование, введение, раздел 1, заключение; *Боловнев М.А.* – раздел 2, раздел 3.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда № 24-28-01416 «Мемориальное право и политика памяти: теоретико-правовые аспекты» <https://rscf.ru/project/24-28-01416/>

Поступила в редакцию: 12 сентября 2024 г.

Принята к печати: 15 января 2025 г.

Для цитирования:

Васильев А.А., Боловнев М.А. Роль правосудия в формировании исторической памяти // RUDN Journal of Law. 2025. Т. 29. № 1. С. 153–170. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-1-153-170>

The role of justice in shaping historical memory

Anton A. Vasiliev , Mikhail A. Bolovnev

Altai State University, Barnaul, Russian Federation

✉ anton_vasiliev@mail.ru

Abstract. The right of peoples to know and remember their history is inviolable. In today's information-rich world, knowledge and beliefs are shaped by many sources. One unconventional and underexplored source in this context is a judicial act. This study aims to demonstrate that judicial acts can serve as sources of knowledge and that judicial bodies influence the formation of historical memory in various ways. The methods employed include logical-historical analysis, which helps identify trends and patterns leading to specific conclusions; the inductive method, which allows to generalize the empirical material accompanied by concrete conclusions and proposals; and analytical methods that consider the roles of individual stages and functions within judicial processes. The main findings reveal the significant impact of judicial processes on the formation of historical memory, which can be both direct and indirect. The study identifies the forms of this influence and outlines the functions of judicial bodies relevant to the topic under consideration. Within the adversarial process, participants, depending on their procedural status, provide explanations or testimony while pursuing their own interests. The accounts and statements of eyewitnesses to historical events are crucial for how these events are perceived by future generations. Such explanations and testimonies are recorded in court hearing minutes and final judicial acts, which cannot be erased from history due to their legal authority.

Key words: Judicial process, tribunal, judicial mechanisms, history, historical memory, formation of memory

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

The authors' contribution: Vasiliev A.A. – general concept, editing, introduction, section 1, conclusion; Bolovnev M.A. – section 2, section 3.

Funding. The research was conducted with the financial support of the Russian Science Foundation Grant No. 24-28-01416 for the project 'Memorial Law and Memory Politics: Theoretical and Legal Aspects', <https://rscf.ru/project/24-28-01416/>

Received: 12th September 2024

Accepted: 15th January 2025

For citation:

Vasiliev, A.A., Bolovnev, M.A. (2025) The role of justice in shaping historical memory. *RUDN Journal of Law*. 29 (1), 153–170. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-1-153-170>

Res judicata pro veritate habetur
(Судебное решение должно приниматься за правду)

Введение

В силу совершенно многогранного характера общественных отношений естественным образом наблюдаются противоречия мнений и взглядов, позиций и теорий. Как гласит классический тезис, ежедневно каждый из людей вступает в десятки и даже сотни правоотношений, которые не всегда могут реализовываться надлежащим

образом (Argunov, Borisova & Bocharova et al., 2014). В таком случае наблюдается противостояние идей и мыслей, приводящих к спорам о праве, выражающихся в препятствиях и помехах в реализации предоставленных гражданам прав¹.

Если же двое и более субъектов не могут договориться о порядке поведения, то решение многим видится в привлечении суда как органа государственной власти, способного определить и установить должное и надлежащее поведение.

Суд, будучи воспринимаемым членами общества собственно как орган государственной власти, в глазах многих олицетворяет собой и правотворческий орган (что отчасти справедливо), и как правоприменительный. Первое и второе во всей вариации используемых механизмов выражается в одном, но охватывающем многие, – выработка правил поведения. Последнее невозможно без еще одного ключевого механизма в рамках судебной деятельности – анализ социальной ситуации (Petrova, 2016).

При этом известно, что в рамках национальных моделей судебные органы зачастую являются юрисдикционными органами не только при разрешении споров о праве, но и для иных ситуаций, где отсутствует иной уполномоченный орган. Иллюстрацией является, в частности, особое производство в отечественном гражданском процессе.

Вышесказанное наталкивает на мысль об универсальности упомянутых механизмов с постановкой вопроса об иных сферах их применения.

Некоторыми же иными сферами применения может выступать реализация функции общей превенции. Рассмотрение исторических событий и их последствий в разных контекстах каждым государством способно привести к знанию и пониманию, которые, в свою очередь, потенциально могут предотвращать в будущем аналогичные события. Сохранение, фиксация памяти о жертвах неправомерных действий со стороны различных субъектов, констатация составов правонарушений могут послужить основаниями для исторического, юридического и политического диалогов. Ключевая роль в этом процессе должна, полагаем, принадлежать судам.

Так, в частности, аналогом особого производства в международной судебной деятельности может выступить необходимость согласовывать отдельные действия, направленные на объекты, имеющие межгосударственное значение. Например, известно, что в определенные периоды в Австралии наблюдались попытки добиться того, чтобы отсутствовали на территории городов памятники мореплавателям – первооткрывателям, в том числе Дж. Куку. Полагаем, целесообразно в связи с этим предложить механизм согласования с международным сообществом в лице наднациональных судебных органов подобного рода вопросов, влияющих на память и историю многих стран и наций, поскольку такие памятники можно назвать достоянием всеобщей истории. В свою же очередь негативные действия могут предопределить развитие истории в ином, отличном от текущего, русле.

Как следствие, будут обеспечиваться предпосылки для вариативности судебных механизмов.

При упоминании категории «судебный процесс» неизбежно производится «мысленная аффилиация» с отраслевой принадлежностью – конституционное, гражданское, арбитражное, административное, уголовное. Но что происходит при попытке добавить в целом стройные национальные судебные формы межгосударственный элемент? Известно, что судебный процесс, будучи формой разрешения

¹ Гурвич М.А. Лекции по советскому гражданскому процессуальному праву. М., 1950. С. 11.

споров, противоречий, разногласий, неизбежно влияет на целый ряд сфер общественной жизни с выделением приоритетной составляющей – правовой. Однако на что именно влияет процесс, имеющей значение для более, чем одного государства? Без сомнения, первые пункты могут быть обозначены без затруднений: на правоприменительную практику, на обычаи, на совершенствование законодательства и пр. Но окончен ли в данном случае данный перечень? Полагаем, нет. В качестве гипотезы укажем на память индивидов и наций в целом. В дальнейшем ее предстоит верифицировать либо опровергнуть.

Влияние может быть как прямым, так и косвенным. Путь рассмотрения косвенного влияния заведомо дискусионен и не предполагает выделения с точки зрения правовых знаний однозначного вывода. Концептуально же установить взаимосвязь можно при исследовании прямого воздействия. Так, судебный акт, будучи юридическим фактом, безусловно влияет или должен повлиять на нарушенное право в части его восстановления. Презюмируется, что по результатам рассмотрения дела нарушенное право должно быть восстановлено. Если же утверждаем, что следует выделять и рассматривать субъективное право на историческую память, которое, как и многие иные может быть нарушено, то несложен вывод о возможности влияния судебных процессов на историческую память граждан и наций.

М. Хальбвакс писал: «Именно на конструирование социального пространства и социального времени, а не на фиксацию отдельных воспоминаний – „ориентиров“ должна быть направлена главная работа по формированию коллективной памяти» (Halbwachs, 2007).

Одним из первых к постановке вопроса подошел Р. Фориссон, по результатам публикаций которого Франция приняла ряд мемориальных законов по закреплению официальной политики памяти.

Одним из авторов, работавших по смежной тематике, является Н.Е. Копосов, издавший в 2011 г. труд «Память строгого режима: история и политика в России». Одним из научных результатов явились классификации мемориальных законов (Koposov, 2011).

Понятие «политика памяти» возникло только во второй половине прошлого столетия, что было связано с определенными тенденциями в развитии научного знания и осмысления происходящих в социуме процессов. В частности, постмодернисты, из которых необходимо выделить Р. Барта и М. Фуко, выдвинули теорию конструирования прошлого как суммы наиболее предпочитаемых представлений на государственном и общественном уровнях, необходимых для формирования социально-групповой идентичности (Dorskaya & Pashentsev, 2021). Одним из ключевых направлений в рамках дальнейших рассуждений является собственно определение в качестве одной из ипостасей истории рассмотрение последней как совокупности исторических событий. Без «суммы» таких событий не может быть и истории. А вот механизм установления указанных событий выступает предметом настоящего исследования.

Между тем данный предмет исследования в строго заданной формулировке, подразумевающей установление взаимовлияния трибуналов и механизма формирования исторической памяти учеными-правоведами, на монографическом уровне не исследовался.

Однако отдельные институты и иные элементы стали предметом рассмотрения ученых на страницах различных изданий. Так, И.Т. Касавин на высоком доктринальном уровне рассмотрел философские основы истины в статье «Истина: вечная тема и современные вызовы». В рамках юриспруденции вопросы истины рассматриваются многими, а в контексте международных судебных процессов в частности А.Ю. Ключников, опубликовавшим, например, статью «Право на истину в международном правосудии». Подробное исследование эмпирического материала и его обобщение провел М.М. Мубаракшин, изложив результаты в статье «Известные международные судебные процессы и их значение в формировании законодательства». Отдельные функции судебных органов рассмотрены Е.А. Петровой и изложены в работе «Механизм судебного правотворчества: понятие и особенности». Вопросами политики памяти занимаются А.А. Дорская, Д.А. Пашенцев, одним из наиболее весомых трудов на пространстве периодической печати является статья «Официальная политика памяти: сравнительный анализ законодательства и судебной практики современных государств» (Dorskaya & Pashentsev, 2021).

На монографическом уровне одно из наиболее комплексных исследований проведено Е. Лёзиной в труде «XX век: проработка прошлого. Практики переходного правосудия и политика памяти в бывших диктатурах. Германия, Россия, страны Центральной и Восточной Европы», в котором рассматриваются правовые механизмы и конструкции в рассматриваемой сфере на примере конкретных событий. Среди авторов, занимающихся исследованием зарубежного опыта, можно выделить А.Ю. Саломатина, опубликовавшем монографию «Верховный Суд США: Судебная правовая политика от Дж. Джея до Дж. Робертса».

В качестве новизны исследования выступает следующее. На пути сохранения исторической памяти на сегодняшний день основным правовым инструментом достижения цели является периодическое принятие нормативно-правовых актов различного характера. Тем самым реализуется официальная политика исторической памяти. Однако в нашем исследовании обосновывается расширение роли судов, судебных органов, трибуналов в фиксации, формировании и охране исторической памяти.

Возможность достижения истины по делу

Известно, что зачастую судебные процессы имеют одну конкретную задачу либо комплекс задач, объединенных единой идеей, как правило принадлежащей руководству страны либо группы стран. Наиболее иллюстративно это проявляется, безусловно, в истории послевоенного периода. Задачей военных трибуналов в рамках происходящего процесса «очищения от нацистских кадров» (Lezina, 2021) было определение круга ответственных за военные преступления лиц, привлечение их к уголовной ответственности и, как результат, выполнение целей военного командования. В целом достаточно понятные в контексте времени и реалий задачи. Однако выполнялась подспудно без осознания и формирования на долгий срок еще одна задача в части формирования исторической памяти. Собственно, в плоскости формирования.

Особенно это касается квазисудебных органов. Объясняется это тем, что такие могут формироваться на основании волеизъявления одного или нескольких руководящих органов государства. Сама процедура формирования более проста и менее формализована. «Военный губернатор наделялся правом „арестовывать и

удерживать под стражей до судебного разбирательства со стороны соответствующего квазисудебного органа, который должен был быть создан им же» (Lezina, 2021:24). Но при этом в обществе благодаря этому формируется устойчивое мнение относительно участников и событий, дается им эмоциональный окрас. При этом мы не даем оценку ни первым, ни вторым. Мы лишь указываем на имманентно присущее и вытекающее последствие преподнесения сведений, перетекающих в общее мнение и «растекающееся» на десятилетия вперед.

Вопрос же истинности таких трибуналов остается открытым. Вряд ли можно «закрыть» данный вопрос в контексте трибуналов, если это не всегда представляется возможным сделать в плоскости ординарных судебных процессов. Как известно, традиционно выделяются две концепции истины: абсолютная и относительная. Первая традиционно заключается в том, что все явления природы и общества познаваемы, а следовательно, установить действительные события всегда с достоверностью допустимо. Вторая же зиждется на том, что суд является субъектом познания, осуществляемого опосредованно, с помощью различных средств, но с невозможностью однозначно утвердить, что истина достигнута. Справедливости ради стоит отметить, что все же эта теория более приемлема, поскольку при использовании средств доказывания суд может все больше и больше приближаться к истине, но судить о чем-либо как об объективном факте вряд ли представляется возможным. Более того, невозможным видится установление момента достижения такой истины, даже если это произошло.

В юридической литературе были высказаны разные точки зрения по вопросу о характере истины, устанавливаемой в результате рассмотрения конкретных гражданских и уголовных дел. В частности, ученые спорят о том, является ли истина, устанавливаемая в ходе судопроизводства, абсолютной или относительной? Так, в свое время А. Ривлин считал, что подобная постановка вопроса является следствием «механического перенесения философских понятий абсолютной и относительной истин в работу суда». Он полагал, что в результате уголовно-процессуальной деятельности устанавливается «материальная истина», которая не может быть отнесена ни к разряду абсолютных, ни к разряду относительных истин. Она является просто объективной истиной (Bonner, 2009:162).

Интересно данную дискуссию, в частности, предложенную С.В. Курылевым, комментировал А.Т. Боннер: «Кстати говоря, ни один из приведенных С.В. Курылевым примеров нельзя отнести к разряду абсолютных истин. Так, факт смерти Наполеона Бонапарта, хотя он, действительно, скончался 5 мая 1821 г., имеет ряд аспектов. Знание об этом факте, который, казалось бы, можно отнести к категории абсолютных истин, при определенных обстоятельствах может быть уточнено и дополнено. Нельзя забывать и о том, что речь идет об одном из немногих в истории человечества людей, малейшие детали жизни и смерти которого продолжают волновать потомков и оставаться темой многолетних дискуссий. В котором часу скончался низложенный император? Умер ли Наполеон естественной смертью от острой сердечной недостаточности, как записано в официальных документах, от рака желудка, как предполагают некоторые медики, либо был убит, в частности отравлен?

Как известно, в течение многих лет ученые – медики, химики и историки, а также рядовые обыватели обсуждают вопрос о том, умер ли Наполеон естественной смертью либо был отравлен? Причем для обоснования как одного, так и другого

вывода имеются определенные факты объективной действительности. Поэтому споры по данной проблеме не закончены и по сей день» (Bonner, 2009:162).

Стремление к установлению истины в процессе совсем не означает ее объективного достижения. Несмотря на широкую и несколько спорную трактовку принципа объективной истины, например, С.С. Алексеевым, который видит в этом принципе «требование, согласно которому решение правоприменительного органа должно полно и точно соответствовать объективной действительности», на практике в судах складывается несколько иная ситуация. Видимо, поэтому и практика, и наука, и законодатель отошли от констатации объективной истины как принципа. В действительности, как верно отмечает Н.И. Авдеев, «вывод, сделанный из конкретного правового исследования, может противоречить общей теории права не потому, что он является неправильным, а потому, что положение общей теории права сформулировано неточно, невсеобъемлюще. В таком случае возникает необходимость пересмотра или уточнения общей теории права и приведения ее в соответствие с выводом, сделанным из изучения какого-либо правового вопроса отдельной отрасли права» (Ryzhov, 2012:23).

Право на истину², представляя, на наш взгляд, такую форму влияния судебных процессов на историческую память как переформирование (изменение ранее существовавшей интерпретации исторических событий), в отличие от систем национального судопроизводства в международном праве имеет возможность существовать. Несмотря на крайне дискуссионный характер, следует выделить некоторые закономерности. Как правило, помимо вышеназванных ординарных целей становится еще одна – изменение наблюдаемого режима, чаще авторитарного. Следовательно, задачей является указание на как можно большее количество фактов. Казалось бы, как и в ходе любого другого процесса, суд является лицом, воспринимающим информацию опосредованно, что, собственно, является классической чертой доказывания. Однако в международном праве учитывается значение, фактически выражающееся в определении судьбы нации или наций, а не только нескольких индивидов, а также пристальное внимание мирового сообщества, что, в свою очередь, обуславливает скрупулезное отношение ко всем деталям, из которых складывается трибунал. Не всегда, но часто, особенно судебными, а не квазисудебными органами, исследуется не просто достаточный, а сверхдостаточный объем доказательственного материала, допрашивается широкий круг лиц, исследуются мнения и позиции, притом не одним судьей, а коллегией из большого числа судей, – словом, вероятность максимального приближения к истине, безусловно, повышается.

Можно ли в целом говорить о наличии такой задачи, как установление истины? Полагаем, да. Связано это с тем, что если в процессе гражданском роль арбитра заключается лишь в оценке доводов сторон и того, кто лучше из них со своей задачей справился, при сохранении наблюдательной позиции, то в процессе уголовном, тем более в рамках международных трибуналов, активность судей, очевидно, повышается. Коллегия в таком случае является не просто воспринимающим доказательства субъектом, но активным участником при рассмотрении и верификации фактов.

Юридическая техника, используемая органами ООН, достаточно сдержана в этом вопросе и продумана лицами, готовившими проекты. Встретить свободное

² Более подробно см. (Klyuchnikov, 2020).

упоминание категории «истина» достаточно затруднительно. Между тем используется термин «правда». Так, ст. 24 Международной конвенции для защиты всех лиц от насильственных исчезновений³ закрепляет следующую норму: «Каждая жертва имеет право знать правду об обстоятельствах насильственного исчезновения, о ходе и результатах расследования и о судьбе исчезнувшего лица». Соотношение категорий «истина» и «правда» интуитивно определяется если не как синонимичное, то как близкое. В Толковом словаре истина определяется как то, что соответствует действительности, правда⁴. Несмотря на то что дефиниции во многих источниках различны, их объединяет критерий соответствия объективности, тому, что существовало. Таким образом, что существовало, то в целом и правда. Однако любая правда имеет субъективный элемент. Из правосудия не могут быть исключены субъекты, что и обуславливает наличие доли субъективности. Однако как цель истину вполне допустимо рассматривать.

Цель, очевидно, может быть как достигнута, так и не достигнута. Во втором случае ничего страшного также нет, поскольку все же более уместно говорить про судебную истину, которая достигается при полном всестороннем рассмотрении фактов и обстоятельств, сопряженном с точным и правильным применением норм права. В этом смысле судом происходит оценка фактов и обстоятельств с точки зрения пусть и субъективного, но проецирования норм международного и национального права на фактическую составляющую для понимания, что осталось за рамками совпадений и пересечений. Собственно, вовсе не задача судебного органа оценить исторические события. Задачей может являться определение того, что было на самом деле, а что нет. В последующем все это необходимо изложить в судебном акте, который фактически для общества будет являться источником знаний. А вот уже интерпретация установленных фактов, их оценка как исторических событий будет осуществляться учеными, авторами научных и методических трудов, специалистами различных сфер и областей и многими другими. Таким образом, мнения многих деятелей могут и должны оказываться различными, это нормальная ситуация плюрализма взглядов. Но при наличии достоверно подтвержденного перечня исторических вех.

Невозможно отрицать и то обстоятельство, что суд нередко выходит за пределы собственно воспроизведения той или иной ситуации, но и дает ей правовую и иную оценку, выражая государственную и (или) общественную точку зрения. Так, Нюрнбергский трибунал не только установил преступления нацистского режима, но и выразил точку зрения народов-победителей во Второй мировой войне на причины и сущность нацизма.

Функции судебных органов

Среди функций судов можно выделить: собственно рассмотрение и разрешение дел, определение правового положения субъектов, общая и частная превенция, содействие государственным органам, в некотором смысле контроль (косвенный) за деятельностью отдельных органов. Определение правового положения субъектов

³ Международная конвенция для защиты всех лиц от насильственных исчезновений // Принята резолюцией 61/177 Генеральной Ассамблеи от 20 декабря 2006 года.

⁴ Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка // Сайт Грамота. Режим доступа: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyj-slovar#> (дата обращения: 05.06.2024).

может носить всеобъемлющий характер, включающий определение гарантий, механизма реабилитации, компенсаций. Превенция может быть направлена и на минимизацию правонарушений любой направленности, в том числе умаление права на историческую память. Что касается функции по осуществлению контроля за деятельностью органов, то он, в частности, может распространяться на те, которые среди своих полномочий имеют связанные с объектами культурного наследия.

Несмотря на то, что вынесение судебного акта представляет собой юридический факт – действие, для всего общества – это события с тех воззрений, что все это реальные факты. В связи с этим перманентное разрешение дел влечет установление совокупности событий, которые спустя время становятся элементами истории. Именно таким образом судебные органы влияют на историю. А если же установленными средствами осуществляется пересмотр каких-либо фактов, то одновременно пересматривается и история.

Все названные, и не только, функции можно условно разделить на две группы: непосредственно связанные с отправлением правосудия и непосредственно не связанные с отправлением правосудия. То, что нами обсуждается, вероятно, следует отнести ко второй группе, поскольку зачастую, реализуя функции из первой группы, в частности рассмотрение и разрешение дел, суды и иные судебные органы могут влиять в той или иной форме, например, отправляя правосудие в соответствии с официально закрепленной правовой государственной концепцией, на формирование и переформирование (коррекцию) исторической памяти.

Данный вывод вытекает из анализа еще одной функции, входящей во вторую группу, – обращение с запросами в государственные органы, которые, в свою очередь, зачастую будучи административными, т.е. управляющими, реализуют функции государственной политики памяти. Отвечая на соответствующие запросы, предоставляют сведения судам. Далее в ходе формирования судебной практики определяется концепция исторической памяти. Связано это с тем, что, например, наднациональные судебные органы как таковой законодательной инициативой не обладают, но формируемая судебная практика имеет существенное значение для формирования общей правовой основы в части истории и исторической памяти.

В каком-то смысле суды фиксируют историческую память, однако, этот процесс носит реверсивный характер. В первую очередь те или иные обстоятельства могут быть использованы, например, как обстоятельства, не подлежащие доказыванию. В таком случае фактически признается, что какие-либо события имели место. Но ведь в контексте функций это может выглядеть иначе. Обстоятельства, являющиеся общеизвестными, на основании судебской дискреции таковыми могут быть не признаны, а сам суд может начать их исследование. Рассматривая таким образом дело, суд формирует также обстоятельство, в дальнейшем не подлежащее доказыванию, но не как общеизвестный факт, а факт, установленный ранее судом при рассмотрении аналогичного дела. В силу того, что решение судебного органа обладает, законной силой, означающей, что оно является обязательным для любого субъекта, на которое оно распространяется, происходит фиксация конкретного исторического события.

Вышеприведенные рассуждения обнаруживают функции судебных органов при рассмотрении подобного рода дел. Одной из таких функций, пусть и, безусловно, сопутствующих, факультативных, будет являться получение новых знаний. Вытекает это из того, что узкий, но при этом релевантный подход к определению истины,

обуславливает ее понимание как некое отношение между знанием и реальностью. Особую сложность представляет собственно определение того момента, когда верификация достигнута. Для этого приходят на помощь субъективные элементы: субъектно-предикатный механизм. Правоприменитель выступает уполномоченным для этого субъектом. В ходе же процесса рождается знание относительно объективного толка. В качестве источников – неизбежно исследуемые части реального мира: письменные и вещественные доказательства, аудио-, видеозаписи, объяснения сторон, показания свидетелей. В совокупности знание приобретает достаточно полный объем, который в будущем, может быть нарративно использован.

С этим непосредственно связывается вторая функция судебной деятельности в рассматриваемой «плоскости». Выше высказан тезис о том, что судебные органы зачастую не дают оценку историческим вехам, а в большинстве случаев оценивают правомерность деяний различных субъектов. В свою очередь, это позволяет говорить о том, что происходит не «арбитраж истории», а фиксация исторической памяти. Последняя и представляет собой искомую и упомянутую функцию. Историки могут быть сильны в поисковой и аналитической работе, однако, у них отсутствуют два главных инструмента: полномочия по собиранию доказательств и наделение судебных актов законной силой. Судебные же органы способны исследовать в ходе процесса те доказательства, которые частные субъекты не способны получить самостоятельно. Кроме того, их выводы необязательны для неограниченного круга лиц.

Интересную по конструкции мысль высказывают А.А. Дорская и Д.А. Пашенцев: «Если на протяжении веков исторические исследования были делом только профессионалов, которые имели доступ к архивным документам, могли изучать их и публиковать свои работы, то появление интернет-пространства, процесс цифровизации кардинальным образом изменили эту ситуацию» (Dorskaya & Pashentsev, 2021). В целом суждение подтверждает тезис о том, что итоговые судебные акты служат источником знаний, предполагая, со своей стороны, что судебные органы и являются тем самым упомянутым профессионалом.

Суд именуется правоприменителем. Правоприменение предполагает реализацию правовых норм в проекции к жизненным обстоятельствам. Фактически такое наложение является ничем иным как юридической квалификацией. В будущем судебный акт будет обоснованным, если выводы органа будут соответствовать фактическим обстоятельствам дела. Сами же обстоятельства должны быть установлены посредством исследования всех необходимых доказательств. Тем самым предпринимается попытка добиться определения реальных фактов. Реальность же коррелируется с приближением к исторической правде.

Сама историческая правда может сформирована либо переформирована. Это близко юридическим категориям «я» и «преобразования». Как известно, основаниями для этого служат юридические факты, которые порождают, изменяют либо прекращают правоотношения. В свою очередь, если благо в лице исторической памяти определяется нами как субъективное право, то такое право является частью содержания правоотношения, основаниями для возникновения или изменения служат юридические факты. Судебное решение, акты судебных органов выступают как раз соответствующими юридическими фактами. Следовательно, доказывается, что одной из функций, пусть и факультативных, выступает получение новых знаний об истории, которая в мыслях и образах индивидов и коллективных общностей будет укрепляться за счет транспарентности правосудия и веры в то, что установлено судебным органом, является правдой.

Вместе с этим стоит отметить, что комплексный подход к рассмотрению функций судебных органов имеет определенные изъятия. Так, вряд ли судебными и даже квазисудебными юрисдикциями может быть установлена истина или, другими словами, верифицировано, модального суждения, то есть дана критическая оценка с использованием моральных норм и этико-эстетических идеалов. В данном случае судебный акт служит предпосылкой к такой деятельности, олицетворяя в этом суть юрисдикционной деятельности и тем самым цементируя ее.

Наблюдается интересное дополнение различными элементами друг друга. Уже установлено, что судебный акт может быть воспринят как источник знаний. А также указано на возможность рассматривать в качестве цели установление истины. И если воспринять за основу некоторых суждений теорию Фомы Аквинского, то легко обнаруживается истина как форма всеобъемлющей гармонии. Интересно, в обществе никто не называет среди целей и задач деятельности судов гармонию, но, отправляя правосудие, восстанавливая нарушенные права и некую справедливость, суды тем самым обеспечивают гармонию общественной жизни. Это означает, что применительно к трибуналам и иным судебным, юрисдикционным органам также можно говорить об обеспечении гармонии. Как видим, суждения, основанные на формальной логике, подкрепляются социально-эмпирическими иллюстрациями, закрепляя высказанный тезис.

При высоком доверии в обществе (запросе на судебную справедливость) суды могут выполнять роль средства формирования исторической памяти, которая будет с лояльностью, воспринята в обществе. Так, процессы по реабилитации жертв политических репрессий в 1960–1980-е гг. в СССР зафиксировали репрессии как исторический факт. Эвентуально срабатывают качества правосудия: широкие возможности по доказыванию обстоятельств и обязательность и обоснованность решения суда.

Формы влияния механизмов судебной деятельности на историческую память

Достаточно тонким аспектом остается разграничение смыслового содержания категорий «восстановление права на память», «формирование памяти», «переформирование памяти», «искажение памяти». Из этого перечня, полагаем, необходимо выбрать целевые и имманентно сопутствующие. Связано это с тем, что достаточно самонадеянно полагать, что влияние будет осуществляться лишь на один объект и лишь исключительно итоговым судебным актом.

В этом несложно убедиться, взяв в качестве иллюстрации гипотезы один из наиболее известных обществу органов и известные в мировом сообществе исторические события, послужившие основанием для очень длительного судебного процесса. Речь идет о Международном трибунале, рассматривавшем дело Слободана Милошевича.

Основания данного трибунала не входят в предмет настоящего исследования. Между тем следует понять, оставил ли данный процесс какой-либо след в сознании общества в части их последующего восприятия исторических событий. На подобные мысли наталкивают некоторые высказывания отдельных журналистов, указывающих на то, что обвинение трибунала в данном процессе стремится переписать историю отдельных региональных событий. Представляется, что переписать конкретно в данном случае не представляется возможным, поскольку рассмотрение дела происходило спустя непродолжительный для истории промежутки времени после событий. Однако воздействовать на то, как эти события будут восприниматься

в будущем, открытым гласным публичным процессом, подразумевающим выступление государственных должностных лиц, а также исследование доказательств, свидетельствующих о попытке объективно оценить обстоятельства, сопровождающийся вынесением итогового акта, безусловно, возможно. Притом в режиме формирования памяти, если возвращаться к описанному выше перечню. Обществу свойственно ждать позиции судебного органа, квазисудебного, трибунала прежде, чем сформировать свое собственное мнение. Именно выраженные в акте трибунала выводы войдут в последующем в хроники истории и могут быть выражены в научных и учебных трудах.

В свою очередь учебники, первоочередно для организаций основного (общего) образования, являются основным средством формирования памяти общества, поскольку в школьные годы история познается преимущественно либо в образовательных организациях, либо посредством интервьюирования людей, осведомленных о различных событиях лично. При этом как учебники, так и граждане в первую очередь воспринимают информацию об исторических событиях тем объективнее, если по ней была высказана позиция специально учрежденного органа, коим являлся Международный трибунал по бывшей Югославии. Более того, учрежденный Советом безопасности ООН, роль которого достаточно велика, равно как и доверие к нему в части общественного мнения, например.

Следует сказать, что деятельность подобных органов может быть задействована и в направлении восстановления памяти. Цикл в целом используется тот же, с тем лишь условием, если изначально в учебной и научной литературе информация оказалась авторской, не в полной мере основанной на хронологических и иных объективных данных.

Описанная ситуация неизбежно приводит к конкуренции источников информации. В таком случае судебный процесс становится средством восстановления исторической правды, что тесно сопряжено с еще одной формой влияния процесса – корректировкой памяти. История предоставляет нам ряд примеров того, что такая форма требуется обществу. События с течением времени и появлением новых обстоятельств в сознании людей могут отражаться иначе. Судебный процесс в данном случае должен выполнять конституирующую функцию. Историческую правду уже требовалось восстанавливать после всемирно известных судебных Жанны д'Арк, Джордано Бруно, Галилео Галилея и некоторых других. Как известно, правильность действий судебных органов, рассматривавших действия указанных деятелей, не всегда оценивалась, более того, зачастую оставалась признанной. Взгляды же относительно их теорий и убеждений пересматривались волевыми актами правителей государств. В этом смысле наблюдается нарушение юридической логики, приводящей к невозможности объективно восстановить историческую правду и укрепить ее в сознании общества. Поэтому аналогичные выводы, закрепленные в судебном акте, способствовали бы укреплению искомой правды.

Следует заметить, что подобные судебные процессы могут выполнять также и информирующую функцию. Обладание информацией, в свою очередь, приводит к формированию памяти объективного толка. Вывод может быть проиллюстрирован с помощью, казалось бы, ныне всемирно известного явления – Холокоста. Историкам многое известно, однако до сих пор, например, не установлено истинное назначение гетто⁵.

⁵ Сайт Организации Объединенных Наций. Электр. дан. Режим доступа: <https://news.un.org/ru/story/2020/01/1347872> (дата обращения: 05.06.2024).

Известно, что одним из источников информации о расправах являлись документы немецких государственных органов. Судебный процесс в таком случае может стать «официальной площадкой» и формой исследования доказательств и, в свою очередь, предпосылкой установления судебной истинности относительно тех или иных фактов, связанных с данным явлением.

Полагаем, прав М.М. Мубаракшин, считающий, что историческое и практическое значение известных процессов в государствах состоят в их неповторимости и уникальности, и следующий судебный процесс можно по праву считать уникальным (Mubarakshin, 2014). Связано это с тем, что подобные судебные процессы не выстроены в единую систему, по ним не могут быть сформулированы общие универсальные правила их проведения. Сами судебные органы не встроены в единую национальную либо наднациональную систему. Органы их учреждающие различны. Отсюда в качестве промежуточного итога можно утвердить, что значение судебных процессов в механизме формирования исторической правды не предполагает заранее установленной и сформулированной роли в механизме влияния. В большинстве случаев она определяется *Postfactum*.

Однако, как указывают А.А. Дорская и Д.А. Пашенцев, если посмотреть на процессы определения и реализации официальной политики памяти с точки зрения общественного развития, то история может служить как объединяющим, так и разъединяющим общество началом (Dorskaya & Pashentsev, 2021). Не оспаривая справедливость тезиса, в свою очередь заметим, что суть рассматриваемых явлений как раз в том, чтобы один орган, коим может быть судебный, притом международный, выступил тем, кто выполняет объединяющую функцию.

Стоит отметить, что значение подобных процессов не стоит идеализировать, даже в теории. Проблемы формирования благодаря им того или иного образа о событиях также присутствуют, а сам механизм неидеален. В зависимости от инициаторов, органов, определенной избирательности при выборе оснований процесс может быть достаточно «однобоким», в ходе которого сторона обвинения может указывать лишь на отдельные события в отрыве от всего комплекса. Далеко не все дела собственно доходят до трибуналов. По результатам некоторых из них может закрепляться лишь одна из версий событий. В целом небезосновательно Human Rights Watch, комментируя известные события 1990-х гг. в Руанде, указывают: «То, что трибунал занимался в основном хуту, используется дальше правительством Поля Кагаме для политики одной памяти». Правда согласимся с К. Коротеевым, утвердившим, что это вопрос не к трибуналу, а к действующим властям Руанды, которые используют практику трибунала в своих целях⁶.

Представления об истории всегда субъективны, отдельные вехи воспринимаются, анализируются, интерпретируются и преподносятся конкретными индивидами, имеющими собственные взгляды. Вся история, хотим мы того или нет, выражена словами, которые являются формой существования мыслей⁷. Однако наложение слов на характеристику событий – не что иное как квалификация. В свою очередь, квалификация требует точного обращения с терминами. Единство мнений, во всяком случае, основывается на унифицированном использовании юридических категорий, не допускающем произвольного толкования. В данном случае значение

⁶ Коротеев К. Европейский Суд по правам человека и историческая память. Режим доступа: <https://urokiistorii.ru/articles/evropejskij-sud-po-pravam-cheloveka-i-i> (дата обращения: 05.06.2024).

⁷ См. (Mysliviets & Romanov, 2018; Repina, 2012; Filyushkin, 2023).

деятельности судебных органов, трибуналов заключается в том, что именно они, рассматривая и разрешая те или иные дела, дают толкования юридическим категориям, которое и должно в последующем использоваться при написании монографий, учебников и иных научных и методических изданий.

Международные судебные процессы для всемирной истории выполняют еще одну очень важную функцию, которую вряд ли с той же степенью успешности могут выполнить иные виды деятельности. Речь идет о фиксации мнений участников рассматриваемых событий, которые на века в будущем войдут в различные «летописи». Связано это с тем, что в рамках состязательного процесса участники в зависимости от их процессуального статуса дают объяснения или показания, будучи вынужденными преследовать в процессе собственный интерес. Мысли и речи очевидцев исторических событий крайне важны для их восприятия будущими поколениями. Такие объяснения и показания находят свое закрепление в протоколах судебных заседаний и итоговых судебных актах. Их уже невозможно в силу наличия законной силы судебных актов вычеркнуть из истории. А поскольку международные судебные процессы зачастую достаточно открыты для прессы, а также принцип гласности проявляется и в публикации выводов судебных органов, то такие изречения с легкостью становятся достоянием общественности и могут быть использованы при формировании исторической памяти.

Заключение

Несмотря на неоднозначность и дискуссионный характер многих сформулированных в настоящей работе предположений, присутствует и объективная составляющая. Так, очевидно и известно, что в Израиле в 1986 г. был принят закон, устанавливающий ответственность за отрицание Холокоста.

В 1996 г. состоялась Директива Европейского Союза, предусматривавшая необходимость введения в странах-участниках за публичное оправдание преступлений, являвшихся предметом рассмотрения Нюрнбергского трибунала.

В 2008 г. Совет Евросоюза принял Решение «О борьбе с отдельными формами и проявлениями расизма и ксенофобии посредством уголовного права».

Данные единичные примеры из множества позволяют в целом объективно судить о существовании нормативного массива по рассматриваемым вопросам. И если, как указано выше, многое дискуссионно, то на начальном этапе вполне реально судить о становлении подобного механизма. В качестве же стартовой предпосылки выступает следующее. Если наблюдается существование нормативно-правовых актов, то с точки зрения комплексности реализации норм права должно быть и правоприменение. Оно, в свою очередь, обеспечивается судебными органами.

Упомянутые примеры демонстрируют, что фактически такие органы способны быть наделенными конкретными функциями. В частности, контрольной функцией. Контроль может осуществляться в части достижения задач принятия того или иного акта, тем более что те, которые принимаются органами Евросоюза и иными аналогичными, таковые содержат.

Само по себе возможность выделения в функциях судов контрольных функций далеко не однозначно. В большинстве случаев требуется разрешить уже возникший спор того или иного характера. Несмотря на справедливость в целом утверждений тех, кто полагает, что у судов отсутствует подобная функция, следует отметить, что

это подход, который можно именовать узким: даже на территории одного государства существуют судебные системы, наделенные контрольными функциями, а тем более в различных государствах наделение соответствующими полномочиями суды происходит.

На наднациональном уровне если подобное направление и выделять, то, вероятно, целесообразно именно у судебных органов как у наиболее независимых, беспристрастных и компетентных юрисдикций.

В ряде стран Восточной Европы законодательно установлены запреты на действия по отрицанию преступлений против прав и свобод граждан. У таких актов есть одна закономерность: преимущественно они связываются с периодом Второй мировой войны. Однако можно предположить, что массив нормативно-правовых актов будет лишь увеличиваться, тем более что период можно начать отсчитывать и с более ранних событий. Все это лишь предопределяет вектор развития наднациональных судебных систем, убеждая в необходимости серьезного обсуждения данных вопросов.

В подтверждение можно указать, что, например, Арменией было сформулирована необходимость признания геноцида армян в Османской империи во время Первой мировой войны. Полагаем, что исключительно трибуналы допустимо наделить подобной компетенцией для рассмотрения как максимально объективным участником таких требований.

Очередное подтверждение тому заключается в понимании невозможности решать отдельные вопросы лишь одной страной, вопросы, которые должны решаться судебными органами. Так, невозможно, например, допустить ситуацию, чтобы одно государство решало, возможно или невозможно судить его граждан иными государствами за отдельные преступления. В каждом конкретном случае недопустимо усмотренчески решать подобные вопросы, требуется системный подход. Одновременно с этим нельзя и отрицать самостоятельность государств в решении отдельных, не менее важных, вопросов национального толка.

В настоящее время в процессе разработки находятся некоторые конвенции и хартии по различным вопросам, в том числе по вопросам охраны памятников на территории различных государств. Соответственно, для этих актов требуется и правоприменительный орган.

Многие страны по тем или иным историческим вопросам инициируют трибуналы и судебные процессы. Однако отсутствует четкий и понятный механизм создания и функционирования. Вместе с этим неизменно одно, во всяком случае требуется соблюдать права и свободы естественного характера и предусмотренные международными актами.

Наконец, не стоит забывать, что поднимаемые в настоящей работе вопросы составляют суть науки и научного творчества. По этой причине в научных же источниках описывается угроза того, что расширение массива нормативных актов с соответствующим предметом ограничит свободу научного выражения мнений. Вот в том числе это, а именно недопущение применения необоснованных ограничений, могут контролировать создаваемые судебные и, возможно, даже квазисудебные органы.

Как итог, по результатам исследования можно сформулировать следующие основные выводы.

Судебный орган можно представить как средство познания исторических событий. Связано это с тем, что вынесение решения возможно только по результатам

юридической квалификации, т.е. сопоставления реальных событий и норм права. Поэтому установление событий – одна из двух «ключевых половин» судебной деятельности. Также эти события, по возможности, должны быть установленными как реальные. В связи с этим достоверность повышается в силу исследования значительного числа используемых доказательств. И, возможно, достигнуть объективной истины невозможно, в силу реализации ряда процессуальных принципов, искомая достоверность фактов повышается. Затем они фиксируются в описательной части судебного акта. Сам судебный акт при таких условиях позиционируется как источник знаний. Будь то знаний о конкретном лице или какой-либо эпохе. Все это часть истории, которая исследуется судом вне зависимости от категории дел. В немалой степени значение судебного акта в фиксации и преобразовании исторической памяти определяется его свойством юридической обязательности. Публичность и доступность судебных актов позволяют обратиться к их содержанию широкому кругу лиц.

При этом одной из основных функций судов установлено не только формирование исторической памяти, но и ее преобразования в части восстановления. Это происходит тогда, когда сформированные исторические знания об эпохе спустя годы становятся предметом рассмотрения создаваемых трибуналов либо реабилитации судебными органами после осуществленной репрессии. Тогда суду необходимо закреплять юридические факты, способные породить те или иные правоотношения, которые носят отличный характер от предшествующих периодов. Кроме того, может происходить интерпретация исторических знаний судебными актами в зависимости от стоящих перед государством в целом и судебной властью в частности официальных задач.

Историческая правда сама по себе представляет собой особое благо, представляющее огромную ценность как для индивидов, так и для коллективных общностей. Поскольку это благо, имеющее ценность, то одновременно же оно выступает как субъективное право. Как и любое право, данное подлежит охране, в том числе в форме судебной защиты. Таким образом, рассматривая дела различных категорий, в рамках которых требуется устанавливать исторические события, суды выступают юрисдикционными органами, осуществляющими защиту права на историческую правду.

References / Список литературы

- Argunov, V.V., Borisova, E.A. & Bocharova, N.S. et al. (2014) *Civil process*. Treushnikov, M.K. (eds.). Moscow, Statute Publ. (in Russian).
Гражданский процесс: учебник / В.В. Аргунов, Е.А. Борисова, Н.С. Бочарова и др.; под ред. М.К. Треушникова. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2014. 960 с.
- Bonner, A.T. (2009) *Problems of establishing the truth in civil proceedings: monograph*. Saint Petersburg, Legal Book Publ. (in Russian).
Боннер А.Т. Проблемы установления истины в гражданском процессе: монография / СПб. : Юридическая книга, 2009. 832 с.
- Dorskaya, A.A. & Pashentsev, D.A. (2021) Official Memory Policy: A Comparative Analysis of Legislation and Judicial Practice of Modern States. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*. 17(6), 5–15. <https://doi.org/10.12737/jflcl.2021.061> (in Russian).
Дорская А.А., Пашентцев Д.А. Официальная политика памяти: сравнительный анализ законодательства и судебной практики современных государств // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. Т. 17. № 6. С. 5–15. <https://doi.org/10.12737/jflcl.2021.061>

- Halbwachs, M. (2007) *Social Framework of Memory*. Moscow, New publishing house Publ. (in Russian).
Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М. : Новое изд-во, 2007. 346 с.
- Klyuchnikov, A.Yu. (2020) The Right to Truth in International Justice. *LexRussica*. 73(12), 106–117. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.169.12.106-117> (in Russian).
Ключников А.Ю. Право на истину в международном правосудии // *LexRussica*. 2020. Т. 73. № 12. С. 106–117. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.169.12.106-117>
- Koposov, N.E. (2011) *Memory of the Strict Regime: History and Politics in Russia*. Moscow, New Literary Review. (in Russian).
Копосов Н.Е. Память строгого режима: история и политика в России. М. : Новое литературное обозрение, 2011. 315 с.
- Lezina, E. (2021) *The 20th Century: Working Through the Past. Transitional Justice Practices and Memory Politics in Former Dictatorships. Germany, Russia, Central and Eastern European Countries*. Moscow, New Literary Review Publ. (in Russian).
Лезина Е. XX век: Проработка прошлого. Практики переходного правосудия и политика памяти в бывших диктатурах. Германия, Россия, страны Центральной и Восточной Европы. М. : НЛЮ, 2021. 803 с.
- Mubarakshin, M.M. (2014) Famous international trials and their importance in the formation of legislation. *Bulletin of Economics, Law and Sociology*. (4), 164–167. (in Russian).
Мубаракшин М.М. Известные международные судебные процессы и их значение в формировании законодательства // *Вестник экономики, права и социологии*. 2014. № 4. С. 164–167
- Myslivets, N.L. & Romanov, O.A. (2018) Historical memory as a socio-cultural phenomenon: the experience of sociological reconstruction. *Bulletin of RUDN. Series: Sociology*. 18(1), 9–19. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2018-18-1-9-19> (in Russian).
Мысливец Н.Л., Романов О.А. Историческая память как социокультурный феномен: опыт социологической реконструкции // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2018. Вып. 18 № 1. С. 9–19. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2018-18-1-9-19>
- Petrova, E.A. (2016) The mechanism of judicial lawmaking: concept and features. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*. No. 3. P. 16 – 23. (in Russian).
Петрова Е.А. Механизм судебного правотворчества: понятие и особенности // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. 2016. № 3. С. 16–23.
- Repina, L.P. (2012) Experience of social crises in historical memory. In: *Crises of turning points in historical memory*. Moscow, IVI RAS Publ. pp. 3–37. (in Russian).
Репина Л. П. Опыт социальных кризисов в исторической памяти // Кризисы переломных эпох в исторической памяти / под ред. Л.П. Репиной. М. : ИВИ РАН, 2012. С. 3–37.
- Ryzhov, K.B. (2012) *The principle of free evaluation of evidence and its implementation in civil proceedings*. Moscow, Infotropic Media Publ. Series “Civil and arbitration proceedings: new names & new ideas”. (in Russian).
Рыжов К.Б. Принцип свободной оценки доказательств и его реализация в гражданском процессе. М. : Инфотропик Медиа, 2012. Серия «Гражданский и арбитражный процесс: новые имена & новые идеи». Кн. 8. 240 с.
- Filyushkin, A.I. (2023) “To Make Known”: Historical Memory, Historical Policy, and Monuments of History of the Russian Empire. *Bulletin of NSU. Series: History, Philology*. 22(8), 70–80. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2023-22-8-70-80> (in Russian).
Филюшкин А. И. «Сделать известным»: историческая память, историческая политика и памятники истории Российской империи // *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. 2023. Т. 22. № 8. С. 70–80. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2023-22-8-70-80>

Сведения об авторах:

Васильев Антон Александрович – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства, Алтайский государственный университет, член-корреспондент Академии военных наук; 656049, Российская Федерация, г. Барнаул, пр-т Социалистический, д. 68, каб. 315

ORCID: 0000-0003-3122-531X, SPIN-код: 9404-3717

e-mail: anton_vasiliev@mail.ru

Боловнев Михаил Алексеевич – кандидат юридических наук, доцент, кафедра трудового, экологического права и гражданского процесса, Алтайский государственный университет; 656049, Российская Федерация, г. Барнаул, пр-т Социалистический, д. 68, каб. 202а

ORCID: 0000-0002-1797-2936, SPIN-код: 5585-7393

e-mail: slovak92@mail.ru

About the authors:

Anton A. Vasiliev – Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Department of Labor, Environmental Law and Civil Procedure, Altai State University; 68, Sotsialisticheskiy prospekt, Barnaul, 656049, Russian Federation

ORCID: 0000-0003-3122-531X, SPIN-code: 9404-3717

e-mail: anton_vasiliev@mail.ru

Mikhail A. Bolovnev – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Altai State University; 68, Sotsialisticheskiy prospekt, Barnaul, 656049, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-1797-2936, SPIN-код: 5585-7393

e-mail: slovak92@mail.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-1-171-185>

EDN: QUQGHV

Научная статья / Research Article

Развитие китайского законодательства в 1920–1940-е годы под влиянием советской политико-правовой теории

Ли Яо

Институт верховенства права за рубежом при Восточно-Китайском университете политических наук и права, г. Шанхай, Китайская Народная Республика
[✉ yaozaihenmang@mail.ru](mailto:yaozaihenmang@mail.ru)

Аннотация. 22 июня 1941 г. Германия начала войну против СССР. СССР вступил в Отечественную войну против иностранных захватчиков. В это время также началась Война сопротивления китайского народа японской агрессии. У Китая и России общая историческая память об антифашистской войне – событие, о котором должны помнить оба народа. Стоит отметить, что все развитие законодательства в условиях Второй мировой войны явилось важным вкладом в обеспечение победы над врагом. Особенно земельные, трудовые и семейные права, которые оказались в значительной части вполне систематическими для решения особых задач военного положения. Правовая система Китая, созданная по советскому образцу, объединила силы рабочих и крестьян, эмансипировала женщин и тем самым быстро подняла производительные силы. Представлен анализ советской теории государства и права, которые оказывали большее влияние на китайское законодательство, регулирующее трудовые, земельные и семейные отношения в период Китайской советской республики и в годы Второй мировой войны. Раскрываются изменения, внесенные в законодательство в период войны, которые позволили мобилизовать трудовые и имущественные ресурсы в тылу. Цель исследования – выявить основные моменты, благодаря которым Китай смог выстоять против японской агрессии и освободить оккупированные территории в дальнейшем.

Ключевые слова: советское право, китайское право, Китайская Советская Республика, Великая Отечественная война, революция, земельное законодательство, трудовое законодательство, семейное законодательство

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию: 13 июля 2024 г.

Принята к печати: 15 января 2025 г.

Для цитирования:

Ли Яо. Развитие китайского законодательства в 1920–1940-е годы под влиянием советской политико-правовой теории // RUDN Journal of Law. 2025. Т. 29. № 1. С. 171–185. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-1-171-185>

© Ли Яо, 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Development of Chinese legislation in the 1920s–1940s influenced by Soviet political and legal theory

Li Yao

Institute for Foreign-Related Rule of Law, East China University of Political Science and Law,
Shanghai, People's Republic of China
 yaozaihenmang@mail.ru

Abstract. On June 22, 1941, Germany launched its war against the USSR, marking the beginning of the Soviet Union's participation in the Great Patriotic War against foreign invaders. At that time, the War of Resistance of the Chinese People against Japanese Aggression also commenced. Both China and Russia share a common historical memory of the anti-fascist struggle – an important memory that both peoples should honor. It is noteworthy that the development of legislation during the Second World War significantly contributed to ensuring victory over the enemy. In particular, land, labor and family rights were systematically addressed to meet the unique demands of martial law. The Chinese legal system, modeled after Soviet law, united the forces of workers and peasants, empowered women, and rapidly enhanced productive capabilities. This article analyzes Soviet theories of state and law that had a considerable impact on Chinese legislation regulating labor, land and family relations during the period of the Chinese Soviet Republic and throughout the Second World War. It reveals changes made to legislation during the war that facilitated the mobilization of labor and property resources in the rear. The purpose of this article is to identify the key factors that enabled China to withstand Japanese aggression and ultimately liberate occupied territories.

Key words: Soviet law, Chinese law, Chinese Soviet Republic, Great Patriotic War, revolution, land law, labor law, family law

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Received: 13th July 2024

Accepted: 15th January 2025

For citation:

Li, Yao. (2025) Development of Chinese legislation in the 1920s–1940s influenced by Soviet political and legal theory. *RUDN Journal of Law*. 29 (1), 171–185. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-1-171-185>

Введение

В совместном заявлении РФ и КНР было заявлено о том, что «стороны намерены достойно отметить предстоящие в 2025 г. 80-летие Победы Советского Союза в Великой Отечественной войне и Победы в Войне сопротивления китайского народа японской агрессии, совместно продвигать достоверную интерпретацию истории Второй мировой войны»¹. Председатель КНР Си Цзиньпин также отметил, что «Мукдэнский инцидент» (взрыв на железной дороге, повлекший вторжение японцев в Маньчжурию в 1931 г.) стал началом Войны сопротивления китайского народа

¹ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху, в контексте 75-летия установления дипломатических отношений между двумя странами. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/supplement/6132> (дата обращения: 29.06.2024).

против Японии и одновременно открыл прелюдию к мировой войне². 22 июня 1941 г. Германия начала войну против СССР, и именно с этого момента для страны началась Великая Отечественная война. В освобожденных Красной армией от фашизма странах были установлены дружественные отношения. Стоит отметить, что революционные меры и связанные с ними правовые теории и законодательная практика после Октябрьской революции не только способствовали установлению советской власти в Китае, но и долгое время продолжали оказывать влияние на китайское законодательство и помогли Китаю в войне. Китай и Россия внесли большой вклад в войну, и у двух стран есть общность в создании истории мира, которую каждый человек должен помнить.

Цель исследования – определение исторической роли и вклада Советского Союза и Китая в победу над фашизмом, а в дальнейшем – определение основного направления влияния советской политико-правовой теории и практики на разработку и внедрение китайского законодательства. Исследование посвящено углубленному изучению правового и исторического взаимодействия между Советским Союзом и Китаем. В соответствии с установленными целями определены следующие задачи: 1) анализ ключевых исторических событий, способствовавших победе Советского Союза и Китая над фашизмом; 2) выявление особенности и влияния «Октябрьской революции» на китайское законодательство и правовую теорию, адаптированные к условиям войны; 3) рассмотрение примеров, как советское законодательство и идеология продолжали влиять на китайское законодательство во время войны.

Методы исследования. Историко-правовой анализ – сопоставление исторических фактов, юридических документов двух стран. Сравнительный метод – рассмотрение различий в правовых системах Советского Союза и Китая, а также анализ изменений советского правового мышления в китайском законодательстве.

Основные идеи советской государственно-правовой теории и их влияние на правовую систему Китая

Во время Первой мировой войны в России под руководством большевиков произошла Октябрьская революция, установившая первый в мире режим диктатуры пролетариата и подавшая революционный пример пролетариату по всему миру. В то время процесс формирования советской теории права и государства в целом проходил в виде борьбы против буржуазного мировоззрения, суть заключалась в отрицании прежних правовых учений. Под влиянием этих идей юридическая теория быстро сформировала свои собственные положения. В 1918 г. А.Г. Гойхбарг³ опубликовал книгу под названием «Новое семейное право» (Goichberg, 1918:88). И в своей статье «Первый кодекс законов РС.Ф.С.Р.» автор писал, что «в области семейного права наш первый кодекс отбрасывает всякие фикции, ставит на первый план действительное положение вещей, действительное происхождение, приучает

² Речь Си Цзиньпина на 75-й годовщине победы в войне сопротивления китайского народа против японской агрессии и мировой войне. Режим доступа: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1676869577586032217&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 29.06.2024)

³ Александр Григорьевич Гойхбарг — российский советский государственный деятель, юрист, профессор Московского университета, главный создатель Гражданского кодекса РСФСР 1922 года, принимал участие в составлении текста первой советской конституции и в кодификации советского брачного, семейного и опекунского права.

людей к правдивости, освобождает их от предрассудков, не на словах, а на деле уравнивает в правах всех детей, без различия их происхождения, устанавливая для них легкую возможность – это равноправие осуществить» (Goichberg, 1918:8). Сразу же после выступления А.Г. Гойхбарга с докладом о проекте КЗоТа появился Первый в мире КЗоТ новой власти⁴. Что касается земельного права, то А.Г. Гойхбарг уделял больше внимания решению проблемы собственности на землю, добиваясь отмены частной собственности на землю, гарантируя государственную собственность на землю (Goichberg, 1921:5). Впоследствии Китай постепенно заимствовал эти правовые теории и законодательство.

Коммунистический интернационал (Коминтерн) основан на 1-м (Учредительном) конгрессе, проходившем 2–6 марта 1919 г. в Москве. В работе конгресса участвовали 52 делегата от 35 партий и групп из 21 страны с целью объединения усилий пролетариата всего мира для свержения международного империализма и капитализма, а также выдвижения советского режима на передний план мировой пролетарской революции. Далее, в апреле 1920 г. в Китай в качестве представителя Коминтерна приехал Г. Н. Войтинский⁵ (Gerasimov, 2022:18–19), который привез с собой большое количество газет, журналов и материалов РСФСР. В июле того же года в Шанхае было создано Китайско-русское информационное агентство, которое предоставило китайским марксистам удобную платформу для ознакомления с советской революционной системой и теорией, сразу же после этого журнал «Новая молодежь» начал вести рубрику «Русские исследования» в № 1 (том 8, сентябрьское издание 1920 г.), публикуя статьи о советской политике, экономике и культуре. Также он включал ряд переводов и комментариев, описывающих революционные законодательные меры и законодательные идеи в РСФСР. Из них китайский ученый Дай Цзитао заимствовал теорию А.Г. Гойхбарга, в своей статье «Три закона, которые я разработал», рассказывая о брачном праве, он отмечал, что «А.Г. Гойхбарг писал статью, в котором называет КЗАГС первым кодексом законов РСФСР» (Dai, Jitao, 1921:26). Позже японский ученый Ямакава Кикиуэй (山川菊栄), специализировавшийся на изучении советской теории государства и права, опубликовал в журнале «Новая молодежь» (№ 3, том 9) статью «Эмансипация женщин в рабоче-крестьянской России», переведенную на китайский язык китайским марксистским теоретиком товарищем Ли Да, указавшим в статье о том, что «этот новый КЗАГС, реализуя абсолютное равенство мужчин и женщин в законодательстве, предоставляя женщинам максимальную свободу в переходный период от капитализма к социализму, облегчая развод и уравнивая права и обязанности мужа и жены, разрушает старую систему брака и в то же время служит основой для более свободных отношений между мужчинами и женщинами в будущем. Рабоче-крестьянское правительство, таким образом, взяло самые важные женские нагрузки, то есть вопросы домашнего хозяйства и воспитания детей в руки государства и отнесли их к ответственности общины. Женщина в рабоче-крестьянской России зависела не от мужа, а от своего труда. Не муж поддерживает ее, а ее собственная сильная рука» (Yamakawa Kikuei, 1921:311–314).

⁴ СУ РСФСР. 1918. № 87–88. Ст. 905.

⁵ Григорий Наумович Войтинский – советский политический деятель, ученый-китаевед. В 1920–1927 гг. – на ответственной работе в Исполкоме Коминтерна (ИККИ), заведующий дальневосточным сектором восточного отдела. Является первым представителем Коминтерна в Китае, оказал большую помощь в создании Компартии Китая.

Внедрение идей К. Маркса и советских революционных теорий постепенно применялось в китайской революционной практике: в начале июня 1921 г. представители Коминтерна, коммунисты С. Маринг и В. Нейман под фамилией Никольский⁶, выехали в Китай как представители Профинтерна от Дальневосточного секретариата Коминтерна для участия в подготовке и проведении первого съезда китайских коммунистов. Они один за другим прибыли в Шанхай и установили контакт с членами первых организаций коммунистической партии в Шанхае, а именно Ли Да и Ли Ханьцзюнем. После нескольких бесед они пришли к выводу, что необходимо как можно скорее провести национальный съезд для официального создания КПК.

23 июля 1921 г. в Шанхае состоялся Первый национальный съезд КПК, на котором было объявлено об официальном создании КПК и принята Первая программа КПК⁷. В партийной программе I съезда КПК четко сказано, что партия признает систему советского управления, необходимость организации рабочих, крестьян и солдат, а также основную политическую цель партии – осуществление социальной революции... До конца классовой борьбы, т. е. до устранения классовых различий в обществе, признавая диктатуру пролетариата⁸. 1 мая 1922 г. состоялась Первая национальная рабочая конференция, принявшая ряд нормативных правовых актов о труде. 16 августа 1922 г. секретариат Китайского союза труда издал общенациональный Циркуляр о начале деятельности по трудовому законодательству, в котором подчеркивалось значение трудового кодекса. Затем был разработан набросок трудового законодательства⁹, в соответствии с которым рабочие развернули общенациональное рабочее движение. В июне 1923 г. состоялся Третий съезд КПК, на котором был принят Проект программы КПК, в котором четко указывалось, что «пролетариат в Китае должен принять участие в такой национальной революции, чтобы он мог сначала использовать способность концентрироваться на себе, чтобы завоевать позицию в политической борьбе, и только потом он будет иметь возможность объединить пролетариат мира и угнетенные национальности колоний в процессе мировой социальной революции»¹⁰. В октябре 1925 г. в Пекине состоялось расширенное заседание Центрального исполнительного комитета, на котором было опубликовано «Письмо к крестьянам», впервые выдвинувшее земельную политику «обрабатываемой земли, принадлежащей крестьянам»¹¹. 7 августа 1927 г. Совещание ЦК КПК определило направления аграрной революции. В октябре 1927 г. Мао Цзэдун во главе войск Осеннего восстания урожая поднялся на гору Цзинган, создав первую

⁶ Пятнадцатым участником съезда Коммунистической партии Китая оказался выходец из Баргузина. Режим доступа: <https://burunen.ru/blogs/71681-pyatnadtsatym-uchastnikom-sezda-kommunisticheskoy-partii-kitaya-okazalsya-vykhodtsem-iz-barguzina/?ysclid=lxaj2bamdc532217267> (дата обращения: 28.06.2024).

⁷ Вскоре после основания КПК центральные органы подверглись саботажу со стороны иностранных патрулей, и архивы о Первом съезде КПК, собранные ЦК партии, вскоре было невозможно найти. 24 декабря 1956 года Центральный комитет Коммунистической партии СССР поместил оригинальные 18 коробок с архивами делегации КПК в Интернационале КПК в ЦК КПК, в которых содержался русский вариант Первой программы Коммунистической партии Китая.

⁸ Избранные документы ЦК КПК. Т. 1. Пекин: Издательство «Партийный университет ЦК КПК», 1989. С. 3.

⁹ Набросок трудового законодательства. Режим доступа: <https://www.guoxuemi.com/shijian/2215q/> (дата обращения: 02.07.2024).

¹⁰ Избранные документы ЦК КПК. Т. 1. Пекин: Издательство «Партийный университет ЦК КПК», 1989. С. 140.

¹¹ Избранные документы ЦК КПК. Т. 1. Пекин: Издательство «Партийный университет ЦК КПК», 1989. С. 140, 512.

сельскую революционную базу под руководством КПК – революционную базу горы Цзинган¹². По мере постепенного укрепления революционных базовых районов в августе 1928 г. в базовом районе Западная Фуцзянь было обнародовано первое Положение о браке по советскому образцу, в котором впервые был сформулирован ряд основных принципов, например, «брак должен быть добровольным как для мужчин, так и для женщин» и т.д. В конце того же года в пограничном районе Сянган был обнародован первый в истории КПК закон «О земле Цзинганшань»¹³.

Развитие законодательства в период существования Китайской Советской Республики: историко-правовой анализ

С 1929 г. по первую половину 1930 г. по всей стране было создано более десятка сельских революционных баз и был создан отряд Красной армии численностью более 100 000 человек. В то время в центральных руководящих органах КПК обсуждался вопрос о необходимости созыва Национального съезда советских районов и создания Временного центрального правительства Китайской Советской Республики для содействия укреплению пролетарского руководства, мнение по данному вопросу было относительно единодушным.

4 февраля 1930 г. Центральный комитет КПК издал циркуляр «О созыве Национального съезда советских районов», в котором предлагалось провести Национальный съезд советских районов совместно с Национальным профсоюзом при участии представителей революционных баз и Красной армии¹⁴. В мае 1930 г. в Шанхае был проведен Национальный съезд советских регионов. На съезде были приняты Декларация Национального съезда советских районов, Политические резолюции Национального съезда советских районов, обсужден и проект «Закона о земле», проект «Закона об охране труда» и другие проекты, а также определены задачи и стратегии борьбы за установление демократического режима для рабочих и крестьян по всей стране¹⁵.

Для реализации стратегий и задач, поставленных Национальным съездом советских районов, 18 июня 1930 г. ЦК КПК издал Циркуляр «О расширении пропагандистской кампании» для Национального съезда советских районов, в котором говорилось следующее: «Центральный Комитет призывает всю партию к борьбе за будущее Советского Китая и выдвигает в качестве центрального лозунга всей нынешней пропаганды и агитации противодействие империалистической мировой войне, вооруженную защиту СССР, подготовку к вооруженному восстанию, свержение господства дворянско-буржуазного Гоминьдана и создание Советского Китая»¹⁶.

¹² Красный Стяг над горами Цзинган. Режим доступа: <https://sv-scena.ru/Buki/Mao-TSzedun.22.html> (дата обращения: 03.07.2024).

¹³ Закон о земле Цзинганшань. Режим доступа: <https://www.jian.gov.cn/news-show-11098.html> (дата обращения: 01.07.2024).

¹⁴ Первые выборы Китайского Совета рабочих и крестьян. Режим доступа: http://www.china.com.cn/guoqing/2019-09/03/content_75168105.htm (дата обращения: 01.07.2024).

¹⁵ Красная память. Режим доступа: https://mp.weixin.qq.com/s/?__biz=MzA3OTc0NDk5Mg==&mid=2651546219&idx=2&sn=077c8311f57e3e4f41fa9cdd968fb625&chksm=845118e4b32691f2a5b43b6b8e0696d35784e8cabf594db944df1a8c6f424243217a36860788&scene=27 (дата обращения: 01.07.2024).

¹⁶ Циркуляр о расширении пропагандистской кампании для Национального съезда советских районов. Режим доступа: <http://www.71.cn/2011/0930/630733.shtml> (дата обращения: 01.07.2024).

В то же время газета «Красный флаг» опубликовала Агитационный набросок Первого Национального съезда советских районов, в котором велась активная пропагандистская кампания о значении и роли съезда. Основные положения были следующими: во-первых, Национальный съезд советских районов рассматривался как форма организации национально-революционного режима, и отныне в Китае существуют две противоположные формы власти: бюрократическое гоминьдановское правительство, поддерживаемое империалистами, и демократическое правительство рабочих и крестьян, непосредственно управляемое рабочими и крестьянами в результате массовых восстаний. Во-вторых, в нем подчеркивались значение и функции проекта «Закона о земле» и проекта «Закона об охране труда». Считалось, что эти два законопроекта станут важнейшим оружием китайской революционной борьбы и займут такое же великое место в истории китайской революции, как декрет «О земле» и декрет «О мире» в Октябрьской революции 1917 г. (Yang, Musheng, 2000:12).

С 7 по 27 ноября 1931 г. на 1-ом Всекитайском съезде Советов была принята Конституция Китайской Советской Республики, также и был принят ряд правовых актов о земле, труде и браке¹⁷. Во вновь выпущенных газетах начали писать о том, что Китайская Советская республика, несомненно, станет предвестником победы и установления демократической диктатуры рабочих и крестьян Китая в национальном масштабе, прелюдией к созданию нового общества в Китае и революционного освобождения угнетенных народов Востока, и, продолжая Октябрьскую революцию в Советской России, впишет новую и великую страницу в историю мировых революций¹⁸.

2-й Всекитайский съезд Советов проходил с 21 января по 1 февраля 1934 г. 1 февраля 1934 г. председатель Мао Цзэдун выступил с заключительной речью и опубликовал Декларацию Второго Всекитайского съезда Советов, в которой говорилось следующее: «Начиная с Первого Всекитайского съезда Советов и до настоящего времени, всеми средствами Советской власти полностью доказано, что Советская власть является единственным руководителем антиимпериалистической аграрной революции. Она ясно показала перед всем населением страны, что советский путь есть единственный путь освобождения китайского народа и общества»¹⁹.

Если сравнить законы Китайской Советской Республики с законами Советского Союза того времени, то нетрудно обнаружить, что они во многом схожи. Конституция, трудовое право, земельное право, семейное право и т.д. – все они продолжали использование советской модели законодательства и развивали идеи советского народа. Это хороший пример того, что правовая система Китайской Советской Республики находилась под глубоким влиянием Советского Союза, и что она училась и заимствовала практику и опыт Советского Союза при построении правовой системы. Далее рассмотрим конкретные примеры.

В ст. 1 Конституции Китайской Советской Республики четко сказано: «Задача Конституции Китайской Советской Республики – обеспечить власть демократической диктатуры рабочих и крестьян в советских районах и добиться ее победы на

¹⁷ 7 ноября 1931 года в уезде Жуйцзинь (провинции Цзянси) состоялся 1-й Всекитайский съезд Советов. Режим доступа: <http://cpc.people.com.cn/GB/64162/64165/72301/72308/> (дата обращения: 04.07.2024).

¹⁸ Еженедельник «Красный флаг», № 23, 20 ноября 1931 г.

¹⁹ Декларация Второго Всекитайского съезда Советов. Режим доступа: http://www.ce.cn/xwzx/gnsz/szyw/200705/21/t20070521_11437288.shtml (дата обращения: 04.07.2024).

всей территории Китая»²⁰. Ст. 12 Закона о земле Китайской Советской Республики гласит: «При Советской власти государственная собственность на землю и воду является необходимым шагом к полной ликвидации всех феодальных отношений в деревне и фактически является необходимым шагом к высокому и быстрому развитию сельского хозяйства»²¹. Закон «О труде Китайской Советской Республики» предусматривал введение восьмичасового рабочего дня, защиту молодых рабочих, работниц и детей, введение охраны труда, социального страхования и государственного пособия по безработице и т. д., что способствовало укреплению и развитию профсоюзных организаций, мобилизации и укреплению способности профсоюзных активистов вступать в Красную армию²². Законодательство «О браке в Центральном советском районе» определялось Положением «О браке Китайской Советской Республики», обнародованным в декабре 1931 г., и Законом «О браке Китайской Советской Республики», вышедшем 8 апреля 1934 г. В целях реализации принципа свободы брака ст. 20 указанная в положении «О браке Китайской Советской Республики» предусматривала, что «если женщина не выходит замуж снова, то мужчина обязан содержать ее и пахать за нее землю до тех пор, пока она не выйдет замуж». Ст. 1 Закона «О браке Китайской Советской Республики» четко гласит: «Отменить все браки по принуждению и купле-продаже, запретить детей-невест»²³. Освобождение угнетенных женщин и отмена феодальной и варварской системы брака были одним из важных элементов демократической революции Коммунистической партии Китая. При сохранении демократического режима рабочих и крестьян граждане обоих полов не только добились политического положения, но и получили землю и работу, что создало необходимые материальные предпосылки и политические гарантии для реализации равенства мужчин и женщин и свободы брака.

Специфика китайского права в условиях военного времени

В 1935 г., когда японские захватчики активизировали агрессивную войну против Китая, КПК выдвинула политику «создания единого антияпонского фронта» (Qu, Lindong, 2020:7). 23 сентября 1937 г. КПК и Гоминьдан заключили соглашение о сотрудничестве. Китайская Советская Республика была переименована в освободительный район, находившийся под руководством КПК. Единый фронт антияпонской нации собрал значительные людские и материальные ресурсы, чтобы справиться с относительно отсталыми экономическими условиями производства и постепенной агрессией японской армии. ЦК КПК необходимо было проанализировать всю ситуацию и сформулировать полную политическую линию и стратегическую политику, соответствующую новым обстоятельствам. Это также стало главным социальным фактором для изменения соответствующего законодательства и политики. Рассмотрим более подробно основные моменты развития китайского законодательства того времени:

²⁰ Конституция Китайской Советской Республики. Режим доступа: https://www.hnsjw.gov.cn/sitesources/hnsjct/page_html5/zjtj/gqbnhdgclswy/dswx/article2981ce10ef8f4ddf89bbc326d25522f5.html (дата обращения: 04.07.2024).

²¹ Закон о земле Китайской Советской Республики. Режим доступа: <http://www.yuanlin365.com/yuanli/142678.shtml> (дата обращения: 05.07.2024).

²² Закон о труде Китайской Советской Республики. Режим доступа: <http://www.71.cn/2011/0930/630850.shtml> (дата обращения: 02.07.2024).

²³ Закон о браке Китайской Советской Республики. Режим доступа: http://www.npc.gov.cn/npc/c12434/c1793/c1853/c2198/201905/t20190522_5107.html (дата обращения: 05.07.2024).

Развитие земельного законодательства в контексте политической реформы. Начиная с 17 по 25 декабря 1935 г. ЦК КПК провел заседание Политбюро в форте Ваяо в уезде Андин провинции Шэньси, в начале которого Чжан Хао выступил с докладом о духе Седьмого конгресса Коминтерна. Затем участники провели всестороннюю дискуссию. В ходе дискуссии возникла полемика вокруг вопроса о том, может ли национальная буржуазия противостоять японцам. В своей программной речи Мао Цзэдун проанализировал отношение различных классов к антияпонской борьбе и дал понять, что национальная буржуазия может принять участие в антияпонской борьбе в момент гибели страны и уничтожения нации, что даже лагеря крупной буржуазии могут разделиться и что необходимо создать широкий антияпонский национальный единый фронт. 25 декабря 1935 г. Заседание приняло Постановление ЦК «О современном политическом положении и задачах партии», подготовленное Чжан Вэньтянем. Для того чтобы соответствовать требованиям создания широкого антияпонского национального единого фронта, Постановление предусматривало смену «Рабоче-крестьянской республики» на «Народную республику», а также изменение некоторых политических установок, которые не соответствовали требованиям антияпонской борьбы. По вопросу об изменении политики по отношению к богатому крестьянству в Постановлении было указано, что «Советская Народная Республика изменяет свою политику по отношению к богатому крестьянству. Имущество богатых крестьян не будет конфисковано, не будет конфискована и земля богатых крестьян, за исключением той части, которая эксплуатируется феодализмом, независимо от того, пашут ли ее сами крестьяне или наемные рабочие. Когда вся земля в деревне будет разделена поровну, богатые крестьяне должны иметь право на ту же долю земли, что и бедные крестьяне и средние крестьяне»²⁴. Другими словами, земля и имущество богатых крестьян были защищены, за исключением той части, которая эксплуатировалась феодализмом. С постепенным вторжением японского империализма основные социальные противоречия и основная политическая ситуация в Китае изменились. Для КПК и всей нации было лучшим выбором сотрудничать между Коммунистической партией Китая и Гоминьданом и объединиться в широкий антияпонский национальный единый фронт, чтобы противостоять вторжению иностранного врага. Политика снижения арендной платы и процентных ставок для помещиков, официально закреплённая на Лочуаньской конференции 1937 г., полностью консолидировала антияпонский национальный единый фронт на политическом уровне (Wang, Jinlin, 2005:230). набросок администрации пограничного района Шаньси – Ганьсу – Нинся от 1941 г. также взял за основу единство, сопротивление и спасение Китая, и ст. 1 гласила: объединить все социальные классы и антияпонские партии и фракции в районе и пустить в ход все трудовые, материальные, финансовые и интеллектуальные ресурсы для обороны пограничного района, защиты Северо-Западного Китая и изгнания японского империализма²⁵. В 1942 г. ЦК КПК обобщил практический опыт снижения арендной платы и процентов и принял Решение ЦК КПК «О земельной политике антияпонских базовых районов», в котором четко указывалось, что «политика снижения арендной платы и процентных ставок является земельной политикой антияпонского национального единого фронта» (Han, Yanlong & Zhang, Xibo, 2007:568).

²⁴ Постановление ЦК о современном политическом положении и задачах партии. Режим доступа: <https://www.dswxyjy.org.cn/n/2013/1217/c244520-23862655.html> (дата обращения: 02.07.2024).

²⁵ набросок администрации пограничного района Шаньси – Ганьсу – Нинся. Режим доступа: https://www.chnmuseum.cn/zp/zpml/gmww/202104/t20210406_249570_wap.shtml (дата обращения: 03.07.2024).

С точки зрения земельной собственности Государственная собственность на землю и частная собственность на землю – это два вида собственности, предусмотренные земельным законодательством в освобожденном районе, находившийся под руководством КПК. Кроме того, что в правовом акте перечисляли виды земель, которые должны находиться в государственной собственности²⁶, он также гласит, что народ имеет право постоянно использовать землю без согласия землевладельца для строительства укреплений национальной обороны, транспорта, дорог и строительства домов, но должен заплатить землевладельцу или обменять землю на другую. Правительство Приграничного района полностью гарантировало всем противникам японской политики в Приграничном районе право на частную собственность и свободу пользования и получения доходов (включая землю) в соответствии с законом; оно также гарантировало право на частную землю всем крестьянам, которые приобрели землю, и гарантировало права на частную землю помещиков в неразделенных земельных районах (Ai, Shaorun & Gao, Haishen, 2016:7).

Правовой статус женщин и поощрение прав женщин в китайском законодательстве

Наряду с углублением революции и развитием движения за освобождение женщин Мао Цзэдун в период сопротивления выдвинул более глубокие и конструктивные взгляды на освобождение женщин и реформу системы брака. По случаю празднования Международного женского дня в 1939 г. Мао Цзэдун подчеркнул неравный статус женщин, заявив, что не только китайский народ угнетался японскими империалистами в период войны, но и наши женщины подвергались еще большему угнетению, то есть их угнетали мужчины (Mao, Zedong, 1972:168). В 1940 г. он вновь подчеркивал, что над соотечественницами издеваются не только японские империалисты, предательские и упрямые помещики и дворяне, но и непросвещенные мужчины (Xie, Yibiao, 2005:109). Руководствуясь мыслью Мао Цзэдуна об освобождении женщин, освободительные районы во время войны сопротивления японской агрессии унаследовали и развили опыт Советского Союза, обеспечив получение женщинами политических, культурных, семейных и имущественных прав в рамках правовой системы и в конечном итоге освобождение женщин от традиционных и патриархальных практик брака и семьи. В сентябре 1937 г. Организационный отдел ЦК КПК издал «Основные направления работы с женщинами», в котором определялось, что необходимо стремиться к политическому, экономическому и культурному равенству между мужчинами и женщинами, улучшать и повышать положение женщин, противостоять всем феодальным ограничениям и угнетению в борьбе за демократию и свободу в войне сопротивления²⁷.

На протяжении почти тысячелетия, вплоть до начала XX в., китайские женщины подвергали свои ноги деформации, считая, что лишь крошечные ступни могут быть красивы. Этот ужасный и разрушительный обряд бинтования ног был настолько глубоко укоренен в китайской культуре, что продолжался на протяжении многих веков. В связи с этим Коммунистическая партия Китая рассматривала освобождение

²⁶ См.: Избранные документы правительства пограничного района Шаньси – Ганьсу – Нинся, серия 8 / Под ред. Архива провинции Шэньси и Академии общественных наук Шэньси. Пекин: Издательство архивов, 1991. С. 71.

²⁷ Основные направления работы с женщинами. Режим доступа: https://m.thepaper.cn/baijiahao_13643720 (дата обращения: 05.07.2024).

женщин от бандажей для ног как важную меру по защите прав женщин в стране. В августе 1939 г. в пограничном районе Шэньси, Ганьсу и Нанкин был издан указ, запрещающий бинтование ног, – это был первый случай, когда женщинам было запрещено бинтовать ноги по закону. В указе четко оговаривается, что с даты опубликования указа женщинам в возрасте до 18 лет запрещается бинтовать ноги, а те, кто уже бинтовал ноги, должны немедленно избавиться от бинтов; те, кто еще не достиг 18-летнего возраста, а при этом их родителей принудили к бинтованию ног, виновные родители будут приговорены к лишению свободы на срок не более одного года. Если женщина в возрасте до 40 лет не освободит свои ноги в течение шести месяцев после опубликования указа, ее родители будут приговорены максимум к шести месяцам тюремного заключения. Что касается женщин старше 40 лет, то с ними следует проконсультироваться, готовы ли они освободить свои ноги, и это не должно быть принудительным²⁸. Этот указ является самым тщательным, решительным и действенным указом, запрещающим бинтование ног в современной истории Китая. Он решительно запретил этот бесчеловечный социальный порок с помощью уголовных санкций и сурового наказания, полностью защитил неотъемлемое право китайских женщин на физическое здоровье и подтвердил равенство личности, которым пользуются китайские женщины в соответствии с законом. Эта крупная инициатива по освобождению тела и духа женщин показывает, что Коммунистическая партия Китая придает большое значение правам женщин (Нao, Qi, 1995:35).

Семья – это основная экономическая организация, организующая производство и добывающая средства к существованию. После начала Войны сопротивления китайского народа японской агрессии, когда большинство молодых мужчин стали солдатами и отправились на поле боя, значение женщин в сельскохозяйственном производстве стало более заметным, и они сыграли важную роль в поддержании экономического производства. Согласно статистике весной 1937 г. в Яньани и других уездах было организовано 14 501 женских учебно-производственных групп, в которых приняли участие 35 594 женщины; весной 1938 г. 20 600 женщин приняли участие в рекультивации 70 000 000 квадратных метров земли (Xie, Yibiao, 2005:110). Участвуя в производстве, женщины создавали достаток для своих семей и общества, что значительно улучшало экономическое положение женщин (Qin, Yan, 1992, 76).

Говоря о свободе брака, следует упомянуть, что статья 2 Положения «О браке пограничного района» Шаньси – Ганьсу – Нинся, принятого в апреле 1939 г., была важной частью законодательных мер, направленных на регулирование семейных отношений в контролируемых Коммунистической партией Китая регионах. Этот документ был частью усилий по установлению социалистических норм в жизни китайского общества. В приведенной статье акцентировалось внимание на том, что брак должен основываться на взаимном согласии и уважении между партнерами. Также подчеркивалось, что противозаконные или принудительные браки недопустимы. В контексте Положения о браке было предусмотрено, что браки должны регистрироваться в официальных органах, что обеспечивало легитимность и правовую защиту семейных отношений.

Этот документ отражал попытки коммунистов внедрить новые социальные нормы и улучшить положение женщин и семей в условиях социальной и политической нестабильности. Он также символизировал переход от традиционных практик

²⁸ Постановление о запрете бинтования ног женщин. Режим доступа: https://www.sxlib.org.cn/dfzy/sjk/wxjl/slhb/sgngmgjdsxljdyj/201704/t20170425_679220.html

к более современным и равноправным отношениям в обществе, стремясь создать более справедливую и прогрессивную систему для граждан. Приведем содержание самой статьи, которая гласит следующее: «принцип брака между мужчиной и женщиной регулируется свободной волей мужчины и женщины», и ст. 10 гласит, что «мужчины и женщины, желающие развестись, могут обратиться в местное поселковое или городское управление для регистрации развода. Выдается свидетельство о разводе»²⁹. После принятия такого Положения количество разводов в регионе постоянно росло: в 1939 г. было 70 случаев, в 1940 г. – 77, в 1941 г. – 125, в 1942 г. – 242, в 1943 г. – 203, в 1944 г. – 173, а в первой половине 1945 г. – 133 дела. Многие из этих дел о разводе были инициированы женщинами, например, 94 из 99 случаев о разводе, рассмотренных в 1940 г. в подрайоне Суйде пограничного района Шаньси – Ганьсу – Нинся, и все 23 дела о разводе, рассмотренные в уездах подрайона Суйде в 1942 г., были инициированы женщинами³⁰. Впоследствии, когда они столкнулись с военными атаками, споры по поводу брака и семейных вопросов вызвали бы волнения среди бойцов фронта и не способствовали бы победе в войне. Поэтому реальность требовала, чтобы женское освободительное движение в этот период было в определенной степени подчинено общей ситуации национальной революции (Wang, Jianhua, 2010:130). Для стабилизации армии и обеспечения победы в войне Правительство предприняло ряд специальных мер по выпуску нормативно-правовых документов, защищающих браки военнослужащих. Например, «Меры по урегулированию разводов антияпонских семей в пограничном регионе Шаньси – Ганьсу – Нинся» (январь 1943 г.), «Приказ о защите браков революционных солдат в пограничных районах Цзиньсуя» (апрель 1946 г.) и т. д. Ограничения на расторжение браков супругов военнослужащих были несколько строже: Поправка к Временному положению «О браке в пограничном районе Шаньси – Ганьсу – Нинся» от 20 марта 1944 г. гласила: «Супругам антияпонских солдат в принципе не разрешается разводиться в период войны сопротивления, а тем, кто не может получить весточку от мужа в течение как минимум пяти лет, не разрешается подавать заявление о разводе в местное правительство. Получив такое заявление, местные власти должны расследовать обстоятельства дела, прежде чем дать развод. Только если муж умер, бежал, перешел на сторону врага или женился на другой, она может быть освобождена от этого положения» (Han, Yanlong & Chang, Zhaoru, 1984:810).

Приведем реальный пример, который произошел во время японо-китайской войны. Хуан Ланхуа и Лю Фумин заключили брачный договор, но после того, как Лю Фумин ушел в армию и более семи лет от него не было вестей, его супруга вышла замуж за Ван Вэньцзе, исходя из жизненных потребностей, и когда Лю Фумин подал иск о сохранении брачного договора, Высший суд пограничного района Шаньси – Ганьсу – Нинся решил, что брачный договор должен быть расторгнут³¹. Правила защиты брака солдат сопротивления округа Хуайхай 1943 г. также содержали аналогичные положения, а именно, что условия для развода были следующими: если было получено согласие солдата сопротивления, или если было доказано, что солдат был

²⁹ Положение о браке пограничного района Шаньси – Ганьсу – Нинся. Режим доступа: http://dfz.shaanxi.gov.cn/sqzlk/xbsxz/sxdyl/yys_16204/dbxz/201004/t20100420_764159.html

³⁰ Документация женского движения в пограничном районе Шаньси – Ганьсу – Нинся / под ред. Ассоциации женщин провинции Шэньси. Сиань: Народное изд-во Шэньси, 1985. С. 367.

³¹ Архив провинции Шэньси: Сборник уголовных и гражданских решений высшего суда Пограничного района Шэньси-Ганьсу-Нинся 1946 г., Т 2 / под ред. суда Пограничного района Шэньси – Ганьсу – Нинся, файл № 15–30.

вовлечен в двоеженство или если будет доказано, что военнотрудовой действительности пожертвовал собой (Zhang, Xipo, 2004:367). Строгий контроль над вопросом развода военнотрудовых позволял защитить их браки и поднять боевой дух.

Трудовое законодательство и его адаптация во время войны

Во время сопротивления японской агрессии в каждом антияпонском районе был принят ряд нормативных правовых актов, направленных на улучшение жизни рабочих и защиту их законных прав и интересов в соответствии с политикой партии «О едином фронте антияпонской нации и фактической ситуацией в районе». Например, ст. 1 «Временных правил о труде на фабриках Северо-Западного Китая», опубликованных Административным управлением Северо-Западного Китая в апреле 1941 г., гласила: «Целью настоящих правил является развитие производства, укрепление солидарности, защита интересов как работодателей, так и работников, улучшение жизни рабочих для удовлетворения потребностей войны». В соответствии со ст. 21 по мере возможности работодатели должны были стремиться к обеспечению безопасности и гигиены на фабриках. Согласно ст. 38 работницы не должны привлекаться к ночной работе, тяжелой работе или работе опасного характера (Han, Yanlong & Chang, Zhaoru, 1984:678–680). Ст. 10 «Временных правил защиты рабочих в пограничном районе Цзинь, Хэбэй, Луху и Юй» (ноябрь 1941 г.) гласила о продолжительности рабочего дня: «Рабочие на государственных и частных заводах, шахтах и мастерских должны работать по десять часов в день. Однако рабочее время подземных шахтеров не должно превышать девяти часов» (Han, Yanlong & Chang, Zhaoru, 1984:663). В антияпонский период китайский лидер Мао Цзедун разъяснял принципы трудового законодательства в освобожденных районах, указывая в своей статье о политике улучшения жизни рабочих с целью активизации всеобщего антияпонского духа, но при этом китайское правительство не должно было слишком сильно повышать заработную плату или сокращать рабочий день. В нынешних условиях в Китае восьмичасовой рабочий день все еще трудно внедрить повсеместно, а десятичасовой рабочий день должен быть разрешен в некоторых отраслях производства. В других отраслях производства продолжительность рабочего дня должна устанавливаться в зависимости от обстоятельств. Что касается улучшения жизни и обращения с сельскими рабочими, то не следует поднимать слишком высокие требования, иначе это легко приведет к противодействию крестьян, безработице рабочих и сокращению производства (Mao, Zedong, 1991:766).

Заключение

Создание правовой системы Китая в период Китайской советской республики и в годы Второй мировой войны стало важным этапом в истории правовой системы Китая, который не мог быть достигнут без влияния и помощи советского права.

Правовая система Китая, созданная по советскому образцу, объединила силы рабочих и крестьян, эмансипировала женщин и тем самым быстро подняла производительные силы. В период антияпонской войны несмотря на незначительные изменения в политике антияпонская законодательная деятельность с самого начала и до конца отражала интересы пролетариата и широких народных масс, проводила общую политику единого антияпонского фронта, ослабляла противоречия между партиями и людьми, разного социального статуса, обеспечивала единство различных сил

в сопротивлении японскому вторжению, давала возможность народным массам добиться политических, экономических, культурных прав и интересов, всемерно мобилизовала активное участие социальных субъектов в сопротивлении японскому вторжению и в производстве.

В результате, опираясь на энтузиазм социальных субъектов, наконец, Новый Китай смог добиться окончательной победы в антияпонской войне и внести свой вклад в мировую войну.

References / Список литературы

- Ai, Shaorun & Gao, Haishen. (2016) *Compilation of Laws and Regulations of the Shanxi-Gansu-Ningxia Border Region*. Xi'an, Sanqin Publishing House. (in Chinese).
艾绍润, 高海深. 陕甘宁边区法律法规汇编. 西安: 三秦出版社2016年版.
- Dai, Jitao. (1921) Three bills I drafted. In: Chen, Dushu, Li, Dazhao & Qiu, Qiubai (eds.). *New Youth*. Vol. IX. 2011. Beijing, Publishing House Chinese Bookstore. (in Chinese).
戴季陶. 我所起草的三法案. 载陈独秀, 李大钊, 瞿秋白主编. 新青年(第9卷). 中国书店2011年版.
- Goichberg, A. G. (1918) *New family law*. Moscow, Publishing house of the military-legal bookstore. (in Russian).
Гоїхбарг А. Г. Новое семейное право. М.: изд. военно-юрид. кн. магазина, 1918. 88 с.
- Goichberg, A.G. (1918) The first code of laws of the R. S. F. S. R. *Proletarskaya revolyuciya i pravo*. (7), 3–9. (in Russian).
Гоїхбарг А. Г. Первый кодекс законов Р.С.Ф.С.Р. // Пролетарская революция и право. № 7. С. 3–9.
- Goikhbarg, A.G. (1921) *Soviet Land Law*. Moscow, Gos. Izdvo Publ. (in Russian).
Гоїхбарг А. Г. Советское земельное право. М.: Гос. изд-во, 1921. 116 с.
- Gerasimov, D.I. (2022) Between the Kuomintang and the CCP: the policy of the Soviet state in China (1918–1927). *Istoricheskij zhurnal: nauchnye issledovaniya*. (5), 18–19. (in Russian).
Герасимов Д.И. Между Гоминьданом и КПК: политика Советского государства в Китае (1918–1927 гг.) // Исторический журнал: научные исследования. 2022. № 5. С. 18–19.
- Han, Yanlong & Zhang, Xibo. (2007) *History of Chinese Revolutionary Legal System*. Beijing: China Social Science Press. (in Chinese).
韩延龙, 张希坡. 中国革命法制史. 北京: 中国社会科学出版社2007年版.
- Han, Yanlong & Chang, Zhaoru. (1984) *Selected Documents on the Legal System of the Base Areas during China's New Democratic Revolution*. Vol. 4. Beijing, China Social Science Press. (in Chinese).
韩延龙, 常兆儒. 中国新民主主义革命时期根据地法制文献选编. 第4卷. 北京: 中国社会科学出版社1984年版.
- Hao, Qi. (1995) An Experimental Study of the Main Contributions of Women in the Shanxi-Gansu-Ningxia Border Region in the War of Resistance. *Journal of Yan'an University (Social Science Edition)*. (1), 34–38. (in Chinese).
郝琦. 试论陕甘宁边区妇女在抗战中的主要贡献 // 延安大学学报(社会科学版). 1995. № 1. С. 34–38.
- Mao, Zedong. (1972) *Collected Works of Mao Zedong*. Vol. 2. Beijing, People's Publ. (in Chinese).
毛泽东. 毛泽东文集. 第2卷. 北京: 人民出版社1972年版.
- Mao, Zedong. (1991) *Selected Works of Mao Zedong*. Vol. 2. Beijing, People's Publ. (in Chinese).
毛泽东. 毛泽东选集. 第2卷. 北京: 人民出版社1991年版.
- Qu, Lindong. (2020) Connotation, roots and historical significance of Mao Zedong's view of the Chinese nation. *Studies in the history of history*. (4), 1–7. (in Chinese).
瞿林东. 毛泽东中华民族观的内涵、根源和历史意义 // 史学史研究. 2020. № 4. С. 1–7.
- Qin, Yan. (1992) Theory and practice of women's participation in social production in the Shanxi-Gansu-Ningxia border area. *Journal of Humanities*. (1), 73–76. (in Chinese).

- 秦燕. 陕甘宁边区妇女参加社会生产的理论与实践 // 人文杂志. 1992. № 1. С. 73–76.
- Sui, Lili & Sun, Guangyan. (2021) From Rural to Urban: Exploring Rights Protection in the Liberated Area of Harbin. *Study and Exploration*. (1), 86–94. (in Chinese).
- 隋丽丽, 孙光妍. 从农村到城市哈尔滨解放区的权利保障探索 // 学习与探索. 2021. № 1. С. 86–94.
- Wang, Jianhua. (2010) Emancipation of rural women in the revolutionary perspective – the example of the Shanxi-Gansu-Ningxia Border Region during the war. *Tianfuxinlun*. (1), 127–131. (in Chinese).
- 王建华. 革命视域下的乡村妇女解放——以抗战时期陕甘宁边区为例 // 天府新论. 2010. № 1. С. 127–131.
- Wang, Jinlin. (2005) On the Similarities and Differences between the Anti-Japanese Democratic Regime and the Workers' and Peasants' Soviet Regimes. *Gansu Social Science*. (1), 223–230. (in Chinese).
- 王晋林. 论抗日民主政权与工农苏维埃政权的异同 // 甘肃社会科学. 2005. № 1. С. 223–230.
- Xie, Yibiao. (2005) On Mao Zedong's Thought on Women's Human Rights in the War Period. *Gansu Social Science*. (2), 108–111. (in Chinese).
- 谢一彪. 论抗战时期毛泽东的妇女人权思想 // 甘肃社会科学. 2005. № 2. С. 108–111.
- Yamakawa, Kikuei. (1921) Emancipation of Women in the RSFSR. In: Chen, Dushu, Li, Dazhao & Qiu, Qiubai (eds.). *New Youth*. Vol. IX. 2011. Beijing, Publishing House Chinese Bookstore Beijing, Publishing House Chinese Bookstore. (in Chinese).
- 山川菊荣. 劳农俄国的妇女解放. 载陈独秀, 李大钊, 瞿秋白主编. 新青年(第9卷). 中国书店2011年版.
- Yang, Musheng. (2000) *Legal Construction in the Central Soviet Area*, Beijing, China Party History Press. (in Chinese).
- 杨木生. 中央苏区法制建设. 北京: 中国党史出版社2000年版.
- Zhang, Xipo. (2004) *History of Marriage Legislation in China*. Beijing, People's Publ. (in Chinese).
- 张希坡. 中国婚姻立法史. 北京: 人民出版社2004年版.

Сведения об авторе:

Ли Яо – доктор юридических наук, постдок Института верховенства права за рубежом при Восточно-Китайском университете политических наук и права; 201620, Китайская Народная Республика, г. Шанхай, район Сунцзян, ул. Лунъюань, 555

ORCID: 0000-0002-9933-7513

e-mail: yaozaihenmang@mail.ru

About the author:

Li Yao – Doctor of Legal Sciences, Postdoctoral Researcher, Institute for Foreign-Related Rule of Law, East China University of Political Science and Law; 555 Longyuan st., Area Songjiang, Shanghai, 201620, People's Republic of China

ORCID: 0000-0002-9933-7513

e-mail: yaozaihenmang@mail.ru

ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО И ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

LAND LAW AND ENVIRONMENTAL LAW

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-1-186-204>

EDN: RESITR

Научная статья / Research Article

Совершенствование природоохранного законодательства в связи с выполнением международных обязательств Российской Федерации

Р.Ю. Колобов

Федеральный исследовательский центр «Иркутский институт химии им. А.Е. Фаворского
Сибирского отделения Российской академии наук», г. Иркутск, Российская Федерация

 roman.kolobov@gmail.com

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена необходимостью выполнения обязательств Российской Федерации по Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия и решений Комитета всемирного наследия. Цель проведенного анализа – определение оптимальных способов совершенствования российского законодательства в части закрепления режима охраны всемирного природного наследия. Материалами исследования выступают положения международных договоров, решения Комитета всемирного наследия, положения российского природоохранного законодательства и проекты нормативных актов. В исследовании использованы формально-юридический, сравнительно-правовой и системно-структурный методы. К основным результатам исследования относится разработка теоретической конструкции особо охраняемой территории *suī generis*, обоснование необходимости признания центральной экологической зоны Байкальской природной территории особо охраняемой природной территорией. Описываются оптимальные пути совершенствования законодательства в вопросах охраны объектов всемирного природного наследия в части подготовки планов управления ими и оценки воздействия на их экологическое состояние. В заключении констатируется необходимость закрепления в законодательстве особенностей охраны и других международно-правовых режимов охраны природы (например, рамсарских угодий).

Ключевые слова: объекты всемирного наследия, международные режимы охраны, озеро Байкал, экологическое право, особо охраняемые природные территории

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено в рамках исполнения государственного задания РАН № 125013001144-6.

© Колобов Р.Ю., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Поступила в редакцию: 11 октября 2024 г.

Принята к печати: 15 января 2025 г.

Для цитирования:

Колобов Р.Ю. Совершенствование природоохранного законодательства в связи с выполнением международных обязательств Российской Федерации // *RUDN Journal of Law*. 2025. Т. 29. № 1. С. 186–204. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-1-186-204>

Strengthening environmental legislation in accordance with Russia's international obligations

Roman Y. Kolobov

Federal Research Center “Irkutsk Institute of Chemistry named after A.E. Favorsky of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences”. A. E. Favorsky Irkutsk Institute of Chemistry of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, *Irkutsk, Russian Federation*

 roman.kolobov@gmail.com

Abstract. The relevance of the study is determined by the need to fulfill the obligations of the Russian Federation under the Convention Concerning the Protection of the World Cultural and Natural Heritage and the decisions of the World Heritage Committee. The purpose of the analysis is to determine the appropriate ways to improve the Russian legislation in terms of strengthening the regime of protection of the World Natural Heritage. The materials of the study are the provisions of international treaties, decisions of the World Heritage Committee, provisions of the Russian environmental legislation and draft regulations. The study applies formal-legal, comparative-legal and system-structural methods. The main results of the study include the development of the theoretical construction of sui generis specially protected area, justification of the necessity to recognize the central ecological zone of the Baikal natural territory as a specially protected natural territory. The author describes the best ways to improve the legislation on the protection of World Natural Heritage properties in terms of preparing management plans and assessing the impact on their ecological condition. The conclusion states the need to establish in the legislation the specifics of protection of other international legal regimes of nature protection (for example, Ramsar sites).

Key words: world heritage property, international protection, lake Baikal, environmental law, protected areas

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Funding. The research was conducted as part of the state assignment of the Russian Academy of Sciences, No. 125013001144-6.

Received: 11th October 2024

Accepted: 15th January 2025

For citation:

Kolobov, R.Y. (2025) Strengthening environmental legislation in accordance with Russia's international obligations. *RUDN Journal of Law*. 29 (1), 186–204. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-1-186-204>

Введение

В современной международной нормативной системе большое внимание уделяется охране окружающей среды. За непродолжительный по историческим меркам период появилось значительное число как международных договоров, так и актов

так называемого мягкого права природоохранной направленности. Положения таких документов носят, как правило, несамоисполнимый характер (Marochkin, 2021), поэтому эффективность их реализации зависит преимущественно от качества имплементационного законодательства.

Наша страна является стороной многих международных договоров, направленных на охрану различных компонентов природной среды. Для реализации некоторых из них сформирована развернутая внутригосударственная нормативная база, в то время как в отношении других наблюдается явный дефицит законодательного регулирования. К последним относятся акты, закрепляющие международно-правовые режимы охраны природы на определенных территориях. Прежде всего речь идет о режимах охраны объектов всемирного природного наследия (далее – ОВПН)¹ и рамсарских угодий². Не менее важны и режимы, формирующиеся в секторе мягкого права (Castaneda, 2013), например, биосферных резерватов³ и глобальных геопарков ЮНЕСКО. Несмотря на свою безусловную значимость, указанные режимы реализуются в национальном законодательстве бессистемно, а масса важнейших вопросов, которые будут продемонстрированы далее, до настоящего времени не получила внутригосударственной регламентации.

В 2019 г. на федеральном портале проектов нормативных актов был опубликован законопроект⁴ (далее – законопроект), предусматривающий внесение дополнений в Федеральный закон «Об охране окружающей среды»⁵ в виде отдельных статей, посвященных охране объектов всемирного природного наследия (далее также – ОВПН) и водно-болотных угодий международного значения, а также в Федеральный закон «Об особо охраняемых природных территориях» (далее также – закон об ООПТ)⁶ в части закрепления режима биосферных полигонов. Ввиду отсутствия каких-либо иных официальных документов по рассматриваемой проблематике некоторые из предлагаемых автором предложений будут соотнесены с текстом указанного законопроекта.

По нашему мнению, наиболее уместным юридико-техническим решением, обеспечивающим выполнение поставленных задач, является включение в Федеральный закон «Об особо охраняемых природных территориях» раздела «Международно-правовые природоохранные режимы».

¹ Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия (заключена в г. Париже 16.11.1972) // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLIV. М. 1990. С. 496–506 (далее – Конвенция, Конвенция о всемирном наследии).

² Конвенция о водно-болотных угодьях, имеющих международное значение, главным образом, в качестве местобитаний водоплавающих птиц // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXXIII. М., 1979. С. 462–466.

³ Man and the Biosphere (MAB) Programme. Режим доступа: <https://en.unesco.org/mab> (дата обращения: 12.10.2023). На настоящий момент положения закона «Об особо охраняемых природных территориях» о биосферных полигонах утратили силу (см.: О признании утратившими силу пунктов 2–5 статьи 10 Федерального закона «Об особо охраняемых природных территориях»: федер. закон от 28 июня 2022 г. № 191-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2022. № 27. Ст. 4592).

⁴ Проект федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об особо охраняемых природных территориях» и отдельные законодательные акты Российской Федерации». Режим доступа: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=96976> (дата обращения: 12.01.2023). По информации, размещенной на портале, на законопроект было представлено отрицательное заключение об оценке регулирующего воздействия, и в Государственную Думу он не вносился.

⁵ Об охране окружающей среды: федер. закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ // Собр. законодательства. 2002. № 2. ст. 133.

⁶ Об особо охраняемых природных территориях: федер. закон от 14 марта 1995 г. № 33-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1995. № 12. Ст. 1024.

В настоящем исследовании осуществлен поиск оптимальных форм имплементации международных природоохранных режимов на примере проблем соблюдения положений Конвенции о всемирном наследии⁷ применительно к сохранению озера Байкал⁸.

Объекты всемирного природного наследия: проблемы нормативного определения

С 2013 г.⁹ в ст. 1 Федерального закона «Об охране окружающей среды» включено определение объектов всемирного природного наследия, под которыми предлагается понимать объекты природного наследия, включенные в Список всемирного наследия (далее также – Список). Дефиниция последних появилась с подобными изменениями как результат модификации установлений, регламентированных статьями 2 Конвенции¹⁰. Соответствие критериям выдающейся универсальной ценности¹¹ (далее – ВУЦ) выступает в данном случае как основная их характеристика, вместе с тем они не внесены в Список.

Нельзя не отметить, что Комитет всемирного наследия (далее также – Комитет) на протяжении нескольких лет, предшествующих принятию данного закона в 2013 г., высказывал рекомендации по формированию в российском правовом порядке специального регулирования, посвященного объектам всемирного природного наследия¹². При этом высока вероятность, что законодательное закрепление двух указанных дефиниций обусловлено указанными позициями Комитета¹³.

Соотношение этих понятий обусловлено их исходным значением, определенным в Конвенции. Большая часть ее положений распространяется как на объекты, включенные в Список, так и на объекты, не включенные в него, но выявленные государством самостоятельно в соответствии со ст. 3 и п. 1 ст. 11 этого международного договора. Формой такого выявления согласно устоявшейся практике и положениям Руководства по выполнению Конвенции¹⁴ (далее – Руководство) являются

⁷ В настоящей статье речь пойдет об объектах всемирного *природного* наследия и потенциально – об объектах смешанного культурно-природного наследия. На момент написания настоящей статьи первых в России расположено 11, вторых – ни одного.

⁸ Озеро Байкал внесено в Список всемирного наследия в 1996 г.

⁹ О внесении изменений в Федеральный закон «Об особо охраняемых природных территориях» и отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон № 406-ФЗ от 28 декабря 2013 г. // Собрание законодательства РФ. 2013. № 52 (1 ч.). С. 6971.

¹⁰ В законодательном определении, в частности, нет указания на состав природных памятников (физические и биологические образования) и наличие выдающейся универсальной ценности с точки зрения эстетики или науки. Не включена такая характеристика строго ограниченных зон, как охрана ареала подвергающихся угрозе видов животных и растений.

¹¹ Данный ключевой термин, активно используемый в документах Комитета всемирного наследия, значительно изменился за несколько десятков лет. См.: (Droste, 2011).

¹² См.: Decision 34 COM 7B.23 Volcanoes of Kamchatka (Russian Federation) (N 765bis). Режим доступа: <https://whc.unesco.org/en/decisions/4131> (дата обращения: 12.10.2023); Decision 36 COM 7B.24 Virgin Komi Forests (Russian Federation) (N 719). Режим доступа: <https://whc.unesco.org/en/decisions/4673> (дата обращения: 12.10.2023).

¹³ К сожалению, пояснительные записки к этим законопроектам не содержат развернутого пояснения мотивов вносимых изменений.

¹⁴ Operational Guidelines for the Implementation of the World Heritage Convention. Режим доступа: <https://whc.unesco.org/en/guidelines/> (дата обращения: 15.08.2024).

предварительные списки, формируемые государствами самостоятельно¹⁵. Подобной логике следуют и нормы ст. 3 Конвенции, в соответствии с которой каждое государство определяет и разграничивает различные ценности, указанные в ст. 1 (культурное наследие) и ст. 2 (природное наследие), расположенные на его территории.

Иными словами, текст Конвенции закрепляет два вида природных объектов, относимых к общему понятию «наследие». В одном случае это объекты, которые включены в Список на основании решения Комитета, в другом – объекты, получившие такую оценку непосредственно со стороны государства, однако в Список не включенные. При этом следует подчеркнуть, что текст Конвенции не предполагает принципиальных отличий в их правовом режиме, за исключением вопроса об оказании различных форм международной помощи, которая, *как правило*, оказывается в отношении «листингового» наследия¹⁶.

Вместе с тем в общественном и профессиональном дискурсах указанное двойственное понимание термина «наследие» отмечается нечасто, и более того, сама система охраны всемирного наследия эволюционировала таким образом, что наследие, не внесенное в Список, крайне редко становилось объектом внимания ее органов. Его состояние не обсуждается на заседаниях Комитета, эта тематика не представлена в профильных исследованиях консультативных органов Комитета. В цитируемом вышеуказанном комментарии к Конвенции также говорится, что ЮНЕСКО заявляет о необходимости охраны наследия, не включенного в Список, только в самых исключительных случаях¹⁷.

Иными словами, юридически закрепленные определения терминов «объект природного наследия» и «объект всемирного природного наследия» сами по себе соотносятся с содержанием Конвенции. При этом следует отметить, что краткость данных определений не позволяет в полной мере отразить сущность и реализовать имеющиеся возможности системы охраны всемирного наследия, что обуславливает необходимость модернизации рассматриваемой терминологии.

Различные действующие документы системы охраны всемирного наследия не предписывают каких-либо единых стандартов использования понятийного аппарата, ввиду этого разные государства по-разному формируют систему исходных дефиниций в своем внутреннем праве. К примеру, понятием ООПТ международного значения, под которой, в частности, понимается территория, включенная в Список, оперирует нормативно-правовая база Республики Беларусь в законе «Об особо охраняемых природных территориях»¹⁸ (ст. 33).

В свою очередь австралийский закон «Об охране окружающей среды и сохранении биоразнообразия» 1999 г.¹⁹ предусматривает более развернутые дефиниции понятий объектов всемирного наследия. Так, статья 13 указанного Закона содержит

¹⁵ Пункт 62 Руководства, дающий определение предварительного списка, закрепляет, что он представляет собой перечень тех объектов на территории государства, которые оно считает подходящими для номинации в Список всемирного наследия, а также содержит ссылку на ст. 1, 2 и п. 1 ст. 11 Конвенции.

¹⁶ Сходные позиции отражаются и в авторитетном комментарии к Конвенции. См.: (Francioni & Lenzerini, 2023).

¹⁷ К такого рода случаям относится уничтожение Бамианских статуй Будды в Афганистане (Francioni & Lenzerini, 2003).

¹⁸ Об особо охраняемых природных территориях : Закон Республики Беларусь № 150-З от 15 ноября 2018 г. // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь, 13 декабря 2018 г. № 2/2588.

¹⁹ Environmental Protection and Biodiversity Conservation Act 1999. Режим доступа: <https://www.legislation.gov.au/Details/C2016C00777> (дата обращения: 25.07.2023).

понятие «объявленный объект всемирного наследия» (англ.: declared world heritage property), представленный либо объектами, включенными в Список, либо объектом, в отношении которого министром по охране окружающей среды сделано заявление в соответствии со ст. 14 цитируемого закона. Это положение закрепляет, что министр может объявить определенный объект объектом всемирного наследия в том случае, если он представлен Комитету всемирного наследия для включения в Список в соответствии со ст. 11 Конвенции либо если министр полагает, что объект обладает или с определенной долей вероятности обладает ценностями всемирного наследия, или такие ценности находятся под угрозой. Такое заявление принимается после консультаций с властями штатов и является срочным (п. 5 ст. 14). Оно прекращает свое действие в случае наступления одного из следующих событий: окончания периода, указанного в заявлении; отмены заявления либо принятия Комитетом решения о включении объекта в Список, либо об отказе в таком включении. Понятие объявленного объекта всемирного наследия в описанном двусоставном значении используется и в иных актах законодательства, обеспечивающих охрану уникальных природных комплексов²⁰.

При этом нельзя обойти вниманием тот факт, что используемое в действующем российском законодательстве понятие «объект природного наследия» в известном смысле «повисает в воздухе», поскольку из его определения не ясны ни его назначение²¹, ни особенности его правового режима. Представляется, что наряду с сохранением термина «объект природного наследия» требуется более точно сформулировать его содержание посредством законодательного закрепления значимых характеристик подобных объектов, а именно: 1) обладание выдающейся универсальной ценностью, критерии определения которой согласуются с получившими признание от Комитета всемирного наследия подходами; 2) закрепление наряду с иными объектами в формируемом Российской Федерацией предварительном списке, подлежащему в последующем включению в Список всемирного наследия. Конкретизация в части наличия исключительной универсальной ценности (а не только в части соответствия ее критериям) необходима в связи с тем, что при сформировавшихся на сегодня за длительный период деятельности в области охраны всемирного наследия подходах факт такой ценности определяется наличием одновременно трех условий: собственно соответствием критериям, установленным Комитетом в Руководстве; обладанием качеством целостности и наличием системы управления и охраны (п. 78 Руководства) (Droste, 2011).

Предлагаемые выше изменения и дополнения позволяют, с одной стороны, соблюсти требования Конвенции в части реализации обязательств по выявлению наследия (ст. 3 Конвенции), совместив их с выполнением обязанности представлять по мере возможности перечень ценностей для включения в Список (п. 1 ст. 11 Конвенции). С другой стороны, они предоставляют возможность учета результатов

²⁰ См., напр.: Offshore Petroleum and Greenhouse Storage (Environment) Regulation 2023. Режим доступа: <https://www.legislation.gov.au/Details/F2023L00998> (дата обращения: 25.07.2023).

²¹ Федеральный закон «Об охране окружающей среды» вне ст. 1 вновь использует его лишь в ст. 5, относя к компетенции федеральных органов государственной власти формирование перечня объектов природного наследия, рекомендуемых Российской Федерацией для включения в Список всемирного наследия. Одним из важнейших последствий признания природного комплекса объектом природного наследия является их отнесение к особо защитным участкам лесов в соответствии со ст. 119 ЛК РФ. Эти примеры показывают, что в составе ныне функционирующего позитивного права не предусмотрено режима охраны объектов, содержание которого отвечает требованию комплексности.

эволюции подходов к системе охраны всемирного наследия, выразившейся в концентрации внимания исключительно на анализе состояния объектов, внесенных в Список. Помимо этого, такой подход избавляет от необходимости формирования не предусмотренного в настоящий момент в национальном праве особого искусственно создаваемого для объекта природного наследия режима охраны.

Также из ранее обозначенного нами аспекта, заключающегося в том, что включение объекта в Список предполагает, что данный объект *к моменту* такого включения соответствует критериям выдающейся универсальной ценности, отличается качеством целостности, при этом имеется сложившаяся определенная система его нормативной охраны и управления, следует содержательное наполнение понятий «объект природного наследия» и «объект всемирного природного наследия» в различных сферах, в частности правовой, необходимо рассматривать как идентичное.

Иными словами, он уже рассматривается внутренним правом в качестве обладающего характеристиками объекта всемирного природного наследия.

Порядок номинирования объектов всемирного природного наследия

Общие вопросы номинирования объектов всемирного наследия получили отражение в законопроекте, однако регламентированность данного вопроса носит достаточно общий характер. В законопроекте предусмотрено, что объекты могут быть рекомендованы к включению в Список по представлению компетентного органа исполнительной власти, а непосредственная подготовка материалов осуществляется органами государственной власти субъектов Российской Федерации. Поддерживая принципиально предлагаемые законопроектом установления, все же полагаем, что они недостаточны.

На уровне международно-правового регулирования одним из основных механизмов отбора потенциальных объектов всемирного наследия является процедура включения в предварительные списки²². В соответствии с п. 63 Руководства рассмотрению материалов номинации Комитетом должно предшествовать нахождение объекта в предварительном списке не меньше года²³.

Основные требования к подготовке предварительных списков предусмотрены Руководством, и, помимо этого, государствам рекомендуется ознакомиться с исследованиями консультативных органов при их подготовке (пп. 71 и 72 Руководства). Содержащиеся в этих документах наиболее значимые подходы к подготовке предварительных списков должны получить правовое закрепление в национальном законодательстве. Отдельные специально-юридические и технические вопросы формирования таких списков могут решаться на подзаконном уровне. Уполномоченный орган из числа федеральных органов исполнительной власти может иметь право утверждения методических рекомендаций, содержащих критерии, на основе которых осуществляется отбор объектов для их внесения в предварительные списки. При этом в качестве теоретической базы разработки указанных методических рекомендаций могут использоваться Руководства, разного рода исследования и руководящие документы консультативных структур Комитета. К таким документам прежде всего

²² По данным Центра всемирного наследия, по состоянию на 15 августа 2024 г. в российский предварительный список включен тридцать один объект. См.: Tentative Lists. Режим доступа: <https://whc.unesco.org/en/tentativelists/?action=listtentative&state=ru&order=states> (дата обращения: 15.08.2024).

²³ Подобное указание встречается в Руководстве (ред. 1984 г.) (Vigneron, 2016).

относится Руководство по разработке и пересмотру предварительных списков, ориентированное на самый ранний этап подготовки номинаций²⁴, подходы которого вполне могут составить основу методических рекомендаций.

При этом важнейшим вопросом, неизбежно возникающим в ходе номинационного процесса, является вопрос обеспечения прав местного населения и коренных народов, проживающих на территории объекта всемирного наследия. Этот подход получил отражение в п. 64 Руководства, требующем привлечения широкого круга участников к формированию предварительных списков. Решением Комитета 43 СОМ 11А данное положение Руководства дополнено указанием на то, что в случаях, когда планируемая номинация окажет влияние на обычное течение жизни коренных народов, органы государственной власти должны будут получать от них предварительное информированное согласие на включение объекта в предварительный список²⁵.

Нельзя не признать, что системе охраны всемирного наследия известны и весьма неоднозначные примеры инскрипции объектов именно с точки зрения соблюдения прав местного населения и коренных народов (Disko & Dorrough, 2022). К примеру, лесной комплекс Каенг Крачан четырежды был номинирован Таиландом, и лишь последняя попытка в 2021 г. оказалась успешной. Основным препятствием к включению в Список на протяжении столь долгого времени становились опасения Комитета и его консультативных органов, что права представителей коренного населения (каренов) будут нарушены в связи с осуществлением мероприятий по подготовке номинации. Решение 44-й сессии Комитета о таком включении получило неоднозначные оценки в научной литературе (Bille Larsen, 2022; Tohsan & Thanachaitemwong, 2022). Возникновение подобного рода эксцессов неизбежно, поскольку действующей моделью организации охраны всемирного наследия подразумевается, что Комитет является политическим органом, сформированным из представителей государств (Meskell, Liuzza, Bertacchini & Saccone, 2015), которые не только руководствуются положениями нормативных документов, но принимают в расчет и политические интересы текущего момента времени.

В современных отечественных исследованиях также отмечается, что отбор перспективных объектов для последующей номинации не всегда сопровождается достаточно представительным экспертным обсуждением (Maksakovsky, 2018; Maksakovsky & Butorin, 2019), не говоря о реальном привлечении широкой общественности.

Вместе с тем контент-анализ средств массовой информации приводит к выводу о неприятии определенной частью местного населения центральной экологической зоны Байкальской природной территории (далее – ЦЭЗ БПТ) режима ОВПН, вызванном не в последнюю очередь отсутствием разъяснительной работы со стороны органов власти, направленной на информирование широкой общественности о выгодах, которые могут сопутствовать реализации норм Конвенции в области развития деятельности по сохранению байкальской экосистемы и повышению уровня жизни местного населения. Не менее важным аспектом является и понимание общей

²⁴ Guidance on Developing and Revising World Heritage Tentative Lists. Режим доступа: <https://whc.unesco.org/document/184566> (дата обращения: 12.10.2023).

²⁵ На уровне нормативных документов роль местных сообществ и коренных народов в охране и управлении уникальными природными объектами постоянно усиливалась на протяжении всего существования системы охраны всемирного наследия (Jang & Mennis, 2021).

ответственности перед цивилизацией за сохранение уникального природного комплекса, которую разделяет с государством местное население.

Одним из важнейших обязательств государств – участников Конвенции является популяризация наследия (ст. 4 и 5). Традиционно основным способом выполнения этой обязанности считался туризм²⁶. Мы полагаем, что не менее важным средством выполнения этой обязанности является просвещение в целях распространения информации об универсальной всемирной значимости объектов всемирного наследия и способах устойчивого использования расположенных на их территории природных ресурсов в интересах настоящего и будущих поколений. Необходимость реализации таких программ также должна быть закреплена на уровне закона об ООПТ.

Предлагаемые дополнения будут содействовать также повышению качества подготовки материалов номинаций, поскольку с течением времени наблюдается ужесточение требований к содержанию указанной документации со стороны Комитета (Maksakovsky, 2018).

Институт особо охраняемых природных территорий как национальная форма реализации режима ОВПН

Важнейшей частью формируемого режима охраны уникальных природных объектов должны стать основные начала природоохранной деятельности в ОВПН. Законопроектом закреплялось два ключевых положения по рассматриваемому вопросу. Во-первых, предлагалось запретить любую хозяйственную и иную деятельность, противоречащую целям и задачам функционирования таких территорий, в ходе осуществления которой возможно нанесение ущерба природным комплексам и объектам растительного и животного мира на территории объектов всемирного наследия. Во-вторых, положениями законопроекта определялось, что *если* объект всемирного наследия находится в границах ООПТ, то охрана компонентов природной среды осуществляется в соответствии с законодательством об особо охраняемых природных территориях.

Второе положение предусматривало принципиальную возможность ситуации, при которой ОВПН может находиться вне пределов особо охраняемых природных территорий. Тем не менее сложившаяся ситуация, по нашему мнению, является неприемлемой. Необходимость обеспечения правовой охраны всемирного наследия предусмотрена Конвенцией (ст. 5 (d)) и Руководством (пп. 15 (f), 53, 98). В случаях, когда происходит ослабление такого режима либо «оголение» правовой охраны части объекта всемирного наследия, Комитет предупреждает государство о возможности включения этого объекта в Список всемирного наследия, находящегося под угрозой²⁷. Данные последствия регламентированы в п. 180 (b), (i) Руководства, который прямо закрепляет в качестве критерия включения объектов в такой список изменение правового охранного статуса территории, приводящее к снижению уровня ее правовой охраны.

²⁶ Имеющиеся в научной литературе результаты анализа данной темы можно разделить на 2 вида: утверждающие наличие взаимосвязи между ростом турпотока ввиду присвоения объекту статуса объекта всемирного природного наследия, либо ее отсутствие. См.: (Hosseini, Stefaniec & Hosseini, 2021; Cuccia, Guccio & Rizzo, 2016).

²⁷ В исключительных случаях исчезновение у объекта защиты в виде нормативной охраны является основанием для исключения из Списка всемирного наследия. См.: (Albrecht & Gaillard, 2015).

К сожалению, в Российской Федерации имеется негативный опыт выполнения обязательств по Конвенции всемирного наследия. Так, в январе 2010 г. констатируется проведение политики в части определения новых координатных точек пограничных поворотов национального парка «Югыд-Ва», в обязательства которого входило, в частности, осуществление охранительных функций в отношении ОВПН «Девственные леса Коми». В результате изменения границ Министерством природных ресурсов и экологии Российской Федерации золоторудное месторождение «Чудное» не было включено в качестве составляющей национального парка «Югыд-Ва», что в последующем привело к исключению из процесса реализации правовой охраны определенной области объекта всемирного наследия²⁸. При этом обращает на себя внимание оперативность реакции со стороны Комитета на описанную выше ситуацию снижения уровня правовой охраны для подобного рода объектов, что в соответствии с указаниями Комитета следует рассматривать как основание для их внесения в Список объектов всемирного наследия, находящихся под угрозой.

В Российской Федерации охрана ценных природных объектов осуществляется посредством применения института особо охраняемых природных территорий. В связи с этим на территории объекта всемирного наследия *необходимо создать* либо ООПТ *sui generis* (особого рода), осуществляющую деятельность в соответствии с нормами специально разработанного законодательного акта, или единую федеральную ООПТ традиционного вида, нормы о статусе которой подлежат включению в одноименный федеральный закон.

В опубликованных ранее изданиях автором уже раскрывалась сущность первого предложения (создание ООПТ *sui generis*) в отношении ЦЭЗ БПТ (первому и, видимо, пока единственному кандидату на такой статус) (Kolobov, Ditsevich, Ganeva & Shornikov, 2022). Поэтому в настоящей публикации мы лишь проведем описание основных положений данного варианта предлагаемых нововведений. Фактически ЦЭЗ БПТ обладает всеми признаками ООПТ, кроме формального – признания ее таковой законом. Данный режим создан и действует в природоохранных целях; его основное содержание составляют ограничения в осуществлении хозяйственной и иной экономической деятельности; он определен территориально. Таким образом, *содержательно* ЦЭЗ БПТ является особо охраняемой природной территорией *по своей сути* ЦЭЗ БПТ представляет собой особо охраняемую природную территорию.

Юридическое закрепление статуса ЦЭЗ БПТ как особо охраняемой территории осуществимо посредством внесения дополнений в положения ст. 2 закона об ООПТ, предусматривающих возможность создания особо охраняемых природных территорий на основании федеральных законов. Общие положения законодательства об ООПТ будут применимы к ним лишь в той части, в которой рассматриваемые отношения не урегулированы специальным законодательством.

Создаваемые на основании федерального закона ООПТ могут включать в свои границы иные «традиционные» особо охраняемые территории, по примеру центральной экологической зоны Байкальской природной территории. Продемонстрировать свою эффективность рекомендуемая авторами конструкция ООПТ *sui generis* может в случае надлежащей организации охраны протяженных объектов,

²⁸ В научной литературе распространение получило мнение о том, что осуществление золотодобычи в Кожимском горнорудном районе во 2 половине XX века нанесло ощутимый вред экологическому состоянию речных систем в пределах национального парка. См.: Teteryuk, Degteva, Kanev, Valuiskikh, Teteryuk & Kulyugina, 2020; Shubnitsina & Elsakov, 2014).

с проживающим на их территории значительным числом населения, когда довольно сложным является формирование традиционных ООПТ и необходимо установление исключительных норм и правил.

Предлагаемые нами меры по наделению ЦЭЗ БПТ статусом ООПТ нацелены прежде всего на решение прикладных организационных задач, поскольку режим ограничений экономической и иной хозяйственной деятельности в ее границах уже сформирован²⁹. К числу указанных задач относится прежде всего формирование единой администрации ООПТ «ЦЭЗ БПТ», которое будет способствовать обеспечению единства управления объектом всемирного наследия «Озеро Байкал», создаст возможность разработать и осуществить комплексный план управления данным объектом, будет способствовать эффективной реализации просветительской деятельности.

Имеющийся в России многолетний опыт природоохранной деятельности на территории ООПТ в перспективе будет способствовать осуществлению единого зонирования ЦЭЗ БПТ (отсутствующего на настоящий момент). При этом немаловажен и политико-правовой аспект: признание ЦЭЗ БПТ особо охраняемой природной территорией подтвердит приоритет природоохранной политики в вопросах управления ОВПН «Озеро Байкал»³⁰. Таковы лишь некоторые положительные последствия предлагаемых авторами изменений.

В научной литературе описывалось сходное предложение о придании ЦЭЗ БПТ статуса особо охраняемой природной территории международного значения (Ryzhenkov, 2018). Признавая, что появление режима ЦЭЗ БПТ, как и в целом федерального закона «Об охране озера Байкал», теснейшим образом связано с режимом охраны всемирного природного наследия, представляется, что инструмент ООПТ особого рода может быть в последующем использован и для формирования природоохранных режимов вне непосредственной связи с имплементацией международных актов, в связи с чем целесообразно закрепить общую возможность создания таких ООПТ на основании норм федеральных законов.

Второй вариант обеспечения национальной правовой охраны ОВПН путем создания «традиционных» ООПТ *федерального* уровня также представляется необходимым ввиду следующих аспектов. В настоящий момент в России известна практика использования в целях охраны объектов природного наследия правового режима ООПТ регионального уровня.

Подобная ситуация сложилась на ОВПН «Вулканы Камчатки» и получила неоднозначную оценку экспертов МСОП и Центра всемирного наследия. В отчете миссии, посетившей объект в 2007 г.³¹, было рекомендовано придать региональным ООПТ статус национальных парков, однако данная рекомендация не была выполнена. В 2019 г. объект вновь посетила реагирующая миссия МСОП и Центра

²⁹ Об утверждении перечня видов деятельности, запрещенных в центральной экологической зоне Байкальской природной территории : постановление Правительства РФ от 31 декабря 2020 г. № 2399 // Собр. законодательства РФ. 2021. № 2. Ст. 448.

³⁰ Нельзя не отметить, что система всемирного наследия, признавая необходимость популяризации объектов всемирного наследия, осуществляемой в первую очередь посредством развития устойчивого туризма, ставит «охранительную» часть режима охраны всемирного наследия на первое место. Особенно четко это выражается в п. 109 Руководства, закрепляющем, что цель системы управления ОВПН состоит в том, чтобы обеспечить его эффективную *охрану* для настоящих и будущих поколений.

³¹ Mission Report. Reactive Monitoring Mission to Volcanoes of Kamchatka Russian Federation 29 August – 7 September 2007. Режим доступа: <https://whc.unesco.org/document/9900> (дата обращения: 15.08.2024).

всемирного наследия, прямо указавшая в отчете, что наличие ООПТ разного уровня препятствует подготовке единого плана управления объектом³².

Решению описанных проблем будет содействовать отнесение полномочий по изменению границ особо охраняемых природных территорий, обеспечивающих выполнение международных обязательств Российской Федерации, к компетенции Правительства Российской Федерации с обязательным выполнением требований соответствующих международных договоров и документов, принятых в их развитие³³. Сама по себе практика создания различных типов ООПТ в границах объекта всемирного наследия может быть поддержана, однако все они должны относиться к федеральному уровню, а их управление осуществляться *единой* администрацией.

К вопросам о границах соответствующих ООПТ примыкает и вопрос об установлении буферной зоны объектов всемирного наследия. Их создание предусмотрено пп. 103–107 Руководства. Буферная зона, согласно указанным положениям, обеспечивает дополнительный уровень охраны объекта всемирного наследия, но ее территория не входит в границы объекта, т. е. формально не обладает признаком выдающейся универсальной ценности. Создание и изменение границ буферных зон одобряются Комитетом, поэтому они также представляют собой территорию, охраняемую в соответствии с Конвенцией, несмотря на то что этот режим еще находится в стадии формирования.

Таким образом, положения о режиме и границах буферных зон объектов всемирного наследия также требуют закрепления в актах национального законодательства, в соответствии с предлагаемым подходом – в законе об ООПТ. Наряду с факультативным характером института буферных зон может получить отражение вариативный характер выбора национальной формы порядка их установления во внутреннем праве. Так, если предлагаемая буферная зона физически окружает объект, в ее пределах возможно создание охранной зоны ООПТ, которая представляла бы собой наиболее близкий внутригосударственный аналог.

При этом вполне допустимым является создание иной особо охраняемой природной территории федерального уровня, выполняющей функции буферной зоны для ОВПН. Такой подход также известен практике охраны уникальных природных объектов за рубежом³⁴.

При создании особо охраняемой территории в целях обеспечения выполнения международных обязательств по Конвенции о всемирном наследии необходимо придание нормативного значения тем характеристикам уникальных природных объектов, которые обусловили их включение в Список. В системе охраны всемирного

³² Joint UNESCO World Heritage Centre/IUCN Reactive Monitoring Mission to the World Heritage Property “Volcanoes of Kamchatka” – Russian Federation 08-14 August 2019. Режим доступа: <https://whc.unesco.org/document/183777> (дата обращения: 15.08.2024).

³³ Наличие разноуровневых (федеральных и региональных) особо охраняемых природных территорий в пределах ОВН может осложнять разработку единых планов управления на многокомпонентных объектах всемирного наследия. Такая проблема отмечена в отношении объекта «Вулканы Камчатки» миссией МСОП и Центра всемирного наследия в 2019 г. Режим доступа: <https://whc.unesco.org/document/183777> (дата обращения: 12.05.2023).

³⁴ В национальном парке «Наханни» охрана «внешнего контура» ОВПН была обеспечена за счет расширения границ ООПТ без изменения границ ОВПН или создания буферной зоны объекта всемирного наследия, и Комитет приветствовал такой подход. См.: Convention concerning the protection of the World cultural and natural heritage. Режим доступа: <https://whc.unesco.org/archive/2018/whc18-42com-8Eadd-en.pdf> (дата обращения: 12.05.2023).

наследия сформировалась специальная категория для описания указанных характеристик – выдающаяся универсальная ценность, выражающаяся в формулировке (англ. statement), подлежащей утверждению Комитетом. В ней излагается оценка соответствия критериям ВУЦ, а также соответствия требованиям целостности и стандартам управления объектами. Юридическое значение формулировки заключается в том, что она является основанием для планирования будущей деятельности по охране объекта и управления им (п. 155 Руководства).

Утвержденная Комитетом формулировка должна дублироваться либо в положении о соответствующей ООПТ, обеспечивающей охрану объекта всемирного наследия, либо в федеральном законе, закрепляющем возможность создания ООПТ *suī generis*³⁵. Непосредственное внедрение формулировки выдающейся универсальной ценности во внутреннее право позволит привлечь должное внимание к сохранению ОВПН как администраций создаваемых ООПТ, так и контрольно-надзорных органов, к чьим полномочиям отнесена реализация соответствующих функций.

При этом следует отметить, что на отсутствии официально закреплённой формулировки ВУЦ в отношении объекта всемирного наследия озера Байкал длительное время Комитет не акцентировал внимания, впервые отметив важность ее формирования лишь в отчете миссии Комитета по итогам посещения озера в 2023 г. В 2024 г. данная рекомендация была поддержана Комитетом в решении 46 COM 7B.52. Многолетнее отсутствие формализации выдающейся универсальной ценности озера являлось одним из обстоятельств, препятствующих реализации потенциала режима всемирного наследия, так как реализуемые в системе охраны всемирного наследия механизмы так или иначе направлены на охрану элементов ВУЦ, указанных в такой формулировке. К ним прежде всего относится оценка воздействия, речь о которой пойдет далее в настоящей статье.

Превентивные меры по охране выдающейся универсальной ценности объектов всемирного наследия

Обозначенная выше проблематика напрямую связана с институтами охранной системы всемирного наследия, обеспечивающие предотвращение ухудшения состояния сохранности уникальных объектов и также заслуживающие закрепления в предлагаемом к принятию разделе закона об ООПТ.

Первый из этих институтов содержится в ст. 172 Руководства в виде призыва к государствам – участникам Конвенции заблаговременно сообщать о планах крупномасштабных строительных работ на объектах всемирного наследия в целях оказания содействия в поиске компромисса между интересами развития территорий и сохранения природы.

В отношении озера Байкал Комитет неоднократно запрашивал у России информацию в соответствии с данной нормой Руководства. Предметом внимания в указанных случаях становились проекты строительства причалов на территории Республики Бурятия, проекты развития особых экономических зон, возведения

³⁵ Юрико-технически подобная формулировка может быть оформлена в качестве приложения к закону. Такой прием используется, например, в Законе Российской Федерации «О международном коммерческом арбитраже», содержащем два приложения. Федеральный закон «О федеральной территории „Сириус“» содержит три приложения. Данное решение может быть уместным, поскольку формулировки выдающейся универсальной ценности, как правило, достаточно объемны.

гидротехнических сооружений на притоках реки Селенги. Поиску наилучших решений в вопросах сохранения российских объектов всемирного наследия в целом и озера Байкал в частности может в том числе содействовать закрепление процедуры уведомления Комитета о планируемых проектах строительства и возведения некапитальных сооружений на территории ОВПН³⁶.

Конструктивное планомерное выполнение обязательств по Конвенции позволит использовать передовые международные и зарубежные практики и будет способствовать выполнению международных обязательств Российской Федерации, предупреждая возникновение претензий со стороны Комитета. К примеру, утвержденный в 2022 г.³⁷ Генеральный план Листвянского муниципального образования, расположенного на побережье Байкала, предусматривает строительство моста, соединяющего поселок Никола и порт Байкал³⁸. Реализация указанного проекта может оказать существенное влияние на природную красоту объекта и на состояние биоразнообразия, гидрологические и иные характеристики объекта. Разумеется, факт включения в генеральный план не влечет обязательности строительства, вместе с тем заблаговременное уведомление Комитета, сопровождаемое всесторонней экологической оценкой последствий строительных работ, поможет избежать возможных вопросов со стороны структур системы охраны всемирного наследия, а главное – будет способствовать сохранению уникальной эстетической ценности озера.

Второй, более комплексный и сложный для решения вопрос касается непосредственной реализации норм о проведении оценки воздействия на ОВПН. Общие положения по данной теме содержатся в ст. 110 Руководства, закрепляющей, что проведение оценки воздействия предполагаемых вмешательств антропогенного характера имеет принципиальное значение для сохранения всех объектов всемирного наследия. Специальное и детализированное положение по этому вопросу представлено в п. 118бис Руководства.

Государства в соответствии с указанным выше положением должны обеспечить осуществление различных видов оценки воздействия заблаговременно перед осуществлением какой-либо деятельности по строительству или развитию в границах объекта или на территориях, непосредственно примыкающих к нему.

Консультативные органы Комитета принимали различные документы, посвященные стандартам осуществления экологической оценки. На момент написания настоящей публикации действует новое методическое руководство по проведению экологической оценки, разработанное в 2022 г.³⁹

В настоящее время внутригосударственное правовое регулирование процедур оценки воздействия предполагает обязательное проведение оценки воздействия на

³⁶ Несмотря на отсутствие в открытом доступе информации о технических характеристиках ранее упоминаемого колеса обозрения в поселке Листвянка Иркутской области, видится вполне возможным, что оно представляет собой сборную конструкцию, не подпадающую под формальное определение объекта капитального строительства. Вместе с тем возведение данного строения, как указывалось, представляется подлежащим оценке влияния на эстетическую ценность озера Байкал.

³⁷ Об утверждении Генерального плана Листвянского муниципального образования Иркутского района Иркутской области. Режим доступа: <http://listv-adm.ru/content/ob-utverzhenii-generalnogo-plana-listvyanskogo-municipalnogo-obrazovaniya-irkutskogo-0> (дата обращения: 12.01.2023).

³⁸ Мост из Николы в Порт Байкал через Ангару запланирован в генплане Листвянки. Режим доступа: <https://ircity.ru/text/transport/2022/08/02/71535587/> (дата обращения: 12.01.2023).

³⁹ Руководство и инструментарий для оценки воздействия. Режим доступа: <https://whc.unesco.org/document/195279> (дата обращения: 12.01.2023).

окружающую среду в рамках государственной экологической экспертизы. Иные виды оценки воздействия, используемые в международной практике⁴⁰, российскому законодательству до настоящего времени не известны⁴¹. Следовательно, закрепление в федеральном законе об ООПТ требования об обязательном проведении различных видов оценки воздействия хотя и желательно, но в современный период скорее нецелесообразно до формирования развернутой правовой регламентации данного института⁴².

Управление объектами всемирного природного наследия

Еще одна совокупность значимых вопросов, которые подлежат закреплению в российской правовой системе – сфера создания плана управления объектами всемирного природного наследия. При этом пунктом 108 Руководства закреплено требование об обязательности подготовки таких документов (плана управления либо документальной системы управления) для каждого объекта. В свою очередь, несовершенства системы управления могут выступить причиной внесения объекта в Список всемирного наследия, находящегося под угрозой (п. 180). На необходимость подготовки указанных документов долгосрочного планирования Комитет многократно обращает внимание в своих документах.

Анализ практики охраны объектов всемирного природного наследия в России показывает, что ситуация с подготовкой планов управления в отношении каждого из них ощутимо разнится. Так, до настоящего времени не разработан план управления в отношении объекта всемирного наследия «Озеро Байкал». Для многокомпонентного объекта всемирного наследия «Вулканы Камчатки» планы управления на 2020–2024 гг. были подготовлены, но на основе анализа в отношении отчетной документации, осуществленного совместно МСОП и Центром всемирного наследия, можно сделать предположение о том, что процесс создания данного отчета базировался на довольно распространенном методе копирования (так как в содержании наличествует набор однородных ошибок)⁴³. В свою очередь, в плане управления на 2017–2031 гг. закреплена основная вектор мероприятий, направленных на сохранение «Девственных лесов Коми» – объекта всемирного наследия⁴⁴.

Комитет на протяжении ряда лет озвучивает просьбу о подготовке как комплексного плана управления озером Байкал, так и отдельных специализированных документов планирования (например, плана борьбы с пожарами). На момент написания настоящей статьи такие планы все еще не подготовлены.

⁴⁰ К ним относятся, в частности, оценка социального воздействия, оценка воздействия на здоровье, стратегическая оценка воздействия и др. См. (Morgan, 2012).

⁴¹ В отчете о состоянии сохранности озера Байкал, представленном Российской Федерацией в 2022 г., прямо указывается, что проведение СЭО, настоятельно рекомендуемое Комитетом, российским законодательством не предусмотрено. См.: Report on the State of Conservation of the UNESCO World Heritage Site “Lake Baikal” (Russian Federation, No. 754) in 2021–2022. P. 8. Режим доступа: <https://whc.unesco.org/document/198559> (дата обращения: 15.08.2024).

⁴² Его формированию будет содействовать и учет международного опыта. См., напр.: (Shornikov, 2021; Marsden, 2011).

⁴³ WHC-IUCN Mission report_Volcanoes of Kamchatka. Режим доступа: <https://whc.unesco.org/document/183777> (дата обращения: 12.01.2023).

⁴⁴ Общий объем данного документа стратегического планирования составляет 186 страниц.

Не в последнюю очередь сложности с подготовкой планов управления ОВПН в России обусловлены, на наш взгляд, отсутствием законодательной основы выполнения указанных работ. Реализация предложения о нормативном установлении обязательности разработки планов управления объектами всемирного природного наследия создаст условия для закрепления функций по утверждению методики по подготовке планов управления ОВПН за конкретным уполномоченным органом власти (предположительно Министерством природных ресурсов и экологии России или находящейся в ведении данного министерства Федеральной службой по надзору в сфере природопользования (Росприроднадзор). При этом при формировании данных методических материалов необходим учет правовых позиций Комитета всемирного наследия и Международного союза охраны природы. В настоящий момент единственным нормативным правовым актом, регламентирующим процедуры разработки планов управления некоторыми видами особо охраняемых природных территорий, является приказ Росприроднадзора № 491 «О совершенствовании системы планирования основной деятельности государственных природных заповедников и национальных парков»⁴⁵. В отношении государственных природных заповедников и национальных парков нормы данного приказа подлежат применению вне зависимости от действия в их отношении режима правовой охраны всемирного наследия. В этой связи в данном нормативном правовом акте не получают закрепления специфические требования документов системы охраны всемирного наследия. В частности, не предъявляются требования к раскрытию выдающейся универсальной ценности, выделению ее атрибутов и ценностей, использованию механизмов экологической оценки в соответствии со стандартами системы охраны всемирного наследия.

Разработка планов управления пространственно-протяженными объектами (такими как озеро Байкал) может затянуться на многие месяцы и годы. Поэтому на период разработки долгосрочного комплексного плана управления целесообразно закрепить за администрациями особо охраняемых природных территорий, созданных для обеспечения охраны всемирного наследия, полномочия по принятию *временных* планов управления⁴⁶.

Заключение

Результаты исследования показали, что, несмотря на продолжительное, весьма активное участие Российской Федерации в природоохранных международных договорах, национальное законодательство, обеспечивающее их выполнение, еще находится в стадии становления. Реализация предложений по дополнению Федерального закона «Об особо охраняемых природных территориях» специальным разделом, в котором получают закрепление международные природоохранные режимы, будет способствовать соблюдению Российской Федерацией норм международных договоров и послужит толчком для повышения активности по сохранению и устойчивому

⁴⁵ О совершенствовании системы планирования основной деятельности государственных природных заповедников и национальных парков (наряду с «Регламентом разработки, согласования и утверждения документов планирования деятельности государственных природных заповедников и национальных парков», «Рекомендациями по разработке среднесрочных планов управления государственных природных заповедников и национальных парков»): приказ Росприроднадзора от 3 декабря 2007 г. № 497 // Доступ из СПС КонсультантПлюс.

⁴⁶ Такая практика поддерживалась Комитетом в отношении национального парка «Пирин» в Болгарии (Kolobov & Ganeva, 2022).

использованию уникальных природных комплексов, имеющих общепланетарную ценность.

Проблемы реализации международно-правовых природоохранных режимов рассмотрены нами лишь на примере установлений системы охраны всемирного наследия. В то же время в углубленном изучении нуждаются вопросы нормативного регулирования и организации соблюдения и иных ранее упоминаемых международных природоохранных институтов. В частности, речь идет о водно-болотных угодьях международного значения, биосферных резерватах, а в перспективе – и других природоохранных режимах международного характера (по мере формирования их правоприменительной и правовой сущности). К их числу можно отнести, например, объекты, входящие в Глобальную сеть геопарков ЮНЕСКО.

References / Список литературы

- Albrecht, E. & Gaillard, B. (2015) Procedure for delisting a site from the world heritage list: Is Delisting with consent or against the wish of a state party possible? *Journal of Tourism and Hospitality Management*. 3(1–2), 15–21. <https://doi.org/10.17265/2328-2169/2015.02.002>
- Bille Larsen, P. (2022) The Lightness of Human Rights in World Heritage: A Critical View of Rights-Based Approaches, Vernaculars, and Action Opportunities. *Nordic Journal of Human Rights*. 41(1), 70–86. <https://doi.org/10.1080/18918131.2022.2114631>
- Castaneda, C.A. (2013) Call for Rethinking the Sources of International Law: soft law and the other side of the coin. *Anuario Mexicano de Derecho Internacional*. (13), 355–403. <https://doi.org/10.22201/ij.24487872e.2013.13.433>
- Cuccia, T., Guccio, C. & Rizzo, I. (2016) The effects of UNESCO World Heritage List inscription on tourism destinations performance in Italian regions. *Economic Modelling*. (53), 494–508. <https://doi.org/10.1016/j.econmod.2015.10.049>
- Disko, S., & Sambo Dorough, D. (2022) “We are not in Geneva on the Human Rights Council”: Indigenous peoples’ experiences with the World Heritage Convention. *International Journal of Cultural Property*. 29(4), 487–530. <https://doi.org/10.1017/S094073912200041on>
- Droste, B. (2011) The concept of outstanding universal value and its application: From the seven wonders of the ancient world to the 1,000 world heritage places today. *Journal of Cultural Heritage Management and Sustainable Development*. 1(1), 26–41. <https://doi.org/10.1108/20441261111129915>
- Francioni, F. & Lenzerini, F. (2003) The Destruction of the Buddhas of Bamiyan and International Law. *European Journal of International Law*. 14(4), 619–651. <https://doi.org/10.1093/ejil/14.4.619>
- Francioni, F. & Lenzerini, F. (2023) *The 1972 World Heritage Convention: a Commentary. Second Edition*. Oxford, Oxford University Press.
- Hosseini, K., Stefaniec, A. & Hosseini, S. P. (2021) World Heritage Sites in developing countries: Assessing impacts and handling complexities toward sustainable tourism. *Journal of Destination Marketing & Management*. 20(3). 100616. <https://doi.org/10.1016/j.jdmm.2021.100616>
- Jang, H. & Mennis, J. (2021) The role of local communities and well-being in UNESCO world heritage site conservation: An analysis of the operational guidelines, 1994–2019. *Sustainability*. 13(13), 7144. <https://doi.org/10.3390/su13137144>
- Kolobov, R.Y., Ditsevich, Ya.B., Ganeva, E.O. & Shornikov, D.V. (2022) Problems of preserving the international legal status of Lake Baikal in the light of the analysis of the practice of exclusion of sites from the World Heritage List (part 2). *Law and Politics*. (7), 22–33. <https://doi.org/10.7256/2454-0706.2022.7.38249>. EDN DGJGHT. (in Russian).
- Колобов Р.Ю., Дицевич Я.Б., Ганева Е.О., Шорников Д.В. Проблемы сохранения международно-правового статуса озера Байкал в свете анализа практики исключения

- объектов из Списка всемирного наследия (часть 2) // Право и политика. 2022. № 7. С. 22–33. <https://doi.org/10.7256/2454-0706.2022.7.38249>. EDN DGJGHT.
- Kolobov, R.Y. & Ganeva, E. O. (2022) The features of the legal protection of certain world heritage natural properties in Bulgaria. *International Law*. (2), 10–27. <https://doi.org/10.25136/2644-5514.2022.2.37995>. EDN STHZDH. (in Russian).
- Колобов Р.Ю., Ганева Е.О. Особенности правовой охраны некоторых объектов всемирного природного наследия в Болгарии // Международное право. 2022. № 2. С. 10–27. <https://doi.org/10.25136/2644-5514.2022.2.37995>. EDN STHZDH.
- Maksakovsky, N.V. (2018) History of development and current trends in the formation of the UNESCO World Heritage List. *Heritage and Modernity*. 1(1), 8–30. EDN VUVGRE. (in Russian).
- Максаковский Н. В. История развития и современные тенденции формирования Списка всемирного наследия ЮНЕСКО // Наследие и современность. 2018. Т. 1. № 1. С. 8–30. EDN VUVGRE.
- Maksakovsky, N.V. & Butorin, A.A. (2019) Methodological aspects of the Russian practice of promoting new sites on the UNESCO World Heritage List. *Problems of regional ecology*. (1), 97–102. <https://doi.org/10.24411/1728-323X-2019-11097>. EDN WIDMRS. (in Russian).
- Максаковский Н.В., Буторин А.А. Методические аспекты российской практики продвижения новых объектов в Список всемирного наследия ЮНЕСКО // Проблемы региональной экологии. 2019. № 1. С. 97–102. <https://doi.org/10.24411/1728-323X-2019-11097>. EDN WIDMRS.
- Marochkin, S.Yu. (2021) *Action and implementation of norms of international law in the legal system of the Russian Federation: monograph*. Moscow, Norm Publ. (in Russian).
- Марочкин С.Ю. Действие и реализация норм международного права в правовой системе Российской Федерации: монография. М. : Норма, 2021. 288 с.
- Marsden, S. (2011) The Espoo Convention and Strategic Environmental Assessment Protocol in the European Union: Implementation, Compliance, Enforcement and Reform. *Review of European Community and International Environmental Law*. 20(3), 267–276. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9388.2011.00729.x>
- Meskel, L., Liuzza, C., Bertacchini, E. & Saccone, D. (2015) Multilateralism and UNESCO World Heritage: decision-making, States Parties and political processes. *International Journal of Heritage Studies*. 21(5), 423–440. <https://doi.org/10.1080/13527258.2014.945614>
- Morgan, R.K. (2012) Environmental impact assessment: the state of the art. *Impact Assessment and Project Appraisal*. 30(1), 5–14. <https://doi.org/10.1080/14615517.2012.661557>
- Ryzhenkov, A.Ya. (2018) About the Principles for the Protection of Lake Baikal. *Siberian Law Review*. 15(2), 137–141. <https://doi.org/10.19073/2306-1340-2018-15-2-137-141> (in Russian).
- Рыженков А.Я. О принципах охраны озера Байкал // Вестник Омской юридической академии. 2018. Т. 15. № 2. С. 137–141. <https://doi.org/10.19073/2306-1340-2018-15-2-137-141>
- Shornikov, D.V. (2021) The place of the Espoo Convention in the formation of the international legal mechanism for the protection of Lake Baikal. *Siberian Legal Bulletin*. (3), 97–102. <https://doi.org/10.26516/2071-8136.2021.3.97> (in Russian).
- Шорников Д.В. Место Конвенции Эспо в формировании международно-правового механизма охраны озера Байкал // Сибирский юридический вестник. 2021. № 3. С. 97–102. <https://doi.org/10.26516/2071-8136.2021.3.97>
- Shubnitsina, E.I. & Elsakov, V.V. (2014) Inventory of disturbed landscapes of the Yugyd Va National Park using remote sensing methods (on the example of the upper part of the Kozhim River basin). *Izvestiya Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 16(1(4)). С. 1259–1262. (in Russian).
- Шубницина Е.И., Елсаков В.В. Инвентаризация нарушенных ландшафтов Национального парка «Югыд ва» с использованием методов дистанционного зондирования (на примере

- верхней части бассейна реки Кожим) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2014. Т. 16. № 1(4). С. 1259–1262.
- Teteryuk, L.V., Degteva, S.V., Kanev, V.A., Valuiskikh, O.E., Teteryuk, B.Yu. & Kulyugina, E.E. (2020) Rare and protected plants of the Yugyd-Va National Park (Russia). *Nature Conservation Research. Protected science*. 5(4), 16–19. <https://dx.doi.org/10.24189/ncr.2020.051> (in Russian).
- Тетерюк Л.В., Дегтева С.В., Канев В.А., Валуиких О.Е., Тетерюк Б.Ю., Кулюгина Е.Е. Редкие и охраняемые растения национального парка «Югыд-Ва» (Россия) // *Nature Conservation Research. Заповедная наука*. 2020. № 5(4). С. 16–19. <https://dx.doi.org/10.24189/ncr.2020.051>
- Tohsan, S. & Thanachaitemwong, W. (2022) Kaeng Krachan National Park, Thailand: Existing controversies in the spatial context. *Journal of Arts & Humanities*. 11(2), 43–54. <https://doi.org/10.18533/jah.v11i02.2257>
- Vigneron, S. (2016) From local to World Heritage: a comparative analysis. *The historic environment: Policy & Practice*. 7(2–3), 115–132. <https://doi.org/10.1080/17567505.2016.1172779>

Сведения об авторе:

Колобов Роман Юрьевич – кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр «Иркутский институт химии им. А.Е. Фаворского Сибирского отделения Российской академии наук»; 664033, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Фаворского, д. 1.

ORCID: 0000-0003-1488-7530; Researcher ID: H-4644-2016; Scopus Author ID: 57210558887

e-mail: roman.kolobov@gmail.com.

About the authors:

Roman Y. Kolobov – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Leading Researcher, Federal Research Center “Irkutsk Institute of Chemistry named after A.E. Favorsky of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences”; 1, Favorsky str., Irkutsk, 664033, Russian Federation.

ORCID: 0000-0003-1488-7530; Researcher ID: H-4644-2016; Scopus Author ID: 57210558887

e-mail: roman.kolobov@gmail.com

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО. ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР

PROCEDURAL LAW. PROSECUTOR SUPERVISION

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-1-205-220>

EDN: RJPLQS

Научная статья / Research Article

Оплата судебной экспертизы в гражданском и арбитражном процессе: от позиции Конституционного Суда РФ к изменениям в процессуальное законодательство

О.А. Ястребов^{ID}, С.А. Смирнова^{ID}✉, М.В. Мозгов^{ID}

Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация

✉ smirnova_sva@pfur.ru

Аннотация. Проводится анализ Постановления Конституционного Суда РФ от 20.07.2023 № 43-П, направленного на защиту права эксперта получать оплату за проделанную работу по производству назначенной судом экспертизы независимо от платежеспособности сторон в гражданско-правовом споре. Доступно и последовательно изложены действия судьи в гражданском процессе, которые, по мнению Конституционного Суда РФ, позволят избежать нарушения прав эксперта. Публикация содержит анализ изменений в законодательстве, которые последовали за указанным Постановлением Конституционного Суда. Обозначены общие моменты и расхождения в подходах законодателя и Конституционного Суда, в частности исключение из законодательства нормы, запрещавшей эксперту отказываться от проведения экспертизы по мотиву неоплаты. Проведен анализ того, как может быть реализовано право на отказ от проведения экспертизы на практике. Подчеркнуто практическое значение постановления Конституционного Суда для дальнейшего развития судебной практики при назначении экспертизы. Раскрыто значение соответствующих изменений для экспертного сообщества, сделаны основные выводы по вступившим в силу изменениям в законодательство в части судебной экспертизы, а также приведены практические аспекты получения платежа от суда со стороны эксперта.

Ключевые слова: экспертная деятельность, Конституционный Суд, назначение экспертизы, оплата экспертизы, гражданский процесс

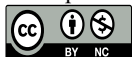
Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: Ястребов О.А. – введение, общий обзор и анализ; Смирнова С.А. – разделы 1, 2, 5 и заключение; Мозгов М.В. – разделы 3, 4, 6, 7 и анализ судебной практики.

Поступила в редакцию: 13 августа 2024 г.

Принята к печати: 15 января 2025 г.

© Ястребов О.А., Смирнова С.А., Мозгов М.В., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования:

Ястребов О.А., Смирнова С.А., Мозгов М.В. Оплата судебной экспертизы в гражданском и арбитражном процессе: от позиции Конституционного Суда РФ к изменениям в процессуальное законодательство // RUDN Journal of Law. 2025. Т. 29. № 1. С. 205–220. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-1-205-220>

Forensic Expertise Payment in Civil and Commercial Courts: Constitutional Court Perspectives and Legislative Updates

Oleg A. Yastrebov, **Svetlana A. Smirnova**✉, **Maxim V. Mozgov**

RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉smirnova_sva@pfur.ru

Abstract. The research includes an analysis of the Ruling of the Constitutional Court No. 43-P dated 20.07.2023, aimed at protecting the right of experts to receive payment for forensic research commissioned by the court, regardless of a parity's financial solvency in civil proceedings. The actions of judges in civil cases that prevent violations of expert's rights, as outlined by the Constitutional Court of the Russian Federation, are explained in layman's terms and presented clearly. The article also analyzes legislative changes that follow this ruling emphasizing general issues and differences between the approaches of Constitutional Court and the legislator. Notably, it addresses the removal of prohibition against refusing to conduct forensic research due to non-payment. Furthermore, it examines how the right to refuse forensic research could be affected in practice. The practical implications of the Constitutional Court's ruling for the development of court practices regarding expert appointments are highlighted. Additionally, the article presents core conclusions regarding relevant changes related to forensic expertise and discusses practical issues surrounding payment from the court to experts.

Key words: expert activity, constitutional court, appointment of expert examination, payment for expert examination, civil procedure

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

The authors' contribution: *Yastrebov O.A.* – introduction, general overview and analysis; *Smirnova S.A.* – sections 1, 2, 5 and conclusion; *Mozgov M.V.* – sections 3, 4, 6, 7 and analysis of court practice.

Received: 13th August 2024

Accepted: 15th January 2025

For citation:

Yastrebov, O.A., Smirnova, S.A., Mozgov, M.V. (2025) Forensic Expertise Payment in Civil and Commercial Courts: Constitutional Court Perspectives and Legislative Updates. *RUDN Journal of Law*. 29 (1), 205–220. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-1-205-220>

Введение

Финансирование и оплата труда эксперта являются необходимым элементом устойчивого развития экспертной деятельности в России. Экспертные организации обеспечивают содействие в осуществлении правосудия. Сбои в работе экспертных организаций недопустимы.

За счет денежных средств в распоряжении экспертной организации выплачиваются зарплаты, приобретается современное оборудование, разрабатываются новые методики и двигаются вперед научные знания, применяемые в судебной экспертизе (Averyanova, 2009). Это актуально как для государственных, так и негосударственных экспертных учреждений.

Наиболее остро проблема оплаты экспертизы до недавнего времени была представлена в гражданском процессе. Конституционный Суд РФ и законодатель приняли ряд усилий для решения данного вопроса. Анализ данных усилий представлен в настоящей работе.

Позиция Конституционного Суда РФ

В отличие от арбитражного процесса (ч. 2 ст. 108 АПК РФ¹), у судьи в гражданском процессе до недавнего времени не было возможности отклонить ходатайство о назначении экспертизы, если денежные средства не перечислены на депозит суда.

Это порождало ситуацию, когда эксперты в арбитражном процессе гарантированно получали оплату за свою работу, а в гражданском процессе все зависело от платежеспособности стороны, на которую суд возлагал расходы по экспертизе. Зачастую исполнительное производство закачивалось безрезультатно, и эксперты в гражданском процессе оплату в итоге не получали.

Эти обстоятельства послужили поводом для обращения в Конституционный Суд РФ с требованием о проверке конституционности абзаца 2 части 2 статьи 85, статей 96 и 97, части 6 статьи 98 ГПК РФ².

20 июля 2023 г. вышло Постановление Конституционного Суда РФ № 43-П, в котором Конституционный Суд отметил, что подобное различие обусловлено спецификой дел. В арбитражном судопроизводстве сторонами являются в основном профессиональные участники предпринимательской и иной экономической деятельности, защищающие свои коммерческие интересы и обладающие, как правило, материальными возможностями по внесению депозита на счет суда для последующей оплаты экспертизы. В то же время гражданский процесс больше ориентирован на защиту сторон гражданских, семейных, трудовых, жилищных и иных правоотношений, участники которых не всегда имеют материальные ресурсы для защиты своих прав (Yastrebov & Kucherkov, 2012).

Поэтому, по мнению Конституционного Суда, само по себе отсутствие в арбитражном процессе обязанности эксперта во всех случаях провести порученное ему исследование, в том числе при отказе стороны от оплаты экспертизы, не может служить основанием для признания не соответствующим Конституции РФ абзаца 2 части 2 статьи 85 ГПК РФ, которым такая обязанность предусмотрена.

В то же время нельзя назвать нормальной ситуацию, при которой судебный эксперт не получает оплату из-за того, что исполнительное производство заканчивается невозможностью взыскания (Smirnova, 2014).

¹ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации / Принят Государственной Думой 14 июня 2002 года Одобрен Советом Федерации 10 июля 2002 года // Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/ (дата обращения: 22.09.2024).

² Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации / Принят Государственной Думой 23 октября 2002 года Одобрен Советом Федерации 30 октября 2002 года // Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения: 22.09.2024).

Особое внимание Конституционный Суд обратил на положение негосударственных экспертов. Понесенные организациями, осуществляющими деятельность в области судебной экспертизы, убытки, тем более регулярные, к тому же неизбежно негативно влияют на надлежащее выполнение их обязанностей перед работниками, силами которых, собственно, и осуществляется экспертиза (Dyakonova, 2019).

На эту проблему еще в 2011 г. обращали внимание Е.Р. Россинская и Е.И. Галяшина (Rossinskaya & Galyashina, 2011:88). В частности, отмечалось, что если речь идет о государственном экспертном учреждении, то затраты на производство экспертизы возмещаются из средств государственного бюджета (в том числе расходы на оборудование, необходимые материалы, заработную плату государственным судебным экспертам). Если же речь идет о частных экспертах или негосударственных экспертных учреждениях, то они могут не обладать достаточными денежными или материальными ресурсами, необходимыми для производства судебной экспертизы (Rossinskaya & Galyashina, 2011).

Руководствуясь необходимостью защиты прав эксперта, Конституционный Суд пришел к выводу, что определение о назначении экспертизы в гражданском процессе должно, по общему правилу, приниматься после предварительного внесения депозита. Но в отличие от арбитражного процесса само по себе отсутствие депозита еще не повод отказывать в ее назначении. Сначала необходимо выяснить имеют ли выводы эксперта решающее значение для дела и, если да, то нет ли в действиях заявителя злоупотребления правом, – когда заявитель имеет финансовую возможность внести депозит, но по каким-то причинам этого не делает (Rossinskaya, 2017). В любом из этих случаев экспертиза не назначается.

И только в том случае, если экспертиза действительно нужна, и заявитель при этом не злоупотребляет правом – реально не может внести средства на депозит суда, экспертиза назначается по инициативе суда с оплатой за счет бюджета (ч. 2 ст. 96 ГПК РФ) либо суд освобождает гражданина от расходов на экспертизу с учетом его имущественного положения за счет бюджета (ч. 3. ст. 96 ГПК РФ).

По сути, Конституционный Суд разработал алгоритм действий, позволяющий защитить интересы экспертов в гражданском процессе. Все необходимые нормы для этого уже имелись в законодательстве. Единственное, что отсутствовало, так это гарантия оплаты труда эксперта, если все-таки суд вынесет определение о назначении экспертизы без депозита и при этом без оплаты за счет бюджета. Законодателю предстояло внести соответствующие изменения в законодательство.

Изменения в законодательство

Необходимость внесения изменений в законодательство в части защиты права эксперта на получение оплаты за свой труд назревала давно. В научных трудах и работах предлагали возможные решения (Bagryanskaya, 2020; Smirnova, 2013, 2014; Zhizhina, 2023).

Так, например, в диссертации О.А. Суровой предлагалось в основных процессуальных кодексах, за исключением уголовно-процессуального, наделить руководителей судебно-экспертной организации правом *«возвращать суду, назначившему судебную экспертизу, определения о назначении судебной экспертизы без исполнения, если в течение тридцати календарных дней стороны не внесли денежные*

средства для оплаты проведения судебной экспертизы на счет судебно-экспертной организации»³.

Такой подход мог бы быть применен до выхода рассматриваемого постановления Конституционного Суда. Принимая во внимание акцент Конституционного Суда на недопустимости задержек с осуществлением правосудия, законодатель пошел более прямым путем – исключил в принципе возможность назначения экспертизы до получения денежных средств на депозит суда или до согласия суда назначить экспертизу за счет бюджета.

Соответствующие изменения внесены Федеральным законом от 22.07.2024 № 191-ФЗ⁴ в ГПК РФ и Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». Они вступили в силу 2 августа 2024 г.

Подход, изложенный в изменениях, можно назвать минималистическим. Если убрать технические моменты, то суть изменений сводится к следующему:

1) суд выносит определение о назначении экспертизы после внесения средств на депозит суда, за исключением случаев, когда экспертиза назначается по инициативе суда (ч. 2 ст. 96 ГПК РФ) или когда суд освобождает гражданина от оплаты расходов на экспертизу с учетом его имущественного положения (ч. 3 ст. 96 ГПК РФ);

2) отменяются нормы, запрещавшие эксперту отказываться от проведения экспертизы без оплаты в гражданском процессе и в целом в законодательстве о судебно-экспертной деятельности.

Первый пункт полностью соответствует подходу Конституционного Суда. Теперь эксперт гарантированно должен получать оплату либо за счет депозита, либо за счет бюджета.

Второй пункт в определенной степени противоречит позиции Конституционного Суда. Вместо предоставления гарантий оплаты, как это видел Конституционный Суд, законодатель предоставляет эксперту возможность отказаться от проведения экспертизы. Возможно это связано с тем, что такой подход не требует дополнительных расходов бюджета, в отличие от подхода Конституционного Суда. Станет ли такое расхождение проблемой при формировании судебной практики, покажет время.

Следует также отметить еще один важный пункт в изменениях, направленный на защиту интересов эксперта. По аналогии с арбитражным процессом⁵ в гражданском процессе появилась норма о том, что причитающиеся экспертам средства с депозита суда, выплачиваются по окончании судебного заседания, в котором исследовалось заключение эксперта. Не после вынесения решения по существу спора, не после завершения процесса в апелляции или кассации, а по окончании судебного заседания, в котором исследовалось заключение эксперта, даже если финальное решение по делу пока не вынесено.

³ Суровая О.А. Организационно-правовые аспекты деятельности руководителя судебно-экспертной организации : автореф. дисс. ... канд. юр. наук. Российский университет дружбы народов. Москва, 2020. 16 с.

⁴ Федеральный закон от 22.07.2024 № 191-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившей силу части четвертой статьи 16 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» / Принят Государственной Думой 03 июля 2024 года Одобрен Советом Федерации 17 июля 2024 года // Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_481250/ (дата обращения: 22.09.2024).

⁵ Пункт 26 Постановления Пленума ВАС РФ от 04.04.2014 № 23 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе» // Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162155/ (дата обращения: 22.09.2024).

Надеемся, что суды будут внимательно подходить к данной норме и своевременно оплачивать работу эксперта.

Реализация права на отказ

Как следует из ч. 4 ст. 79 ГПК РФ в новой редакции, суды теперь должны назначать экспертизу при наличии депозита или за счет бюджета, а эксперты имеют право отказаться от ее проведения, если указанный выше порядок назначения не соблюден.

Последний вывод следует из того, что из законодательства был исключен запрет на отказ от проведения экспертизы по причине неоплаты. Норму исключили, но механизм отказа не предусмотрели.

Что делать эксперту, если из суда поступило определение о назначении экспертизы по делу, но денежные средства на депозит суда не внесены? Если такая ситуация произошла, то разумным будет незамедлительно письменно проинформировать суд об отказе от проведения экспертизы со ссылкой на отсутствие депозита, предусмотренного ч. 4 ст. 79 ГПК РФ. В противном случае могут возникать необоснованные задержки в осуществлении правосудия. При этом штрафы за несоблюдение экспертом обязанностей, предусмотренных ст. 85 ГПК РФ, законодатель не отменял. Гораздо проще не допустить наложение штрафа, чем потом оспаривать его.

При реализации права на отказ может также возникнуть вопрос о возможном несоответствии такого отказа позиции Конституционного Суда РФ. С учетом того, что в соответствии со статьей 79 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» решение Конституционного Суда РФ действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами, кто-либо из участников процесса или сам судья может настаивать на том, что такой отказ невозможен, даже несмотря на то, что запрет на него был снят последующими изменениями в процессуальное законодательство.

Для того, чтобы обосновать допустимость отказа в текущих обстоятельствах, следует обратиться непосредственно к тексту рассматриваемого постановления Конституционного Суда РФ от 20.07.2023 № 43-П. Так, в абз. 3 п. 4 указанного постановления отмечается: *«Предоставление эксперту права отказаться от проведения исследования по поручению суда в связи с невнесением стороной на счет суда сумм, подлежащих выплате эксперту, по крайней мере в отсутствие специально предусмотренных процессуальных инструментов разрешения судом подобных ситуаций, также создает определенные риски недобросовестного поведения стороны, заинтересованной в затягивании рассмотрения дела или же в блокировании судебного разбирательства. Кроме того, закрепление обязанности стороны, испрашивающей назначение судебной экспертизы, предварительно внести денежные средства под угрозой отказа эксперта от проведения исследования способно не только повлечь затягивание судопроизводства, но и возложить дополнительное финансовое бремя на тех его участников, которым, в частности, нормами гражданского процессуального и налогового законодательства предоставлены льготы»⁶.*

⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 20.07.2023 № 43-П «По делу о проверке конституционности абзаца второго части второй статьи 85, статей 96 и 97, части шестой статьи 98 Гражданского

Таким образом, Конституционный Суд волнует два момента: необоснованное затягивание судопроизводства и дополнительное финансовое бремя на малообеспеченных участников процесса (Smirnova, 2012, 2014). Вопрос в том, содержат ли изменения в ГПК РФ процессуальные инструменты, позволяющие решить эти проблемы?

Ответ на данный вопрос нам представляется положительным.

Так, в соответствии с абз. 1 ч. 4 ст. 79 в новой редакции ГПК РФ суд выносит определение о назначении экспертизы после внесения соответствующим лицом денежных сумм на счет, за исключением случаев, предусмотренных частями второй и третьей статьи 96 ГПК РФ. Это как раз те случаи, когда экспертиза назначается за счет бюджета, в том числе с учетом имущественного положения заявителя.

Что касается возможного затягивания процесса, то суд сам контролирует данный вопрос, устанавливая срок, в течение которого заявитель должен внести денежные средства (абз. 2 ч. 4 ст. 79 ГПК РФ). По истечении этого срока ходатайство отклоняется или экспертиза назначается за счет бюджета.

В такой правовой конструкции нет места назначению экспертизы без оплаты. Если же такое произошло, то это является нарушением со стороны суда, а не со стороны эксперта.

В подобной ситуации лишение эксперта права на отказ полностью нивелирует весь положительный эффект изменений, которые внес законодатель. Надеемся, что формирующаяся судебная практика пойдет по пути защиты прав эксперта в подобной ситуации.

Злоупотребление правом в случае неоплаты экспертизы со стороны заявителя

Означает ли внесение изменений в процессуальное законодательство, что для защиты прав и законных интересов лиц, участвующих в процессе, и экспертов ссылки на определение Конституционного Суда РФ нам больше не потребуются?

Полагаем, что это не так. Как уже отмечалось выше, решение Конституционного Суда РФ действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами. Учитывая, что изменения, внесенные в законодательство, являются минимальными, потребность в обращении к рассматриваемому постановлению Конституционного Суда не теряет своей актуальности.

Так, из рассматриваемого постановления следует, что уклонение от оплаты экспертизы, не обусловленное имущественным положением стороны, может представлять собой злоупотребление правом.

В текущей редакции ст. 79 ГПК РФ нет ни слова про злоупотребление правом. Суд просто отклоняет ходатайство о назначении экспертизы, если нет предоплаты или оснований назначить ее за счет бюджета.

В тех случаях, когда вопрос разрешается в нескольких судебных заседаниях, когда при этом заявившей ходатайство стороне предоставляется срок для внесения

процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой автономной некоммерческой организации «Экспертно-криминалистический центр «Судебная экспертиза»» // Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_452465/ (дата обращения: 22.09.2024).

предоплаты, но оплата не вносится, несмотря на достаточное для оплаты имущественное положение стороны, то можно говорить о злоупотреблении правом и затягивании процесса.

В этом случае в соответствии с абз. 6 п. 7 постановления Конституционного Суда РФ от 20.07.2023 № 43-П суд вправе применить по аналогии закона ч. 3 ст. 79 ГПК РФ и в зависимости от того, какое значение для стороны, уклоняющейся от внесения депозита, имеет экспертиза, признать факт, для выяснения которого экспертиза была назначена, установленным или опровергнутым без ее проведения.

Напомним, что ч. 3 ст. 79 ГПК РФ посвящена последствиям уклонения от участия в экспертизе и непредставления экспертам необходимых материалов для исследования. Про неоплату экспертизы в этой статье ничего не сказано. Учитывая, что суды довольно редко применяют аналогию закона, без импульса, созданного Конституционным Судом, такое применение вряд ли было бы возможным.

Теперь же, если в процессе происходит подобная ситуация, противоположная сторона со ссылкой на постановление Конституционного Суда РФ может просить суд признать доказанными те факты, которые могли бы быть установлены в ее пользу по результатам экспертизы, не проведенной из-за злоупотребления правом со стороны другой стороны.

При этом стороне, которая заявляет о проведении экспертизы, необходимо быть осторожнее в своих ходатайствах. Во избежание негативных последствий желательно подавать ходатайство об экспертизе, имея на руках доказательства предоплаты или подтверждение соответствующего финансового положения стороны, чтобы суд в одном судебном заседании мог разрешить все вопросы, связанные с назначением экспертизы. В таком случае ни о каком злоупотреблении правом речи идти не должно.

Реализация права на оплату

В научной литературе ведутся споры о правовой природе оплаты за проведенную экспертизу. Возникает ли обязанность по оплате исключительно из процессуальных отношений в рамках правовой связи суд – эксперт, как это отмечает М.В. Жижина (Zhizhina, 2023:89), или эксперт действует в рамках гражданско-правовых по оказанию услуг, как это следует из работ А.А. Мохова (Mokhov, 2006:11) или С.В. Лазарева (Lazarev, 2012:65). Может быть следует рассматривать «договор» о проведении экспертного исследования между экспертом и судом к числу процессуальных соглашений со специфическим имущественным содержанием, как это предлагает Д.Ю. Затонов (Zatonov, 2020:14)?

Безусловно, правовая квалификация отношений между судом, экспертом и участниками процесса важна для правильного регулирования этих отношений. Но когда речь заходит об оплате за проведенную экспертизу, мы предлагаем судам в первую очередь руководствоваться абз. 4 п. 2 постановления Конституционного Суда РФ от 20.07.2023 № 43-П, в котором отмечается, что *«деятельность эксперта по оказанию содействия правосудию на основании определения суда обладает публично-правовой значимостью, а обеспечение надлежащих условий осуществления такой деятельности, в том числе в части ее оплаты, входит в обязанность государства гарантировать каждому государственную, в том числе судебную, защиту прав и свобод человека и гражданина»*.

Таким образом, независимо от того, квалифицируем ли мы эти отношения как услуги или придерживаемся мнения о том, что в данном случае это исключительно процессуальные отношения, оплата должна быть произведена.

К сожалению, на практике даже при наличии денежных средств на депозите суда, предназначенных для оплаты экспертизы, денежные средства до эксперта доходят не всегда и не сразу. Экспертные организации неоднократно сталкиваются с проблемой, когда ни по результатам заседания, в котором исследовалось заключение эксперта, ни по завершении процесса судьи не решают вопрос о перечислении денежных средств эксперту со счета суда.

В соответствии с п. 27 Постановления Пленума ВАС РФ от 04.04.2014 № 23⁷ в случае если вопрос об оплате понесенных экспертом в связи с производством экспертизы расходов не разрешен судом, эксперт (экспертное учреждение, организация) вправе обратиться с заявлением об оплате расходов в суд. Суд рассматривает такое заявление по правилам, предусмотренным ст. 112 АПК РФ.

Аналогичный подход может быть применим и к гражданскому процессу по аналогии. Разрешение вопросов о судебных расходах регулируется ст. 103.1 ГПК РФ. Так, например, ВС РФ отмечает, что статья 112 АПК РФ и статья 103.1 ГПК РФ регулируют сходные правоотношения и имеют по существу аналогичное содержание⁸.

В то же время ни ст. 103.1 ГПК РФ, ни ст. 112 АПК РФ не учитывают, что момент оплаты расходов на экспертизу привязан не к окончанию процесса, а к заседанию суда, в котором исследовалось соответствующее заключение эксперта. Так, из формулировок данных статей следует, что заявление на возмещение расходов подается в течение трех месяцев со дня вступления в законную силу последнего судебного акта, принятием которого закончилось рассмотрение дела.

По этой причине при подаче заявления об оплате расходов по ст. 103.1 ГПК РФ или ст. 112 АПК РФ до вынесения финального акта по делу следует дополнительно ссылаться на пункт 26 Постановления Пленума ВАС РФ от 04.04.2014 № 23, если процесс арбитражный, и указанием на ч. 3 ст. 97 ГПК РФ, если процесс гражданский.

Также следует учитывать, что определенные различия в этих статьях все же есть. С точки зрения эксперта, ст. 103.1 ГПК РФ выглядит более привлекательно, чем ст. 112 АПК РФ.

Так, в рамках рассмотрения заявления в гражданском процессе не предусмотрено рассмотрение вопроса о взыскании судебных расходов в судебном заседании⁹. В то же время в арбитражном процессе в соответствии с ч. 1 ст. 159 АПК РФ такие заявления разрешаются арбитражным судом после заслушивания мнений других лиц, участвующих в деле, то есть предполагается отдельное судебное заседание.

Такой подход справедлив, когда разрешаются вопросы распределения судебных расходов между сторонами. Однако размер оплаты эксперту уже являлся предметом

⁷ Постановление Пленума ВАС РФ от 04.04.2014 № 23 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе» // Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162155/ (дата обращения: 22.09.2024).

⁸ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 20.09.2022 № 48-КГ22-18-К7 // Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=731829#BhZkAQUKD3EKw3bq> (дата обращения: 22.09.2024).

⁹ Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 28.04.2023 по делу № 88-13796/2023 // Режим доступа: https://4kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=r_juid&vnkod=23KJ0004&srv_num=1&delo_id=2800001&case_type=0&judicial_uid=91RS0012-01-2022-000029-10 (дата обращения 22.09.2024).

рассмотрения в суде на стадии назначения экспертизы. Если экспертиза оплачивается в той же сумме, которую ранее установил суд, нет предмета для спора и отдельных судебных слушаний.

Следует отметить, что большинство арбитражных судов так и поступают. Выносят определение о перечислении денежных средств на счет экспертной организации или эксперту без отдельных судебных слушаний, если по каким-либо причинам вопрос о перечислении средств эксперту не был разрешен ранее.

Таким образом, если непосредственно после заседания или даже в самом заседании, где исследовалось заключение эксперта, суд не вынес определения о возмещении расходов, то независимо от окончания судебного процесса экспертной организации или эксперту следует подать заявление о возмещении расходов со ссылками на ст. 103.1 и ч. 3 ст. 97 ГПК РФ в гражданском процессе и ссылками на ст. 112 АПК РФ и пункт 26 Постановления Пленума ВАС РФ от 04.04.2014 № 23, если процесс арбитражный.

Нам также известна практика, когда экспертные организации направляют в суд заявление о возмещении расходов одновременно с заключением эксперта, рассчитывая, что данное заявление будет рассмотрено в самом судебном заседании, где исследовалось заключение, или непосредственно после него.

К сожалению, практика показывает, что даже такой подход не гарантирует, что судья сразу же вынесет определение о перечислении денежных средств с депозитного счета суда для оплаты проведенной судебной экспертизы.

Более того, в системе учета входящей корреспонденции суда эта документация может проходить как поступившее в суд экспертное заключение, что в целом объяснимо, так как заявление поступило в суд в одном пакете с заключением эксперта. Дальнейшие действия с заявлением о возмещении расходов во многом зависят от качества работы судьи и внимательности его помощников.

Возможно, в такой ситуации имеет смысл продублировать заявление о возмещении судебных расходов отдельным документом через электронную систему «Мой арбитр.ру» непосредственно после состоявшегося судебного заседания, в котором исследовалось заключение эксперта. В таком случае останется электронный след поданного заявления, и у судьи в учете будет процессуальный документ, на который он обязан отреагировать.

Обратите внимание, что срок на подачу такого заявления ограничен. Заявление о судебных расходах подается в суд в течение трех месяцев со дня вступления в законную силу последнего судебного акта, принятием которого закончилось рассмотрение дела по существу.

Если по делу была апелляция или кассация, то срок начинает течь после вынесения решения в этих инстанциях. По этому вопросу есть соответствующая практика¹⁰.

Срок на подачу заявления об оплате расходов может быть восстановлен, но это тема для отдельной работы. В любом случае, необходимо понимать, что для восстановления срока нужны уважительные причины. Если речь идет об экспертной организации, а не о конкретном человеке, то привести такие причины крайне затруднительно.

¹⁰ Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 21.12.2022 по делу № 88-31144/2022 // Режим доступа: https://2kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=doc&number=12111305&delo_id=43&case_type=0&new=0&text_number=1&srv_num=1 (дата обращения 22.09.2024).

Что касается сроков реагирования суда на такое заявление, то ни АПК РФ, ни ГПК РФ таких сроков не устанавливают. Это должны быть разумные сроки. Какие сроки могут быть разумными, определяет суд. На наш взгляд, если определение выносится без судебных слушаний, то разумный срок должен составлять не более месяца. Если же необходимы слушания, то два месяца. По крайней мере предложение о разумном сроке в два месяца содержится в рекомендациях рабочей группы по обсуждению вопросов, возникающих в практике применения АПК РФ¹¹.

Из практических шагов, которые можно предпринять, если суд не реагирует в разумные сроки на поданное заявление об оплате со стороны эксперта, рекомендуется воспользоваться ст. 6.1 АПК РФ или 6.1 ГПК РФ, которые позволяют обратиться к председателю суда с заявлением об ускорении рассмотрения дела. Такое заявление рассматривается председателем суда в пятидневный срок со дня поступления заявления в суд. По результатам рассмотрения заявления председатель выносит мотивированное определение, в котором может быть установлен конкретный срок или указаны действия, которые следует совершить для ускорения рассмотрения дела.

Помимо заявления о судебных расходах можно ходатайствовать и о вынесении дополнительного решения. Так, например, в ч. 1 ст. 201 ГПК РФ указывается, что суд, принявший решение по делу, может по своей инициативе или по заявлению лиц, участвующих в деле, принять дополнительное решение суда в случае, если судом не разрешен вопрос о судебных расходах.

Формально эксперт не является лицом, участвующим в деле, но так как вопрос распределения судебных расходов непосредственно затрагивает его интересы, то такое направление в суд соответствующего письма или заявления о необходимости вынесения дополнительного решения не должно встретить процессуальных препятствий. Тем более, что суд сам, по своей инициативе, может такое дополнительное решение вынести.

С юридической точки зрения все эти заявления и ходатайства выглядят логично и обоснованно. С практической точки зрения это дополнительная и ненужная работа для эксперта, заниматься которой зачастую нет ни сил, ни времени, ни дополнительных средств.

Как справедливо отмечает В.А. Эпштейн (Epshtein, 2023:168), направление соответствующих ходатайств технически возможно, однако требует от экспертных учреждений отслеживания движения по делу, проводимого на постоянной основе, что, очевидно, не представляется возможным ввиду большого объема проводимых экспертиз и в любом случае потребует введения дополнительной штатной единицы (или единиц) для мониторинга картотеки дел, а также подготовки необходимых ходатайств.

Возможно, стоит продолжить работу по совершенствованию процессуального законодательства и прямо предусмотреть в законодательстве обязанность суда в самом судебном заседании, в котором исследовалось заключение эксперта, вынести определение о перечислении денежных средств эксперту за проведенную работу, за исключением случаев, когда в этом же заседании объявляется резолютивная часть

¹¹ Рекомендации рабочей группы по обсуждению вопросов, возникающих в практике применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, от 06.03.2018 № 1/2018 (с изм. от 20.09.2019) // Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AUR&n=194140#lc0mAQU51JBDexLF> (дата обращения 22.09.2024).

решения суда по существу спора. В таком случае соответствующее поручение о перечислении денежных средств за экспертизу должно в обязательном порядке содержаться в резолютивной части решения суда и подлежать немедленному исполнению независимо от дальнейшего движения дела и изготовления решения в окончательной форме.

Снижение расходов на экспертизу

Разрешая вопрос о размере сумм, взыскиваемых в возмещение судебных издержек, суд не вправе уменьшать его произвольно, если другая сторона не заявляет возражения и не представляет доказательства чрезмерности взыскиваемых с нее расходов¹².

Особенно детально данный подход отражен в одном из определений Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации: *«возникновение права эксперта на получение оплаты за выполненную им работу по проведению судебной экспертизы и компенсацию расходов, связанных с ее проведением, не обусловлено согласием суда с заключением эксперта; процессуальным законом не предусмотрено условий, при которых расходы, связанные с проведением судебной экспертизы, результаты которой признаны судом относимым и допустимым доказательством, не подлежат компенсации. В реализации данного права не может быть отказано по причине несогласия суда с экспертным заключением»*¹³.

Случаи оплаты результатов экспертизы не в полном объеме изложены в п. 25 Постановления Пленума ВАС РФ от 04.04.2014 № 23 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе». Так, если эксперт ответил не на все поставленные перед ним вопросы или провел исследование не в полном объеме в связи с тем, что выявилась невозможность дальнейшего производства экспертизы и подготовки заключения, эксперту оплачивается стоимость фактически проведенных им исследований с учетом представленного экспертом финансово-экономического обоснования расчета затрат.

Также в кассационном определении Судебной коллегии по административным делам ВС РФ от 14.02.2024 № 22-КАД23-1-К5 указано, что в тех случаях, когда эксперт самостоятельно собирал материал, который он не вправе был собирать, делал выводы на основании документов, которые не должен был учитывать, не мотивировал те или иные свои выводы, не дал ответы на все поставленные судом вопросы – заключение эксперта может быть признано частично недостоверным доказательством по делу и сумма его вознаграждения может быть снижена.

Увеличение расходов на экспертизу

Наше исследование не было бы полным, если бы мы не коснулись вопроса возможного увеличения расходов на экспертизу, которые не были учтены при назначении экспертизы судом.

¹² Пункт 11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.01.2016 № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» // Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_194054/ (дата обращения 22.09.2024).

¹³ Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 14.02.2024 N 22-КАД23-1-К5 // Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=802874#CSUnAQUOy4kVyNyG2> (дата обращения 22.09.2024).

По общему правилу проведение экспертом дополнительных работ, увеличение количества экспертных часов, затраченных экспертом на производство экспертизы, если это не связано с не зависящими от эксперта обстоятельствами, не являются основаниями для изменения размера вознаграждения.

Если в экспертном заключении эксперт разбирает вопросы, которые не были перед ним поставлены, это также не может являться основанием для требования дополнительной оплаты.

Обстоятельствами, свидетельствующими о необходимости дополнительной оплаты, может быть постановка судом дополнительных вопросов перед экспертом или предоставление ему дополнительных материалов для анализа, которые не были учтены при согласовании стоимости экспертизы.

В соответствии с пунктом 24 постановления Пленума ВАС РФ от 04.04.2014 № 23 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе» в исключительных случаях, когда по объективным причинам эксперт не может заранее рассчитать затраты на проведение экспертизы, например ввиду характера и объема исследуемых объектов, по согласованию с участвующими в деле лицами и экспертом суд при назначении экспертизы может определить предварительный размер вознаграждения. При этом эксперт информирует суд, а также лиц, участвующих в деле, о пределах возможного увеличения размера вознаграждения ввиду невозможности заранее рассчитать все затраты на производство экспертизы, а также об обстоятельствах, влияющих на увеличение стоимости исследований.

После согласования судом пределов стоимости выплаты за ее пределами эксперту не производятся. В этой связи эксперту или экспертной организации необходимо аккуратно и ответственно подходить к любым прогнозам, которые могут быть использованы судом для установления пределов оплаты.

После выполнения экспертом своих обязанностей денежные суммы в размере предварительного размера вознаграждения выплачиваются с депозитного счета суда. Если судом согласованы дополнительные суммы, которые ранее не были покрыты депозитом, то они подлежат взысканию в пользу эксперта (экспертного учреждения или организации) с участвующих в деле лиц в порядке распределения судебных расходов.

Принимая во внимание изменения в законодательстве относительно оплаты эксперту за его труд и подхода Конституционного Суда о предоставлении эксперту гарантий оплаты, при наличии предпосылок для дополнительных расходов на экспертизу в момент ее назначения, разумным было бы требовать размещения соответствующей дополнительной суммы на депозите суда в пределах, установленных судом с учетом мнения эксперта. В данный момент такое требование отсутствует в процессуальном законодательстве.

Заключение

В целом для экспертного сообщества вступившие в силу изменения в законодательстве можно признать положительными. Количество случаев, когда эксперт не получает оплату за свою работу, значительно снизится.

Законодательное закрепление момента выплаты, следующего за окончанием судебного заседания, в котором исследовалось заключение эксперта, также будет способствовать нормализации финансирования экспертной деятельности.

Тем не менее, требуется дальнейшее развитие законодательства в этом направлении, чтобы зафиксировать необходимость вынесения определения суда о перечислении средств эксперту именно в том судебном заседании, в котором исследовалось заключение эксперта, за исключением случая, когда в этом заседании выносится решение по существу спора, в резолютивной части которого данный вопрос разрешен.

Также вступившие в силу изменения в гражданское процессуальное законодательство не решают проблему ранее проведенных экспертиз, задолженность по которым так и не была погашена. Этот вопрос остался, к сожалению, без решения.

References / Список литературы

- Averyanova, T.V. (2009) *Forensic Examination. General Theory Course*. Moscow, Norma Publ. (in Russian).
- Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза. Курс общей теории. М. : Норма, 2009. 480 с.
- Bagryanskaya, P.D. (2020) Efficiency of Civil Procedure: Comparative Study. *Legislation*. (11), 50–55. (in Russian).
- Багрянская П.Д. Эффективность гражданского судопроизводства: сравнительно-правовой аспект // Законодательство. 2020. № 11. С. 50–55.
- Dyakonova, O.G. (2019) The Expert Right to Submit Petitions as an Exercise Form of Expert Initiative. *Theory and Practice of Forensic Science*. 14(2), 24–34. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2019-14-2-24-34> (in Russian).
- Дьяконова О.Г. Право эксперта заявлять ходатайства как реализация экспертной инициативы // Теория и практика судебной экспертизы. 2019. Т. 14. № 2. С. 24–34. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2019-14-2-24-34>
- Epshtein, V.A. (2023) Actual problems of recovery of funds for forensic expertise in civil proceedings. *Gaps in Russian legislation*. 16(8), 173–177. (in Russian).
- Эпштейн В.А. Актуальные проблемы взыскания средств за проведенные судебные экспертизы в гражданском процессе // Пробелы в российском законодательстве. 2023. Т. 16. № 8. С. 173–177.
- Lazarev, S.V. (2012) Issues of expert independence and quality of expert opinion in arbitration proceedings. *Vestnik of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation*. (8), 58–69. (in Russian).
- Лазарев С.В. Вопросы независимости эксперта и качества экспертного заключения в арбитражном процессе // Вестник ВАС РФ. 2012. № 8. С. 58–69.
- Mokhov, A.A. (2006) On the issue of qualification of services rendered by experts and specialists. *Expert-Kriminalist*. (3), 9–13. (in Russian).
- Мохов А.А. К вопросу о квалификации услуг, оказываемых экспертами и специалистами // Эксперт-криминалист. 2006. № 3. С. 9–13.
- Rossinskaya, E.R. & Galyashina, E.I. (2011) *The Judge's Handbook: Forensic Expertise*. Moscow, Prospect Publ. (in Russian).
- Россинская Е.Р., Галышина Е.И. Настольная книга судьи: судебная экспертиза. М. : Проспект, 2011. 464 с.
- Rossinskaya, E.R. (2017) Effectiveness of Forensic Expert Activity through the Prism of Judicial Expertology. *Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. (2), 85–90. (in Russian).
- Россинская Е.Р. Эффективность судебно-экспертной деятельности сквозь призму судебной экспертологии // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 2. С. 85–90.

- Smirnova, S.A. (ed). (2012) *Multimodal Issue “Forensic Science: Reboot”. Part 1. The Challenges of Time and Technology Expert Law Enforcement*. Moscow, EKOM Publ. (in Russian).
Мультимодальное издание «Судебная экспертиза: перезагрузка». Ч. 1. Вызовы времени и экспертные технологии правоприменения / под ред. С.А. Смирновой. М. : ЭКОМ, 2012. 655 с.
- Smirnova, S.A. (2012) Current Trends in the Development of Forensic Science (Report to the National Conference of the Heads of Forensic Science Organizations of the Russian Ministry of Justice). *Theory and Practice of Forensic Science*. 2 (26), 8–12. (in Russian).
Смирнова С.А. О современных путях развития судебной экспертизы (выступление на Всероссийском совещании руководителей СЭУ Минюста России) // Теория и практика судебной экспертизы. 2012. № 2 (26). С. 8–12.
- Smirnova, S.A. (2014) Interaction between Legal Professionals and Forensic Expert Witnesses: Problems and Solutions. *Theory and Practice of Forensic Science*. 3 (35), 44–48. (in Russian).
Смирнова С.А. Актуальные вопросы взаимодействия правоприменителя и судебного эксперта: проблемы и пути решения // Теория и практика судебной экспертизы. 2014. № 3. С. 44–48.
- Smirnova, S.A. (2013) RFCFS over the Decades: 1962–2012. *Theory and Practice of Forensic Science*. 1 (29), 8–12. (in Russian).
Смирнова С.А. РФЦСЭ из века в век: 1962–2012 // Теория и практика судебной экспертизы. 2013. № 1 (29). С. 8–12.
- Yastrebov, O.A. & Kucherkov, I.A. (2012) Features of Occasion Formation for Public Prosecution of Penal Cases About Non-payment Salary. *RUDN Journal of Law*. (2), 70–75. (in Russian).
Ястребов О.А., Кучерков И.А. Особенности формирования повода для возбуждения уголовных дел о невыплате заработной платы // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2012. № 2. С. 70–75.
- Zatonov, D.Yu. (2020) On the phenomenon of property procedural legal relations linking the court and the forensic expert. *Arbitration and civil procedure*. (3), 10–15. <https://doi.org/10.18572/1812-383X-2020-3-10-15>. EDN IAMDSO. (in Russian).
Затонов Д.Ю. К вопросу о феномене имущественных процессуальных правоотношений, связывающих суд и судебного эксперта // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 3. С. 10–15. <https://doi.org/10.18572/1812-383X-2020-3-10-15>. EDN IAMDSO.
- Zhizhina, M.V. (2023) On payment of remuneration to an expert for forensic examination in arbitration proceedings. *Bulletin of Arbitration Practice*. (3), 86–93. (in Russian).
Жижина М.В. О выплате вознаграждения эксперту за проведение судебной экспертизы в арбитражном процессе // Вестник арбитражной практики. 2023. № 3. С. 86–93.

Сведения об авторах:

Ястребов Олег Александрович – доктор юридических наук, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой административного и финансового права, юридический институт, Ректор, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы (РУДН); 117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
ORCID: 0000-0003-4943-6940, SPIN-код: 7824-4837, AuthorID: 561300
e-mail: yastrebov_oa@pfur.ru

Смирнова Светлана Аркадьевна – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Заслуженный юрист Российской Федерации, заведующая кафедрой судебно-экспертной деятельности, юридический институт, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы (РУДН); 117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

ORCID: 0000-0002-0063-5706, SPIN-код: 9628-3013, AuthorID: 812214
e-mail: smirnova_sva@pfur.ru

Мозгов Максим Владимирович – кандидат исторических наук, управляющий директор Управления судебного взыскания проблемной задолженности корпоративных клиентов, Юридический департамент Газпромбанк (Акционерное общество), 115184, Российская Федерация, г. Москва, Озерковская наб., д. 24

ORCID: 0009-0006-5367-8706

e-mail: mozgov_maxim@mail.ru

About the authors:

Oleg A. Yastrebov – Doctor of Legal Sciences, Doctor of Economics, Full Professor, Head of the Department of Administrative and Financial Law, Law Institute, Rector, RUDN University; 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

ORCID: 0000-0003-4943-6940, SPIN-code: 7824-4837, Author ID: 561300

e-mail: yastrebov_oa@pfur.ru

Svetlana A. Smirnova – Doctor of Legal Sciences, Full Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Department of Judicial Activity, Law Institute, RUDN University; 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-0063-5706, SPIN-code: 9628-3013, AuthorID: 812214

e-mail: smirnova_sva@pfur.ru

Maxim V. Mozgov – Candidate of Historical Sciences, Managing Director, Division for Judicial Recovery of Troubled Debts of Corporate Clients, Legal Department, Gazprombank (Joint-Stock Company); 24 Ozerkovskaya nab. Moscow, 115184, Russian Federation

ORCID: 0009-0006-5367-8706

e-mail: mozgov_maxim@mail.ru

ПРАВО И ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

LAW AND DIGITAL TECHNOLOGY

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-1-221-234>

EDN: RNNZEI

Научная статья / Research Article

Правовая сущность информации в условиях использования цифровых технологий

В.П. Иванский

Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация

 ivansky_valera@mail.ru

Аннотация. Повсеместное использование цифровых технологий расширило смысловые границы термина «информация» настолько, что послужило причиной исчезновения конститутивных характеристик понимания информации, без наличия которых она теряет свою сущность. По этой причине в правовых актах и юриспруденции констатируется употребление категорий «сведения», «данные» и «сообщение» в качестве синонимичных по содержанию термину «информация». Целью научной статьи является установление природы информации, исследование основных отличительных характеристик указанных выше понятий, а также анализ структуры информации и данных. Для реализации указанной цели применялся общефилософский, общенаучный и частно-научный методологический инструментарий. В результате проведенного анализа дефиниций информации было выявлено, что правовая информация, как воспринимаемый и наполняемый правовым смыслом образ, конституируется сознанием субъекта права. Правовой образ, запечатленный на материальном носителе посредством набора физических символов, называют правовыми сведениями. Сведения, которые перестали быть доступными для восприятия и осмысления в результате их кодирования, называют данными. Сообщение – это кодированный эквивалент правовых сведений, передаваемых с помощью средств вычислительной техники, где их носителем выступает сигнал. Завершается статья выводом о необходимости, во-первых, различать между собой природу информации и природу знака (символа). Собственно информация конституируется правосознанием человека как ментальный акт (образ), который находит свое воплощение посредством набора физических символов на материальном носителе. При этом необходимо подчеркнуть, что физический символ выступает смысловым эквивалентом ментального символа, формируемого намерением субъекта права. Во-вторых, следует различать дихотомическую структуру понятия информации, включающую материальный носитель и сведения, доступные для понимания их смысла непосредственно субъектами права, от трихотомической структуры

© Иванский В.П., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

понятия данных, представляющей единство трех составляющих: закодированных сведений, физического носителя и средств компьютерной системы.

Ключевые слова: правовая информация, данные, сообщение, сведения, носитель, цифровые технологии, правовое сознание, документ

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию: 18 июня 2024 г.

Принята к печати: 15 января 2025 г.

Для цитирования:

Иванский В.П. Правовая сущность информации в условиях использования цифровых технологий // RUDN Journal of Law. 2025. Т. 29. № 1. С. 221–234. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-1-221-234>

The legal nature of information in the context of digital technologies

Valeriy P. Ivanskiy

RUDN University, Moscow, Russian Federation

 ivansky_valera@mail.ru

Abstract. The widespread use of digital technologies has significantly expanded the semantic boundaries of the term “information”, leading to the erosion of essential constitutive characteristics. As a result, legal acts and jurisprudence increasingly treat the terms “knowledge”, “data” and “message” as synonymous with “information”. The purpose of this scientific article is to establish the nature of information, examine the main distinguishing characteristics of these concepts, and analyze the structure of information and data. To achieve this goal, a combination of general philosophical, general scientific, and specific scientific methodological tools was employed. The analysis of definitions reveals that legal information, as an image perceived and imbued with legal meaning, is constituted by the consciousness of the subject of law. This legal image, imprinted on a tangible medium through a set of physical symbols, is referred to as legal information. Conversely, knowledge that has been encoded and is no longer accessible for perception and comprehension is termed data. A message is defined as a coded equivalent of legal knowledge transmitted using computer technology, with its carrier being a signal. The article concludes that it is essential to distinguish between the nature of information and the nature of signs (symbols). Information itself is constituted by human legal consciousness as a mental act (image) that finds expression through a set of physical symbols on a material medium. It should be noted that the physical symbol serves as a semantic equivalent of the mental symbol formed by the intention of the subject of law. Furthermore, it is important to differentiate between the dichotomous structure of the concept of information, including a material medium and information available for understanding its meaning by subjects of law, and the trichotomous structure of data, which encompasses three components: encoded knowledge, physical media, and computer system tools.

Key words: legal information, data, message, legal knowledge, media, digital technologies, legal consciousness, document

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Received: 18th June 2024

Accepted: 15th January 2025

For citation:

Ivanskiy, V.P. (2025) The legal nature of information in the context of digital technologies. *RUDN Journal of Law*. 29 (1), 221–234. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-1-221-234>

Введение

Обоснование темы статьи определяется ее актуальностью и формулированием научно-правовых проблем. В качестве общего узлового момента проблемного поля выступает наклеивание цифрового ярлыка на все информационные процессы без надлежащего научного осмысления, что создает условия для возникновения юридических коллизий не только на законодательном уровне, но и в правоприменительной практике. Причем тенденция тотальной терминологической замены объектов информатизации на объекты цифровизации свидетельствует о том, что происходит навешивание цифрового ярлыка, заимствованного из сферы IT-технологий, понятиям других отраслей знаний, в том числе и юриспруденции. По этой причине происходит своего рода терминологическая интерференция как результат смешения технологического языка с юридическим языком, который приводит к понятийной запутанности из-за противоречивого понимания юристами технологических процессов информатизации и цифровизации.

Поэтому до сих пор ни в юридической доктрине, ни в законодательстве, ни в международном праве не сложилось единого представления, что такое информация. В тексте Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее по тексту – Закон № 149-ФЗ) не дается описание отличительных признаков информации, но законодатель попытался ее охарактеризовать посредством других, по его мнению, однородных названий, используемых в правовых актах: сведения, данные и сообщение. Между тем найти в правовых актах обозначенные выше равнозначные термину «информация» названия не представляется возможным. На наш взгляд, это объясняется тем, что в разных отраслях научных знаний сложились концепции информации, которые по своему содержанию различны, например: математическая, семантическая, витальная, синергетическая и многие другие теории информации. В этой связи усматриваются две тенденции: с одной стороны, затруднительно подобрать законодателю универсальное понятие информации, а с другой стороны, в юридической науке продолжают закрепляться новые термины (например, «цифровая информация»), которыми искажается изначальная сущность информации. Тем не менее, невзирая на то, что существует огромное количество определений, онтологическая основа информации остается неизменной, которая воплощает в себя разнообразные теории информации и требует разностороннего проведения исследования.

Из сказанного выше вытекает другая ключевая проблема, заключающаяся в том, что с повсеместным внедрением применения технических вычислительных средств обработки и распространения данных, представленных в электронном виде, обнажились трудности в разграничении материального носителя и зафиксированных на нем физических знаков (символов), содержащих информацию. Иначе говоря, в юридической науке некоторыми учеными отождествляется носитель сведений как хранилище символов, выражающих информацию, с самой информацией. Стоит отметить, что собственно информация возникает изначально в сознании субъектов

права, объективируясь затем на материальном носителе посредством определенной последовательности физических символов в качестве сведений. Это означает, что большинство правоведов, практикующих юристов и законодателей не различают и, соответственно, не разграничивают между собой собственно информацию как образ правовой действительности, конституируемый в сознании человека юридического, и сведениями, выступающими проекцией информации и представленными набором физических символов, доступных для восприятия и осознания их смысла.

Обосновывая правовую природу и структуру информации, автор статьи прибегал к теоретическим выводам, уже имевшимся в монографиях, диссертациях, книгах и статьях по юридическим наукам, и опирался на нормативные правовые источники, связанные с пониманием информации. В результате изучения юридической литературы выяснились следующие научные установки в экспликации термина «информация» в условиях применения цифровых технологий:

1) отмечается стремление ученых-юристов ввести в научный оборот цифровую информацию (С.П. Кушниренко, А.И. Зазулин, И.Р. Бегишев, И.И. Бикеев и др.);

2) В.Я. Колдин, К.В. Обидин, С.И. Кувычков, С.В. Зуев, Д.В. Овсянников, Ю.Н. Соколов и др. исследуют понятие электронной информации;

3) В.Б. Вехов, В.А. Мещеряков, Н.В. Зигура, И.И. Карташов, О.А. Лесников, А.Б. Смушкин и др. изучают электронно-цифровую информацию;

4) А.М. Баранов полагает, что информация существует только в сознании человека, которую он непосредственно способен воспринимать и понимать;

5) М.А. Рожкова, А.И. Савельев, А.В. Суслопаров и др. разграничивают между собой категории «данные» и «информация».

Общей целью статьи является исследование правовой сущности информации, заключающейся в описании ее нематериальной природы, и выявление структуры ее эквивалента, запечатленного на носителях технических средств.

Для реализации указанной выше цели были поставлены следующие задачи:

– провести обзор научных публикаций и законодательства, в которых затрагиваются понимание информации и ее виды;

– обосновать необходимость понимания информации как аналога сведений, представленного символами, зафиксированными на материальном носителе, которые человек, как субъект права, способен воспринимать и осознать;

– проанализировать соотношения понятий «сведения», «данные» и «сообщение» в контексте выявления их различий;

– описать природу правовой информации и выявить структуру ее аналога.

Для реализации указанных целей и решения поставленных задач применялся комплексный подход, состоящий из трехуровневого методологического инструментария: общеправового (всеобщего), общенаучного и частно-научного (специального).

Понятие информации и проблемы закрепления ее содержания в правовых актах

Ключевыми научно-правовыми проблемами законодательства в широком смысле слова, раскрывающими содержание правовой информации, выступают такие вызывающие затруднения вопросы, как: 1) определение информации и ее видов (форм); 2) несоответствие друг другу смыслового значения информации терминам

«данные» и «сообщение»; 3) соотношение между собой понятий «информационные технологии» и «цифровые технологии». В русле указанных проблем проведем анализ действующих российских нормативных правовых актов.

Основой дискуссионной площадки выступает определение информации, изложенное в п. 1 статьи 2 Закона № 149-ФЗ, как сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления. Закон № 149-ФЗ устанавливает определение информации через термины «сведения», «данные» и «сообщение», которые в правовых актах тоже не имеют смысловых обозначений. Однако, как было отмечено выше, эти термины считаются сходными по содержанию категориями. В этой ситуации восполнить терминологическую неопределенность пытаются представители юридической науки, что вызвало неоднозначное толкование упомянутых выше понятий в юридических публикациях. Профессор М.А. Рожкова утверждает, что термины «сведения», «данные» и «сообщение» не являются равнозначными по смыслу и имеют содержательные отличия: «сведения и данные являются видами информации в отличие от сообщения, которое отражает техническую сторону обработки информации и выражает форму передачи определенных объемов информации» (Rozhkova, 2020).

Между тем анализ статьи 2 Закона № 149-ФЗ позволил выявить следующие виды информации: электронное сообщение, документированная информация и электронный документ, при этом сведения и данные среди этого перечня отсутствуют. Особо следует обратить внимание в этой статье на дефиницию «электронный документ», в тексте которой фигурирует когнитивное качество человека – это восприятие документированной информации. Дело в том, что в юридической литературе такой основополагающий критерий информации, как восприятие ее человеком, часто пренебрегается, что явилось причиной возникновения цифровой информации.

Другая проблема, имеющая место в научных публикациях, состоит в том, что происходит замещение электронного документа термином «цифровая информация» в целях легализации последнего, а также отождествление термина «электронные носители информации» с электронным документом. Однако какие-либо упоминания о цифровой информации в Законе № 149-ФЗ или УПК РФ отсутствуют.

Суть другого вида информации – компьютерной – поясняется в примечании 1 к статье 272 главы 28 «Преступления в сфере компьютерной информации» УК РФ, в котором акцент делается на сведения, представленные в форме электрических сигналов. Между тем до сих пор продолжается научная полемика о замене компьютерной информации либо на электронную информацию, либо на цифровую информацию или на компьютерные данные. Однако хочется отметить, что электрические сигналы описывают изменения напряжения, которое может быть непрерывным или прерывистым (дискретным). В этой связи электрические сигналы могут быть аналоговыми (периодическими) и цифровыми (импульсными). Из сказанного вытекает, что компьютерная информация в примечании 1 к статье 272 УК РФ представлена в двух формах электрических сигналов – аналоговой и цифровой. Поэтому корректнее говорить не о цифровой и электронной информации, а о дискретных и аналоговых типах сигналов, посредством которых передаются компьютерные данные.

Ученые А.Ф. Мицкевич и А.В. Суслопаров разграничивают между собой данные и информацию, где последняя распознается через способность быть осмысленной (Mickeyevich & Susloparov, 2010:207). Различение между собой компьютерных данных и информации сохраняется в статье 1 (b) Европейской конвенции

о киберпреступности¹, в которой говорится, что «информация должна быть представлена в форме, подходящей для обработки в компьютерной системе», в результате которой она перестает быть доступной для восприятия. Тем не менее, в правовых актах и юридической литературе прослеживается смысловая равнозначность употребления терминов «данные» и «информация»².

Как ранее говорилось, Закон № 149-ФЗ не делает различий между категориями «информация» и «данные» и рассматривает их однородными по содержанию терминами. Поэтому в статье 3 Федерального закона «О персональных данных» персональные данные – это информация. Тем не менее, тотальное применение цифровых технологий сделало очевидной проблему различения данных и информации. Важно отметить, что данные – это сведения, полученные в результате обработки техническими устройствами, содержание которых субъект права не имеет возможности непосредственно воспринять и понять ввиду их существования в закодированном виде. В этом контексте особо заслуживает внимания точка зрения А.И. Савельева, который очерчивает границу между данными и информацией, утверждая, что если данные генерируются техническими устройствами, то информация является результатом интерпретации данных (Saveliev, 2020:68).

Понятие информации, изложенное в Законе № 149-ФЗ в широком смысле слова, и повсеместное применение информационных технологий, требующее незамедлительной правовой регламентации, с одной стороны, подтолкнули правоведов популяризировать в юридической литературе терминологию, в которую включалось цифровое обозначение. С другой стороны, в последние два десятилетия прослеживается осторожность законодателя в навешивании цифрового ярлыка на юридический категориально-понятийный аппарат и его желание достичь здесь смысловой определенности. Так, из наименования и содержания Федерального закона от 10.01.2002 № 1-ФЗ «Об электронной цифровой подписи» было изъято слово «цифровой» по причине того, что обозначения «цифровой» и «электронной» являются идентичными по смыслу понятиями.

В 2019 г. в ГК РФ появилась статья 141.1 «Цифровые права», анализ которой не дает возможность определить юридическую природу цифровых прав. Однако, исследуя официальный отзыв Правительства РФ на законопроект № 424632-7 от 11.04.2018 № 2.3.3-11/484, цифровыми правами признается цифровой код или обозначение как совокупность электронных данных. Следовательно, являясь по природе электронными данными, цифровые права выражают себя как имущественные права в электронной форме. Из сказанного вытекает, что цифровые права и электронные данные используются как равнозначные по смыслу понятия.

Закон о цифровых финансовых активах и цифровой валюте от 31.07.2020 № 259-ФЗ разъясняет значение цифровой валюты (ч. 3 ст. 1), которое имеет сходство

¹ См.: Convention on Cybercrime (ETS No. 185) (Budapest, 23/11/2001) // Режим доступа: <https://www.coe.int/tu/web/conventions/full-list?module=treaty-detail&treaty-num=185> (дата обращения: 17.06.2024).

² Перевод названия конвенции с английского языка «Convention on Cybercrime» на русский выполнен по заказу Аппарата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации как «Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации». Во всех правовых базах России содержится указанный перевод названия Конвенции, в котором, на наш взгляд, произошло смысловое смешение понятий «информация» и «данные» в связи с тем, что в статье 2 ФЗ № 149 дается весьма размытое определение информации. Подобная смысловая запутанность позволила назвать главу 28 УК РФ как «Преступления в сфере компьютерной информации», а не как «Преступления в сфере компьютерных данных».

с характеристиками цифровых прав, состоящее в том, что смысл цифровой валюты определяется электронными данными. В этой связи понятие цифровой экономики, сформулированное в Указе Президента РФ от 09.05.2017 № 203, описывается посредством данных в цифровом виде (п. 4), что, на наш взгляд, требует смысловой согласованности с Законом № 259-ФЗ как совокупности электронных данных, потому что неэлектронных данных в цифровом виде не существует. Поэтому корректнее говорить об электронных данных, закодированных цифровым способом, то есть в бинарной форме.

Следовательно, в российском законодательстве следует отметить две тенденции, которые демонстрируют, с одной стороны, осторожность законодателя закрепления цифровым обозначением любого юридического термина; с другой стороны, проведенное исследование привело нас к выводу, что термины «цифровой» и «электронный» используются в правовых актах в качестве равноценных по смыслу.

И последний вопрос, который нуждается в исследовании, это установление содержания понятий «цифровые технологии» и «информационные технологии». Статья 2 Закона № 149-ФЗ раскрывает определение информационных технологий как методы и способы осуществления поиска информации, ее сбора и хранения, обработки и распространения. При этом в дефиниции информационных технологий обходится стороной методы и способы записи аналоговых и дискретных сигналов. Интересным в научном плане является описание цифровых технологий в Большой российской энциклопедии. В БРЭ дается трактовка цифровых технологий, дублирующая, по сути, законодательную формулировку информационных технологий как разнообразных процессов и методов, но смысловой акцент здесь делается на: 1) обращении данных именно в электронном виде; и 2) использовании компьютера и компьютерных сетей³. Из сравнения определений видно, что цифровые технологии – это этап развития информационных технологий.

На этом фоне заслуживает особого внимания другое определение цифровых технологий, изложенное в п.3.17 Постановления Госстандарта России № 255-ст, целью которых является запись кодовых импульсов в определенной последовательности и с определенной частотой с помощью технологий, использующих электронно-вычислительную аппаратуру. Изучение формулировки цифровых технологий в Постановлении Госстандарта России привело к заключению, что разграничением цифровых технологий от информационных выступает структура передаваемого сигнала – непрерывный поток колебаний (аналоговый сигнал) или дискретные колебания (цифровой сигнал), которые используются для передачи данных. Кодовые импульсы представляют собой электрические импульсные сигналы, имеющие определенную систему кодирования, не являющиеся периодическими сигналами и меняющие свое значение в зависимости от ситуации.

Запись кодовых импульсов в определенной последовательности означает факт дискретизации непрерывного (аналогового) сигнала в виде принятия двух и более фиксированных значений в качестве квантовых величин, между которыми существует битовый интервал. Обобщенно говоря, цифровые технологии – это такие способы осуществления различных процессов, в основе которых содержится дискретный сигнал, характеризуемый цифровыми значениями – 0 или 1. Поэтому в

³ Егорова М.А. Цифровые технологии (в праве) // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал. Режим доступа: <https://bigenc.ru/c/tsifrovye-tekhnologii-v-prave-a80897/?v=7820004> (дата доступа: 17.06.2024).

названии темы и в тексте статьи под цифровыми технологиями понимаются такие информационно-технологические устройства, с помощью которых создается прерывистый сигнал путем дискретизации аналогового сигнала, когда из последнего нарезаются небольшие кусочки информации определенного размера (байты) через равные интервалы, в результате чего прерывистый (дискретный) сигнал принимает какие-то фиксированные значения, представленные в качестве квантовых величин.

Таким образом, цифровая технология выступает видом информационной технологии, сопряженной с процессом измерения объема данных при записи кодовых импульсов, в результате которой аналоговый сигнал преобразуется в дискретный (цифровой), а информация становится данными. Собственно говоря, непрерывный поток колебаний, несущий правовую информацию от передатчика к приемнику, в момент записи заключающийся измерением объема сведений посредством их дискретизации и квантования, преобразуется в прерывистую волну, имеющую фиксированные значения в двоичном формате. Важно отметить, что в Постановлении Госстандарта России № 255-ст говорится, что целью цифровых технологий служит запись кодовых импульсов. Это предполагает, что при использовании цифровых технологий сигнал передается только в кодированном виде, и дискретное устройство, которое принимает такой импульс, должно иметь код для его расшифровки, называемый, соответственно, цифровым. Более того, запись прерывистых импульсов может существовать как в зашифрованном виде, когда используются криптографические (шифровальные) средства, так и в кодированном. Иначе говоря, сообщение кодируется в импульсах – прерывистых сигналах, передаваемых по каналу связи. Следовательно, одним из признаков цифровых технологий выступает наличие кодированного сигнала или цифрового кода, который получил название в научной литературе цифровой сигнал.

Понятие информации в юридической науке

Предварительный обзор юридической литературы на предмет изучения научных концепций, используемых в интерпретации информации, привел к заключению, что преобладающее число ученых-юристов используют в своих трудах естественно-научную или техническую парадигмы информации, представленные атрибутивным или функциональным подходами. Становится очевидным, что экспликация информации в юридической науке с помощью методов естественно-научных или технических видов наук приводит к подмене одного вида информации – семантического (смыслового), как доступного для восприятия и осмысления сведений участникам правовой коммуникации, другим видом – техническим, который не доступен для осознания. В этой связи использование в социально-гуманитарных науках, в том числе и в юриспруденции, понятия информации, изложенное в естественно-научных или технических (точных) видах наук, является некорректной позицией правоведов.

В юридической науке речь идет именно о семантическом (смысловом) понимании информации, где сущность информации основывается на когнитивных началах ее восприятия (понимания). При этом источником конституирования правовых норм выступает сознание человека юридического, посредством которого интерпретируются правовые тексты, представляющие собой правовые сведения. В этой связи справедливо утверждение профессора А.В. Полякова, что «правовые нормы возникают как интересубъективные феномены, существующие в правовом сознании

общества, как результат интерпретационной редукции правовых текстов» (Polyakov, 2016:284). Между тем информация как мысли (образ), возникающие в сознании человека, переносятся на материальный носитель в виде знакового кода, который используется членами общества конвенционально в целях правовой коммуникации. Обобщенно говоря, взгляд, которого мы будем придерживаться в этой статье, состоит в том, что правовой текст как набор последовательных физических символов, зафиксированный на материальном носителе, выступает проекцией информации как образа правовой действительности, формируемого сознанием.

В юридической литературе в рамках атрибутивно-функционального подхода большинство понятий информации определяется через описание свойств и качеств информации без какой-либо привязки их к носителям информации по причине тождественности носителя и информации. Поэтому юристы, опираясь в своих научных трудах на основы информатики, не просто смешивают само понятие информации со свойствами материального носителя, а отождествляют их (Kuznetsov (ed.), (2016). Описывая свойства информации как выражение ее внешних характеристик (синтаксический аспект), речь идет, по сути, о свойствах физического носителя, а не о смысловом содержании информации (семантический аспект) (Makarova & Volkov, 2011). Отождествление правовой сущности информации со свойствами материального носителя создало условия для уравнивания смыслового содержания термина «информация», закрепленного в статье 2 Закона № 149-ФЗ, с данными и сообщением, что, в свою очередь, послужило причиной возникновения цифровой информации. Терминологическое смешение информации со свойствами носителя происходит потому, что ее понятие рассматривается сквозь призму атрибутивной и функциональной концепций.

В юридической науке существуют различные научные взгляды на понятие и виды информации в русле применения цифровых технологий – от отождествления всех видов информации в качестве цифровых до отрицания использования определений «цифровая» и «электронно-цифровая» информация в юриспруденции. Как отмечает А.В. Гортинский, «природным свойством вообще любой информации, фиксированной на каком-либо физическом носителе, является то, что она закодирована» (Gortinsky, 2006:110), но при условии, что информация воспринимается и понимается человеком. В противном случае она перестает быть информацией для субъекта права; точнее будет сказать, что природным свойством выступает не закодированность информации, а кодировка материального носителя информации. В этом контексте высказывание И.В. Семеновой, что вся информация является цифровой (Semenova, 2022), не отражает правовой сущности информации, которая объединяет не только ее содержание, доступное для восприятия и понимания субъектом права, но и одновременно свой носитель. По этой причине слово «цифровой» относится не к самой информации, а к ее носителю – дискретному сигналу. Обобщенно говоря, правовая природа информации выражается не во внешней форме, не в способе восприятия и существования информации, закрепленной посредством цифровых технологий, а в способности и возможности ее восприятия и понимания субъектом права либо непосредственно, либо с помощью технических средств.

А.Б. Смушкин вводит в научный оборот электронную цифровую информацию и определяет ее как «информацию, записанную электронным способом путем дискретизации аналоговой информации в виде дуальной последовательности цифр как цифрового способа кодирования информации» (Smushkin, 2022). На наш взгляд,

это определение посвящено не реальной информации, а потенциальной, которая называется данными, выражающими внешнюю структуру физического носителя. Как верно замечает ученый Ю.Н. Соколов, что «использование определений «цифровая» и «электронно-цифровая» информация в юриспруденции является ошибочным и не научным», и предлагает понятие электронной информации «с целью единообразного толкования существующих норм права» (Sokolov, 2021). Однако, на наш взгляд, использование Ю.Н. Соколовым в научном обороте электронной информации также отражает понятийную неточность этого термина. Дело в том, что информация представляет собой нематериальную субстанцию и по этой причине она не может обладать характеристиками материи. В этой связи корректнее говорить не об электронной информации, а об электронном носителе информации, что подтверждается указанием статьи 2 Закона № 149-ФЗ на информацию в электронной форме. На этом акцентирует внимание Б.Е. Стариченко, что «правильнее говорить о формах представления информации в сообщении или о видах сообщений» (Starichenko, 2016:22-25). Употребление терминов электронная информация и информация в электронной форме в качестве синонимичных связано с тем, что в некоторых юридических публикациях происходит ошибочное отождествление понятий электронного сообщения с электронной информацией, что приводит к неправомерному переплетению терминов носителя информации – сообщения как определенной последовательности сигналов – с содержанием самого сообщения.

С.П. Кушниренко подменяет смысловое содержание информации физическими свойствами кодового носителя, «выраженными последовательностью, доступной для ввода, обработки, хранения и передачи с помощью технических устройств» (Kushnirenko, 2006). На этом фоне заслуживает одобрения определение компьютерной информации, данное Н.В. Зигурой, разграничивающее между собой «материальный носитель и сведения, создаваемые аппаратными и программными средствами фиксации, обработки и передачи сообщения» (Zigura, 2010). Тем не менее, как было отмечено выше, в этой дефиниции компьютерную информацию корректнее называть компьютерными данными по причине того, что информация – это всегда доступные для понимания человеком сведения, а данные – это кодированные сведения, представленные системой знаков и создаваемые техническими средствами.

Развернутый взгляд на соотношение информации и носителя представлен ученым А.И. Зазулиным. По его мнению, природа информации такова, что ее невозможно хранить или передавать. Однако никак неосозаемая на ощупь информация или ментальный образ отражается в качестве смоделированного с помощью физических символов слепка на материальном носителе, называемом сообщением (Zazulin, 2016:78). В контексте этих рассуждений А.М. Баранов раскрывает еще одно качество информации – это способность человека понимать содержание сигнала, а не момент механического получения сигнала (Baranov, 2019). Несомненно, что когда говорится о качествах информации, то имеются в виду свойства носителя ее эквивалента – сообщения (Zazulin, 2019) или сигнала (Baranov, 2019), потому что у нематериальной информации не может быть физических свойств. Кроме того, когда речь идет о понимании субъектами права информации, то под этим подразумевается восприятие и осмысление смысла ее аналога – сведений. Тем не менее очевидно, что ученые отождествляют материальный носитель информации с физическими символами, закрепленными на нем – сведениями. Обобщенно говоря, следует констатировать,

что неправомерно ставится смысловой знак равенства между информацией и носителем информации, между информацией и сведениями или сообщением.

Стало быть, информация представляет собой ментальный образ, активированный в сознании намерением субъекта права, и получающий свое воплощение через физические знаковые обозначения (символы), закрепленные на материальном носителе, и называемые сведениями. При этом необходимо иметь в виду, что базовым качеством сведений является доступность для восприятия и понимания их смысла другими субъектами правовой коммуникации, а также то, что такие сведения выступают проекцией образа правовой действительности, конституируемого в правосознании. Когда закрепленные на материальном носителе правовые сведения обрабатываются с помощью цифровых технологий, то они подлежат кодированию, что исключает их восприятие и понимание смысла субъектами права. Такие сведения называются данными. Когда передача данных осуществляется с помощью цифровых технологий на основании сигнала, то такие данные именуются сообщением.

Ранее уже было отмечено, что информация как ментальный образ не может раскрыть себя без наличия материального носителя и запечатленных на нем физических символов – сведений, которые субъект способен воспринимать и понимать их смысл. Закодированная на материальном носителе с помощью цифровых технологий последовательность знаков становится просто данными. В этой связи следует различать структуру информации (сведений) и структуру закодированных сведений (данных). Если структура информации представляет собой единство материального носителя с закрепленным на нем доступным для понимания субъектом права смысла сведений, то структура данных состоит из закодированных сведений, физических носителей и средств вычислительной техники.

Заключение

1. Правовая информация является ментальным образом, активируемым в памяти намерением субъекта права, и представленным физическими символами на материальных носителях в форме юридических понятий, терминов. Поэтому юридические понятия и термины как набор физических символов, закрепленных на материальных носителях, выступают проекцией ментальных знаков, формируемых в правосознании человека. Закрепление ментальных символов на носителях посредством знаковых обозначений, доступных для восприятия и понимания их смысла субъектами права, называются сведениями. Сведения, которые перестали быть доступными для восприятия и осмысления в результате их кодирования, называют данными. Когда передаются данные от отправителя к получателю (приемнику) с помощью цифровых технологий (технических средств), то носителем данных выступает сообщение как кодированный эквивалент правовых сведений. Необходимо подчеркнуть, что источником информации может быть только сознание *homo juridicus*, а средства вычислительной техники могут быть только источником цифровых данных. Однако когда обработанные данные средствами компьютерной системы интерпретируются интеллектом человека, то конституируется в сознании человека новая информация, которая находит свое материальное воплощение в виде новых сведений.

2. Обработка, хранение, передача, а также кодирование и декодирование сведений представляется возможным лишь при наличии вычислительных устройств и

средств связи. Именно благодаря средствам вычислительной техники осуществляется автоматизированная обработка, хранение закодированных сведений и передача данных по каналам связи с помощью сигналов. Стоит отметить, что сигналы, будучи физическими носителями сообщений, предназначены для передачи закодированных цифровым способом данных по телекоммуникационным каналам связи. С момента кодирования упорядоченной последовательности знаков на материальном носителе с помощью вычислительных устройств сведения теряют возможность восприниматься и пониматься участниками правовой коммуникации, то есть они теряют статус информации. В этой связи необходимо делать различие структуры информации и данных. Если структура информации включает в себя материальный носитель и зафиксированные на нем сведения как определенной совокупности символов, доступных для восприятия субъектом права, то структура данных при использовании цифровых технологий представляет собой единство трех элементов: 1) закодированных сведений; 2) средств вычислительной техники; 3) физических носителей.

3. Важно различать между собой природу собственно информации и природу знака (символа), выступающего проекцией информации. Собственно информация конституируется правосознанием человека как ментальный акт или образ, который находит свое воплощение посредством набора физических знаковых обозначений на материальном носителе. Необходимо иметь в виду, что физический символ выступает смысловым эквивалентом ментального символа, формируемого намерением субъекта права. В этой связи физические знаки, обозначающие юридические термины и понятия, воспринимаемые и понимаемые или непосредственно *homo juridicus*, или с помощью средств вычислительной техники, являются правовыми сведениями.

References / Список литературы

- Baranov, A.M. (2019) Electronic evidence: the illusion of the criminal process of the XXI century. *Criminal justice*. (13), 64–69. <https://doi.org/10.17223/23088451/13/12>. EDN PJCJXL. (in Russian).
Баранов А.М. Электронные доказательства: иллюзия уголовного процесса XXI в. // Уголовная юстиция. 2019. № 13. С. 64–69. https://doi.org/10.17223/23088451/13/12. EDN PJCJXL.
- Gortinsky, A.V. (2006) On the nature of traces in the information environment of computer devices. *Problems of modern research in criminalistics and forensic examination: the conference*, Moscow, Lomonosov Moscow State University. (in Russian).
Гортинский А.В. О природе следов в информационной среде компьютерных устройств // Проблемы современных исследований в криминалистике и судебной экспертизе : конф., 4–5 дек. 2006 г., Москва, МГУ им. Ломоносова : сб. тез. М. : Макс Пресс, 2006. С. 110–125.
- Kushnirenko, S.P. (2006) Digital information as an independent object of forensic research. *Bulletin of Criminology*. 2(18), 43–47. EDN XOFMHZ. (in Russian).
Кушниренко С.П. Цифровая информация, как самостоятельный объект криминалистического исследования // Вестник криминалистики. 2006. № 2(18). С. 43–47. EDN XOFMHZ.
- Kuznetsov, P.U. (ed.). (2016) *Information technologies in legal activity: textbook for academic bachelor's degree*. Moscow, Yurait Publ. (in Russian).
Информационные технологии в юридической деятельности: учебник для академического бакалавриата / под общей ред. П.У. Кузнецова. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2016. 436 с.

- Makarova, N.V. & Volkov, V.B. (2011) *Informatics: Textbook for universities*. Saint Petersburg, Peter Publ. (in Russian).
Макарова Н.В., Волков В.Б. Информатика : учебник для вузов. СПб. : Питер, 2011. 576 с.
- Mickevich, A.F. & Susloparov, A.V. (2010) The concept of computer information in Russian and foreign criminal law. *Gaps in Russian legislation*. (2), 206–209. (in Russian).
Мицкевич А.Ф., Суслопаров А.В. Понятие компьютерной информации по российскому и зарубежному уголовному праву // Пробелы в российском законодательстве. 2010. № 2. С. 206–209.
- Polyakov, A.V. (2016) *General theory of law: problems of interpretation in the context of a communicative approach: textbook*. Moscow, Prospekt Publ. (in Russian).
Поляков А.В. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: учебник. М. : Проспект, 2016. 832 с.
- Rozhkova, M.A. (2020) On the legal aspects of using technologies: MadTech (problems of the legal regime of data). *Economy and law*. 8(523), 41–52. (in Russian).
Рожкова М.А. О правовых аспектах использования технологий: MadTech (проблемы правового режима данных) // Хозяйство и право. 2020. № 8(523). С. 41–52.
- Saveliev, A.I. (2020) Civil law aspects of data turnover regulation in the context of attempts to form a digital economy. *Civil Law Review*. 20(1), 60–92. С. 60–92. <https://doi.org/10.24031/1992-2043-2020-20-1-60-92>. EDN UJDZHN. (in Russian).
Савельев А.И. Гражданско-правовые аспекты регулирования оборота данных в условиях попыток формирования цифровой экономики // Вестник гражданского права. 2020. Т. 20. № 1. С. 60–92. <https://doi.org/10.24031/1992-2043-2020-20-1-60-92>. EDN UJDZHN.
- Semenova, I.V. (2022) Digital information as a subject of encroachment of crimes in the field of computer information. *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science*. 8(4), 158–165. EDN HNBAXH. (in Russian).
Семенова И.В. Цифровая информация как предмет посягательства преступлений в сфере компьютерной информации // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2022. Т. 8. № 4. С. 158–165. EDN HNBAXH.
- Smushkin, A.B. (2022) Electronic digital information as the central object of electronic digital criminalistics. *Criminalistics: yesterday, today, tomorrow*. 21(1), 142–154. <https://doi.org/10.55001/2587-9820.2022.99.19.013>. EDN TRCXEG. (in Russian).
Смушкин А.Б. Электронная цифровая информация как центральный объект электронной цифровой криминалистики // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2022. № 1(21). С. 142–154. <https://doi.org/10.55001/2587-9820.2022.99.19.013>. EDN TRCXEG.
- Sokolov, Yu.N. (2021) Electronic and «digital» information: the basics of legal interpretation. *Eurasian Law Journal*. 7(158), 364–366. (in Russian).
Соколов Ю.Н. Электронная и «цифровая» информация: азы юридического толкования // Евразийский юридический журнал. 2021. № 7(158). С. 364–366.
- Starichenko, B.E. (2016) *Theoretical foundations of computer science*. Textbook for universities. Moscow, Hotline–Telecom Publ. (in Russian).
Стариченко Б.Е. Теоретические основы информатики: учебник для вузов. 3-е изд. перераб. и доп. М. : Горячая линия-Телеком, 2016. 400 с.
- Zazulin, A.I. (2016) On the evidentiary value of digital information in criminal proceedings. *The world of legal science*. (11), 77–82 (in Russian).
Зазулин А.И. О доказательственном значении цифровой информации в уголовном процессе // Мир юридической науки. 2016. № 11. С. 77–82.
- Zazulin, A.I. (2019) *The use of digital information in proving criminal cases*. Moscow, Yurlitinform Publ. (in Russian).
Зазулин А.И. Использование цифровой информации в доказывании по уголовным делам. М. : Юрлитинформ, 2019. 168 с.

Zigura, N.V. (2010) *Computer information as a type of evidence in the criminal process of Russia*. Abstract of Diss. of candidate of Legal Sciences. Chelyabinsk, South Ural State University (in Russian).

Зигура Н.В. Компьютерная информация как вид доказательств в уголовном процессе России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск : Юж.-Ур. гос. ун-т. 2010. 20 с.

Сведения об авторе:

Иванский Валерий Прокопьевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права, юридический институт, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы (РУДН); 117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

ORCID: 0000-0002-1785-8965, SPIN-код: 1665-7008

e-mail: ivansky_valera@mail.ru

About the author:

Valeriy P. Ivanskiy – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Department of Administrative and Financial Law, Law Institute, RUDN University; 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-1785-8965, SPIN-code: 1665-7008

e-mail: ivansky_valera@mail.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-1-235-254>

EDN: RYZIXU

Научная статья / Research Article

Компаративный анализ: надлежащие практики защиты данных в здравоохранении России и за рубежом

Д.А. Лебедева

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва,
Российская Федерация

 lebedevady@yandex.ru

Аннотация. Проведен сравнительно-правовой анализ законодательства и практики защиты персональных данных пациентов в системе здравоохранения России, США, ЕС, Китая и ряда других азиатских стран. Основными методами исследования явились сравнительно-правовой, формально-юридический, экспертно-аналитический, методы визуализации и структурного анализа. Целью исследования является проведение анализа законодательства в сфере защиты персональных данных пациентов в системе здравоохранения в разных странах и выявление рекомендаций для России. Доказано, что лидерами в этой сфере являются США и ЕС, где действуют специальные законы о защите персональных данных в сфере здравоохранения, устанавливающие строгие требования к операторам медицинских данных и предусматривающие серьезные санкции за их нарушение. Отмечается, что российское законодательство в сфере защиты персональных данных в сфере здравоохранения соответствует мировым тенденциям цифровизации и защиты персональных данных, однако имеются проблемы правоприменения, связанные с недофинансированием ИТ-инфраструктуры медицинских организаций, дефицитом квалифицированных кадров, низкой цифровой грамотностью медицинского персонала. Полученные результаты формируют основу для дальнейших научных изысканий по проблемам трансформации систем охраны медицинской тайны в контексте развития технологий больших данных, ИИ, интернета вещей. В работе обоснована целесообразность дифференциации правового регулирования в зависимости от категорий информации (генетических и биометрических данных), аргументирована необходимость усиления ответственности за нарушения, предложены конкретные законодательные новеллы.

Ключевые слова: персональные данные, информационная безопасность, здравоохранение, электронные медицинские карты, HIPAA, GDPR, сравнительный анализ, медицинские информационные системы

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию: 18 апреля 2024 г.

Принята к печати: 15 января 2025 г.

© Лебедева Д.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования:

Лебедева Д.А. Компаративный анализ: надлежащие практики защиты данных в здравоохранении России и за рубежом // *RUDN Journal of Law*. 2025. Т. 29. № 1. С. 235–254. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-1-235-254>

Comparative analysis of effective data protection practices in healthcare: Russia and international standards

Diana A. Lebedeva

National Research University “Higher School of Economics”, *Moscow, Russian Federation*

 lebedevady@yandex.ru

Abstract. A comparative legal analysis has been conducted on the legislation and practices regarding the protection of patients' personal data in the healthcare systems of Russia, the USA, the EU, China, and several other Asian countries. The main research methods employed include comparative-legal analysis, formal-legal analysis, expert-analytical methods, visualization techniques, and structural analysis. The aim of the study is to analyze the legislation related to the protection of patients' personal data in healthcare across different countries and to identify recommendations for Russia. The findings indicate that the USA and the EU are leaders in this area, with specific laws governing the protection of personal data in healthcare that impose strict requirements on medical data operators and significant penalties for violation. It is noted that Russian legislation on data protection in healthcare aligns with global trends toward digitalization and personal data protection. However, challenges remain in law enforcement due to underfunding of IT infrastructure in medical organizations, a shortage of qualified personnel, and low digital literacy among medical staff. The results of this study provide a foundation for further scientific research into the transformation of medical privacy protection systems in light of advancements in big data technologies, AI, and the Internet of Things. The paper advocates for a differentiated legal regulation based on categories of information (such as genetic and biometric data), argues for strengthened liability for violations, and proposes specific legislative innovations.

Key words: personal data, information security, healthcare, electronic health records, HIPAA, GDPR, comparative analysis, medical information systems

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Received: 18th April 2024

Accepted: 15th January 2025

For citation:

Lebedeva, D.A. (2025) Comparative analysis of effective data protection practices in healthcare: Russia and international standards. *RUDN Journal of Law*. 29 (1), 235–254. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-1-235-254>

Введение

Защита персональных данных граждан в эпоху цифровизации становится одной из ключевых задач государства и общества. Особую важность эта проблема приобретает в сфере здравоохранения, где обрабатываются «сверхчувствительные» данные о здоровье людей. Утечка медицинской информации может не только нанести психологический ущерб пациенту, но и привести к его дискриминации, шантажу,

финансовым потерям (Edemekong & Haydel, 2024). На макроуровне низкий уровень защиты данных подрывает доверие населения к системе здравоохранения, что негативно влияет на готовность людей обращаться за медицинской помощью и следовать рекомендациям врачей¹.

Актуальность вопросов информационной безопасности в медицине резко возросла в период пандемии COVID-19. Массовый перевод части услуг в дистанционный формат, развитие телемедицины, внедрение искусственного интеллекта для диагностики заболеваний – все эти тренды повышают риски утечки данных из-за роста объемов обрабатываемой информации и появления новых уязвимостей в IT-системах (Gurtsko & Smirnov, 2024).

Сравнительно-правовой анализ регулирования защиты медицинских данных в разных странах позволяет выявить лучшие законодательные практики и подходы к обеспечению безопасности критической информационной инфраструктуры здравоохранения (Bradford, Aboy & Liddell, 2019). Нарботанный за рубежом опыт может быть полезен и для совершенствования российского законодательства в области защиты прав субъектов персональных данных в медицинской сфере.

Цель исследования – проведение анализа законодательства в сфере защиты персональных данных пациентов и медицинских работников в системе здравоохранения в разных юрисдикциях и выявление рекомендаций на их основе для России.

Материалы и методы исследования.

1. Сравнительно-правовой анализ – изучение и сопоставление законодательства о защите медицинских персональных данных в разных странах (США, ЕС, Китай, Россия, Япония, Корея, Сингапур и др.) для выявления общих черт и национальных особенностей регулирования.

2. Формально-юридический метод – рассмотрение конкретных правовых норм, правоприменительной практики, прецедентов и инцидентов в сфере безопасности медицинской информации для понимания особенностей функционирования правовых механизмов защиты данных в различных юрисдикциях.

3. Экспертно-аналитический метод – изучение и обобщение оценок ведущих экспертов, аналитических центров, профильных ассоциаций относительно состояния систем защиты медицинских данных в исследуемых государствах, ключевых проблем и перспектив их развития.

4. Кейс-стади (case study) – детальный разбор показательных случаев утечек данных, кибератак на медицинские организации в разных странах для иллюстрации особенностей практического применения законодательства о персональных данных и выявления типовых факторов уязвимости.

5. Диахронный (исторический) анализ – рассмотрение генезиса и эволюции систем защиты медицинских персональных данных в их связи с развитием нормативной базы, IT-технологий и вызовов цифровой эпохи. Этот метод позволил проследить трансформацию подходов и выявить ключевые тренды.

6. Синхронный (структурный) анализ – изучение актуального состояния механизмов защиты данных в здравоохранении на определенном временном срезе в совокупности правовых, организационных и технических компонентов как в страновом разрезе, так и в международной компаративистике.

7. Метод визуализации – представление ключевых результатов исследования в виде структурированной сравнительной таблицы для более наглядной демонстрации сходств и различий национальных моделей регулирования по ряду критериев.

¹ Snell, E. (2015) A Breakdown of HIPAA Security Rule. HealthITSecurity, 3–6.

В работе использовался мультимодальный методологический аппарат, сочетающий общенаучные и специальные методы юридического исследования, что позволило провести комплексный анализ проблематики и сформулировать практические рекомендации.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Проанализировать нормативные акты США, регулирующие защиту медицинских персональных данных.
2. Изучить соответствующее законодательство ЕС, КНР и других зарубежных стран.
3. Сравнить практику применения законов о защите медицинских персональных данных за рубежом.
4. Выявить лучшие зарубежные практики обеспечения безопасности персональных данных в сфере здравоохранения.
5. Предложить возможные пути совершенствования законодательства РФ с учетом релевантного международного опыта.

Работа имеет практическую значимость для законотворческой деятельности, формирования государственной политики в области здравоохранения и информационной безопасности. Результаты исследования могут быть интересны как представителям органов власти, так и руководству медицинских и IT-организаций.

Выбор стран для сравнительно-правового анализа защиты персональных данных пациентов обусловлен стремлением охватить ключевые модели регулирования, существующие в современном мире. США и ЕС являются признанными лидерами в этой сфере, задающими глобальные стандарты в виде законов HIPAA и GDPR, на которые ориентируются многие государства. Китай представляет интерес как крупнейшая экономика Азии, активно внедряющая передовые технологии в здравоохранение, но имеющая специфическую модель регулирования с приоритетом государственных интересов. Япония, Южная Корея и Сингапур демонстрируют опыт развитых азиатских стран, успешно сочетающих прогрессивное законодательство и масштабные проекты цифровизации медицины. Индия и Таиланд, напротив, показывают проблемы и перспективы становления системы защиты данных в развивающихся странах региона. Наконец, Россия анализируется как основной объект исследования, чье законодательство и практика сопоставляются с мировыми трендами для выявления возможностей совершенствования. Такая комбинация стран позволяет провести разносторонний анализ универсальных закономерностей и национальной специфики защиты персональных данных пациентов, обобщить лучшие практики, применимые для оптимизации регулирования в России.

Основы регулирования персональных данных в сфере здравоохранения в Российской Федерации

Основу правового регулирования защиты персональных данных в России, включая сферу здравоохранения, составляет Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (Закона о ПД)². Данный закон устанавливает принципы и условия обработки персональных данных, права субъектов персональных данных, обязанности операторов персональных данных, а также механизмы государственного контроля и надзора в этой области.

² Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ. 31.07.2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3451.

Медицинские сведения о пациентах относятся к специальной категории персональных данных³. Их обработка допускается только в случаях, предусмотренных, в частности, при наличии письменного согласия субъекта ПД либо в медико-профилактических целях, для установления медицинского диагноза и оказания медицинских услуг, при условии, что обработку осуществляет лицо, профессионально занимающееся медицинской деятельностью и обязанное сохранять врачебную тайну.

Операторы персональных данных обязаны принимать необходимые правовые, организационные и технические меры для защиты ПД от неправомерного или случайного доступа к ним, уничтожения, изменения, блокирования, копирования, предоставления, распространения, а также от иных неправомерных действий⁴. Конкретные требования к обеспечению безопасности ПД при их обработке в информационных системах устанавливаются Правительством РФ⁵.

Более детально вопросы защиты информации в системе здравоохранения регламентируются подзаконными нормативными актами. Приказ № 911н закрепляет правила информационного взаимодействия МИС с иными информационными системами в сфере здравоохранения, такими как Единая государственная информационная система в сфере здравоохранения (далее – ЕГИСЗ), Единый портал государственных и муниципальных услуг (далее – ЕПГУ), Государственная информационная система обязательного медицинского страхования (далее – ГИС ОМС) и др⁶. При этом устанавливается прямой запрет на размещение и обработку сведений, составляющих врачебную тайну, с использованием интернет-сайтов и иных общедоступных информационных ресурсов⁷.

Сведения о факте обращения гражданина за оказанием медицинской помощи, состоянии его здоровья и диагнозе, иные сведения, полученные при его медицинском обследовании и лечении, составляют врачебную тайну⁸. Их разглашение допускается только с письменного согласия гражданина или его законного представителя, а также в случаях: угрозы распространения инфекционных заболеваний, расследования преступления, оказание медпомощи несовершеннолетнему и др.⁹

³ Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ. 31.07.2006. № 31 (1 ч.). Ст. 10.

⁴ Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ. 31.07.2006. № 31 (1 ч.). Ст. 7.

⁵ Постановление Правительства РФ от 01.11.2012 № 1119 «Об утверждении требований к защите персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных» // Собрание законодательства РФ. 05.11.2012. № 45. Ст. 6257.

⁶ Приказ Минздрава России от 24.12.2018 № 911н «Об утверждении Требований к государственным информационным системам в сфере здравоохранения субъектов Российской Федерации, медицинским информационным системам медицинских организаций и информационным системам фармацевтических организаций» // Официальный интернет-портал правовой информации. Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 26.03.2024).

⁷ Приказ Минздрава России от 24.12.2018 № 911н «Об утверждении Требований к государственным информационным системам в сфере здравоохранения субъектов Российской Федерации, медицинским информационным системам медицинских организаций и информационным системам фармацевтических организаций» // Официальный интернет-портал правовой информации. Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 26.03.2024).

⁸ Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 28.11.2011. № 48. Ст. 6724.

⁹ Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 28.11.2011. № 48 (ч. 4). Ст. 13.

Сведения, составляющие врачебную тайну, относятся к информации ограниченного доступа, для которой устанавливается особый правовой режим¹⁰. Ее распространение без согласия субъекта не допускается, а обладатели такой информации обязаны принимать меры по ее защите, в том числе путем установления системы защиты информации, препятствующей неправомерному доступу, уничтожению или модификации.

Надзор за соблюдением законодательства РФ в области персональных данных, включая их обработку в медицинских информационных системах, осуществляет Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (далее – Роскомнадзор)¹¹. В рамках своих полномочий он проводит плановые и внеплановые проверки операторов персональных данных, рассматривает обращения граждан, выносит обязательные для исполнения предписания об устранении нарушений, составляет протоколы об административных правонарушениях.

За нарушение порядка обработки персональных данных, в том числе медицинских, предусмотрена административная ответственность по ст. 13.11 КоАП РФ (административный штраф до 18 млн рублей) и по ст. 13.14 КоАП РФ (за разглашение информации ограниченного доступа, штрафы до 40 тыс. руб. для граждан и до 500 тыс. руб. для юридических лиц)¹². В случае незаконного собирания или распространения сведений о частной жизни (включая медицинские) возможно и уголовное преследование по ст. 137 УК РФ (до 2 лет лишения свободы)¹³.

Несмотря на достаточно обширную нормативную основу, на практике в российском здравоохранении нередки случаи утечек персональных данных пациентов и иных нарушений информационной безопасности (Gurtsko & Smirnov, 2024). Среди причин в доктрине называется недофинансирование ИТ-инфраструктуры медицинских учреждений, нехватка квалифицированных ИТ-специалистов (Okishev, 2022), низкая цифровая грамотность медицинского персонала (Poduzova, 2023). Распространены случаи несоблюдения медицинскими работниками базовых правил киберзащиты: использование простых паролей, передача логинов и паролей другим лицам, работа на зараженных вирусами компьютерах, подключение к МИС личных мобильных устройств.

Также серьезную угрозу создает сохраняющаяся практика обработки медицинских персональных данных без средств автоматизации, то есть в бумажном виде. По экспертным оценкам, доля электронного документооборота в российских медицинских организациях составляет всего 20 %. Бумажные медицинские карты и иные документы, содержащие врачебную тайну, зачастую хранятся без соблюдения элементарных мер физической защиты (в незапертых шкафах и кабинетах). Это создает риски несанкционированного доступа и копирования, краж и потерь данных.

¹⁰ Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ. 31.07.2006. № 31. Ст. 3448.

¹¹ Постановление Правительства РФ от 16.03.2009 № 228 «О Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций» // Собрание законодательства РФ. 23.03.2009. № 12. Ст. 1431.

¹² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 07.01.2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

¹³ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 07.01.2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

Таким образом, обеспечение безопасности персональных данных в сфере российского здравоохранения представляет собой комплексную проблему, требующую усилий как в плане совершенствования правового регулирования, так и в плане повышения уровня оснащённости медицинскими организациями современными ИТ-системами, наращивания кадрового потенциала и формирования культуры информационной безопасности среди медицинских работников. При этом надзорным органам следует уделять больше внимания не только контрольно-карательным мерам, но и профилактической и консультативной работе с операторами медицинских персональных данных.

Основы регулирования персональных данных в сфере здравоохранения в США

В США защита персональных данных пациентов регулируется, прежде всего, Законом о переносимости и подотчётности медицинского страхования (Health Insurance Portability and Accountability Act – HIPAA) 1996 г. (Edemekong, Annamaraju & Haydel, 2024) HIPAA устанавливает национальные стандарты для электронных транзакций в сфере здравоохранения и защиты конфиденциальности индивидуально идентифицируемой медицинской информации (Evans, 2016).

Закон применяется к так называемым «покрываемым организациям» (covered entities), которые включают в себя медицинские страховые компании, клиринговые центры и поставщиков медицинских услуг (больницы, клиники, врачи, фармацевты и т.д.), которые передают информацию в электронном виде.

Также под действие HIPAA подпадают бизнес-партнёры указанных организаций, получающие доступ к охраняемым данным.

HIPAA предъявляет детальные требования к обеспечению безопасности и конфиденциальности электронных персональных медицинских данных (electronic protected health information – ePHI)¹⁴. Закон обязывает покрываемые организации внедрять административные, физические и технические меры защиты ePHI от несанкционированного доступа, уничтожения, изменения, раскрытия.

В частности, Правило безопасности HIPAA (HIPAA Security Rule) предусматривает такие требования, как:

- назначение сотрудника, ответственного за соблюдение процедур обеспечения безопасности ePHI;
- ограничение использования и разглашения ePHI случаями, разрешёнными Правилами приватности HIPAA или санкционированными субъектом данных;
- внедрение правил доступа и разграничение прав пользователей информационных систем на основе ролей;
- проведение оценки рисков и регулярных аудитов безопасности ИТ-инфраструктуры;
- шифрование ePHI при передаче и хранении;
- заключение письменных соглашений с бизнес-партнёрами о конфиденциальности;
- обучение персонала политикам и процедурам защиты ePHI;
- уведомление пациентов и регуляторов о случаях компрометации ePHI.

¹⁴ HIPAA Journal. Healthcare Ransomware Attacks Increased by 123% in 2021. Режим доступа: <https://www.hipaajournal.com/healthcare-ransomware-attacks-increased-by-123-in-2021/> (дата обращения: 26.03.2024).

НПРАА предусматривает серьезные санкции для организаций, допустивших нарушение требований безопасности или приватности. Размеры штрафов варьируются от \$100 до \$50 000 за нарушение и могут достигать \$1,5 млн в год для случаев злонамеренного пренебрежения установленными правилами. За умышленные нарушения из корыстных побуждений виновным должностным лицам грозит уголовная ответственность вплоть до 10 лет лишения свободы.

Контроль за соблюдением НПРАА возложен на Министерство здравоохранения и социальных служб США (Department of Health and Human Services – HHS) и его подразделение – Офис по гражданским правам (Office for Civil Rights – OCR). Они проводят периодические проверки покрываемых организаций, расследуют жалобы граждан, накладывают штрафы на нарушителей.

Помимо НПРАА определенные нормы о защите медицинской информации содержатся в Законе о технологиях и клинической медицине в области экономики и здравоохранения (Health Information Technology for Economic and Clinical Health Act – HITECH) 2009 г.¹⁵, Законе о недискриминации на основе генетической информации (Genetic Information Nondiscrimination Act – GINA) 2008 г.¹⁶, некоторых других федеральных и местных актах¹⁷.

Законодательные требования и усиление контроля со стороны государства стимулировали повсеместное внедрение в США электронных медицинских карт (Electronic Health Records – EHR) (Adler-Milstein & Jha, 2017). По данным Управления национального координатора по ИТ в здравоохранении (Office of the National Coordinator for Health IT – ONC), в 2017 г. EHR использовали уже 86 % врачей и более 96 % больниц. Это позволяет поставщикам медицинских услуг эффективно собирать, хранить и обмениваться информацией о пациентах, одновременно обеспечивая надежную защиту персональных данных.

Провайдеры EHR-систем, чтобы иметь право работать с покрываемыми НПРАА организациями, обязаны проходить добровольную сертификацию ONC на соответствие требованиям безопасности, функциональности и интероперабельности. Сертификация проводится аккредитованными лабораториями по утвержденной методологии и включает тестирование таких функций как идентификация/аутентификация пользователей, управление доступом, аудит, шифрование, электронная подпись.

Несмотря на строгое регулирование и высокий уровень цифровизации, в американском здравоохранении случаются громкие утечки персональных данных. Например, в 2015 г. из-за хакерской атаки на страховую компанию Anthem была скомпрометирована информация почти 79 млн человек (Wikina, 2014). В последние годы основной причиной инцидентов стали атаки программ-вымогателей типа WannaCry, Ryuk, Conti. Так, в 2021 г. от действий шифровальщика Ryuk пострадала сеть Universal Health Services, управляющая 400 больницами.

Для противодействия угрозам Министерство здравоохранения США рекомендует учреждениям здравоохранения внедрять передовые методы обеспечения кибербезопасности, такие как многофакторная аутентификация, сегментация сети,

¹⁵ U.S. Department of Health & Human Services. Health Information Privacy: Enforcement Process. Режим доступа: <https://www.hhs.gov/hipaa/for-professionals/compliance-enforcement/enforcement-process/index.html> (дата обращения: 26.03.2024).

¹⁶ Genetic Information Nondiscrimination Act of 2008 (GINA), Pub. L. 110-233, 122 Stat. 881.

¹⁷ HIPAA Journal. What Are the Penalties for HIPAA Violations? Режим доступа: <https://www.hipaajournal.com/what-are-the-penalties-for-hipaa-violations-7096/> (дата обращения: 26.03.2024).

платформы анализа и визуализации событий (SIEM), программы выявления и предотвращения вторжений (IDS/IPS). Большое значение имеет регулярное обучение сотрудников правилам кибергигиены и реагирования на инциденты.

Таким образом, США являются одним из мировых лидеров в сфере защиты медицинских персональных данных. Строгое законодательство, активный надзор со стороны регуляторов, высокий уровень цифровизации здравоохранения, развитая культура информационной безопасности – все эти факторы в совокупности обеспечивают надежную защиту прав американских пациентов. Опыт США заслуживает внимательного изучения и может быть полезен для совершенствования системы защиты медицинских данных в других странах.

Основы регулирования персональных данных в сфере здравоохранения в Европейском Союзе

В Европейском союзе защита персональных данных, включая медицинскую информацию, регулируется Общим регламентом по защите данных (General Data Protection Regulation – GDPR). Этот документ вступил в силу 25 мая 2018 г. и заменил собой Директиву о защите данных 95/46/EC. GDPR устанавливает единые правила обработки персональных данных на всей территории ЕС и имеет прямое действие во всех странах-членах¹⁸.

Согласно GDPR медицинские сведения относятся к специальной категории персональных данных (sensitive data) наряду с информацией о расовой и этнической принадлежности, политических и религиозных взглядах, генетическими и биометрическими данными. Обработка таких данных по общему правилу запрещена, кроме определенных случаев, когда субъект дал явное согласие на обработку или она необходима для целей здравоохранения.

Регламент предъявляет строгие требования к операторам ПД (контролерам и процессорам данных) по обеспечению безопасности обрабатываемой информации. В частности, они обязаны:

- применять шифрование и псевдонимизацию персональных данных;
- обеспечивать конфиденциальность, целостность, доступность и отказоустойчивость систем обработки;
- восстанавливать доступность данных в случае инцидентов;
- регулярно тестировать и оценивать эффективность мер безопасности.

Медицинские учреждения ЕС также должны вести учет всех действий с персональными данными пациентов, включая сбор, хранение, изменение, раскрытие, удаление. При этом ПД разрешено хранить в форме, позволяющей идентифицировать субъектов, не дольше, чем это необходимо для целей обработки.

Контролеры данных обязаны документировать факты утечек персональных данных и сообщать о серьезных инцидентах в надзорный орган в течение 72 часов с момента обнаружения. Если инцидент может создать высокий риск для прав и свобод пациентов, затронутых утечкой, их необходимо проинформировать напрямую без промедления¹⁹.

¹⁸ Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation).

¹⁹ European Union Agency for Cybersecurity (ENISA). (2020) ENISA Threat Landscape 2020 – The year in review. October 2020.

За несоблюдение требований GDPR предусмотрены значительные штрафы – до 20 млн евро или, в случае предприятия, до 4 % его общего годового оборота за предыдущий финансовый год, в зависимости от того, какой параметр больше. Кроме того, любое лицо, которому причинен ущерб из-за нарушения Регламента, имеет право получить от контролера или процессора компенсацию за причиненный ущерб²⁰.

Практика применения GDPR в здравоохранении пока неоднозначна. С одной стороны, крупные медицинские организации, особенно в западноевропейских странах, существенно усилили меры защиты данных, опасаясь репутационных рисков и многомиллионных штрафов. Значительные средства инвестируются во внедрение передовых ИТ-решений для обеспечения кибербезопасности (шифрование, анонимизация, СЗИ, SIEM, SOC и пр.). Регулярно проводится обучение персонала правилам обработки персональных данных.

С другой стороны, многие небольшие клиники и лаборатории, особенно в Восточной Европе, пока не в полной мере выполняют требования GDPR из-за нехватки финансовых и кадровых ресурсов. Остаются распространенными такие проблемы, как передача медицинских данных по незащищенным каналам связи, использование устаревших версий программного обеспечения с уязвимостями, несанкционированный доступ сотрудников к информации. Как показывает статистика, именно человеческий фактор является причиной большинства утечек персональных данных в медицинском секторе ЕС.

Для контроля за соблюдением GDPR в каждой стране ЕС созданы уполномоченные органы по защите данных (Data Protection Authorities). Они принимают жалобы граждан, проводят расследования, налагают штрафы, дают официальные разъяснения по вопросам толкования и применения Регламента. Также на уровне ЕС действует Европейский совет по защите данных (EDPB), в который входят главы национальных надзорных органов. EDPB призван обеспечивать единообразное применение GDPR по всему Евросоюзу.

Наднациональные структуры ЕС помогают медицинским организациям эффективно выполнять требования по защите данных. Разработаны подробные руководства и рекомендации, адаптированные под специфику здравоохранения Еврокомиссия финансирует исследовательские проекты по таким направлениям как конфиденциальные вычисления над большими медицинскими данными, федеративное машинное обучение, многосторонние вычисления. Их цель – найти баланс между приватностью пациентов и потребностями медицинской науки в обработке деперсонализированных массивов данных для создания инноваций (Greenleaf, 2019).

Определенные коррективы в правила GDPR внесла пандемия COVID-19. Регуляторы признали допустимым использование персональных данных граждан (в частности, сведений о локации, контактах, результатах тестов), если это необходимо для борьбы с коронавирусной инфекцией и при условии соблюдения принципов законности, минимизации данных, ограничения цели и хранения. Применение GDPR не должно препятствовать экстренным мерам по охране здоровья населения.

В целом, несмотря на отдельные трудности и национальные различия, GDPR оказывает положительное влияние на уровень защиты медицинских данных в Евро-

²⁰ European Data Protection Board. (2020) Guidelines 03/2020 on the processing of data concerning health for the purpose of scientific research in the context of the COVID-19 outbreak. Adopted on 21 April 2020.

пейском Союзе. Закон способствует гармонизации норм на общеевропейском пространстве, внедрению передовых практик информационной безопасности, повышению прозрачности и подконтрольности обработки персональных данных. При этом важно найти разумный баланс между защитой прав граждан и интересами развития медицинских технологий на основе анализа больших данных.

Основы регулирования персональных данных в сфере здравоохранения в Китае

Правовое регулирование защиты персональных данных в Китае носит комплексный характер и основывается на нескольких ключевых нормативных актах. Базовым документом является Закон КНР о кибербезопасности, вступивший в силу 1 июня 2017 г.²¹ Он устанавливает общие принципы и требования к сетевой безопасности, включая защиту персональной информации.

Закон обязывает операторов сетей соблюдать принципы законности, правомерности и необходимости при сборе и использовании персональных данных, получать согласие субъектов, обеспечивать безопасность и конфиденциальность информации²². За нарушение этих норм предусмотрена административная и уголовная ответственность.

Более детально вопросы защиты персональных данных в Интернете регламентирует Положение о защите личной информации в сети, принятое в 2012 г. Оно определяет состав личной информации, общие и специальные правила ее сбора и использования, права субъектов, обязанности операторов. В частности, операторы должны публиковать политику конфиденциальности, хранить собранную информацию не дольше необходимого срока, применять шифрование и другие меры безопасности, уведомлять пользователей об утечках данных.

На практике эти общие нормы дополняются отраслевыми стандартами и правилами. Так, в сфере здравоохранения действует национальный стандарт по безопасности личной информации пациентов (Dai, Zheng & Zhang, 2019). Он предписывает медучреждениям получать письменное согласие граждан на обработку информации об их здоровье, обеспечивать анонимизацию и шифрование медицинских данных, использовать их только для заявленных целей.

Особенностью китайского подхода является широкий доступ государства к персональным данным, объясняемый приоритетом национальной безопасности и общественных интересов. По закону операторы сетей обязаны предоставлять необходимую информацию по запросу полиции, органов госбезопасности и прокуратуры в целях защиты национальной безопасности или расследования преступлений. На практике спецслужбы имеют доступ к различным базам данных, включая медицинские (Cheng, Liu & Yao, 2017).

Китайский рынок здравоохранения переживает цифровую трансформацию, активно внедряя такие технологии, как большие данные, искусственный интеллект, интернет медицинских вещей. С одной стороны, это помогает улучшить качество медицинских услуг, оптимизировать управление ресурсами, развивать персонализированную медицину. Анализ обезличенных массивов медицинских данных позволяет

²¹ Cybersecurity Law of the People's Republic of China. Режим доступа: http://www.npc.gov.cn/englishnpc/c23934/202012/32/content_2511499.shtml (дата обращения: 26.03.2024).

²² Cybersecurity Law of the People's Republic of China, Article 28.

выявлять закономерности в распространении заболеваний, оценивать эффективность лечения, прогнозировать эпидемии.

С другой стороны, концентрация огромных объемов чувствительной информации в государственных системах создает дополнительные риски утечек данных. В Китае уже происходили громкие инциденты, связанные с компрометацией медицинских данных граждан из-за небрежности администраторов или действий злоумышленников. Поэтому обеспечение надежной защиты больших медицинских данных является приоритетной задачей как для государства, так и для бизнеса.

Заслуживает внимания опыт города Яньтай провинции Шаньдун, где в 2019 г. была создана единая муниципальная платформа обмена медицинскими данными. Она объединяет информацию из электронных медкарт жителей, поступающую из больниц, клиник, лабораторий и страховых компаний города. При этом данные деперсонализируются с помощью новейших методов анонимизации и шифруются перед загрузкой в систему (Zhang, et al., 2018).

Платформа используется для выявления групп риска, профилактики хронических заболеваний, мониторинга назначений лекарств, анализа эффективности работы медучреждений. Доступ к обезличенным данным предоставляется муниципальным управленцам, эпидемиологам, медицинским экспертам. При этом к конфиденциальности информации предъявляются повышенные требования в соответствии со стандартами информационной безопасности в здравоохранении.

Яньтайский проект демонстрирует потенциал использования больших медицинских данных на благо общества при условии надежной защиты личной информации граждан. Он привлек внимание китайского правительства, которое рассматривает возможность масштабирования этой модели на другие регионы страны (Dai, Zheng & Zhang 2019).

В целом, несмотря на наличие солидной правовой базы, говорить о высоком уровне защиты медицинских персональных данных в Китае пока преждевременно. Имеются проблемы с практической реализацией законодательных норм, особенно в небольших медучреждениях. Серьезную озабоченность вызывает чрезмерно широкий доступ государства к личной информации граждан под предлогом защиты безопасности.

Вместе с тем Китай активно инвестирует в развитие передовых ИТ-решений для безопасности данных в здравоохранении, таких как блокчейн, федеративное машинное обучение, конфиденциальные вычисления, гомоморфное шифрование. В условиях стремительной цифровизации отрасли это позволяет надеяться на постепенное выстраивание эффективной и сбалансированной системы защиты медицинских данных в КНР.

Основы регулирования персональных данных в сфере здравоохранения в странах Азии

Страны Азиатско-Тихоокеанского региона демонстрируют разнообразие подходов к регулированию защиты персональных данных, в том числе в сфере здравоохранения. Наиболее развитое законодательство в этой области имеют Япония, Южная Корея и Сингапур. Эти государства уже давно приняли специальные законы о персональных данных, которые во многом схожи с европейскими нормами.

Так, в Японии действует Закон о защите персональной информации (APPI), первая редакция которого была принята еще в 2003 г. Закон распространяется на всех операторов ПД, обрабатывающих данные более 5000 субъектов. Он устанавливает принципы законной и добросовестной обработки, ограничения на сбор и использование ПД, требования к обеспечению их безопасности. Контроль за исполнением закона возложен на Комиссию по защите персональной информации.

В 2017 г. в APPI были внесены поправки, сближившие японское законодательство с GDPR. В частности, введено требование получать согласие субъектов на передачу их ПД третьим лицам за рубеж. Ужесточены санкции за нарушения – максимальный штраф увеличен до 1 млн иен. Отдельные нормы APPI конкретизированы в отраслевых руководствах, таких как Руководство по защите медицинской информации.

В Южной Корее основным законом в сфере ПД является Закон о защите персональной информации (PIPA), принятый в 2011 г. Как и японский APPI, он налагает на операторов ПД обязанности по сбору минимально необходимых данных, получению согласия субъектов, обеспечению безопасности ПД, уведомлению об утечках. За нарушения предусмотрены серьезные штрафы и даже тюремное заключение.

В 2020 г. корейский парламент принял поправки к PIPA, которые существенно ужесточили требования к операторам, сближив местные нормы с GDPR. Были усилены права субъектов ПД, ограничены возможности для профилирования и автоматизированного принятия решений, введена обязанность назначать сотрудника, ответственного за защиту данных. Особо чувствительные ПД, включая медицинскую информацию, теперь можно передавать за рубеж только с явного согласия субъекта²³.

В Сингапуре защита персональных данных регулируется Законом о защите персональных данных (PDPA) 2012 г. Его нормы во многом аналогичны японскому и корейскому законодательству. В 2020 г. в PDPA также были внесены изменения в русле сближения с GDPR – усилены штрафы, ограничено профилирование, разрешено обрабатывать данные для законных интересов без согласия.

В отличие от развитых восточноазиатских стран, Индия пока не имеет единого закона о персональных данных. Конституция страны признает право на приватность, а в 2017 г. Верховный суд Индии подтвердил, что оно распространяется и на личную информацию. Отдельные нормы о защите ПД содержатся в Законе об информационных технологиях 2000 г. и подзаконных актах (Edemekong, Annamaraju & Haydel, 2024).

В 2018 г. правительственный комитет подготовил проект закона о защите персональных данных, в 2019 г. парламент представил его доработанную версию. Законопроект предусматривает широкие права граждан в отношении их ПД, дифференцированные обязанности для операторов, включая локализацию критически важных данных, экстерриториальное действие закона и создание регулятора (Data Protection Authority). Однако пока он не принят из-за критики со стороны бизнеса.

В Таиланде в 2019 г. вступил в силу Закон о защите персональных данных, основанный на принципах GDPR. Он дает субъектам ПД права требовать от операторов доступа, исправления, удаления их данных. Операторы обязаны иметь законные основания для обработки ПД (согласие, договор, закон), сообщать об утечках,

²³ Sheng, W. (2019) 万条公民信息在暗网售卖 · 大量为医疗信息 (30 million pieces of citizen information sold on darknet, mostly medical information), 12. Xinjing Daily.

назначать ДРО и представителя в стране. За нарушения грозит уголовная ответственность – до 1 года тюрьмы. Но полноценно закон пока не работает из-за отсутствия подзаконных актов²⁴.

Как показывают опросы, жители азиатских стран в целом более терпимо относятся к сбору их персональных данных государством и бизнесом, чем европейцы или американцы. Во многом это связано с культурными особенностями, такими как коллективизм, уважение к власти, готовность жертвовать личными интересами ради общего блага. Кроме того, люди ценят удобство цифровых сервисов и готовы делиться информацией в обмен на их преимущества.

Такие установки создают благоприятную среду для реализации инновационных проектов в сфере здравоохранения. Примером может служить японская инициатива по сбору медицинских big data для развития персонализированной медицины и созданию на их основе новых продуктов и услуг. В рамках проекта данные из электронных медкарт, генетических тестов, носимых устройств, приложений поступают в единую базу данных, обезличиваются и анализируются ИИ²⁵.

Южная Корея активно развивает удаленный мониторинг здоровья хронических больных с помощью IoMT (Интернета медицинских вещей). Пациенты используют домашние смарт-устройства, передающие данные в реальном времени лечащим врачам. Это позволяет вовремя выявлять угрожающие симптомы, корректировать терапию, избегать осложнений. Власти поддерживают проекты развертывания общенациональной IoMT-платформы, совместимой с системами больниц.

В Сингапуре реализуется проект HealthHub – онлайн-платформа для управления здоровьем, агрегирующая медицинские данные из государственных клиник. Через веб-сайт или приложение пациенты получают доступ к своим электронным медкартам, результатам анализов, назначениям врачей и могут делиться этой информацией с другими поставщиками медуслуг. Платформа также предлагает персонализированные рекомендации по здоровому образу жизни на основе анализа данных пользователей²⁶.

Подобные инициативы, безусловно, несут в себе риски утечек персональных данных из-за чрезмерной централизации чувствительной информации и недостаточной культуры кибербезопасности. В Сингапуре и Южной Корее уже случались громкие инциденты с компрометацией медицинских данных граждан. Поэтому критически важно, чтобы цифровая трансформация здравоохранения сопровождалась адекватными мерами по защите персональных данных как на уровне законов, так и на уровне технологий и организационных практик.

Рекомендации по совершенствованию законодательства РФ в сфере защиты медицинских персональных данных

«Огораживание» медицинских данных, затрудняющее их вторичное использование для научных и управленческих задач, в конечном счете может негативно

²⁴Amended Act on the Protection of Personal Information (Japan). Режим доступа: <https://www.ppc.go.jp/en/news/archives/2017/170530/> (дата обращения: 26.03.2024).

²⁵ Act on the Protection of Personal Information (Japan). Режим доступа: <https://www.ppc.go.jp/en/legal/> (дата обращения: 26.03.2024).

²⁶ Personal Data Protection Act 2012 (Singapore). Режим доступа: <https://sso.agc.gov.sg/Act/PDPA2012> (дата обращения: 26.03.2024).

повлиять на интересы самих пациентов. В то же время ослабление контроля чревато нарушениями прав граждан, дискриминацией по медицинскому признаку со стороны работодателей и страховщиков. Отсюда вывод: защита персональных медицинских данных должна быть разумной, сфокусированной на предотвращении неправомерного доступа и противоправного использования, но не препятствующей легальному обмену деперсонализированной информацией для общественного блага.

Наиболее строгими и эффективными системами защиты медицинских персональных данных обладают США и ЕС. Китай, Россия пока отстают как в плане нормативного регулирования, так и практической реализации. Развитые страны Азии (Япония, Корея, Сингапур) занимают промежуточное положение, сочетая достаточно современное законодательство с высоким уровнем цифровизации здравоохранения. Приведена сравнительная таблица правового регулирования защиты медицинских персональных данных по ключевым параметрам в рассмотренных странах.

Правовое регулирование защиты медицинских персональных данных по ключевым параметрам

Критерий	Россия	США	ЕС	Китай	Япония	Юж. Корея	Сингапур
Специальный закон о мед. данных	Нет	HIPAA	GDPR распространяется	Нет	APPI распространяется	PIPA распространяется	PDPA распространяется
Согласие на обработку	Требуется	Требуется	Требуется	Требуется	Требуется	Требуется	Требуется
Ответственность за нарушения	Низкие штрафы, редко применяются	Высокие штрафы, уголовная ответственность	Очень высокие штрафы (до 4% годового оборота)	Есть административная и уголовная	Умеренные штрафы	Высокие штрафы и уголовная ответственность	Умеренные штрафы
Надзорный орган	Роскомнадзор	HHS OCR	Национальные DPA	Нет единого	PPC	PIPC	PDPC
Обязательное уведомление об утечках	Нет	Да, без промедления	Да, в течение 72 часов	Нет	Нет	Да	Да
Требования безопасности ИС	Приказ Минздрава 911н	HIPAA Security Rule	GDPR ст.32	Общие требования кибербезопасности	APPI ст.20	Сетевой закон	Практические коды
Уровень цифровизации мед. организаций	Низкий	Высокий	Средний	Средний	Высокий	Высокий	Высокий
Обучение персонала	Недостаточное	Обязательное регулярное	Обязательное регулярное	Недостаточное	Рекомендуется	Обязательное	Рекомендуется

Legal regulation of medical personal data protection data protection by key parameters

Criterion	Russia	U.S.	EU	China	Japan	South Korea	Singapore
A special act on medical data	No	HIPAA	GDPR applies	No	APPI applies	PIPA applies	PDPA applies
Consent to processing	Required	Required	Required	Required	Required	Required	Required
Liability for violations	Low penalties, rarely enforced	High penalties, criminal liability	Very high penalties (up to 4% of annual turnover)	Administrative and criminal liability	Moderate penalties	High penalties and criminal liability	Moderate penalties
Supervisory body	Roskomnadzor	HHS OCR	National DPAs	No single supervisory body	PPC	PIPC	PDPC
Mandatory notification of data breach	No	Yes, without delay	Yes, within 72 hours	No	No	Yes	Yes
IS security requirements	Ministry of Health Order No. 911n	HIPAA Security Rule	GDPR Art.32	General cybersecurity requirements	APPI Art.20	Network law	Practice Codes
Level of digitalization of medical organizations	Low	High	Medium	Medium	High	High	High
Staff training	Insufficient	Mandatory regular	Mandatory regular	Insufficient	Recommended	Mandatory	Recommended

Проведенный анализ зарубежного опыта правового регулирования защиты персональных данных в здравоохранении позволяет сформулировать ряд рекомендаций по развитию российского законодательства в этой сфере.

1. Представляется целесообразным ужесточить ответственность медицинских организаций за нарушение требований по обеспечению безопасности персональных данных пациентов, в частности, за допущение их утечки. Действующие штрафы по статье 13.11 КоАП РФ (до 50 тыс. руб. для юридических лиц) недостаточны для превенции правонарушений и несопоставимы с многомиллионными санкциями в странах ЕС и США.

Стоит рассмотреть возможность повышения верхнего предела штрафов до нескольких миллионов рублей, а также введения уголовной ответственности для должностных лиц, виновных в массовых утечках медицинских данных. Аналогичные нормы существуют в Южной Корее – до 5 лет лишения свободы и штрафа до \$40 тыс. Это будет стимулировать медицинские организации серьезнее относиться к вопросам обеспечения информационной безопасности.

2. По примеру GDPR следует законодательно обязать медучреждения оперативно (в течение 72 часов) сообщать об инцидентах, связанных с утечкой персональных данных, в уполномоченный орган, а в случае высоких рисков – также уведомлять субъектов персональных данных.

Это повысит прозрачность и контроль в отрасли, поскольку сейчас многие утечки скрываются из-за боязни репутационных потерь. Своевременное информирование поможет минимизировать ущерб, оперативно принять меры реагирования. Пациенты смогут скорректировать свое поведение, например, сменить скомпрометированные пароли.

3. Целесообразно утвердить детальные отраслевые требования по безопасности информационных систем в сфере здравоохранения, как это сделано в США стандартом HIPAA Security Rule. Он предписывает проводить оценку рисков, использовать контроль доступа и шифрование, вести аудит событий безопасности, обучать персонал, иметь планы реагирования на инциденты и т.д.

Аналогичный документ, адаптированный под российские реалии, мог бы стать ориентиром для медицинских организаций по внедрению комплекса мер защиты персональных данных. Соответствие таким требованиям должно быть предметом обязательной сертификации МИС – по примеру американской программы сертификации EHR-технологий на соответствие HIPAA.

4. Актуальной задачей является установление специальных правил работы со сверхчувствительными персональными данными, такими как биометрия, геномная информация, психическое здоровье и др. Пока в законе «О персональных данных» они лишь упомянуты как частные случаи специальных категорий ПД и обрабатываются на общих основаниях.

Необходимо закрепить более строгие требования к сбору, хранению и использованию таких данных – в части согласия, безопасности, трансграничной передачи и др. В этом случае целесообразно изучить передовые практики Евросоюза и Китая, уже имеющих подобные нормы.

5. Важным условием обеспечения безопасности медицинских данных является перевод всей документации в защищенный электронный вид. Пока во многих российских клиниках сохраняется бумажный документооборот, что создает риски утечек и затрудняет контроль доступа.

Государству следует стимулировать внедрение МИС, выделять целевое финансирование на закупку медицинскими организациями современного IT-оборудования и программного обеспечения, особенно отечественных разработок. Все электронные медицинские данные должны храниться и передаваться исключительно в зашифрованном виде с использованием криптографии по ГОСТам.

6. Одним из ключевых факторов утечек медицинских данных в России остается человеческий фактор, прежде всего низкая компьютерная грамотность медицинского персонала и пренебрежение правилами кибергигиены. Исправить ситуацию можно только путем массового обучения медработников методам безопасной работы с информацией ограниченного доступа.

Целесообразно законодательно закрепить требование о регулярном прохождении медиками курсов повышения квалификации по тематике информационной безопасности и защиты персональных данных. Основы цифровой грамотности и принципы работы с конфиденциальными данными следует включить в образовательные стандарты всех уровней подготовки медицинских кадров – вузов, колледжей, ординатуры.

7. По аналогии с американской системой оперативного реагирования US-CERT имеет смысл создать на базе Минздрава РФ ситуационный центр мониторинга и реагирования на инциденты ИБ в сфере здравоохранения, работающий в круглосуточном режиме.

Важно наладить эффективный обмен информацией об угрозах и уязвимостях между медорганизациями, IT-компаниями, регуляторами (Минздрав, Роскомнадзор, ФСБ, ФСТЭК) и правоохранительными органами. Это позволит быстрее выявлять атаки на МИС, обмениваться успешными практиками защиты, минимизировать ущерб от инцидентов.

Заключение

Подводя итог проведенному анализу правового регулирования и практики защиты персональных данных пациентов в России и за рубежом, можно констатировать наличие как общих проблем, так и особенности каждой из стран в данной сфере.

Наиболее развитые системы обеспечения безопасности медицинской информации созданы в США и Евросоюзе. Специализированные законы (HIPAA в США, GDPR в ЕС) устанавливают жесткие требования к операторам медицинских данных по обеспечению их конфиденциальности, целостности и доступности. Регуляторы ведут активный надзор за соблюдением законодательства, применяя серьезные санкции к нарушителям вплоть до многомиллионных штрафов и уголовного преследования.

Важную роль играет высокий уровень цифровизации системы здравоохранения, в частности, повсеместное внедрение сертифицированных EHR-систем, использующих передовые методы защиты информации (шифрование, многофакторная аутентификация, детализация действий пользователей, проактивное выявление утечек данных и т.д.). Большое внимание уделяется обучению медработников правилам кибергигиены и формированию культуры информационной безопасности.

В то же время угрозы безопасности медицинских данных приобретают транснациональный характер. Во всех странах растет число утечек из-за целенаправленных хакерских атак (в том числе с использованием программ-вымогателей), инсайдерских действий персонала, потери или кражи мобильных устройств. Это требует постоянного совершенствования системы защиты данных, внедрения новых организационных и технических мер контроля, адекватных современному ландшафту угроз.

Российская нормативная база в области защиты медицинских персональных данных в целом сопоставима с передовыми зарубежными практиками. Федеральный закон «О персональных данных», отраслевые требования Минздрава России (приказ № 911н) и другие подзаконные акты налагают на операторов персональных данных обязанности по обеспечению их безопасности, при необходимости – с использованием сертифицированных средств защиты информации. Вместе с тем размеры штрафов несоизмеримы с западными аналогами, а случаи уголовного преследования за незаконные действия с медицинскими персональными данными практически отсутствуют.

Главные проблемы связаны с недостаточной реализацией установленных законом требований на практике. Утечки медицинских данных из российских клиник стали почти обыденным явлением. Причины кроются в хроническом недофинансировании IT-инфраструктуры (особенно в регионах), дефиците квалифицированных специалистов по информационной безопасности, низком уровне цифровых компетенций медиков, сохранении архаичных практик работы с информацией на бумажных носителях. Контрольно-надзорная деятельность Роскомнадзора и других регуляторов пока не привела к кардинальному улучшению ситуации.

Для изменения ситуации требуется системный подход, подразумевающий синхронизацию усилий на нескольких направлениях.

1. Совершенствование законодательства в русле гармонизации с лучшими мировыми практиками. Прежде всего, необходимо усиление ответственности за нарушения, дифференциация требований для разных категорий медицинских данных (в т.ч. генетических и биометрических), уточнение правил их трансграничной передачи.

2. Стимулирование цифровой трансформации медорганизаций, выделение целевых бюджетов на внедрение современных средств защиты информации, особенно отечественной разработки. Курс на импортозамещение должен учитывать реалии и не создавать необоснованных барьеров для использования эффективных зарубежных решений.

3. Массовое обучение медицинского персонала базовым правилам кибербезопасности. Необходимо включить соответствующие курсы во все программы подготовки медицинских кадров, а также ввести регулярную аттестацию действующих работников на знание политик информационной безопасности.

4. Построение эффективной системы непрерывного мониторинга и реагирования на инциденты ИБ в медицинских сетях, обмена данными об угрозах между всеми заинтересованными сторонами (регуляторами, медицинскими организациями, IT-компаниями, исследовательскими центрами).

5. Превентивная работа регуляторов с операторами персональных данных – методическая поддержка, информирование о типовых нарушениях и лучших практиках их устранения, стимулирование добровольного аудита и сертификации на соответствие отраслевым стандартам информационной безопасности.

Таким образом, для совершенствования защиты персональных данных в российском здравоохранении целесообразно использовать комплексный подход, включающий законодательные, организационные, технические и образовательные меры. Ориентиром для нас могут служить эффективные практики США, ЕС и других развитых стран, адаптированные к национальной специфике.

Вместе с тем не стоит прямо копировать зарубежный опыт, поскольку в РФ иные правовые реалии, ресурсные возможности, IT-инфраструктура. Кроме того, излишне строгие нормы могут создать барьеры для развития инноваций в медицине (телемедицины, ИИ-диагностики, интернета медицинских вещей). Поиск баланса между конфиденциальностью и прогрессом – главный вызов для законодателей на современном этапе.

References / Список литературы

- Adler-Milstein, J. & Jha, A.K. (2017) HITECH Act Drove Large Gains In Hospital Electronic Health Record Adoption. *Health Affairs*. 36(8), 1416–1422. <https://doi.org/10.1377/hlthaff.2016.1651>
- Bradford, L., Aboy, M. & Liddell, K. (2019) International health data-sharing norms: from the OECD to the General Data Protection Regulation (GDPR). *Hum Genet.*, 575–582. <https://doi.org/10.1007/s00439-018-1919-7>
- Cheng, L., Liu, F. & Yao, D. (2017) Enterprise data breach: causes, challenges, prevention, and future directions. *Wiley Interdisciplinary Reviews: Data Mining and Knowledge Discovery*. 7(5). e1211. <https://doi.org/10.1002/widm.1211>
- Dai, H.N., Zheng, Z. & Zhang, Y. (2019) Blockchain for Internet of Things: A Survey. *IEEE Internet of Things Journal*. 6. 8076–8094. <https://doi.org/10.1109/IIOT.2019.2920987>

- Edemekong, P.F. & Haydel, M.J. (2024) In: *StatPearls*. Health Insurance Portability and Accountability Act. StatPearls Publishing. pp. 18–19.
- Edemekong, P.F., Annamaraju, P. & Haydel, M.J. (2024) In: *StatPearls*. Health Insurance Portability and Accountability Act. StatPearls Publishing. pp. 8–12.
- Evans, R.S. (2016) Electronic Health Records: Then, Now, and in the Future. *Yearb Med Inform.* Suppl 1(Suppl 1), 48–61. <https://doi.org/10.15265/IYS-2016-s006>
- Greenleaf, G. (2019) Global Tables of Data Privacy Laws and Bills. 6th Ed. *Privacy Laws & Business International Report*. (9). <https://doi.org/10.2139/ssrn.2280875>
- Gurtsko, L.D., Smirnov, E.K., Baranova, T.V., Tykyl-Ool, A.C. (2024) Digital competences of medical workers – priority of staffing of the health care system. *Zdorovye megapolisa*. 5(3), 167–172. <https://doi.org/10.47619/2713-2617.zm.2024.v.5i3>
- Гурцкой, Л.Д., Смирнова Е.К., Баранова Т.В., Тыкыл-Оол А.С. Цифровые компетенции медицинских работников – приоритет кадрового обеспечения системы здравоохранения // Здоровье мегаполиса. 2024. Т. 5. № 3. С. 167–172. <https://doi.org/10.47619/2713-2617.zm.2024.v.5i3>
- Okishev, B.A. (2022) Realisation of personal data protection in the field of medicine. *Bulletin of the O.E. Kutafin University (Moscow State Law Academy)*. (4). 120–126. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2022.92.4.120-126>
- Окишев, Б.А. Реализация охраны персональных данных в сфере медицины // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 4. С. 120–126. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2022.92.4.120-126>
- Poduzova, E.B. (2023) Personal data of the patient and his legal representative: the specifics of electronic provision in the context of the application of ‘artificial intelligence’ technologies in digital medicine. *Actual problems of Russian law*. 18(4), 86–92. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2023.149.4.086-092>
- Подузова, Е.Б. Персональные данные пациента и его законного представителя: специфика электронного предоставления в контексте применения технологий «искусственного интеллекта» в digital-медицине // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 4. С. 86–92. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2023.149.4.086-092>
- Wikina, S.B. (2014) What Caused the Breach? An Examination of Use of Information Technology and Health Data Breaches. *Perspectives in health information management*. 11(Fall), 1h.
- Zhang, X., Liu, S., Chen, X., Wang, L., Gao, B. & Zhu, Q. (2018) Health information privacy concerns, antecedents, and information disclosure intention in online health communities. *Information and Management*. 55(4), 482–493.

Сведения об авторе:

Лебедева Диана Альбертовна – аспирант, Факультет права, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; 101000, Российская Федерация, г. Москва, Б. Трехсвятительский пер., д. 3

ORCID: 0000-0003-0070-8300; SPIN-код: 1985-0155

e-mail: lebedevady@yandex.ru

About the author:

Diana A. Lebedeva – Law faculty, National Research University “Higher School of Economics”; 3 Bolshoy Tryokhsvyatitsky Per., Moscow, 101000, Russian Federation

ORCID: 0000-0003-0070-8300; SPIN-код: 1985-0155

e-mail: lebedevady@yandex.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-1-255-279>

EDN: SHIIPJ

Научная статья / Research Article

Финансовая грамотность цифровых граждан в метавселенных: фантастика или недалекое будущее?

Ю.А. Боков¹ , С.М. Миронова² , М.С. Ситников^{1,2}

¹Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

²Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Волгоград, Российская Федерация

 bokov@volsu.ru

Аннотация. Глобальный тренд цифровизации становится причиной осмысления новых и/или переосмысления уже устоявшихся институтов государства и общества. При этом вполне эффективным и оправданным видится исследование отдельных объектов в их симбиозе. Сегодня ученые обращают внимание на вопрос потенциального существования цифрового гражданства в формирующихся метавселенных, первые предпосылки которого можно обнаружить в опыте Южной Кореи. Авторы данной работы полагают, что в данном случае научная мысль может пойти еще дальше. Один из посылов создания метавселенных предполагает развитие экономической составляющей, выражающейся в движении денежных потоков внутри виртуального пространства. В большинстве своем сегодняшними пользователями прототипов метавселенных являются представители молодого поколения Z (Зет) и A (Альфа), нуждающиеся в особой защите государства от деструктивного контента финансовой направленности, что обуславливается их наивностью. В связи с этим цель исследования заключается в проведении комплексного SWOT-анализа вопроса о возможности и необходимости развития финансовой грамотности цифровых граждан в метавселенных с опорой на российскую действительность. Методология: Базовым методом, который использовался при проведении настоящего исследования, является формально-юридический. Он позволил раскрыть нормативную основу реализации цифрового гражданства, метавселенных, гражданственности и финансовой грамотности. Выводы исследования базируются в том числе на анализе нормативно-правового регулирования. Применяя системный метод, авторы представили теоретические и нормативно-правовые основы, а также практику реализации категорий цифрового гражданства, метавселенных, гражданственности и финансовой грамотности в качестве сложной системы с различными сложными взаимосвязями и взаимовлиянием. В результате проведенного исследования была предложена и обоснована российская модель повышения уровня финансовой грамотности цифровых граждан в метавселенной, а также определены некоторые правовые риски в этой области.

Ключевые слова: метавселенная, цифровое гражданство, финансовая грамотность в метавселенной, метавселенная и государство, цифровой гражданин метавселенной, государственная метавселенная, цифровая грамотность

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Боков Ю.А., Миронова С.М., Ситников М.С., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Вклад авторов: Боков Ю.А. – сбор и анализ необходимых материалов, исследование института цифрового гражданства и его связей с финансовой грамотностью и метавселенной, написание и редактирование текста, перевод на английский язык; Миронова С.М. – общая концепция исследования, сбор и анализ необходимых материалов, исследование института финансовой грамотности в метавселенной, редактирование текста; Ситников М.С. – общая концепция исследования, написание текста.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01342, <https://rscf.ru/project/24-28-01342/>.

Поступила в редакцию: 01 июля 2024 г.

Принята к печати: 15 января 2025 г.

Для цитирования:

Боков Ю.А., Миронова С.М., Ситников М.С. Финансовая грамотность цифровых граждан в метавселенных: фантастика или недалекое будущее? // RUDN Journal of Law. 2025. Т. 29. № 1. С. 255–279. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-1-255-279>

Financial literacy of digital citizens in the metaverse: Reality or fiction?

Yuri A. Bokov¹, Svetlana M. Mironova², Maxim S. Sitnikov^{1,2}

¹Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

²Volgograd Institute of Management, Volgograd, Russian Federation

bokov@volsu.ru

Abstract. The global trend of digitalization is giving rise to new institutions and rethinking established ones within the state and society. In this context, studying individual objects in their symbiosis is both effective and justified. Scholars are increasingly focusing on the potential existence of digital citizenship within the emerging metaverses with early examples found in South Korea. The authors of the paper believe that scientific thought may extend even further. One premise for creating metaverses involves the development of the economic component, reflected in the movement of cash flows within the virtual space. Today, the primary users of metaverse prototypes are Generation Z (Zet) and A (Alpha), who require special state protection from harmful financial content due to their naivety. Therefore, the purpose of this study is to conduct a comprehensive SWOT analysis of the necessity and potential for enhancing the financial literacy of digital citizens in metaverses, particularly within the Russian context. Methodology: The principal method used in this study is formal legal analysis, which reveals the normative basis for implementing digital citizenship, metaverses, citizenship, and financial literacy. The findings are based, inter alia, on an analysis of regulatory legislation. Using a systemic approach, the authors present the theoretical and regulatory frameworks as well as practical implementations of categories related to digital citizenship, metaverses, citizenship, and financial literacy as a complex system with various interrelated components. As a result of this study, a Russian model for increasing the financial literacy of digital citizens in the metaverse has been proposed and substantiated, alongside the identification of several legal risks in this area.

Key words: metaverse, digital citizenship, financial literacy in metaverses, metaverse and state, digital citizen of the metaverse, state metaverse, digital literacy

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

The authors' contribution: Bokov Y.A. collected and analyzed necessary materials, researched the concept of digital citizenship and its connections with financial literacy and the metaverse, wrote and edited the text, and translated it into English. Mironova S.M. developed the general concept of the research, collected and analyzed necessary materials, researched the institute of financial literacy in the

metaverse, and edited the text. *Sitnikov M.S.* contributed to the general concept of the research and authored the text.

Funding. The research was conducted with the support of grant No. 24-28-01342 from the Russian Science Foundation, <https://rscf.ru/project/24-28-01342/>

Received: 01st July 2024

Accepted: 15th January 2025

For citation:

Bokov, Y.A., Mironova, S.M., Sitnikov, M.S. (2025) Financial literacy of digital citizens in the metaverse: Reality or fiction? *RUDN Journal of Law*. 29 (1), 255–279. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-1-255-279>

Введение. Понятийный аппарат

Поскольку тематика настоящего исследования достаточно непростая, то целесообразным, в первую очередь, будет обратиться к дефинициям: финансовая грамотность, цифровое гражданство и метавселенная. Пожалуй, наиболее устоявшимся из представленных категорий является определение финансовой грамотности, обсуждение которого насчитывает более чем 10 лет. Так, в 2011 г. международной Организацией экономического сотрудничества и развития (далее ОЭСР) в своем докладе о финансовой грамотности было дано следующее определение последней: сочетание таких свойств, как осведомленность, знания, навыки, отношение и поведение, необходимых для принятия правильных финансовых решений и, в конечном итоге, достижения индивидуального финансового благополучия¹. ОЭСР в своей деятельности использует и другие похожие формулировки финансовой грамотности. К примеру, на официальном сайте библиотеки организации представлена следующая трактовка финансовой грамотности в рамках PISA: финансовая грамотность включает в себя знания и понимание финансовых концепций и рисков, а также навыки, мотивацию и уверенность в применении таких знаний и их понимание для принятия эффективных решений в различных финансовых контекстах, для улучшения финансового благосостояния отдельных лиц и общества и обеспечения их участия в экономической жизни².

Что касается положений доктрины, то здесь наличествует широкое изобилие точек зрения. Так, например, А. Лусарди и О.С. Митчел (Lusardi & Mitchell, 2014) полагают, что под финансовой грамотностью следует понимать способность людей обрабатывать экономическую информацию и принимать на этой основе решения, направленные на улучшение финансового положения. Л.М. Дельгадильо приводит свои мысли относительно финансовой грамотности: финансовая грамотность состоит из знаний финансовых концепций с одной стороны и использования этих знаний с другой, что выражается в принятии финансовых решений с учетом имеющихся ресурсов и уникальной ситуации каждого человека или семьи (Delgadillo, 2014).

¹ Measuring Financial Literacy: Questionnaire and Guidance Notes for Conducting an Internationally Comparable Survey of Financial Literacy. Режим доступа: <https://pdf4pro.com/view/measuring-financial-literacy-questionnaire-and-guidance-728526.html> (дата обращения: 06.06.2024).

² PISA 2018 Financial Literacy Framework. Режим доступа: <https://www.oecd-ilibrary.org/sites/a1fad77c-en/index.html?itemId=/content/component/a1fad77c-en> (дата обращения: 06.06.2024).

С. Хастон отмечает, что вся суть финансовой грамотности кружится вокруг двух взаимодополняющих объектов: знаний и навыков в области финансов (Huston, 2010). Нельзя обойти стороной исследования российских ученых по тематике финансовой грамотности. Так, безусловного внимания заслуживают работы О.Е. Кузиной, которая в одной из своих фундаментальных статей отметила, что имеется множество определений финансовой грамотности (указывает на 7 возможных вариаций). По ее мнению, финансовая грамотность предполагает наличие следующих компетенций: управление деньгами, финансовое планирование, выбор вариантов финансового поведения, информированность об общей экономической ситуации и мотивация (Kuzina, 2015). М.А. Скляр и С.А. Михеева на основе анализа большого массива источников выделяют два основных подхода к определению финансовой грамотности: концептуальные дефиниции, выражающие сущность феномена финансовой грамотности, и операционные определения, описывающие финансовую грамотность через конкретные навыки: планирование и управление финансами (Sklyar & Mikheeva, 2019).

Нетрудно заметить, что все представленные выше позиции по своей сущности очень похожи. Исходя из этого, надо полагать, что особых трудностей в формулировке единого понятия финансовой грамотности возникать не должно. В целом финансовая грамотность есть система знаний и умений, направленных на выработку наиболее оптимального финансового решения.

По всей видимости, термин «цифровое гражданство» был впервые использован в научной литературе учеными М.С. Рибблом, Г.Д. Бэйли, Т.В. Россом в далеком 2004 г. (Ribble, Bailey & Ross, 2004). В данном контексте также заслуживает внимание работа большого коллектива авторов под предводительством М. Шелли (Shelley et al., 2004). Кроме этого, к числу родоначальников имплементации цифрового гражданства в научную плоскость можно отнести научный труд К. Моссбергер в соавторстве с К. Толберт «Цифровое гражданство: Интернет, общество и участие» (Mossberger & Tolbert, 2007). Нельзя не сказать, что вопрос о цифровом гражданстве исследуется этими авторами на протяжении последних 15–20 лет. Понимая под цифровым гражданством набор определенных компетенций в добросовестном и этическом использовании возможностей Интернет, авторов в контексте цифрового гражданства интересовали различные вопросы. К числу таковых можно отнести, к примеру, неравенство в доступе к сети Интернет (Mossberger, Tolbert & Hamilton, 2012), взаимодействие широкополосной сети Интернет и мобильной связи (Mossberger, Tolbert & Anderson, 2017), конвергенцию цифрового гражданства и «умных городов» (Mossberger & Tolbert, 2021), а также возможность/необходимость рассмотрения цифрового гражданства как одного из элементов образовательного процесса в школах (Ribble, 2015; Ribble & Park, 2022).

В современной зарубежной и российской науке накопилось значительное количество исследований, где в той или иной мере затрагивается вопрос о цифровом гражданстве. Так, Е.В. Бродовская пишет, что развитие культуры цифрового гражданства у молодежи способствует формированию надпрофессиональных компетенций, что позволяет быть более этичными, создавать безопасные цифровые условия для себя, получить возможности цифровой среды для собственного развития, а также эффективно использовать государственные сервисы (Brodovskaya, 2019). Интересна позиция С.А. Авакьяна, Д.А. Авдеева и Е.Ф. Гладуна, которые акцентируют внимание на том, что «важным является вопрос формирования у людей культуры

потребления информации» (Avakian, 2024). Цифровое гражданство – феномен правовой культуры, особый тип или форма современной правовой культуры (Gavrilova, 2024).

Индонезийские ученые полагают, что в существующем мире информационный поток в цифровом пространстве во многом определяет жизнь человека. Поэтому сегодня во главу угла восходят компетенции цифровой грамотности, являющиеся, согласно мыслям авторов, одной из составных частей цифрового гражданства (Saputra & Siddiq, 2020) из элементов образовательного процесса в школах. Помимо прочего, широкое распространение получают обзоры литературы по тематике цифрового гражданства (Sharma et al., 2022).

Вместе с тем хочется напомнить, что тематика настоящего исследования носит, прежде всего, юридический характер. Поскольку само по себе явление гражданство рассматривается в рамках правового поля, то необходимо дать характеристику особенностям цифрового гражданства. Пытаясь найти какое-то определение цифрового гражданства, австралийские ученые говорят в русле К. Моссбергер и К. Толберт о таковом как о «праве участия в жизни общества» (Pangrazio & Sefton-Green, 2021). В данном случае можно привести определение гражданства британского социолога Т.Х. Маршала, который вкладывал в понятие гражданство «наделение всех членов политического сообщества определенными гражданскими, политическими и социальными правами членства, включая право в полной мере участвовать в социальном наследии и жить жизнью цивилизованного существа согласно стандартам, преобладающим в обществе, определённое отношение между индивидами и государством» (Marshall, 1964).

Следует согласиться с позицией И.А. Кравец, который указывает, что «институт цифрового гражданства – результат конвергенции информационных и цифровых технологий и форм участия граждан в политической и иных сферах, в конституционном развитии и в конституционных изменениях» (Kravetz, 2023).

Гражданство в юридическом поле предполагает наличие устойчивой правовой связи между государством и отдельным человеком, выражающейся в комплексе взаимных прав и обязанностей. Исходя из этого, в рамках данной работы будет использоваться юридическая дефиниция цифрового гражданства, которую ранее сформулировал один из авторов настоящего исследования: под цифровым гражданством необходимо понимать устойчивую правовую связь лица с государством, осуществляемую посредством цифровых форм, блокчейн технологий и выражающуюся в совокупности взаимных прав и обязанностей (Bokov & Abezin, 2019).

Таким образом, особенность цифрового гражданства выражается в том, что комплекс субъективных прав и обязанностей реализуется внутри цифрового пространства. В качестве наиболее простого примера можно привести российский портал государственных и муниципальных услуг, который позволяет гражданам страны получать широкий комплекс услуг от государства (социальные выплаты, запись к врачу, оплата налоговых платежей и др.). Стоит заметить, что за последнее время сервис развивается «семиимильными шагами». Отмечается, что в 2022 г. через портал государственных и муниципальных услуг было оказано более 200 млн социально-значимых услуг³. Наряду с этим указывается, что по сравнению с 2019 г. число

³ Степень цифровизации госуслуг в России стремительно растет. Режим доступа: <https://rg.ru/2023/10/24/lgota-pridet-avtomatom.html?ysclid=lup4e58esw633515855> (дата обращения: 06.06.2024).

пользователей увеличилось почти в два раза к 2023 г.⁴ Более того, функционал портала постоянно растет. К примеру, в марте 2023 г. начата реализация возможности подачи документов в суд через портал⁵. Вероятно, по этой причине к 2030 г. планируется полностью перейти на электронное правосудие с момента подачи искового заявления до непосредственного судебного заседания⁶.

Если первые два феномена (финансовая грамотность и цифровое гражданство) относительно понятны, то с третьим дело обстоит куда сложнее. Хочется заметить, что определение метавселенной является одной из главных проблем юридической науки – в особенности это касается российской науки (Sitnikov, 2024a). Начиная с «большого бума» развития индустрии метавселенных, истоки которого восходят к обращению 2021 г. М. Цукерберга, брендированной компании Meta⁷. За это время накопился определенный пласт дефиниций метавселенной. Например, некоторые философы, в частности М. Чен, указывают, что, опираясь на положения о виртуальном фикционализме, метавселенная – это игра воображения, основанная на реквизитах. Реквизиты сами по себе реальны (биты, код, тактильная связь и др.), однако порождаемая ими виртуальная сущность заставляет поверить, что в действительности они таковыми не являются (Chen, 2023). Н.Н. Ковалева, являясь ученым-правоведом, говорит, что метавселенная – это «цифровое пространство, основанное на принципах технологий NFT (невзаимозаменяемый токен) и блокчейн и иных прорывных технологиях, включающее в себя цифровую диффузию, позволяющую совместить все элементы глобальной цифровой среды и возможность бесшовного взаимодействия пользователя на различных участках всемирного веб-пространства, базирующееся на экономически обоснованных способах построения бизнес-моделей и инструментов для производства и обмена благами» (Kovaleva, 2022). Несмотря на всю авторитетность и полноту отраженных точек зрения, вряд ли их содержание позволяет понять всю сущность метавселенной. В целом в самом общем виде метавселенную можно обозначить как трехмерный виртуальный мир, имитирующий физическую реальность и имеющий собственные механики социального и экономического взаимодействия. Обычно при использовании термина «метавселенная» говорят о воплощении ее идеи в фильме «Первому игроку приготовиться» (экранизация одноименной книги Э. Клайна) и научно-фантастическом романе «Лавина» под авторством Н. Стивенсона, которого признают в качестве первооткрывателя метавселенной.

Метавселенная предполагает, что доступ к ней осуществляется через технологии виртуальной и дополненной реальности. На основе этого предлагается использовать следующую юридическую дефиницию (с опорой на российское законодательство) метавселенной: «метавселенная – это непрерывно функционирующая цифровая информационная система, направленная на имитацию физического мира за счет использования технологий виртуальной и дополненной реальности и имеющая встроенную модель социально-экономического взаимодействия» (Sitnikov, 2023).

⁴ Число пользователей «Госуслуг» составило 109 млн человек к концу 2023 года. Режим доступа: <https://digital.gov.ru/ru/events/49226/> (дата обращения: 06.06.2024).

⁵ Обратиться в суд теперь можно через Госуслуги. Режим доступа: <https://digital.gov.ru/ru/events/49596/> (дата обращения: 06.06.2024).

⁶ Момотов заявил о переходе к электронному правосудию к 2030 году. Режим доступа: https://www.rapsinews.ru/judicial_news/20240402/309776746.html (дата обращения: 06.06.2024).

⁷ Деятельность компании Meta запрещена на территории Российской Федерации.

Поскольку максимально кратко была пояснена сущность каждого из трех явлений, то представляется правильным обратить внимание на вопрос о том, кто является непосредственными пользователями метавселенной. Это позволит выявить категорию лиц, которые потенциально могут рассматриваться в качестве цифровых граждан.

Целевая аудитория метавселенной

Необходимо начать с отражения статистических данных об интенсивном росте людей, жизнь которых в той или иной степени связана с компьютерными играми. За основу предлагается взять данные за 2021⁸ и 2023⁹ гг. (рис. 1) одной из самых известных компаний, занимающей одну из доминирующих позиций в части исследования индустрии игр – DFC Intelligence.

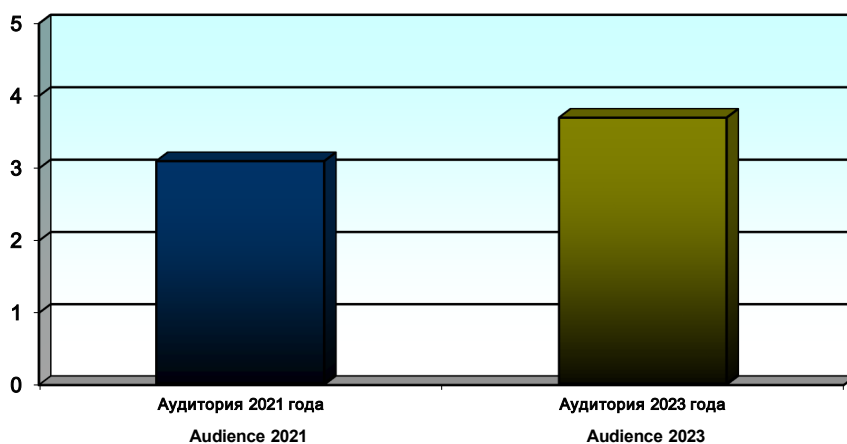

Рис. 1. Аудитория компьютерных игр в 2021 и 2023 гг.
Figure 1. The audience of computer games in 2021 and 2023

На период до 2021 г. включительно аудитория компьютерных игр составляла почти 3,1 млрд человек. По данным на конец 2023 г., количество увлеченных компьютерными играми людей увеличилось на 600 млн и составляет 3,7 млрд человек. Исходя из этого, можно сказать, что на сегодняшний день примерно 45 % всего населения планеты тратит свое время на компьютерные игры. Индустрия компьютерных игр уже давно вошла в обиход жизнедеятельности многих людей. В современных реалиях сфера компьютерных игр продолжает набирать оборот, о чем, в частности, свидетельствуют ежегодно проводимые чемпионаты по Dota 2, Counter-Strike: Global Offensive, League of Legends и др. Более того, во многих странах на официальном уровне фигурирует такое слово, как «киберспорт», дискуссии по которому ведутся среди разных специалистов. Киберспорт был официально признан и включен во Всероссийский реестр видов спорта Приказом Министерства спорта РФ от 29 апреля

⁸ Global video game consumer population passes 3 billion. Режим доступа: <https://www.dfciint.com/dossier/global-video-game-consumer-population/> (дата обращения: 06.06.2024).

⁹ Global Video Game Audience Reaches 3.7 Billion. Режим доступа: <https://www.dfciint.com/global-video-game-audience-reaches-3-7-billion/> (дата обращения: 06.06.2024).

2016 г. № 470, фиджитал-спорт получил официальное признание на основании Приказа Министерства спорта РФ от 31 января 2023 г. № 58. В 2024 г. в Казани был проведен первый в истории международный турнир по фиджитал-спорту (physical+digital) «Игры будущего». В данном случае у читателя может возникнуть вполне закономерный вопрос о том, как связаны между собой метавселенная и компьютерные игры?

Сущность компьютерных игр сводится к совершению разнообразных действий в рамках виртуального пространства в зависимости от конкретного жанра (платформер, стратегии, аркады, шутеры и др.). При этом совершаемые действия могут быть основаны либо на сюжетной линии (Atomic heart, Grand Theft Auto, Dota 2 Red Dead Redemption 2 и др.), либо не иметь такой. Исходные основы игровых механик являются одной из составных частей уже существующих первых протомоделей метавселенных, наиболее популярные из которых являются объектом внимания среди разных социальных слоев населения. Так, представители компании Maff¹⁰ выяснили, кто является постоянным участником/пользователем самых популярных сегодня платформ, именуемых метавселенными (табл.).

Анализ аудитории в прототипах метавселенных

Наименование платформы	Охват аудитории в месяц	Основной функционал
Roblox	354 млн среднего возраста 13 лет	Игра + развитие собственных проектов
Minecraft	180 млн среднего возраста 24 года	Исключительно игровой
VR Chat	45 млн возраста от 18 до 34 лет	Общение + развитие собственных проектов + ивенты
The sandbox	4 тыс. среднего возраста 30 лет	Заработок + ивенты
Decentraland	23 тыс. разного возраста	Ивенты + заработок
Spatial	1,5 млн среднего возраста 24 года	Исключительно ивент
Fortnite	235 млн среднего возраста 20 лет	Игра (в большей степени) + ивент

Audience analysis in the metaverse prototypes

Platform name	Audience reach per month	Basic
Roblox	354 million, average age 13 years	Game + development of projects
Minecraft	180 million, average age 24 years	Exclusively gaming
VR Chat	45 million, aged 18 to 34	Communication + development of projects + events
The sandbox	4 thousand, average age 30 years	Earnings + events
Decentraland	23,000 of all ages	Events + earnings
Spatial	1.5 million, average age 24	Exclusive events
Fortnite	235 million, average age 20 years	Game (to a greater extent) + events

Несмотря на разное основное предназначение указанных платформ, каждая из них в той или иной степени включает игровые механики. К примеру, Spatial является наиболее востребованной платформой для проведения различных мероприятий (ивентов), однако трудно встретить пример, когда какой-либо ивент не включал

¹⁰ Кто сидит в метавселенных? Целевая аудитория разных платформ. Режим доступа: https://maff.io/media/audience_metaverse/?ysclid=lp7f7e3rx780118448 (дата обращения: 06.06.2024).

в себя игру, по результатам которой человек получает какой-нибудь приз. К примеру, это хорошо проглядывается при обращении к кейсу компании ГК ФСК¹¹. Вместе с тем некоторую дискуссионность вызывает тот факт, что Minecraft рассматривается через призму метавселенных. Minecraft несет в себе исключительно игровой потенциал, в то время как метавселенная, включая ее прототипы, должна обладать более широким функционалом.

В целом подавляющая часть пользователей существующих прототипов метавселенных являются подростками. По всей видимости, это обуславливается в том числе тем обстоятельством, что они являются наиболее востребованной группой населения к использованию новых технологий (статистические данные от ИСИЭЗ НИУ ВШЭ¹²). С самого раннего детства у детей появляются цифровые устройства, в большей степени смартфоны, имеющие непосредственный выход в сеть Интернет. Графически этот процесс можно проиллюстрировать на основе статистических данных от ИСИЭЗ НИУ ВШЭ¹³ следующим образом (рис. 2).

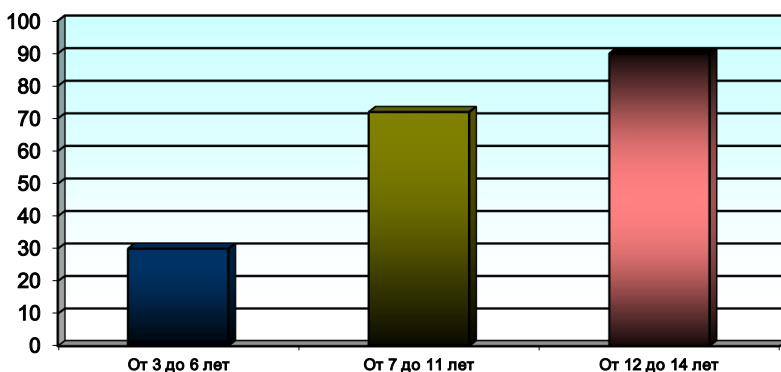

Рис. 2. Процент числа детей, имеющих смартфон
Figure 2. Percentage of children with smartphones

Чуть менее 1/3 детей в возрасте от 3 до 6 лет имеет смартфон, что позволяет им осваивать сеть Интернет. К промежутку в 7–11 лет уже около 70 % детей имеет собственный смартфон. Достигая возраста 12–14 лет, почти каждый ребенок имеет смартфон. Представители «Kaspersky daily» опубликовали сведения относительно наиболее популярных интернет-приложений у детей за 2022 г.¹⁴ Наглядно это выглядит следующим образом (рис. 3).

В данном случае приведены только 5 интернет-приложений, которые пользуются наибольшим спросом среди детей. Стоит заметить, что на графике отражена платформа Roblox, которую, как указывалось ранее, зачастую сравнивают с прото-

¹¹ Топ-4 метаверса для деловых задач: внутри 15 кейсов. Режим доступа: https://maff.io/media/business_metaverses/?ysclid=luplzh4ie2518397780#Кейсы_Spatial (дата обращения: 06.06.2024).

¹² Уровень технологической готовности россиян. Режим доступа: <https://issek.hse.ru/news/889414376.html> (дата обращения: 06.06.2024).

¹³ Дети в Интернете. Режим доступа: <https://issek.hse.ru/news/837320649.html?ysclid=lus103jcw8205496235> (дата обращения: 06.06.2024).

¹⁴ Дети в Интернете – 2022. Режим доступа: <https://www.kaspersky.ru/blog/children-report-2022/?ysclid=lus0o9mfrt728094282> (дата обращения: 06.06.2024).

типом метавселенной. Высокий уровень использования возможностей сети Интернет среди детей и молодежи зачастую наводит многих исследователей на мысль о состоянии их зависимости от цифрового мира. Так, Г.Ф. Ромашкина и Р.Р. Хузяхметов пишут, что нельзя недооценивать проблему интернет-зависимости у детей. При постоянном использовании детьми в возрасте от 10 до 15 лет сети Интернет их навыки социального взаимодействия в реальном мире не будут получать должного развития (Romashkina & Huzyahmetov, 2020).

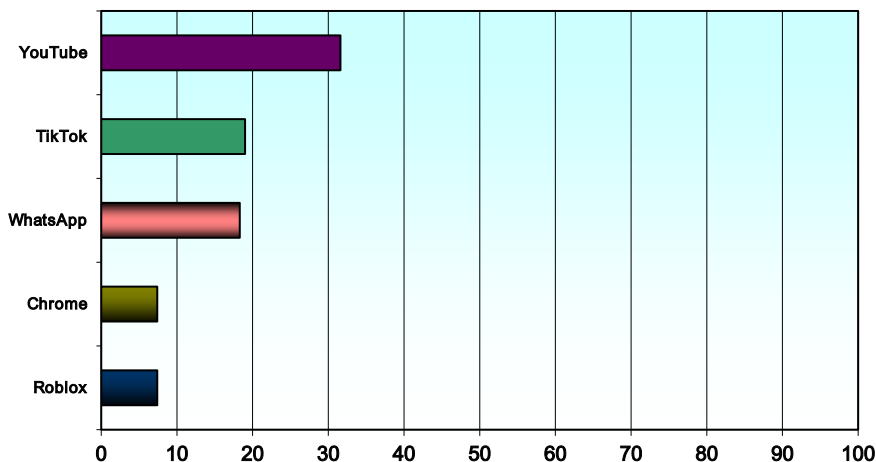

Рис. 3. Наиболее востребованные интернет-приложения среди детей в 2022 г.
Figure 3. The most popular Internet applications among children in 2022

Несмотря на всю важность обозначенной проблемы, авторы берут на себя смелость сделать некоторую ремарку. По нашему мнению, с возникновением первых технологий человечество уже стало зависимым от них. Речь идет не только о современном мире, где наверняка каждый не представляет свою жизнь без смартфона с возможностью выхода в сеть «Интернет», но и о более ранних периодах существования человека. Например, это касается стационарных телефонных аппаратов в советском государстве, благодаря которым возможно было обеспечить обмен информацией. Обращаясь к XIX в., можно сказать, что некоторая доля зависимости от технологий обосновывается созданием первого в мире телеграфа – в 1816 г. На основании этого можно обоснованно полагать, что в будущем не произойдет каких-то сдвигов в снижении уровня зависимости человека от технологий. Наоборот, таковая будет только увеличиваться. Возможно, это есть плата человечества за научно-технологический прогресс.

Стоит учитывать, что зависимость можно подразделить на две группы: положительная и отрицательная. Все примеры положительной зависимости сводятся к известному постулату, который заключается в том, что технологии интегрируются в жизнь человека для помощи последнему в выполнении каких-либо задач (коммуникация, получение знаний, ликвидация рутинной работы и др.). Отрицательная зависимость предполагает наступление неблагоприятных последствий от «вредных» технологий (онлайн-казино, многопользовательские онлайн-игры, пропагандирующие терроризм и употребление наркотических средств, и др.).

В современных условиях политика большей части государств, включая Россию, в целях достижения технологического суверенитета направлена на развитие собственных цифровых технологий. Таким образом, необходимо вырабатывать положительную зависимость от разнообразных инновационных технологий, к которым следует отнести и метавселенную. В связи с этим видится верным перейти к вопросу об использовании государством технологии метавселенной в контексте цифрового гражданства.

Цифровое гражданство в метавселенной

Начиная с 2023 г., в доктрине все чаще встречаются исследования, где прямо или косвенно затрагивается вопрос о возможности существования цифрового гражданства в рамках метавселенной. Так, к примеру, И.А. Филипова указывает, что с течением развития технологии метавселенной можно будет увидеть полноценную реализацию концепции цифрового гражданства через механизм осуществления политических и иных субъективных прав. По ее мнению, определенная роль в этом направлении будет отведена таким сервисам как, например, «Госуслуги» (Filipova, 2023). Е.В. Холодная пишет, что при интеграции технологии метавселенной в совершенствование механизмов публичного управления вполне логичным станет появление цифрового паспорта (Holodnaya, 2024). Вместе с тем безусловного внимания заслуживает статья турецкого ученого С.З. Сахина, где он попытался изложить собственные идеи развития цифрового гражданства через призму технологии метавселенной (Şahin, 2023).

В целом ученые позитивно оценивают возможность существования цифрового гражданства в метавселенной. Однако возникает вполне логичный вопрос о том, как сегодня реализуется этот процесс на практике? Есть ли какие-то успешные модели воплощения идеи цифрового гражданства в метавселенной?

После нашумевшего обращения М. Цукерберга в 2022 г. в сети появилась информация, что Доминиканская Республика намерена в сотрудничестве с криптобиржей Nuobi запустить собственный проект приобретения цифрового гражданства¹⁵. Стоит сказать, что Доминиканская Республика относится к той категории стран, где получение гражданства возможно инвестиционным путем. Иными словами, гражданство можно купить. Пользуясь широким ажиотажем к направлению метавселенной, власти страны решили выпустить свой цифровой токен на криптобирже Nuobi. Приобретение токена осуществляется через прохождение идентификации в системе Dominica DID на блокчейне Tron. Индивидуально-существующий токен позволяет оформить цифровое гражданство через метавселенную Dominica Metaverse¹⁶.

Учитывая наличие отдельного интернет-сайта проекта Dominica Metaverse¹⁷, существенных подвижек в его развитии на настоящий момент не наблюдается. Конечно, можно допустить мысль о сверхвысокой секретности проекта, однако это

¹⁵ Nuobi объявила о планах выпуска первого в мире национального токена. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/crypto/news/6385ce499a79471382134573?from=copy> (дата обращения: 06.06.2024).

¹⁶ Dominica DID is Now Open for Application on HTX. Режим доступа: <https://www.htx.com/support/24926111246715> (дата обращения: 06.06.2024).

¹⁷ Dominica Metaverse. Режим доступа: <https://dmclabs.com/> (дата обращения: 06.06.2024).

вряд ли оправданно с экономической точки зрения. В случае успешности проводимых мероприятий информация об этом волей-неволей просочилась бы в сеть Интернет. Представляется, что приведенный кейс Доминиканской Республики является ничем иным как провалившимся планом по привлечению денежных потоков в страну. Хочется верить, что с возрастающим сегодня вниманием государств к направлению метавселенных проект получит новое воплощение.

Опыт Доминиканской Республики не дает достаточных оснований говорить, что цифровое гражданство в метавселенной является мифом. Подтверждение этого обстоятельства мы можем наблюдать при обращении к национальной метавселенной Южной Кореи – Metaverse Seoul. Стоит учитывать, что Metaverse Seoul является объектом исследования в самых разных вариациях не только со стороны самих южнокорейских ученых (Kim & Kim, 2023), но ученых других стран (de Almeida, 2023).

С 2021 г. ведется работа над реализацией проекта Metaverse Seoul. Отмечается, что пользователи платформы смогут взаимодействовать не только между собой, но и с государством (получать государственные услуги, платить налоги и др.)¹⁸. В целом отмечается, что бурное развитие направление метавселенных в Южной Корее отразится на государственном бюджете. Так, к 2030 г. общие расходы на индустрию метавселенных составят 43 362,1 млн долларов. Вместе с тем говорится, что в прогнозируемый период (с 2023 по 2030 гг.) отрасль метавселенных будет стабильно расти, достигнув среднегодовых темпов роста в 34,2 %¹⁹. За последние два года статистические данные отражают рост пользовательского интереса к индустрии метавселенных в Южной Корее. Так, игровыми механиками метавселенных в 2022 г. (по состоянию на июль) было увлечено 57% респондентов²⁰, а в 2023 г. (по состоянию на январь) уже 78 %²¹.

Весьма интересной является статистическая информация от компании Start.io о возрастном критерии пользователей Metaverse Seoul по состоянию на март 2023 г. при суммарном объеме в 235 013 человек²² (рис. 4).

¹⁸ Metaverse Seoul – правительство Южной Кореи запустило долгожданную метавселенную с «госуслугами» и офисами брендов. Режим доступа: <https://rb.ru/longread/metaverse-seoul/> (дата обращения: 06.06.2024).

¹⁹ South Korea Metaverse Market Intelligence Report 2023: Market is Expected to Grow by 43% to Reach \$5,543 Million in 2023 – Forecasts to 2030. Режим доступа: <https://www.globenewswire.com/news-release/2023/05/05/2662313/0/en/South-Korea-Metaverse-Market-Intelligence-Report-2023-Market-is-Expected-to-Grow-by-43-to-Reach-5-543-Million-in-2023-Forecasts-to-2030.html> (дата обращения: 06.06.2024).

²⁰ Preferred metaverse services used in South Korea as of July 2022. Режим доступа: <https://www.statista.com/statistics/1383564/south-korea-preferred-metaverse-services/> (дата обращения: 06.06.2024).

²¹ Leading purposes of using metaverse services in South Korea as of January 2023. Режим доступа: <https://www.statista.com/statistics/1383578/south-korea-main-metaverse-use-purpose/> (дата обращения: 06.06.2024).

²² Metaverse Users in Seoul. Режим доступа: <https://www.start.io/audience/metaverse-users-in-seoul> (дата обращения: 06.06.2024).

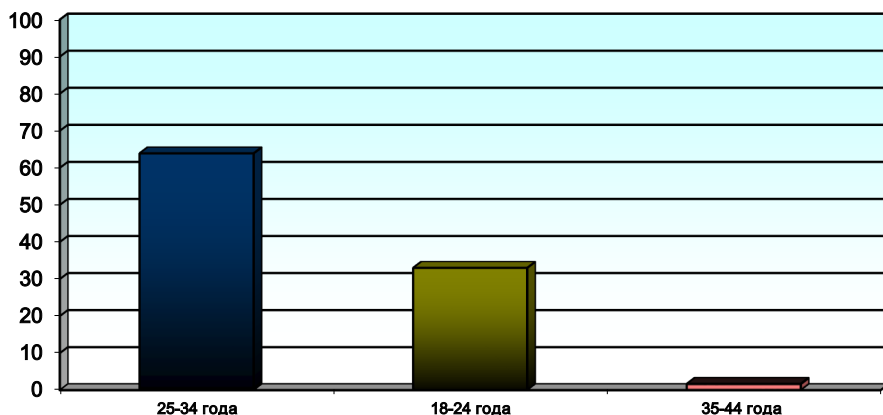

Рис. 4. Возраст пользователей платформы Metaverse Seoul
Figure 4. Age of Metaverse Seoul platform users

Округляя всю аудиторию Metaverse Seoul, можно предположить, что средний возраст пользователей оценивается примерно в 22–26 лет. Именно для этой категории людей технологий Metaverse Seoul является наиболее востребованной. Пока неизвестно, имеется ли у пользователей возможность осуществлять свои политические права в Metaverse Seoul, однако однозначно можно говорить, что Metaverse Seoul является платформой получения государственной услуги внутри виртуального пространства. Кроме этого, часто встречаются заголовки относительно интеграции Metaverse Seoul в систему образовательного процесса²³. Следовательно, идея воплощения цифрового гражданства через технологию метавселенной в Южной Корее имеет место быть на практике.

Отдельного внимания заслуживает перспектива развития сектора метавселенных в Китайской Народной Республике (далее КНР, Китай). Не так давно в КНР была принята собственная стратегия развития направления метавселенных²⁴. Согласно этому документу на период до 2025 г. в КНР должно быть создано около 5 промышленных кластеров, деятельность которых будет сосредоточена на создании собственных метавселенных. Стоит заметить, что китайские корпорации начиная с 2020 г. (раньше, чем обращение М. Цукерберга) стали разрабатывать национальные метавселенные. Это наглядно прослеживается в деятельности компании Baidu, являющейся создателем платформы Xi Rang. Вместе с тем в коалицию передовых китайских компаний, которые фокусируются на направлении метавселенных, входят, в частности, Huawei, Tencent и NetEase.

Серьезность намерений КНР в разработке собственных платформ метавселенных обуславливается особенностями соблюдения в стране требований национальной безопасности. Создание национальных метавселенных позволит КНР сохранить статус страны, обладающей свойством цифровой суверенности. Об этом говорится,

²³ Seoul launches metaverse-based science education program for 2,100 students. Режим доступа: <https://www.metaverselearning.space/seoul-launches-metaverse-based-science-education-program-for-2100-students/> (дата обращения: 06.06.2024).

²⁴ China wants metaverse firms with «global influence» and plans for up to 5 industrial clusters by 2025. Режим доступа: <https://amp-scmp-com.cdn.ampproject.org/c/s/amp.scmp.com/tech/policy/article/3233933/china-wants-metaverse-firms-global-influence-and-plans-five-industrial-clusters-2025> (дата обращения: 06.06.2024).

в частности, в отчете китайской академии современных международных отношений²⁵. Вместе с тем стоит заметить, что представители научной общественности оценивают интеграцию технологии метавселенной в жизнь китайского общества в целом позитивно. Так, Ш. Шень, проанализировав вопрос о метавселенной в русле китайской традиционной культуры, приходит к выводу, что внедрение этой технологии позволит ощутить новую энергию традиций Китая (Shen, 2023). Ряд китайских авторов отмечают, что технологию метавселенной можно использовать в рамках образовательного процесса – например, для усвоения обучающимися знаний о жизни Конфуция и значения его учений для страны (Deng et al., 2023).

Несмотря на широкую огласку планов КНР по направлению метавселенных, ничего не говорится об области цифрового гражданства в метавселенной. При этом сама тематика цифрового гражданства и цифровой грамотности разрабатывается китайскими учеными на протяжении последних лет. К примеру, отмечается, что уровень цифровой грамотности китайских граждан влияет на их возможность участия в политической деятельности. Также авторы говорят, что цифровая грамотность на территории КНР распространена неравномерно: жители восточных провинций обладают более высоким уровнем цифровых компетенций, нежели граждане западных провинций (Li & Li, 2022). Особой популярностью у китайских исследователей пользуется тематика понимания детьми сути цифрового гражданства (Zhong & Zheng, 2023). Зачастую институт цифрового гражданства в Китае исследуется через отечественную платформу Weibo, являющейся наиболее популярной социальной сетью страны (Fu, 2022).

Нельзя не сказать, что в Китае успешно функционирует модель электронного правительства, позволяющая гражданам получать различные государственные услуги от правительственных структур. В данном случае стоит остановиться на портале www.Gov.cn, где у граждан есть возможность не только получить онлайн-услугу, но и напрямую обратиться, например, к премьер-министру. Тематика получения цифровых услуг от государства не остается без внимания китайских ученых, которые выделяют следующие восемь критериев качества их оказания: качество системы (самой платформы), надежность, безопасность, доступность, качество информации, возможности обслуживания, интерактивность и оперативность. Первые четыре критерия описывают эффективность государственного веб-сайта как канала предоставления государственных услуг. Вторые четыре показателя отражают эффективность содержания услуг, предоставляемых правительственным веб-сайтом, — насколько хорошо он достигает обещанных результатов и удовлетворяет потребности граждан (Li & Shang, 2020).

Трудно объяснить, почему в КНР пока не актуален вопрос о функционировании цифрового гражданства в метавселенной, поскольку, по мнению авторов настоящей работы, все основания говорить об этом есть. С высокой долей вероятности можно предполагать, что в ближайшем времени этот вопрос начнет исследоваться учеными, что привлечет внимание государственных органов.

В заключении данного раздела статьи хочется сказать о России. С одной стороны, мы видим, что модель электронного правительства функционирует достаточно успешно. Помимо указанного выше относительно данных о степени развитости сервиса государственных и муниципальных услуг стоит отметить, что значительным

²⁵ 元宇宙与国家安全 原创 美国研究所 中国现代国际关系研究院. Режим доступа: https://mp.weixin.qq.com/s/hlN7k-_4ZSftpyE2qNAGeA (дата обращения: 06.06.2024).

спросом у граждан/цифровых граждан пользуется инструмент электронного голосования, о чем говорят в том числе прошедшие выборы Президента РФ²⁶. С другой стороны, приходится констатировать, что пока государство не осмеливается делать какие-то значительные шаги в развитии собственных платформ метавселенных. Конечно же, в современных реалиях это вряд ли стоит рассматривать как первоочередную задачу политики страны, однако упускать из виду эту тему ни в коем случае нельзя.

Вместе с тем нельзя отрицать, что формирование правовой культуры молодого поколения является одним из приоритетов политики страны. Для достижения данной цели государством используются различные механизмы правового воспитания молодого человека. Президент России В.В. Путин отметил: «Государство должно взять на себя ответственность за хранение критически важной информации. Речь уже идет не о том, чтобы обеспечить кибербезопасность самого человека, но и его виртуального двойника – аватара внутри формирующихся метавселенных»²⁷. Также Президент подчеркнул: «Интернет проник уже во все сферы нашей жизни, и, по большому счету, он должен все же подчиняться даже не просто законам, формальным юридическим правилам, но и моральным законам общества, в котором мы живем. Иначе это общество будет разрушаться изнутри»²⁸.

Поправками 2020 г. расширены предметы исключительного ведения Российской Федерации, в частности, п. «м» ст. 71 Конституции РФ дополнен положением о необходимости обеспечения безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий, обороте цифровых данных. В Указе Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» названы нравственные ориентиры, которые необходимо сформировать у граждан России. Эти ориентиры должны найти отражение в массовом сознании граждан. В качестве одного из нравственных ориентиров в указе обозначена гражданственность. Гражданственность – это основанная на моральных ценностях, качественная зрелость прогрессивной личности.

Существует отдельный ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации»²⁹, в котором имеется норма, посвященная воспитанию гражданственности, патриотизма, преемственности традиций, уважения к отечественной истории, историческим, национальным и иным традициям народов Российской Федерации среди молодежи. Это обуславливается тем обстоятельством, что государство видит в молодом поколении будущее страны. Поэтому именно государство ответственно за формирование культуры молодежи. Здесь также стоит сказать, что если государство не будет этим заниматься, то этим вопросом могут заняться другие лица. В данном контексте можно привести цитату Ф.М. Достоевского из романа «Идиот»: «всё

²⁶ На электронном голосовании в Москве Путин набрал 89% голосов. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/17/03/2024/65f734079a79471358f4fe66> (дата обращения: 06.06.2024).

²⁷ В.В. Путин. Выступление на международной конференции по искусственному интеллекту и анализу данных Artificial Intelligence Journey 2021. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/rbcfreeneews/618ea97f9a794713ffa492fb> (дата обращения 06.06.2024).

²⁸ В. В. Путин. Выступление на встрече с участниками общероссийской акции взаимопомощи «Мы вместе». Режим доступа: <https://ria.ru/20210304/internet-1599920820.html?ysclid=lv14f21ke5456638384> (дата обращения: 06.06.2024).

²⁹ Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 04.01.2021, № 1 (часть I), ст. 28.

это молодежь, то есть именно такой возраст, в котором всего легче и беззащитнее можно подпасть под извращение идей».

В настоящий момент необходимо привлекать больше молодежи в развитие института цифрового гражданства. Если говорить более подробно, то молодое поколение должно быть заинтересовано в дальнейшем развитии страны через институт цифрового гражданства. Представляется, что один из вариантов решения поставленного вопроса видится в развитии собственного концепта метавселенных. Выше было показано, что аудиторией большей части существующих прототипов метавселенных является именно молодежь, которую привлекают, в первую очередь, игровые механики платформы. Следовательно, основой для цифрового гражданства в метавселенной должны стать игровые механики в единстве с порталом государственных и муниципальных услуг, который можно будет использовать в качестве идентификатора пользователя.

Безусловно, реализация этого проекта займет годы. Прежде всего, необходимо принять собственную стратегию развития метавселенных. Затем наладить работу между государством как общего координатора проекта с одной стороны и компаниями, занимающиеся непосредственной разработкой платформы, с другой. Кроме этого, бесспорным видится тестирование первых результатов в соответствии с ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации»³⁰, функционирование которого неплохо себя зарекомендовывало. После успешного завершения процесса тестирования можно будет говорить о полноценной интеграции метавселенной в жизнь цифровых граждан. В целом сегодня трудно определить комплекс всех действий, выполнение которых приведет к успешному результату. Несмотря на это, идея выглядит достаточно привлекательной и перспективной для государства. Это обуславливается, как минимум, несколькими причинами. Развитие собственных концептов метавселенной позволит: 1) сделать еще один шаг к достижению цифрового суверенитета, 2) сформировать новые инструменты социального взаимодействия в таких областях, как, например, образование, рынок труда и телемедицина, 3) добиться финансово-экономического развития страны, о чем более подробно следующая часть настоящего исследования.

Связь с финансовой грамотностью

Кому-то может показаться, что связь между финансами и метавселенной является надуманной. По нашему мнению, подобные мысли выглядят не совсем научно. Дело в том, что одна из функций всей науки предполагает ее направленность на будущее. Технология метавселенной постепенно получает свое воплощение, однако отсутствие полной научной картины об этом феномене является одним из блокираторов ее дальнейшей интеграции. Поэтому стоит согласиться с позицией с китайского ученого Ч. Сяхэн, который полагает, что для полноценного понимания технологии метавселенной необходимо увеличить число и качество научного материала по данной тематике. Это позволит выработать ясные закономерности развития названной технологии (Xiaheng, 2023). В этой связи правильным видится рассмотреть феномен метавселенной в качестве многогранного явления.

³⁰ Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 03.08.2020, № 31 (часть I), ст. 5017.

Внимание авторов привлекла сфера финансов, поскольку один из посылов создания метавселенной сводится к развитию экономических связей. Речь идет не только об обычных операциях, подобно купле-продаже виртуального имущества, но и о потреблении финансовых услуг. Так, А. Тури говорит о больших возможностях для банковской отрасли использования технологии метавселенной, в том числе за счет механизма децентрализованных финансов (Turi, 2023). Исходя из того обстоятельства, что метавселенная представляет собой новое цифровое пространство, единые закономерности функционирования которого еще не представлены ни в науке, ни в практике, то представляется верным начать развивать экономику метавселенной, прежде всего, через совершенствование компетенций, образующих финансовую грамотность. Хочется отметить, что данный вопрос исследуется некоторыми учеными. Р. Морей в своей работе выявляет несколько показателей вовлеченности пользователей в финансовую грамотность в контексте метавселенной (Moray, 2023). Ряд авторов уверенно говорят о наличии связи между финансами и технологией метавселенной. Для целей планомерной адаптации финансов в мир метавселенной необходимо принять конкретные меры для повышения финансовой грамотности, чтобы расширить доступ людей к новым финансовым активам, инструментам и услугам. В качестве возможного варианта предлагается использовать инструмент геймификации (Kumar et al., 2023). Пользователи метавселенных должны иметь базовые представления о финансовой грамотности, в том числе об основах безопасного пользования цифровыми финансовыми технологиями, что позволит обеспечить их финансовую безопасность при использовании метавселенных.

С учетом того, что государства уделяют большое внимание финансовой грамотности в целом, следует прогнозировать, что с развитием метавселенных отдельно должны быть предусмотрены и мероприятия по развитию финансовой грамотности в метавселенных. Так, в Российской Федерации начиная с 2017 г. реализуется стратегия повышения финансовой грамотности, а в октябре 2023 г. была принята новая Стратегия повышения финансовой грамотности и формирования финансовой культуры до 2030 г.³¹, в которой одним из результатов реализации в сфере личных финансов закрепляется готовность к приобретению знаний о новых финансовых технологиях и финансовых инструментах. Таким образом, на уровне стратегий государства могут быть закреплены положения о развитии финансовой грамотности и финансовой культуры в том числе в цифровом пространстве.

Стоит сказать, что большинство высказываемых в зарубежной доктрине положений о развитии финансовой грамотности, за исключением идеи о геймификации, вряд ли применимы для российской действительности. Дело в том, что обычно при обращении к финансовой составляющей метавселенной говорят, прежде всего, о криптовалютах. Например, платформа The sandbox функционирует на основе криптовалюты Ethereum. Финансово-правовая особенность будущей метавселенной в России связывается с отсутствием законодательной определенности в части криптовалюты. Многим российским ученым известно, что, следуя букве закона –

³¹ Распоряжение Правительства РФ от 24.10.2023 № 2958-р «Об утверждении Стратегии повышения финансовой грамотности и формирования финансовой культуры до 2030 года» // Собрание законодательства РФ, 06.11.2023, № 45, ст. 8091.

а именно ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»³², криптовалюта не является легитимным средством платежа. В настоящее время в Государственной Думе РФ рассматривается законопроект, предусматривающий введение запрета на организацию обращения криптовалют в России, за исключением майнеров цифровых валют и тестовых проектов Центрального банка России³³.

В этой связи разумным будет предположение, что вероятность интеграции криптовалют в российскую метавселенную крайне низка. Для целей экономического развития правильным будет найти какой-то подходящий для России финансовый инструмент. В этой связи учеными выдвигается предположение, что таким инструментом может выступить цифровой рубль (Abramova, Kunicyna & Dyudikova, 2023), о чем один из авторов настоящего исследования указывал в одной из своих публикаций (Sitnikov, 2024b).

Выше говорилось, что действенным методом повышения уровня финансовой грамотности может послужить инструмент геймификации. По своей сущности геймификация представляет собой интеграцию многих игровых механик в неигровые процессы. Другими словами, с помощью игры познается какой-то конкретный объект (в нашем случае приобретаются необходимые финансовые компетенции). Стоит сказать, что за последние 10 лет тематика геймификации тщательно прорабатывается российскими и зарубежными учеными. Наибольшее внимание уделяется использованию геймификации в рамках образовательного процесса. Это явно говорит о том, что это геймификация способствует получению новых знаний.

Прежде чем осуществлять непосредственное внедрение геймификации в метавселенную для повышения уровня цифровой грамотности, необходимо определить первоочередную цель, выполнение которой позволит сформировать соответствующие финансовые компетенции. По нашему мнению, успешная аккумуляция знаний и их практическое использование возможно только при уяснении пользователем значимости и ценности самой категории финансов. Мы полагаем, что достижение поставленного результата будет выражаться в создании условий, при которых лицо сможет ощутить всю необходимость постоянного совершенствования собственных финансовых компетенций и формирования финансовой культуры. Если говорить несколько конкретнее, то было бы отлично смоделировать конкретную ситуацию или их совокупность, где за счет игровых механик и самостоятельных решений человека будет зависеть исходный результат. Полагаем правильным привести два примера таких кейсов:

1. «Метавселенческая монополия». Вряд ли кому-то незнакома известная настольная игра «монополия», которая, как мы считаем, развивает финансовые компетенции. Конечно же, выигрыш и успех в игре зависит от удачи в броске кубиков. Однако нельзя говорить, что только вследствие удачи игроки приходят к победе, поскольку ключевое внимание уделяется навыкам. Идея воплощения монополии в метавселенной выглядит достаточно привлекательной;

³² Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 03.08.2020, № 31 (часть I), ст. 5018.

³³ Законопроект № 237585-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части регулирования цифровой валюты)». Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/237585-8?ysclid=lvxzyz74b4651027312> (дата обращения 06.06.2024).

2. Развитие собственных бизнес-идей. В рамках метавселенной можно было дать возможность лицу придумать и осуществить в режиме игры личный стартап. Изначально пользователю будет представлена некая денежная сумма игрового характера, которая не имеет ценности для реального мира. На основе полученной суммы лицо с самого начала реализует какую-то сформулированную им идею бизнеса, запускает ее в тестовом режиме без потери реальных денег и, наконец, приобретает новые знания в области финансов.

3. Поскольку в последнее время много случаев мошенничества, включая мошенничество в Интернете, в том числе и в метавселенных, в рамках метавселенных можно было создавать специальные обучающие курсы, проводить мероприятия, которые будут разъяснять, как вести себя в тех или иных ситуациях, как распознать мошеннические действия других лиц, и куда следует обращаться в случае столкновения с такими ситуациями.

Отраженные идеи не претендуют на абсолютную истинность. Авторы данных строк хотели лишь отразить на некоторых примерах то, как можно использовать метавселенную при развитии уровня финансовой грамотности. Не исключено (а даже совсем наоборот), что в данном процессе широкое воплощения найдут технологии искусственного интеллекта. Вместе с тем следует сказать, что стать частью какого-то проекта повышения финансовой грамотности в метавселенной не должно расцениваться как «исключительно участие». Речь идет о том, что необходима система мотивационных мер, предполагающая получение каких-то наград за победу в соревновании по финансовой грамотности. Это позволит привлечь большое количество молодежи в проект. При этом награды могут носить совершенно разнообразный характер (от NFT-скина для аватара до путешествия по отдельным регионам страны или государственной поддержки стартапа). Все зависит от уровня и формата проводимого мероприятия.

Организационную основу развития финансовой грамотности цифровых российских граждан в метавселенной пошагово можно в перспективе изобразить следующим образом: 1) Пользователи через портал государственных и муниципальных услуг проходят свою идентификацию для доступа в метавселенную; 2) После этого в функционал портала можно внедрить услугу «повысить финансовую грамотность», которую пользователь активирует путем клика; 3) Затем выводится определенный список геймификационных мероприятий, в которых пользователь может принять участие; 4) Прежде чем приступить к конкретному заданию правильным будет включить обязанность пользователя по ознакомлению с правилами и условия прохождения игровой задачи.

Читатель заметит, что все вышеуказанное в рамках настоящего раздела работы имеет связь с таким явлением, как цифровая грамотность. В этой связи видится необходимым провести грань между цифровой грамотностью и финансовой грамотностью и указать на особую важность последней для данного исследования. Проанализировав значительную часть литературы, посвященной цифровой грамотности, можно сказать, что под таковой понимается комплекс знаний и умений человека использовать цифровые технологии с одновременным соблюдением двух критериев: достижение блага и безопасность технологии для пользователя. Налицо совпадение сущности двух обозначенных дефиниций. Однако в действительности цифровая и финансовая грамотность между собой не тождественны. Цифровая грамотность

включает в себя совокупность знаний и умений по ориентированию и использованию технологий во всех «цифровой сфере». Финансовая грамотность предполагает наличие компетенций человека относительно своей финансовой жизни. Поскольку в современных условиях финансовая грамотность перетекает в цифровую плоскость, то можно обоснованно предполагать, что финансовая грамотность в цифровой сфере является частным случаем проявления грамотности цифровой.

Важность финансовой грамотности в условиях метавселенных обуславливается реальной возможностью развития финансовой преступности. С каждым годом наблюдается совершенствование финансовых махинаций мошенников в цифровой среде, одной из причин которых служит низкий уровень финансовой грамотности жертв. Метавселенная постепенно становится глобальной информационной площадкой, которая имеется какого-либо регулирования. Выше было показано, что аудиторию существующих проектов метавселенных составляют дети и молодежь, которые в силу своей наивности могут стать жертвой финансовых преступников. Таким образом, политика государства должна идти одновременно по двум путям: использовать технологию метавселенной для повышения финансовой грамотности пользователей и обеспечить поэтапное регулирование сферы метавселенных.

Потенциал будущего правового регулирования

Современный мир переживает первый этап созревания концепта инновационной цифровой виртуальной цивилизации, главной составляющей которой является метавселенная. Выше было наглядно продемонстрировано сегодняшнее состояние заинтересованности в развитии этого направления. Хочется сказать, что сфера метавселенных уже сегодня широко затрагивает область правового регулирования, о чем имеется достаточно информации как в науке, так и в заголовках средств массовой информации. Приведем лишь пару примеров: совершение акта изнасилования в условиях метавселенной³⁴, проведение судебного заседания в метавселенной³⁵, обязательственные отношения³⁶ (наиболее широкая группа кейсов). Можно обоснованно говорить, что сегодня со стороны метавселенной формируется вызов, бросаемый в сторону правового регулирования, ответ на который необходимо скомпоновать с перспективой на будущее. Поскольку одна из функций науки сводится к предсказыванию, то мы рискуем кратко выдвинуть теорию о некоторых проблемах преобразования правовой регламентации, касающихся темы исследования.

Безусловно, в первую очередь есть необходимость определиться с юридическим пониманием метавселенной, трактовка которой предлагалась в первой части настоящего исследования. Весьма вероятно, что дефиниция метавселенной будет закреп-

³⁴ British police probe VIRTUAL rape in metaverse: Young girl's digital persona 'is sexually attacked by gang of adult men in immersive video game' – sparking first investigation of its kind and questions about extent current laws apply in online world. Режим доступа: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-12917329/Police-launch-investigation-kind-virtual-rape-metaverse.html> (дата обращения: 06.06.2024).

³⁵ A Court In Colombia Holds First Legal Proceeding In The Metaverse. Режим доступа: <https://heraldsheets.com/a-court-in-colombia-holds-first-legal-proceeding-in-the-metaverse/> (дата обращения: 06.06.2024).

³⁶ Компания TerraZero выдала первый ипотечный кредит в метавселенной. Режим доступа: <https://bits.media/kompaniya-metaverse-tech-terrazero-vydala-pervyy-ipotechnyy-kredit-v-virtualnom-mire/> (дата обращения: 06.06.2024).

лена в положениях информационного законодательства. Развитие института цифрового гражданства потребует внесения изменений в законодательство о гражданстве и законодательстве о государственных и муниципальных услугах: в данной случае необходимо ответить на вопросы, в частности, о том как соотносится между собой классическое определение о гражданстве и цифровом гражданстве, есть ли необходимо в законодательном закреплении последнего, каким документом будет подтверждаться статус цифрового гражданина, потенциальные особенности получения цифрового гражданства. Близко к этому стоит вопрос о цифровом профилировании, сборе, обработке и передаче данных о цифровых гражданах в условиях метавселенных. Кроме этого, необходимо уделить внимание правовой охране пользователей. Авторы не просто так говорят только об охране права, но не его защите, наличие которой презюмируется. Мы полагаем, что полноценная охрана прав возможна только через симбиоз деятельности государства с одной стороны и самих пользователей с другой.

В контексте тематики настоящей работы речь правильнее вести о правовой модификации, прежде всего в публично-правовом профиле. Это обуславливается предназначением публичного права, которое, как известно, предполагает защиту публичного (общественного) интереса. В этой связи, с большой долей вероятности, потребуются внесение изменений во многих федеральные законы, а также принятие национальных программ развития. Это касается, например, вопроса о финансовой грамотности. Государство через различные правовые механизмы организует и проводит/помогает непосредственно или опосредованно просветительские мероприятия, включая полноценную симуляцию ситуаций (говорилось в предыдущей части статьи), а цифровые граждане успешно усваивают и реализуют полученные знания. Эти и некоторые другие аспекты могут лечь в основу российской стратегии о развитии метавселенных, необходимость принятия которой с каждым днем возрастает.

Вместе с тем первоочередная задача в совершенствовании правовой базы для метавселенных заключается в принятии единого правового акта, направленного на будущее. Речь идет, конечно же, о стратегии развития сектора метавселенных. Именно этот акт должен стать первым шагом в создании/совершенствовании законодательства о метавселенных.

Заключение

Безусловно, все отраженное выше может быть воспринято в качестве сложных и чересчур увлеченных футурологией идей, которые вряд ли принесут ценность для науки в ближайшей перспективе. Вместе с тем с течением возрастающего влияния цифровых технологий на жизнь общества роль науки сводится к одной из ее функций – функции предсказания. История знает примеры, когда выдвигаемые теории приобретали практическую применимость только спустя некоторое время.

В рамках данного исследования ее авторы хотели показать, что между, казалось бы, не совсем связанными явлениями (цифровое гражданство, метавселенная и финансовая грамотность) имеются прослеживаемая связь. Посредством немалой работы авторы пришли к выводу, что вполне возможно представить картину, что в России будут функционировать собственные метавселенные, пользователи которой будут рассматриваться в качестве цифровых граждан. При этом в целях

повышения финансовой грамотности цифровых граждан для каждого из таковых необходимо предусмотреть равную возможность повышения участия в проектах, направленных на развитие финансовых компетенций. Реализация всех этих процессов требует модификации законодательства.

References / Список литературы

- Abramova, M.A., Kunicyna, N.N., & Dyudikova, E.I. (2023) Prospects for the incorporation of the digital ruble into Russia's monetary turnover: attributes and principles for developing a trusted digital environment. *Finance: Theory and Practice*. 27(4), 6–16. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2023-27-4-6-16> (in Russian).
Абрамова М.А., Куницына Н.Н., Дюдикова Е.И. Перспективы внедрения цифрового рубля в денежный оборот России: атрибуты и принципы формирования доверенной цифровой среды. *Финансы: теория и практика / Finance: Theory and Practice*. 2023. Т. 27. № 4. С. 6–16. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2023-27-4-6-16>
- Avakian, S.A., Avdeev D.A., Gladun, E.F. (2023) Citizen and government. *Tyumen` : Tyumen State University*. (in Russian).
Гражданин и власть : монография / С.А. Авакян, Д.А. Авдеев, Е.Ф. Гладун и [др.] ; под ред. Г.Н. Чеботарева ; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Тюменский государственный университет, Институт государства и права. Тюмень : ТюмГУ-Press, 2023. 172 с.
- Bokov, Y.A., & Abezin, D.A. (2020) Digital citizenship: Implementation in the modern world. *Lecture Notes in Networks and Systems*. Vol. 110. P. 442–448. https://doi.org/10.1007/978-3-030-45913-0_52. EDN PUFSCW.
- Brodovskaya, E.V. (2019) Digital citizen and digital citizenship. *Power*. (4), 65–69. <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i4.6587> (in Russian).
Бродовская Е.В. Цифровые граждане, цифровое гражданство и цифровая гражданственность // *Власть*. 2019. № 4. С. 65–69. <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i4.6587>
- Chen, M. (2023) The philosophy of the metaverse. *Ethics and Information Technology*. 25(3), 41. <https://doi.org/10.1007/s10676-023-09714-w>
- de Almeida, G.G.F. (2023) Cities and territorial brand in the metaverse: The Metaverse SEOUL Case. *Sustainability*. 15(13), 10116. <https://doi.org/10.3390/su151310116>
- Delgadillo, L.M. (2014). Financial clarity: Education, literacy, capability, counseling, planning, and coaching. *Family and Consumer Sciences Research Journal*. 43(1), 18–28. <https://doi.org/10.1111/fcsr.12078>
- Deng, M., Yang, K., Zuo, Z. & Zhai, H. (2024) A Study of a Confucius Culture Learning Environment Based on a 3D Metaverse. In: Li, S. (eds.). *Computational and Experimental Simulations in Engineering. ICCES 2023. Mechanisms and Machine Science*. Vol 145. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-031-42987-3_17
- Filipova, I.A. (2023) Creating the Metaverse: Consequences for Economy, Society, and Law. *Journal of Digital Technologies and Law*. 1(1), 7–32. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.1> (in Russian).
Филипова И.А. Создание метавселенной: последствия для экономики, социума и права // *Journal of Digital Technologies and Law*. 2023. Т. 1. № 1. С. 7–32. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.1>
- Fu, J. (2022) Online citizenship learning of Chinese young adults. *Education, Citizenship and Social Justice*. 17(2), 141–154.
- Gavrilova, Yu.A. & Bokov, Y.A. (2024) Legal issues of digital citizenship. *RUDN Journal of Law*. 28 (3), 546–564. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-3-546-564>
Гаврилова Ю.А., Боков Ю.А. Правовые проблемы цифрового гражданства // *RUDN Journal of Law*. 2024. Т. 28. № 3. С. 546–564. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-3-546-564>

- Holodnaya, E.V. (2024) On the legal concept of metaverses. *Lex russica*. 77(3), 116–128. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2024.208.3.116-128> (in Russian).
Холодная Е.В. О правовой концепции метавселенных // *Lex Russica (Русский закон)*. 2024. Т. 77. № 3. С. 116–128. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2024.208.3.116-128>
- Huston, S.J. (2010) Measuring financial literacy. *Journal of consumer affairs*. 44(2), 296–316. <https://doi.org/10.1111/j.1745-6606.2010.01170.x>
- Kim, E.J., & Kim, J.Y. (2023) Exploring the online news trends of the metaverse in South Korea: A Data-mining-driven semantic network analysis. *Sustainability*. 15(23), 16279. <https://doi.org/10.3390/su152316279>
- Kovaleva, N.N. (2022) Legal aspects of digital improvement of metauniverse. *Law.by*. 5(79), 81–84. (in Russian).
Ковалева Н.Н. Правовые аспекты цифрового совершенствования метавселенных // *Право.by*. 2022. № 5(79). С. 81–84.
- Kuzina, O.E. (2015) Finansovaya gramotnost' i finansovaya kompetentnost': opredelenie, metodiki izmereniya i rezul'taty analiza v Rossii. *Voprosy ekonomiki*. (8), 129–148. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2015-8-129-148>. (in Russian).
Кузина О.Е. Финансовая грамотность и финансовая компетентность: определение, методики измерения и результаты анализа в России // *Вопросы экономики*. 2015. № 8. С. 129–148. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2015-8-129-148>.
- Kumar, S., Sureka, R., Lucey, B. M., Dowling, M., Vigne, S., & Lim, W. M. (2023) MetaMoney: Exploring the intersection of financial systems and virtual worlds. *Research in International Business and Finance*. 102195. <https://doi.org/10.1016/j.ribaf.2023.102195>
- Kravec, I.A. (2023) Digital citizenship and constitutional challenges in information and algorithmic societies. *Comparative Constitutional Review*. (2), 93–123 <https://doi.org/10.21128/1812-7126-2023-2-93-123> (in Russian).
Кравец И.А. Цифровое гражданство и конституционные вызовы в информационном и алгоритмическом обществе // *Сравнительное конституционное обозрение*. 2023. № 2(153). С. 93–123. <https://doi.org/10.21128/1812-7126-2023-2-93-123>
- Li, Y., & Li, G. (2022) The Impacts of Digital Literacy on Citizen Civic Engagement- Evidence from China. *Digital Government: Research and Practice*. 3(4), 1–12. <https://doi.org/10.1145/3532785>
- Li, Y., & Shang, H. (2020) Service quality, perceived value, and citizens' continuous-use intention regarding e-government: Empirical evidence from China. *Information & Management*. 57(3), 103197. <https://doi.org/10.1016/j.im.2019.103197>
- Lusardi, A., & Mitchell, O.S. (2014) The economic importance of financial literacy: Theory and evidence. *American Economic Journal: Journal of Economic Literature*. 52(1), 5–44. <https://doi.org/10.1257/jel.52.1.5>
- Marshall, T.H., & Class, C. (1964) *Social Development*. NY, Doubleday.
- Moray, R. (2023) User Engagement in Financial Education on Metaverse. In *2023 International Conference on Advances in Computation, Communication and Information Technology (ICAICCIT)*. Faridabad, India, 2023, pp. 372–377 <https://doi.org/10.1109/ICAICCIT60255.2023.10466045>
- Mossberger, K., Tolbert, C.J., & McNeal, R.S. (2007) Digital citizenship: The Internet, society, and participation. *MIt Press*.
- Mossberger, K., Tolbert, C.J., & Hamilton, A. (2012) Broadband adoption| measuring digital citizenship: Mobile access and broadband. *International Journal of Communication*. (6), 2492–2528.
- Mossberger, K., Tolbert, C.J., & Anderson, C. (2017) The mobile Internet and digital citizenship in African-American and Latino communities. *Information, Communication & Society*. 20(10), 1587–1606. <https://doi.org/10.1080/1369118X.2016.1243142>
- Mossberger, K., & Tolbert, C. J. (2021) Digital citizenship and digital communities: How technology matters for individuals and communities. *International Journal of E-Planning Research (IJEPR)*. 10(3), 19–34. <https://doi.org/10.4018/IJEPR.20210701.oa2>

- Pangrazio, L., & Sefton-Green, J. (2021) Digital rights, digital citizenship and digital literacy: What's the difference?. *NAER: Journal of New Approaches in Educational Research*. 10(1), 15–27. <https://doi.org/10.7821/naer.2021.1.616>
- Ribble, M.S., Bailey, G.D., & Ross, T.W. (2004) Digital citizenship: Addressing appropriate technology behavior. *Learning & Leading with technology*. 32(1), 7–12.
- Ribble, M. (2015) *Digital citizenship in schools: Nine elements all students should know*. 3rd ed. Washington DC, International Society for Technology in Education.
- Ribble, M., & Park, M. (2022) *The digital citizenship handbook for school leaders: Fostering positive interactions online*. International Society for Technology in Education.
- Romashkina, G.F., & Huzyahmetov, R.R. (2020) The risks of internet addiction: structure and characteristics of perception. *Education and science*. 22(8), 108–134. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2020-8-108-134>. (in Russian).
- Ромашкина Г.Ф., Хузяхметов Р.Р. Риски интернет-зависимости: структура и особенности восприятия // Образование и наука. 2020. Т. 22. № 8. С. 108–134. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2020-8-108-134>
- Şahin, S.Z. (2023) Citizenship and Citizen Participation in Metaverse. In: *Metaverse: Technologies, Opportunities and Threats*. Singapore: Springer Nature Singapore. pp. 245–257.
- Saputra, M., & Al Siddiq, I.H. (2020) Social media and digital citizenship: The urgency of digital literacy in the middle of a disrupted society Era. *International Journal of Emerging Technologies in Learning (iJET)*. 15(7), 156–161. <https://doi.org/10.3991/ijet.v15i07.13239>
- Sharma, S., Kar, A.K., Gupta, M.P., Dwivedi, Y.K., & Janssen, M. (2022) Digital citizen empowerment: A systematic literature review of theories and development models. *Information Technology for Development*. 28(4), 660–687. <https://doi.org/10.1080/02681102.2022.2046533>
- Shelley, M., Thrane, L., Shulman, S., Lang, E., Beisser, S., Larson, T., & Mutiti, J. (2004) Digital citizenship: Parameters of the digital divide. *Social Science Computer Review*. 22(2), 256–269. <https://doi.org/10.1177/0894439303262580>
- Shen, S. (2023) Metaverse-driven new energy of Chinese traditional culture education: Edge computing method. *Evolutionary Intelligence*. 16(5), 1503–1511. <https://doi.org/10.1007/s12065-022-00757-4>
- Sitnikov, M.S. (2023) Law and the Metaverse: Selected issues in theory and practice. *Digital law*. 4(3), 1–21. <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2023-4-3-2>. (in Russian).
- Ситников М. С. Право и метавселенная: некоторые вопросы теории и практики // Цифровое право. Т. 4. № 1. С. 1–21. <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2023-4-3-2>
- Sitnikov, M.S. (2024a) Financial and Legal Development of Social Relations Using Digital Currencies in Metaverses. *Journal of Digital Technologies and Law*. 2(1), 200–220. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2024.11>. (in Russian).
- Ситников М. С. Финансово-правовое развитие общественных отношений с использованием цифровых валют в метавселенных // Journal of Digital Technologies and Law. 2024. Т. 2. № 1. С. 200–220. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2024.11>
- Sitnikov, M.S. (2024b) The Russian researches on Metaverses: a Scholar Review. *Legal Issues in the Digital Age*. 5(1) 98–121. <https://doi.org/10.17323/2713-2749.2024.1.98.121>
- Sklyar, M.A., & Mikheeva, S.A. (2019) Finansovaya gramotnost' v Rossii: rezul'taty issledovaniy poslednego desyatiletia. *Finansy i biznes*. 15(3), 23–40. <https://doi.org/10.31085/1814-4802-2019-15-3-23-40> (in Russian).
- Скляр М.А., Михеева С.А. Финансовая грамотность в России: результаты исследований последнего десятилетия // Финансы и бизнес. 2019. Т. 15. № 3. С. 23–40. <https://doi.org/10.31085/1814-4802-2019-15-3-23-40>.
- Turi, A.N. (2023) Metaverse – the immersive 3D virtual world's innovation diffusion in the financial sector. In: *Financial Technologies and DeFi. Financial Innovation and Technology*. Springer, Cham. pp. 3–28. https://doi.org/10.1007/978-3-031-17998-3_1

Xiaheng, Z. (2023) Comparative Analysis of Metaverse Research in China and Abroad. *In West Forum on Economy and Management*. 34(3), 86–96. Doi: 10.12181/jjgl.2023.03.08

Zhong, J., & Zheng, Y. (2023) “What It Means to be a Digital Citizen”: Using concept mapping and an educational game to explore children’s conceptualization of digital citizenship. *Heliyon*. 9(9), e19291. <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2023.e1929>

Сведения об авторах:

Боков Юрий Александрович – кандидат юридических наук, доцент, кафедра конституционного и муниципального права, Волгоградский государственный университет; 400062, Российская Федерация, г. Волгоград, просп. Университетский, д. 100

ORCID: 0000-0001-6357-9599, ResearcherID: ABA-8033-2020, SPIN- код: 7479-4298

e-mail: bokov@volsu.ru

Миронова Светлана Михайловна – доктор юридических наук, профессор, кафедра теории права и государственно-правовых дисциплин, Волгоградский институт управления, филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 400066, Российская Федерация, г. Волгоград, ул. им. Гагарина, д. 8

ORCID: 0000-0001-5288-2568, SPIN- код: 5770-7809

e-mail: mironova-sm@ranepa.ru

Ситников Максим Сергеевич – аспирант, кафедра конституционного и муниципального права, Волгоградский государственный университет; 400062, Российская Федерация, г. Волгоград, просп. Университетский, д. 100, ассистент, кафедра теории права и государственно-правовых дисциплин, Волгоградский институт управления, филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 400066, Российская Федерация, г. Волгоград, ул. им. Гагарина, д. 8

ORCID: 0000-0002-7769-0295, ResearcherID: JEZ-2565-2023, SPIN-код: 1858-3641

e-mail: sitnikov-ms@ranepa.ru

About the authors:

Yuri A. Bokov – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Department of Constitutional and Municipal Law, Volgograd State University; 100 Universitetsky Ave., Volgograd, 400062, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-6357-9599, ResearcherID: ABA-8033-2020, SPIN-code: 7479-4298

e-mail: bokov@volsu.ru

Svetlana M. Mironova – Doctor of Legal Sciences, Full Professor, Department of Theory of Law and State and Legal Disciplines, Volgograd Institute of Management, branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; 8 Gagarin str., Volgograd, 400066, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-5288-2568, SPIN-code: 5770-7809

e-mail: mironova-sm@ranepa.ru

Maxim S. Sitnikov – postgraduate student, Department of Constitutional and Municipal Law, Volgograd State University; 100 Universitetsky Ave., Volgograd, 400062, Russian Federation; assistant, Department of Theory of Law and State and Legal Disciplines, Volgograd Institute of Management, branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; 8 Gagarin str., Volgograd, 400066, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-7769-0295, ResearcherID: JEZ-2565-2023, SPIN-code: 1858-3641

e-mail: sitnikov-ms@ranepa.ru

РЕЦЕНЗИИ. НАУЧНЫЕ ФОРУМЫ

REVIEWS. SCIENTIFIC FORUMS

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-1-280-287>
EDN: SLMJFG

Информационная статья / Information Article

Сравнительно-правовые аспекты правоотношений гражданского оборота в современном мире: обзор Международного научного юридического форума памяти В.К. Пучинского, 18 октября 2024 г.

Е.П. Русакова^{1,2}, Е.Е. Фролова^{1,2}

¹Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация;

²Владивостокский государственный университет, г. Владивосток, Российская Федерация

 rusakova-ep@rudn.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
№ 23-28-00157, <https://rscf.ru/project/23-28-00157/>

Поступила в редакцию: 06 декабря 2024 г.

Принята к печати: 15 января 2025 г.

Для цитирования:

Русакова Е.П., Фролова Е.Е. Сравнительно-правовые аспекты правоотношений гражданского оборота в современном мире: обзор Международного научного юридического форума памяти В.К. Пучинского, 18 октября 2024 г. // RUDN Journal of Law. 2025. Т. 29. № 1. С. 280–287. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-1-280-287>

Comparative legal aspects of civil legal relations in the modern world: Review of the International Scientific Legal Forum in memory of V.K. Puchinsky, 18th October 2024

Ekaterina P. Rusakova^{1,2}, Evgenia E. Frolova^{1,2}

¹RUDN University, Moscow, Russian Federation

²Vladivostok State University, Vladivostok, Russian Federation

rusakova-ep@rudn.ru

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

Funding. The study was financed by the grant of the Russian Science Foundation No. 23-28-00157, <https://rscf.ru/project/23-28-00157/>

Received: 06th December 2024

Accepted: 15th January 2025

For citation:

Rusakova, E.P., Frolova, E.E. (2025) Comparative legal aspects of civil legal relations in the modern world: Review of the International Scientific Legal Forum in memory of V.K. Puchinsky, 18th October 2024. *RUDN Journal of Law*. 29 (1), 280–287. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-1-280-287>

18 октября 2024 г. в стенах Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы – по многолетней традиции – состоялся Международный научный юридический форум памяти Заслуженного деятеля науки РФ, профессора, выдающегося российского компаративиста, специалиста в области гражданского процессуального права России и зарубежных стран Василия Клементьевича Пучинского «Сравнительно-правовые аспекты правоотношений гражданского оборота в современном мире», организованный кафедрой гражданского права и процесса и международного частного права Юридического института РУДН. В работе форума приняли участие более 100 докладчиков, среди которых 28 зарубежных участников, 26 региональных участника, представляющие ведущие учебные заведения и научные организации Российской Федерации и зарубежных стран.

Участниками и организаторами форума стали известные ученые, представители ведущих научных школ страны и зарубежья: Кудрявцева Елена Васильевна (д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры гражданского процесса юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова); Борисова Елена Александровна (д-р юрид. наук, профессор кафедры гражданского процесса МГУ им. М.В. Ломоносова); Сеницын Сергей Андреевич (д-р юрид. наук, профессор РАН, заместитель директора Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ); Бегичев Александр Валерьевич (д-р юрид. наук, профессор кафедры адвокатуры и нотариата Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)); Кожокарь Игорь Петрович (д-р юрид. наук, ведущий научный сотрудник сектора философии и права, истории и теории государства и права Института государства и права РАН); Августина Ирина Дмитриевна (канд. юрид. наук, судья Верховного Суда Республики Дагестан в отставке, доцент кафедры арбитражного, гражданского и административного процесса Северо-Кавказского института (филиал) ФГБОУ «Всероссийский государственный университет

юстиции»); Долинская Владимира Владимировна (д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)), член Научно-консультативного совета при Верховном Суде РФ); Шидловский Андрей Викторович (канд. юрид. наук, доцент, декан юридического факультета Белорусского государственного университета); Мещанова Мария Валентиновна (д-р юрид. наук, заведующая кафедрой гражданского права Белорусского государственного университета); Петрук Галина Владимировна (к.п.н., директор департамента научно-исследовательской работы Владивостокского государственного университета); Егор Сергеевич Трезубов (канд. юрид. наук, доцент кафедры трудового, экологического права и гражданского процесса, зам. директора по юридическому институту Кемеровского государственного университета).

Научное мероприятие было открыто приветственными словами: доктором юридических наук, профессором, заведующей кафедрой гражданского права и процесса и международного частного права юридического института Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы *Евгенией Евгеньевной Фроловой* доктором юридических наук, профессором кафедры гражданского процесса Юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова *Еленой Васильевной Кудрявцевой*, в которых подчеркивалась важность ежегодного проведения данного мероприятия для всего научного сообщества, а также сохранение правовых традиций и преемственности научных взглядов учеников известного юриста, памяти которого посвящены проводимые ежегодные научные мероприятия, – профессора В.К. Пучинского.

Модераторами форума *Е.Е. Фроловой* и *Е.П. Русаковой* была отмечена важность и значение научных работ В.К. Пучинского, основные положения которых находят отражение в научных работах нынешнего поколения ученых-компаративистов.

На пленарном заседании были представлены доклады, с которыми выступили:

Заведующая кафедрой гражданского права и процесса и международного частного права, профессор *Е.Е. Фролова* посвятила свой доклад научным трудам ученых, работающих под эгидой научной школы «Компаративистика частного права и цивилистического процесса», включившей в себя многовекторные научные исследования в области гражданского права и цивилистического процесса, международного частного права, цифрового и банковского права¹.

Коллективом научной школы за предшествующие годы и в текущем году была представлена авторская систематизация и содержательное описание доминант трансформации способов разрешения споров под воздействием сквозных цифровых технологий, а также определена правовая природа «цифровых» споров в России и мире в условиях Четвертой промышленной революции; систематизирована государственная политика в регулировании общественных отношений, возникающих

¹ Эволюция или революция гражданского судопроизводства: цифровизация через призму искусственного интеллекта. НИР: грант № НШ-3270.2022.2. 2022–2023. Программа: Гранты Президента РФ для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации. Науч. рук. НИР проф. Е.Е. Фролова; Перспективы реформирования подхода к наделению физических лиц правовым статусом резидента РФ. НИР: грант № 20-111-50121. Российский фонд фундаментальных исследований. 2020. Науч. рук. НИР проф. Е.Е. Фролова; Национально-культурные и цифровые тренды социально-экономического и политико-правового развития Российской Федерации в XXI веке. НИР: грант № НШ-2668.2020.6. 2020–2021. Программа: Гранты Президента РФ для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации. Науч. рук. НИР проф. Е.Е. Фролова.

в новой цифровой реальности, необходимая для дальнейшего правового моделирования; разработана концепция разрешения цифровых споров под воздействием глобальной цифровизации, данная концепция позволит сохранить юрисдикцию Российской Федерации в разрешении цифровых споров и адекватно ответить на мировые вызовы²; предложена концепция развития финансовой системы России, направленная на устойчивое развитие экономики, с учетом возможности/целесообразности имплементации в национальную правовую доктрину положений концепции «зеленой экономики» – на базе проведенного сравнительно-правового исследования правового регулирования «зеленых финансов» в России и Европейском союзе³; сформулировано понятие финансовых споров, которым оперирует практика, доктрина и законодательство стран АТР, осуществлена их классификация, охарактеризованы финансовые системы, сложившиеся в отдельных странах, и осуществлен последовательный анализ порядка арбитражного и альтернативного разрешения таких споров, определены основные векторы защиты прав потребителей в этих государствах⁴.

Участниками научного коллектива гранта РНФ № 23-28-00157 «Трансформация способов разрешения цифровых споров и их проекция на юрисдикцию государства» под руководством д-ра юрид. наук, профессора, заведующей кафедрой гражданского права и процесса и международного частного права юридического института РУДН Е.Е. Фроловой были представлены научные итоги реализации фундаментального научного исследования. В частности, Е.П. Русакова, д-р юрид. наук, профессор кафедры гражданского права и процесса и международного частного права юридического института РУДН, в своем докладе «Тенденции развития цифрового правосудия в Китае: платформа «Фасинь» обратила внимание на положительный опыт интегрирования в судебное производство информационно-коммуникационных технологий, углубляя данный процесс в плоскость применения технологий искусственного интеллекта. Интегрирование совершенно новой платформы «Фасинь», основанной на технологиях искусственного интеллекта, задает качественно новый подход к процессу отправления правосудия не только в Китае, но и во всем мире. Новая судебная платформа должна облегчить работу судей, так как технологии искусственного интеллекта позволят быстро анализировать, сравнивать информацию из огромного массива электронных данных, выявлять ключевые моменты и делать упор на основные положения, чтобы повысить эффективность правосудия⁵. Кроме того, на основе анализа полученных данных участники процесса смогут определить перспективы рассмотрения дела на основе сложившейся судебной практики, поэтому будет решена еще одна важная задача – это обеспечение единообразия судебной практики. В эпоху применения сквозных цифровых технологий вопросы, связанные

² Трансформация способов разрешения цифровых споров и их проекция на юрисдикцию государства. НИР: грант № 23-28-00157. Российский научный фонд. 2023–2024. Науч. рук. НИР проф. Е.Е. Фролова.

³ Особенности правового регулирования «зеленых финансов» в России и странах Европейского Союза. НИР: грант № 20-011-00270. Российский фонд фундаментальных исследований. 2020–2022. Науч. рук. НИР проф. Е.Е. Фролова.

⁴ Порядок разрешения финансовых споров в странах АТР. Отчет о НИР № 17-03-00093. Российский гуманитарный научный фонд. 2017–2019. Науч. рук. НИР проф. Е.Е. Фролова.

⁵ Русакова, Е.П. Воздействие цифровизации на гражданское судопроизводство в России и за рубежом: опыт Китая, Индии, Сингапура, Европейского Союза, США, ЮАР и некоторых других стран : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Русакова Екатерина Петровна, 2022. 375 с. EDN ZGSFQW.

с разрешением споров, имеют колоссальное значение не только для тяжущихся сторон, но и для государства в целом. Появление совершенно новых «цифровых» споров предопределило появление специальных способов их разрешения, что дает возможность разрешать данные споры в соответствии с юрисдикцией этого государства. Архиважно для любого государства предложить сторонам механизмы разрешения «цифровых» споров, в противном случае может возникнуть ситуация, когда такие споры будут разрешаться в других странах, где созданы наиболее благоприятные условия и в соответствии с правом этого государства, что может привести к монополизации данной сферы. И.А. Гроник, канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданского права и процесса и международного частного права юридического института РУДН, в своем выступлении «Обзор научных мнений о модификации и разработке принципов о защите цифровых прав как в судебной, так и в несудебных формах» уделила внимание феномену цифровизации в контексте возникновения споров и научной разработке соответствующих принципов, на основе которых будет осуществляться защита цифровых прав как в судебной, так и несудебных формах. Пришла к выводу, что феномен цифровизации в контексте возникновения споров и научной разработке соответствующих принципов, на основе которых осуществляется защита цифровых прав как в судебной, так и в несудебных формах, заключается в том, что цифровые механизмы и информационные технологии стали неотъемлемой частью современного гражданского общества, без которого уже не представляется нормальное функционирование цифровой правовой среды цифрового государства.

А.М. Берман, старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса и международного частного права РУДН, и Н.А. Ершов, старший юрист коллегии адвокатов «Монастырский, Зюба, Степанов и партнеры», аспирант кафедры гражданского права и процесса и международного частного права РУДН, в своем докладе «Получение выплат по заблокированным из-за санкций активам в России: текущие возможности для российских инвесторов» подробно исследовали проблему, когда инвесторы потеряли возможность распоряжаться своими активами в связи с введенными санкциями Европейского союза. Выделив, что основным способом восстановления своих прав в отношении заблокированных активов (разблокировки) по-прежнему остается получение индивидуального разрешения (лицензии) от компетентного регулятора недружественной страны, но в связи с тем, что по различным причинам не все инвесторы могут успешно пройти через этот путь, российские власти, помимо возможности судебного оспаривания действий иностранных депозитариев в России, активно внедряют национальные механизмы получения инвесторами доступа к своим заблокированным активам, введенные незаконными экономическими мероприятиями запретительного характера (санкциями) против России, стали резонансным событием и оказали значительное влияние на общественную жизнь страны. При этом со стороны России была проделана колоссальная работа по минимизации негативных эффектов внешнего давления на экономику путем принятия своевременных и результативных мер противодействия.

В.В. Долинская, д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), член Научно-консультативного совета при Верховном Суде РФ, выступила с докладом «Политика ЕАЭС по защите прав потребителей в электронной торговле» и проанализировала Рекомендацию Коллегии Евразийской экономической комиссии от 11.05.2023 г. № 10 «Об общих подходах к защите прав

потребителей в электронной торговле» по таким вопросам, как понятийный аппарат, иерархия источников права, условия договоров с потребителями в электронной торговле, права потребителей, ответственность и разрешение споров. Сделав вывод о том, что общие выработанные подходы в целом направлены на повышение гарантий защиты прав граждан-потребителей и сближение законодательства государств-членов в этой сфере.

И.Д. Августина, канд. юрид. наук, судья Верховного Суда Республики Дагестан в отставке, доцент кафедры арбитражного, гражданского и административного процесса Северо-Кавказского института (филиала) ФГБОУ «Всероссийский государственный университет юстиции», в своем выступлении «Судебная защита субъективных публичных прав и законных интересов в бесспорном производстве» обратила внимание на то, что 15 сентября 2024 г. исполнилось 9 лет с момента введения в действие КАС РФ. Несмотря на противостояние взглядов отечественных процессуалистов на этапе его принятия относительно самостоятельности административной формы защиты права, КАС РФ работает, практика его применения широка и разнообразна, а соответствующая отрасль права активно изучается и совершенствуется. Предметом дискуссий является вопрос о наличии неискового производства по делам, входящим в предмет регулирования КАС РФ. Введение бесспорного производства в КАС РФ систематизирует административное судопроизводство, позволит глубже раскрыть потенциал этой процессуальной отрасли права и, безусловно, положительно повлияет на стабильность и предсказуемость судебной практики по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений.

А.В. Бегичев, д-р юрид. наук, профессор кафедры нотариата Московского государственного юридического Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), в своем докладе «Преимущества нотариального удостоверения договора дарения недвижимого имущества», рассмотрел законодательную инициативу, предусматривающую установить, что договор дарения недвижимого имущества подлежит нотариальному удостоверению, за исключением случаев, когда даритель и одаряемый являются супругами или состоят друг с другом в близком родстве, а также правовые риски, при совершении сделок с недвижимым имуществом в простой письменной форме, указывая, что большинство из них непрофессиональному участнику выявить довольно сложно. В целях минимизации таких рисков законопроектом вводится обязательная нотариальная форма для таких сделок. Поддерживая указанную инициативу, приводятся фактические и правовые аргументы, обосновывающие обязательное участие нотариуса в рискованных для граждан сделках.

Д.Д. Ландо, канд. юрид. наук, доцент, начальник юридического отдела ОДО «ЛЕКСПАТЕНТ» Республики Беларусь, посвятила свой доклад теме «Залог имущественных прав на объекты интеллектуальной собственности, охраняемые в Республике Беларусь», в котором особое внимание уделила проблемным вопросам применения норм о залоге имущественных прав на объекты интеллектуальной собственности в Республике Беларусь, а также поставила под сомнение достаточность государственной регистрации договора залога имущественных прав, удостоверяемых свидетельством на товарный знак. Е.С. Трезубов (канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры трудового, экологического права и гражданского процесса юридического института Кемеровского государственного университета) обратил внимание в своем докладе «Повышение государственных пошлин: маленький шаг для разгрузки судов, но гигантский прирост доходов для бюджет» на проблемы, связанные

с принятием Федерального закона № 259-ФЗ от 08.08.2024, которым введены новые основания для оплаты государственных пошлин в связи с обращением в суд и многократно увеличены размеры существовавших ранее пошлин, отмечая непродуманность данных изменений, которая не просто не учитывает экономические реалии, ограничивая доступ к суду, но и избыточность отдельных оснований для оплаты государственной пошлины; Купчина Е.В. (канд. юрид. наук, старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса и международного частного права РУДН) выступила с докладом «Разрешение споров в сфере интеллектуальной собственности в «метавселенной», в котором пришла к выводу, что «метавселенная», в конечном итоге, может стать подходящим местом для разрешения споров, в том числе в сфере интеллектуальной собственности. Осуществление защиты новых объектов интеллектуальной собственности, которые существуют только в онлайн пространстве, например NFT, представляется наиболее целесообразным в таком же формате. Поскольку международный арбитраж более адаптивен и легко воспринимает существующие тенденции цифровизации, наиболее верным является подход по активному продвижению данной технологии в рамках арбитража; Ху Найсинь, канд. юрид. наук, доцент Шаньдунского университета, Хуан Циньюй, д-р юрид. наук, профессор Шаньдунского университета, Ян Жуйхэ, д-р юрид. наук, профессор Шаньдунского университета, Ли Руюци, канд. юрид. наук, доцент Шаньдунского университета, подготовили совместный доклад, посвященный законодательным изменениям в сфере защиты авторских прав в КНР.

Международный юридический научный форум памяти В.К. Пучинского «Сравнительно-правовые аспекты правоотношений гражданского оборота в современном мире» завершился словами благодарности председателя оргкомитета Е.Е. Фроловой и секретаря оргкомитета Е.П. Русаковой всем участникам и персонально д-ру юрид. наук, профессору Кудрявцевой Елене Васильевне за ее многолетнее участие в мероприятии, а также приглашением принять участие 17 октября 2025 г. в традиционном Международном юридическом научном форуме памяти В.К. Пучинского «Сравнительно-правовые аспекты правоотношений гражданского оборота в современном мире».

Сведения об авторах:

Русакова Екатерина Петровна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса и международного частного права, Юридический институт, Российский университет дружбы народов (РУДН); 117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; главный научный сотрудник, Владивостокский государственный университет, 690014, Российская Федерация, ДФО, Приморский край, г. Владивосток, ул. Гоголя, д. 41

ORCID: 0000-0001-6488-0754; Scopus Author ID: 57192093101

e-mail: rusakova-ep@rudn.ru

Фролова Евгения Евгеньевна – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, заведующая кафедрой гражданского права и процесса и международного частного права, Юридический институт, Российский университет дружбы народов (РУДН); 117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; ведущий научный сотрудник, Владивостокский государственный университет, 690014, Российская Федерация, ДФО, Приморский край, г. Владивосток, ул. Гоголя, д. 41

ORCID: 0000-0002-1852-0085; Scopus Author ID: 56439998700

e-mail: frolova-ee@rudn.ru

About the authors:

Ekaterina P. Rusakova – Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Full Professor of the Department of Civil Law and Procedural Law and Private International Law, Law Institute, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation; Chief Researcher, Vladivostok State University; 41 Gogolya str., Vladivostok, Primorsky Territory, Far Eastern Federal District, 690014, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-6488-0754; Scopus Author ID: 57192093101

e-mail: rusakova-ep@rudn.ru

Evgenia E. Frolova – Doctor of Legal Sciences, Full Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Department of Civil Law and Procedural Law and Private International Law, Law Institute, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation; Leading Researcher, Vladivostok State University; 41 Gogolya str., Vladivostok, Primorsky Territory, Far Eastern Federal District, 690014, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-1852-0085; Scopus Author ID: 56439998700

e-mail: frolova-ee@rudn.ru